

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН

И.С. ЯЖБОРОВСКАЯ

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОПЫТ
ТРАНСФОРМАЦИИ
В СТРАНАХ
Центрально- и Юго-Восточной
Европы**

**Academia
Москва
2008**

УДК
ББК

Рецензенты:
доктор исторических наук *О.И. Величко*
доктор исторических наук *И.И. Орлик*

Яжборовская И.С.
Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. – М.: “Academia”, 2008. – 378 с.

ISBN 978-5-89697-145-0

Монография посвящена преобразованиям последних двух десятилетий в постсоциалистических странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. Трансформация основных сфер общественной жизни (экономической, политической и социальной) рассматривается как составная часть процесса глобализации, как поиск более эффективной модели развития. Раскрыта противоречивость этого процесса, его проблемы, позитивные и негативные стороны при реализации неолиберального пути становления рыночной экономики и диверсификации роли и функций государства.

Издание предназначено специалистам в области общественных наук, политикам и общественным деятелями, широкому кругу читателей. Издано в авторской редакции.

ISBN 978-5-89697-145-0

© Яжборовская И.С., 2008
© ИС РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Системная трансформация ЦВЮВЕ в условиях глобализации и волн всемирной демократизации	5
Общественные науки о системной трансформации в регионе	22

Глава 1

Вызревание системных перемен

Проблемы и противоречия «реального социализма»	44
Попытки реформирования общественного строя	56
Региональные контуры «исторического зигзага» и варианты выхода на путь коренных перемен	70
Смена парадигмы развития региона и ее осмысление учеными	89

Глава 2.

Системная трансформация экономики

Становление современного рынка	105
В поисках теоретических основ и моделей экономической трансформации	113
Неолиберальная трансформация. Вашингтонский консенсус, другие варианты неолиберализма и их критика	121
Преобразование отношений собственности: приватизация	143
Диверсификация роли государства. Новый институциональный порядок	162
Итоги экономической трансформации: успехи и проблемы	175

Глава 3.

Системная трансформация социальной сферы

Глобализация и ослабление социальных функций государства	186
Изменения в социальной структуре	192
Социальное положение. От безработицы к безработности	200
Смена общественного строя в глазах населения	213
Попытка выработки альтернативной стратегии в социальной сфере	220
Становление гражданского общества	227

Глава 4.

Системная трансформация политической сферы

Становление демократического правового государства и закладывание правовых основ политической системы	254
Демократизация партийно-политической системы	266
Трансформация избирательных систем	290
Установление института президентства и выборы президента	301
Динамика электоральной активности	313
Проблемы и противоречия политической трансформации	327

Послесловие	343
--------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Системная трансформация региона в условиях глобализации и волн всемирной демократизации

Директор Лондонской школы экономики и политических наук Э. Гидденс на рубеже нового века назвал одну из своих книг весьма впечатляюще, в духе времени: «Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь»¹. Вряд ли стоит спорить с тем, что в современную эпоху наиболее радикально, в который раз до неузнаваемости был преобразован регион Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы (ЦВЮВЕ). Непостоянство судеб его средних и малых стран-лимитрофов, многократно менявших место на геополитической карте Европы в ходе соперничества и противостояний мощных соседей, в периоды различных исторических катаклизмов выражалось в неустойчивости его наименований. Историческое название «Центрально-Восточная Европа» еще в средневековье распространялось на Польско-литовское государство и два королевства – Чехию и Венгрию. До 1918 г. эти страны и территории входили в состав европейских «империй трех черных орлов», а Балканы лишь недавно освободились от власти Оттоманской империи. Затем «Центрально-Восточной Европой» условно именовались страны «на запад от востока и на восток от запада» – между Германией и СССР, а также Венгрия, объединяемые общей политической историей, сходством экономических и социальных структур, а также цивилизационного уровня, близостью культурно-религиозных проблем.

К середине XX в. все страны ЦВЮВЕ прошли через горнило второй мировой войны. Ялтинский миропорядок вылился в утвердившееся на Западе идейно-политическое разделение Европы на Западную и Восточную. В «социалистическом лагере»/«социалистическом содружестве»/«советском блоке» последняя обозначалась термином «Центральная и Юго-Восточная Европа», хотя и не совсем корректным, поскольку он включал только восточную часть Центральной Европы и не захватывал

относящиеся к Юго-Восточной Европе Грецию и Турцию. Этому региону также были свойственны общность судеб и сходство моделей строительства общества и государства (с определенными нюансами), наличие сложных национальных проблем. Вместе с тем, вполне оправданным было устоявшееся подразделение этого региона на два субрегиона, отличающиеся по исторической специфике и уровню политического и социально-экономического развития (при наличии дополнительных внутренне- и внешнеполитических особенностей). Это предопределило как аналогии, так и своеобразие начавшихся на рубеже XXI в. системных перемен общественного устройства.

Когда ситуация поменялась и развернулись преобразования политической и социально-экономической системы, каждая из стран «Вышеградской четверки» стала подчеркивать свою принадлежность к Центральной Европе. Новое образование отнюдь не заменило это геополитическое понятие – оно обозначило подчеркивание несогласия с представлениями о принадлежности к Восточной Европе, которую стали ограничивать только Россией, Украиной и Белоруссией. Похожие настроения возобладали и в республиках бывшей Югославии, население которых не принимало отождествления ни с Восточной Европой, ни даже с Балканами, лишь частично и условно признавая культурную близость с Центральной Европой.

С усилением глобалистских интегративных тенденций, по мере вступления стран региона в Европейский Союз геополитические представления стали меняться. Обесценивались и демонтировались ранее сформировавшиеся системы координат во всех существенных сферах миропорядка – в международных и межцивилизационных отношениях, в области политических и экономических систем, доктрин и идеологических установок. Общественный порядок десятилетие за десятилетием коренным образом менялся в различных измерениях – в сфере экономики и политики, гражданского общества и культуры, – походя разрешая множественные противоречия и устанавливая новые закономерности развития геодивилзации. Исчезновение «социалистического содружества», как подчеркивает российский политолог С.А. Тангян, не только снимало определенные территориальные ограничения для глобализации, но и стимулировало ее

дальнейшее развитие при помощи значительных ресурсов, поскольку эта система обладала довольно развитой экономикой, системой социальной защиты населения, развитой системой образования, существенным политическим весом в мире, мощным военным потенциалом и т.д.²

Глубинные, системные преобразования разных сторон жизни стран ЦВЮВЕ, их характер, масштабы, темпы и методы, непосредственно увязывались с проблемой комбинации внутри- и внешнеполитических факторов и становились составной частью современного этапа глобализации. Для нынешнего, переходного периода оптимальным представляется географический, свободный от идеологических наслоений термин «Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа», учитывающий как традиции, так и необходимые поправки к критериям разных периодов истории.

Еще в конце 70-х гг. американский социолог и геополитик И. Валлерстайн предложил детальную типологию явлений экономической глобализации мира, которая фактически распространялась на более широкую сферу общественной жизни и диктовала общий подход к различным процессам и областям трансформации. Он сформулировал концепцию деления мира на государства трех уровней: ядра (центра) глобализационных процессов, полупериферии и периферии основного направления мировых перемен. Уровень цивилизационно-экономического развития государств увязывался им с успехом демократических преобразований. С этой точки зрения ЦВЮВЕ была отнесена им в основном к полупериферии глобализирующегося мира и лишь часть юго-восточного субрегиона причислена к странам периферии с менее благоприятными условиями для развития этого процесса³. Представления об их будущем в его концепции выводились из наличия вариантов, связанных с тем, что для ускорения глобализационного процесса международный капитал заинтересован в достижении в каждой стране компромисса между противоречивыми факторами экономического производства, политической стабильности и социальной безопасности. С прогрессированием глобализации перед капиталом открылась свобода выбора рынков и механизмов роста экономической рациональности, а также моделей развития. Будут ли они реализо-

ваться, когда и в каком темпе, зависит от многих факторов, условий и контекстов, от того, будет ли доминировать принцип конкуренции, экспансии и подчинения или принцип корпоративности, стремление к уменьшению дистанции в развитии и выравниванию шансов.

В первом случае преобладала бы тенденции монополизации рынков, массивного воздействия крупных корпораций на экономические процессы и увеличения их хаотичности, развития и экспансии за счет государственной казны и клиентов различных стран и народов. Во втором случае рациональность хозяйствования исходила бы из интересов национального государства, хотя бы декларативно учитывала интересы граждан (в том числе сферы бизнеса), обеспечивала бы стабильность экономики и общества, влияла бы на внешние отношения (в том числе связанные с процессами глобализации). В этом варианте принципы рациональности оценивались бы с позиций широко понимаемого и желательного для всех сторон равновесия. В третьем случае субъектом и критерием рациональности являлись бы потребности и надежды граждан, социальных слоев и групп, всего общества, человечества. В этом случае рациональность толковалась бы как учет широко понятых интересов населения, в том числе беднейших, исключенных глобализацией из производства слоев. Распределение общественных благ базировалось бы на включенности индивидуумов в процесс глобализации, его определенной гуманизации и достижении социального консенсуса. Этот вариант в большей степени учитывал бы масштаб как достижений, так и негативных последствий, а также уровень риска деятельности в условиях глобализации. Пропорции всех трех вариантов оказались величиной переменной, с преобладанием первого, определенной дозой второго и желательностью для общества расширения третьего.

Понимание сути преобразований предполагало осмысление широты проблематики глобализации, в результате чего друг на друга налагались и кумулировались системные трансформации, европейская интеграция и, наконец, масштабно представляемые, суммарные глобализационные процессы. Логика глобализации доказала свою многоплановость, продемонстрировала динамизм процессов как унификации, так и диверсификации, многообра-

зие форм как координации, так и комбинирования институтов и стратегий участников рынка. Открылось обширное поле для новых идейно-теоретических обобщений.

Анализ многообразных процессов послевоенного цивилизационного развития региона ЦВЮВЕ, со свойственными ему глубоко прочерченными стадияльно-формационными зигзагами (установлением автократического строя с приматом «реалсоциалистической» политической власти, а затем принципиально новым классом проблем постсоциалистической трансформации – происходящего впервые в мировой истории перехода от системы, основанной на огосударствлении экономической и политической жизни, к основам рыночной экономики и демократии) потребовал тщательного изучения воздействия глобального исторического фона. Научное понимание этих процессов было невозможно вне контекста этапов всемирной демократизации XIX-XX вв., без учета бурного оживления экономики, динамичного становления Общего рынка и складывания структур Европейского сообщества в качестве органических компонентов развернувшейся в 50-60-е гг. XX в. современной глобализации как естественноисторического процесса.

В ЦВЮВЕ многократные перемены были особенно показательны, ярко выражены, интенсивны и многообразны, вынуждая население каждый раз платить за них высокую социальную цену. Для этого региона особую привлекательность составляли открывавшиеся с середины прошлого века миру новые возможности, вытекавшие из использования шансов глобального рынка – с растущим спросом и все более увеличивающимися масштабами производства, с качественно изменявшимися действие рыночными механизмами, со стимулируемым стремлением основных субъектов рынка к оптимизации реализации своих интересов, которые становились достижимыми в новых условиях, с выводом из строя механизмов защиты от внешней конкуренции. Экономическая глобализация обозначила свое развитие процессом ликвидации пограничных барьеров для деятельности рынка, вследствие чего наступило прогрессирующее различными, но опережающими в условиях финансовой глобализации промышленное производство темпами ускорение интегрирования мировой экономики. Поэтому его изучение представило значитель-

ный интерес и привлекло различные общественно-политические силы Запада.

«Антиглобалисты» и «альтерглобалисты», выступающие за «демократическую» глобализацию в рамках «глобального движения за справедливость», относятся к различным – левым, левоцентристским и другим социальным и политическим ориентациям. В этом контексте, как свидетельствует английский критик неоллиберальной глобальной системы, сочетающий марксистскую мысль с современными социальными и политическими теориями А. Каллиникос, они осмысливают свои важнейшие ценности, в том числе требования социальной справедливости (понимая под ним свободу, равенство и солидарность), экономической эффективности, демократии, социальной и экологической приемлемости⁴.

Одни направления хотят видеть справедливость глобальной – с увеличением международной экономической взаимозависимости, с глобальным распределением природных ресурсов, с распространением действия нормативных принципов на глобальный уровень⁵, иные («эгалитарные либералы» – выдающийся англо-американский политический философ Дж. Ролз, англо-американский юрист и социальный философ Р. Дворкин и другие сторонники правового государства и поддержки дискриминируемых) мыслят ее лишь в национальных пределах. Принцип эффективности все больше привязывается ими не только к капиталистическому строю и к частной собственности, но и к содержанию, границам и эгалитарным принципам справедливости, к общественной собственности как современной альтернативе капитализму в его нынешней форме, которая способна наиболее широко удовлетворять потребности людей. При этом Дж. Ролз декларирует запрет на частное предпринимательство и отказ от «приоритета свободы» вместо конституционной защиты экономической и других свобод⁶.

Европейские радикальные левые на этом не останавливаются. Приватизация «общенародной», а на деле групповой собственности правящего класса в СССР и других странах «реального социализма» как вопрос, который якобы «был раз и навсегда решен кризисом и крахом государственной собственности, коллективизированной в бюрократической или сталинистской ма-

нере», не может, как считают публицисты и общественные деятели Ф. Шене, К. Серфати и Ш.-А. Удри, быть окончательным демократическим решением проблемы оптимизации форм собственности. Они полагают, что только общественная собственность позволит демократическими методами определять общие нужды, принимать решения о ресурсах, осуществляя «демократию участия». «Общественная собственность, – считают они, – это обман», если она не сочетается с по-настоящему коллективным и демократическим управлением и контролем. Демократия (в противовес экономической диктатуре) предполагает децентрализацию власти как средство обеспечения демократизации экономики и политической жизни, создание и совершенствование соответствующих институтов и баланса взаимоотношений между представительной и прямой демократией. Решение этих проблем актуально для всего мира и в особо высокой степени для требующей тщательной расчистки автократических традиций ЦВЮВЕ. Этот регион во все большей степени проявляет готовность не только принять и переварить то новое, что несет с собой глобализация, но и внести свой творческий вклад в ее масштабное прогрессивное развитие⁷.

Определенные возможности для оптимизации глобализации, для вывода общества из кризиса и даже установления более справедливого нового строя левые видят в осмыслении опыта предшествующего периода, конструктивных экономических функций социального государства, обеспечивающих улучшение положения населения, защиту его от негативных последствий системных перемен, облегчение бремени реформ для трудящихся, использование собственности в их интересах, преодоление социального неравенства.

Правда, на практике в этих концепциях нередко эклектически сочетаются черты левой и других, в том числе неолиберальной модели глобализации, когда одновременно действуют факторы внутреннего и внешнего социального, экономического и политического давления, сливаются выкладки и той, и другой концепции, поскольку тот или другой избирательный цикл периодически сменяется следующим, на смену одной стратегии или текущей политике приходит другая (или ее отдельные элементы), одни групповые интересы замещаются другими.

Систематизация современных антикапиталистических движений в ходе идеологически разнородных споров между ними зафиксировала существование нескольких их типов: *буржуазного*, сочетающего рыночный капитализм с восприимчивостью к критике со стороны гражданского общества; *локалистского*, обеспечивающего отношения между производителем и потребителем на принципах социальной справедливости и экономической самодостаточности; *реформаторского*, с возвратом к регуляциям довоенного времени и независимому национальному государству; *автономистского*, создающего альтернативу капитализму при помощи сетевого общества и его стратегических и этических ресурсов; а также *социалистического*, базирующегося на демократической плановой экономике как единственной альтернативе капитализму⁸. Эти варианты осмысливаются и обсуждаются как альтернативы неолиберальной глобализации в рамках переговорной, делиберативной координации действий против последней.

Что касается коренных, системных политических преобразований в странах ЦВЮВЕ, то вставшие на этот путь в общем потоке глобальной тенденции демократизации политических режимов, они оказались важной составляющей этого планетарного волнообразного движения.

Всемирный процесс демократизации и его откаты в течение XIX-начала XXI вв. принято вслед за американским социологом С.П. Хантингтоном описывать как характеризующиеся порядковыми числами волны: первая датируется 1828 – 1926 гг. (или по 1922 г., приход к власти Муссолини⁹), вторая – последними годами второй мировой войны и последующим периодом с достижением независимости колониями и переменами в Латинской Америке (1943-1962 гг.). Именно в ходе второй волны демократизации в ее недрах зародился принявший форму Европейского сообщества процесс современной глобализации, приведший к принципиальным переменам в производстве и обществе. Начальной цезурой третьей волны считалась середина 70-х гг. XX в. Хантингтон датировал ее «революцией гвоздик» в Португалии в 1974 г. и концом тоталитарных режимов в Греции¹⁰. Последующий анализ в результате более тщательных подсчетов показал, что эта волна явно разделяется на две – «умеренную» до конца

1989 г., во время которой число демократических стран в Южной Европе, Латинской Америке, Африке и Юго-Восточной Азии практически удвоилось (24 страны осуществили переход от авторитарных режимов к демократическим, а 12 – в обратном направлении)¹¹, и «взрывную», качественно отличную, практически четвертую, самостоятельную волну демократизации с 1990 – 1994 гг. бывших социалистических стран, в ходе которой на путь демократического развития вышли 34 страны, а вспять повернули только четыре¹². До наступления перемен в ЦВЮВЕ преобразования как правило касались или только политических систем, почти не затрагивая экономику, или же лишь экономических систем – при сохранении окостеневших, недемократических, нередко насильственных режимов.

Постепенно выявляя своеобразие и уточняя хронологические рамки четвертой волны демократизации, ученые и политики установили комплексный характер охватившего страны ЦВЮВЕ процесса системной трансформации, начатого на рубеже 1990 г. крушением в них прежних политических систем. Уясняя логику и закономерности трансформационных процессов на «постсоциалистических» территориях Европы, выявив их особую всеохватность и динамику, исследователи обнаружили существенную специфику, особую масштабность и глубину преобразований этого периода. Это привело к вполне понятному стремлению ограничить рамки третьей волны 70-80-ми годами XX в. и обособить самостоятельную четвертую волну – четко выраженное, рассматриваемое в контексте глобализации отдельное явление¹³. Специфика четвертой волны состоит прежде всего в том, что в регионе ЦВЮВЕ, как и на части постсоветских территорий, коренным изменениям подверглась и подвергается не только политическая сфера, где проходили сущностное преобразование политического строя, ломка и самоорганизация общества в процессе создания демократического правового государства с многопартийной политической системой, институтами гражданского общества и т.д. Ей присущи также глубинные процессы системной трансформации других сфер общественной жизни – социально-экономической, культурной и др.¹⁴ Односторонность перемен постепенно изживала себя.

Если в 1900 г. из 43 государств только шесть были демократическими, то в 1950 г. из 75 – 25, в 1980 г. – соответственно из 121 – 37, а в 1990 г. из 192 – уже 65. В 90-е гг. перечень и свойства волн демократизации были несколько детализированы и уточнены с учетом экономических и других процессов общественного развития видным польским экономистом Л. Бальцеровичем¹⁵.

Ход и рамки четвертой волны демократизации не всеми исследователями оцениваются однозначно. Так, именуя ее «волной бархатных революций», французский ученый В. Авиутский непоследователен в определении ее начала, практически игнорируя события регионального обвала авторитарно-тоталитарных режимов в ЦВЮВЕ в 1989 – 1990 гг. и относя завершение третьей волны к событиям 1991 г.: прежде всего к окончанию апартеида в ЮАР, а также к распаду СССР и Югославии. Обнаружив неравномерность процессов демократического обновления, этот автор считает возможным принять за начало четвертой волны парламентские выборы в Румынии (1996 г.), Болгарии (1997 г.) и Хорватии (2000 г.). Упомянутые страны входят в обойму трансформирующихся в ЦВЮВЕ, но отнюдь не являются авангардными в этом процессе¹⁶. Отсутствие аргументированных критериев явно упрощает и обедняет понимание масштабности процессов демократизации. Как таковое, оно не может быть принято за основу периодизации ее четвертой волны.

В период кризисов рубежа 80-90-х годов в странах «социалистического содружества» ни элементы либерализации, ни перестроечные попытки модернизовать и ускорить экономическое развитие не привели к существенному обновлению внутреннего устройства. Однако они стимулировали распад политаристских партийно-государственных структур – коллективной собственности правящего класса, поиски новых решений в духе восстановления рыночных отношений и демократизации политических режимов. В 2000 г. в странах с многопартийной политической системой жили уже более 60% населения земли. В начале XXI века большинство человечества населяет страны с открытой рыночной экономикой¹⁷.

В результате коренных социальных преобразований в постсоциалистических странах современная глобализация приобрела

раннее не виданную масштабность перемен, охвативших весь земной шар, все человечество. При этом она не была строго запланирована и организована каким-то диспозиционным центром. Глобализация отнюдь не является исключительно результатом каких-либо преднамеренных действий или решений государственных властей или надгосударственных организаций. Она есть результат прежде всего объективной, не скоординированной активности множества экономических, политических, идеологических и других субъектов различного масштаба. Ее процессы развертываются на многих уровнях, всеохватно и всесторонне, выводя человечество, хотя не без множества драматичных проблем, на новую, более высокую и благоприятную для него орбиту. Разумеется, международный капитал выгодные ему процессы стимулирует и направляет, используя в своих интересах.

Радикальные системные преобразования ЦВЮВЕ, начиная с рубежа 80-90-х гг., стали важной составляющей глобальных перемен. В этой книге нам предстоит обратиться специально к анализу региональных проблем – особой масштабности и сложности трансформаций в ЦВЮВЕ, их беспрецедентной комплексности и одновременно специфического несовпадения очередности и темпов, растянутости во времени и вариантов последовательности, а также в большинстве случаев необычно мирного их характера, кроме территорий с наличием латентных этнонациональных конфликтов (прежде всего югославянских, где «национальная карта» энергично использовалась во имя сохранения прежнего строя, для противодействия обновлению политического режима и введению рыночной экономики, которые уже на ранних стадиях оказались более сложными в нестабильной ситуации с «неудачной политикой международного содействия») и замедлившимися реформами¹⁸.

В центре предлагаемого читателю исследования – сметающаяся сталинистские конструкции общественного строя четвертая волна демократических трансформаций, которая рассматривается с упором на максимально продвинувшиеся по этому пути страны Центрально-Восточной Европы, но и с учетом преобразований в Юго-Восточной Европе, а также частично в раздвинутых геополитических рамках, включая республики СНГ. Окончание «холодной войны» имело многообразные геополитиче-

ские (со специфическими проблемами и трудностями в условиях распада СССР, Чехословакии и Югославии), политические, экономические и социальные последствия, в том числе в сфере определения направлений и методов прогрессивного развития при помощи реализации фундаментальной стратегии рыночных преобразований и демократизации, через расширяющееся взаимодействие различных составляющих мирового сообщества и интеграцию в мировую экономику. Парадигма регионального развития принципиально обновлялась в направлении глобализации, сдвигая страны региона в сторону центра Европы и превращая их в его динамичную часть.

Отвергнув «реальный социализм» и выходя на альтернативный путь рыночного и демократического развития, страны ЦВЮВЕ приступали к радикальным политическим и социально-экономическим преобразованиям. Структурная перестройка региона вскоре продемонстрировала истинные масштабы трансформации, которая обнаружила себя не как едва появившийся на свет «близнец» глобализации или региональный «вариант» реализации тех или иных отдельных элементов глобализационных преобразований. Она проявила себя как необходимая органическая составная часть всемирного процесса глобализации, что и ускорило этот процесс. Преобразования различных уровней оказались тесно взаимосвязаны: системная трансформация стран ЦВЮВЕ стала условием и способом включения региона через членство в Европейском Союзе в глобализационный процесс. Рубеж XX-XXI веков принес ЕС и региону бывшего «социалистического содружества» вместе с принципиальными экономическими и геостратегическими подвижками возможность методом интеграции вписаться в процесс глобализации, который, в свою очередь, закреплял результаты всеобъемлющей трансформации.

Прогнозирование будущего в рамках ЕС для Польши, Венгрии, Чехии, Эстонии и Словении было главным стимулом совместного успешного продвижения по пути системных трансформаций. Для Евросоюза и вообще для Запада это создавало весьма благоприятную перспективу дальнейшего развития, поскольку даже только эти страны – лидеры региона, как было просчитано, обеспечивают рынок, емкость которого сравнима с

российским рынком. Эта группа стран из-за ее существенного потенциала развития, относительно более высокого жизненного уровня, достаточно хорошей транспортной системы, телекоммуникации, правовой и финансовой инфраструктуры весьма привлекательна для западных клиентов и инвесторов. Совокупные человеческие ресурсы почти равны российским, а рынок обладает большой емкостью. Например, уже в 1993 г. западный экспорт в Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию превышал весь западный экспорт в Россию.

Вхождение в НАТО в 1999 г. Венгрии, Польши и Чехии, а в 2004 г. – Болгарии, Эстонии, Латвии, Литвы, Румынии, Словакии и Словении было очень важным стимулом для укрепления их стратегического положения, расширения перспектив дальнейших преобразований и социально-экономического развития. Для Запада же использование потенциала этих стран, расширение торговых связей с ними на базе урегулирования экономических, политических и иных проблем представлялось весьма значимой возможностью для преодоления трудностей последнего десятилетия и создания дальнейших перспектив развития¹⁹. С 1 мая 2004 г. Европейский союз расширился, включив в свой состав, среди прочих, страны Вышеградской Четверки и Словению, а также три прибалтийские государства. Болгария и Румыния были приняты в ЕС 1 января 2007 г.

В центре монографии – комплекс проблем политической и социально-экономической трансформации ЦВЮВЕ в условиях современной глобализации.

В условиях глобализации процесс трансформации общественного устройства вступивших в Евросоюз стран ЦВЮВЕ принимал новое качество, насыщаясь все более глубоким содержанием. Каждой из стран и регионом в целом одновременно решались задачи адаптации модели глобализационного развития ЕС, темпов и методов его реализации. В бывшей «реалсоциалистической» половине Европы настала эпоха глобализационной встряски и коренного трансформационного перелома политического и социально-экономического устройства. Для расчистки путей цивилизационного продвижения вперед на рубеже XX-XXI вв. было необходимо конституирование и оптимальное функционирование демократических политических институтов,

поскольку для использования преимуществ глобализации оказалось необходимо стимулировать скорейшее достижение уровня более совершенного политического и социально-экономического устройства, в том числе институциональной зрелости, а также умения разумно и четко управлять системной трансформацией. Глубочайшие преобразования одновременно перепахивали несколько пластов общественной жизни отдельных стран и всего региона.

Системная трансформация в сфере политики растянулась более чем на два десятилетия. Она проходит в условиях перестройки институтов власти, изменения ее конфигурации, с качественно иным соотношением элементов государства, с изменением существа и стратегии встраивания в глобализующийся мир его обновленной структуры, с резко сокращающимися внутренними и внешними функциями.

Процессы роста неуправляемости государства и экономики развивались в ЦВЮВЕ в общем контексте глобализации, но с определенными различиями: преобразующийся институт государства терял ряд основополагающих функций, свойств и характеристик, приобретая явные черты своеобразного «отмирания». Власть перестала быть доминированием определенного круга лиц (слоя, класса) над другими, превратилась в управление при помощи не политически навязанных критериев, а системы институтов и регулирующих правил, через многомерную сеть интересов, стимулов и санкций, часто простирающихся за пределы национальных границ и тяготеющих к внешним распорядительным центрам. С ослаблением института государства его политика становилась все менее эффективной. Обеспечивавшие его функционирование факторы выходили за сферу действия политических и административных механизмов. Решение проблем было передвинуто или в коммерческую сферу, где действует логика гражданского права, или в сферу компетенции отдельных властей, например самоуправления, а также целевых фондов и независимых структур.

Паралич, а затем приспособление к условиям рынка и демократии структур управления оказались чрезвычайно разрушительными, спад экономики при переходе от одной социально-экономической системы к другой – более глубоким, рецессия

переходного периода (спад производства) – значительно более долговременной. Она продолжалась в ряде государств на всем протяжении 90-х гг. и перешла в большую трансформационную депрессию. Последняя, в свою очередь, отбросила уровень ВВП всего европейского постсоциалистического региона по сравнению с 1989 г. примерно на 30%²⁰. Правительства любой ориентации оказались далеки от того, чтобы суметь выполнить предвыборные обещания и обязательства по обеспечению повышения уровня благосостояния.

Изначально имелось в виду отнюдь не возрождение капитализма времен первоначального накопления, а конструирование на постсоциалистической основе и в опоре на международный капитал рыночной экономики эпохи глобализации. Предполагалось делать это осознанно, формируя новую хозяйственную, социальную и политическую действительность сообразно уровню развития стран, при оптимальном выборе путей и способов ее проведения. Необходимо было сочетать экономические цели приватизации (восстановление прав собственности, достижение экономической эффективности путем роста производительности, достижения конкурентоспособности) с ее общественными целями, прежде всего прямым и косвенным доступом общества к приватизированному имуществу, с ускорением экономического роста и сбалансированным, справедливым распределением национального дохода²¹.

Активное включение российских экономистов Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых в идеологическое и политическое противоборство между агрессивным неолиберализмом и конструктивным синергетическим либерализмом (в странах ЦВЮВЕ – за утверждение гегемонии) на фоне прогрессирующей глобализации²² обусловило специальное рассмотрение в монографии проблематики социально-экономической трансформации в регионе и перспектив ее развития, тем более что накопление опыта грамотного проведения экономической политики помогало в дальнейшем уменьшать неизбежную, но чрезмерно высокую социальную цену такой трансформации. А это в свою очередь благоприятствовало достижению общественного консенсуса относительно цели, направлений, темпов и методов предполагаемого и проводимого на практике преобразования экономических систем. При

этом необходимо было учитывать наследие предшествующих десятилетий, утвердивших в генах населения стремление к социальной справедливости и общественной солидарности, а также ориентацию на помощь нуждающейся части общества, поскольку надежды широких слоев населения на лучшее будущее глубоко укоренились в общественном сознании и продолжают носить характер императива. Свою позитивную роль играла сохранявшаяся тяга к повышенной ответственности всего общества и государства за состояние национальной культуры и науки.

Новым явлением было то, что рабочий класс перестал быть политически активной и организованной антикапиталистической силой. В стране с наиболее активным протестным движением – Польше авангардные для всего региона массовые и длительные выступления объединившихся в «Солидарность» разнородных по идейно-политической ориентации миллионов трудящихся не привели к выходу из социального кризиса в направлении «социализма с человеческим лицом». Они избрали вслед за частью интеллигенции вектор неолиберальной системной трансформации.

Из-за чрезвычайной сложности реализовавшегося в регионе «двойного перехода» (практически взаимосвязанной политической и экономической системной трансформации) различные многообразные процессы оказались значительно более запутанными, многоэтапными и противоречивыми, с объединяющим знаменателем ориентации на экономическую и политическую модель ЕС.

В условиях неолиберальной глобализации ожидания быстро избавления от негативов прежнего строя оказались завышенными. Это не могло не отразиться на состоянии общественного сознания. В обществе, проходившем через несколько этапов трансформации во всех областях общественной жизни, обнаружили новые комплексы противоречий и весьма обременявших население тягот, в том числе неуклонно растущая дифференциация доходов. У значительной части населения произошло предельно резкое падение жизненного уровня, обнажились многочисленные проблемы со здоровьем, вызванные синдромом «напряженности переходного периода». Налицо был не только рост массовой безработицы, но и формирование повсеместной хрони-

ческой безработности, бездомности, детской беспризорности. Все это не могло не повлиять на рост негативных настроений.

Если вначале демократические механизмы стимулировали политическое развитие, то затем, пройдя через первый этап политического обновления – ломки авторитарно-тоталитарного строя, страны региона ввиду специфики процесса трансформирования, многосторонности преобразований и связанных с этим огромных трудностей вынуждены были затормозить это развитие. В условиях смены общественного строя, а также значительного увеличения материальных трудностей структура ценностей быстро и резко изменилась, потеряла значительную часть политической и идеологической нагрузки. Предпочтение было отдано ценностям экономическим, при девальвации и инструментализации политических, социальных и этических ценностей. Принципы демократии и задачи политического развития стали оцениваться сугубо прагматически, сквозь призму успешности или неуспешности экономической политики правительства, повышения уровня жизни. Это с неизбежностью меняло восприятие проблем политической трансформации, ставило их в прямую зависимость от результатов реформирования экономики. Выбор неолиберальных направлений и методов преобразований деформировал задачи и функции государства, создавая существенные трудности для поиска оптимальных путей политического и социально-экономического развития. До настоящего времени ни один из институтов политической власти – ни сам по себе, ни вместе с другими – не оказался в состоянии обеспечить равновесие всей социальной системы и адекватную распределительную политику, ограничить проявления стихийности. Дисбаланс между экономическими и политическими центрами власти все больше увеличивался.

Глобализация, постепенно стирая границы рынка, резко ограничивает суверенный характер территорий и ослабляет власть национальных государств. Капитал, финансы, транснациональные монополии все больше освобождаются от государственного контроля и регулирования. Ускоряется деполитизация общества. Структуры власти пытаются выстраивать новую иерархию, но наталкиваются на параллельный процесс децентрализации и спонтанный передел функций исполнительной власти.

Отсутствуют эффективные каналы артикуляции интересов и контроля за выполнением обязательств по линии «наднациональная власть – гражданин». Развитие затрудняется также инерционным использованием прежних, не адекватных новой действительности правил поведения, механизмов и процедур.

Глобальные перемены продиктовали рост спроса на оптимизацию процессов системной трансформации. Все более актуальным становилось их теоретическое осмысление.

Общественные науки и системная трансформация региона

Традиционно для исследования возможности и неизбежности смены одного социально-экономического строя другим применялась методология марксистской формационной теории. Однако специально занимавшиеся этой проблематикой К. Каутский («На другой день после пролетарской революции») и Н. Бухарин («Экономика переходного периода»), как и вся марксистская школа, были заняты лишь вопросом о переходе от капитализма к социализму. К концу XX в. накопился значительный материал для сравнительного изучения переходных периодов в регионах с различным общественным строем. В такие периоды возникали новые макро- и микроэкономические закономерности и тенденции, происходили социальные, политические и культурные изменения. Эти процессы, как это обычно случается в периоды перелома, шли отнюдь не безболезненно. Они сопровождались различными кризисами и конфликтами, глубина которых зависела от интенсивности потоков перемещения капитала, технологий и товаров в условиях распространения на весь мир правил функционирования рыночной экономики, от меры разрыва между процессами качественного обновления техники и технологий и заскорузлыми общественными отношениями прежнего типа в сфере хозяйствования и функционирования политических институтов, от кризиса международной финансовой системы, вызванного подрывом социального контроля за экономикой и ослаблением политической власти²³. Политологи, экономисты, социологи и другие представители обществен-

дения в рамках отдельных научных дисциплин и различных парадигм развития констатировали симптомы кризиса тех или иных фрагментов системы советского типа. Однако перспективы выхода из него виделись как неопределенные во времени и пространстве, до поры не поддаваясь теоретическим обобщениям.

Теория конвергенции прогнозировала сближение двух антагонистических систем, но на практике их эволюция и взаимовлияние отнюдь не имели под собой общей логики и направления развития, тенденции их взаимного уподобления друг другу. Определенные элементы той же концепции содержала и теория модернизации. В ее основе лежали представления о заимствовании, клишировании достижений в области техники, технологии и организации производства, за которыми должна была бы автоматически, линейно следовать прививка передовых структур и образцов индустриального и постиндустриального общества. Однако теории модернизации было свойственно отрицание подлинной роли в социальных преобразованиях политики как таковой, общественного сознания, деятельности личности или социальных групп. Перенос готовых политических, экономических и культурных образцов из стран западной цивилизации на деле оказался и невозможным, и нецелесообразным, чреватым негативными последствиями, мешающим поискам собственных, адекватных решений.

С начала 70-х гг. модернизационный подход стал меняться, с одной стороны включая или расширяя учет политических перемен, а с другой – отказываясь от одноплановости рассмотрения факторов и линейности логики. Наконец, в связи с непредсказуемостью реальных результатов процессов модернизации, при многообразии их аспектов и деталей, получила распространение парадигма правдоподобности ее развития.

В области преобразований традиционно выделялись два основных пути, с разной последовательностью реализации базовых решений: азиатский (периферийный) путь, при котором изменениями являются хозяйственные реформы со значительным отставанием реформ политических, и диаметрально отличающийся по содержанию процессов перемен европейский путь («ядра» цивилизованных стран), где первенство отдавалось политическим, а не экономическим преобразованиям. В иных,

преимущественно полупериферийных регионах мира (Южной Европе, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии), прошедших трансформацию на третьей волне демократизации, ввиду наличия более менее развитой рыночной экономики вышли вперед проблемы политической трансформации и очередные задачи ее прогрессирующего развития сводились к либерализации политической жизни.

В российской науке на старте преобразований в бывших «социалистических» странах существо перемен нередко определялось именно как модернизация, трактуемая прежде всего как обновление социально-экономического устройства. Между тем, они все более демонстрировали свой нелинейный и системный характер, захватывая и другие области жизни общества, проявляясь как значительно более масштабное и всеобъемлющее явление. Например, в хозяйственной сфере длительное кризисное развитие – вялость экономики и прогрессирующая примитивизация производства – однозначно влекли за собой отторжение инноваций, требующихся для реальной модернизации, но неприменимых, пока не начнется существенный экономический рост. В нынешней ситуации в России, как и в ряде других проходящих через системную трансформацию стран бывшего «социалистического содружества», даже обозначившийся и призванный обеспечить инновации высокий темп роста, как подчеркивает российский ученый Е. Балацкий, «не срабатывает просто потому, что база, от которой происходит этот рост, очень низкая»²⁴. Это специфическая черта модернизации всех стран региона, за исключением некоторых восточных земель ФРГ, то есть бывшей ГДР. Современные общественные науки постепенно освобождаются от теориеподобных ухищрений типа «запаздывающей», «догоняющей», «зависимой» и «рецидивирующей» модернизации, «модернизации вдогонку» и т.п.²⁵

Тщательный учет опыта ряда стран «третьего мира», его анализа западными авторами позволили российскому социологу Н.Ф. Наумовой шире подойти к процессу модернизации в этих странах и выделить основные условия его успеха. К таковым, позволяющим накапливать количественные предпосылки для обретения нового качества, она отнесла достаточность экономических и человеческих ресурсов; гражданское согласие элит;

быстрый рост численности среднего класса; осуществление государством социального контроля над обществом, предотвращающего острые социальные конфликты и вооруженные столкновения и, наконец, наличие общенациональной мобилизационной идеи²⁶. Соотнося этот опыт с ситуацией в России, автор смогла сделать ряд важных общезначимых обобщений.

Классик российской социологии В.А. Ядов распространил этот анализ на ситуацию в бывших республиках СССР и ЦВЮВЕ. Он пришел к выводу, что Россия пока «претерпевает социетальную трансформацию, но не модернизацию в принятом понимании термина»²⁷. Предлагаемые Н.Ф. Наумовой категории для диагностирования процессов трансформации в ЦВЕ начала 90-х гг. недостаточны. Накопление экономических и человеческих ресурсов, необходимых, по Наумовой, для обеспечения модернизации как позитивного развития, в том числе рост среднего класса, в этом субрегионе происходил медленно, хотя для обретения нового качества прогрессивного развития были необходимы решительные меры. Предлагаемый методологический подход оказался не полностью адекватным направлениям прогрессивного общественного развития ЦВЮВЕ, требующим системной, или, если угодно, социетарной трансформации.

Глобализационные теории, со своей стороны, будучи теориями «высшего уровня», ориентированы либо на унификацию всемирных социальных процессов и интеграцию мирового сообщества как единого целого, на универсализацию политических, экономических и культурных решений, либо на прогнозирование последствий глобализации как систематизации и роста взаимозависимости без потери своеобразия регионализма и локальности, суверенности национальных государств. Преобразования, через которые проходят бывшие «социалистические страны», в том числе системные трансформации, как правило, остаются вне поля обобщения этих теорий.

Теоретическое осмысление системных трансформаций предполагает учет их содержания и как части процессов глобализации, модернизации и линейной рационализации социальной жизни, и как специфического сочетания целого ряда различных факторов на сегодня единственного и неповторимого регионального исторического процесса, своеобразного поворота

ЦВЮВЕ к постиндустриальному обществу. Уровень исследования – обобщение в рамках отдельных отраслей знания и сведение воедино его результатов. Это позволяет ухватить последствия осуществляемых коренных перемен для социальной системы в целом и ее функционирования.

Понятийный аппарат политологии, как и всякой другой бурно развивающейся отрасли знания, находится в процессе становления и совершенствования, в частности энергично вовлекая в него наработки лингвистики и придавая своей терминологии более строгую корректность. Это особенно заметно в области описания и осмысления современного этапа системных трансформаций, постепенного упорядочения демократической политической системы, зарождения и упрочения институтов гражданского общества и т. д. Для рассмотрения процессов системной трансформации на разных континентах, регионах и в различных странах политические науки выделили особые отрасли (субдисциплины) знания – транзитологию (изучающую процессы перехода) и консолидалогию (в центре внимания которой находится выстраивание на этой основе новых структур и систем). В качестве своей методологической основы они приняли формирующиеся элементы теории трансформации²⁸, институциональной школы, школы теории групп и плюралистических моделей политики, школы принятия решений и др.

Вполне естественно, что предметом исследования транзитологии на Западе первоначально стала сфера развития политических отношений. Российская политическая наука вслед за западной политологией также сосредоточилась на проблематике политической трансформации. Изучение коренных преобразований в бывших странах «реального социализма» и СФРЮ затем включило и специфичную для региона проблематику современной комплексной трансформации – развертывание процессов широких системных перемен и в других областях жизни общества. У большинства исследователей с 90-х гг. объективная обусловленность и комплексность системных преобразований в странах ЦВЮВЕ не вызывает сомнений²⁹.

Трансформационный потенциал в экономических системах стран региона, диктуемый потребностью перехода от централь-

ного планирования к рынку и создания необходимых институциональных механизмов, формировался в условиях исчерпания объективных и субъективных возможностей частичных прорывных преобразований. Насущной необходимостью являлась такая системная экономическая трансформация, которая сочетала бы преодоление инфляции, застоя и рецессии со вступлением на путь сбалансированного, устойчивого и быстрого экономического роста.

Системные трансформации становились всесторонним «отрицанием отрицания»: после нескольких десятилетий попыток, отринув капиталистическое общественное устройство, волюнтаристски и форсированно конструировать на базе коллективной собственности правящей элиты политаристский строй, принявший жесткую форму «партии-государства», была сформулирована цель не только преобразовать автократическую политическую систему, но решить задачу оптимизации базиса с повторным превращением огосударственной собственности в варианты частной и групповой, заменить командно-административную систему управления экономикой рыночной системой. Системной трансформации экономики в условиях «постсоциалистической» периферии и периферии мирового развития потребовался специальный переходный период преобразований, неотъемлемой чертой которого был динамический дуализм – сосуществование рыночной и нерыночной систем, а также соответствующих им систем хозяйственного регулирования в сфере создания и распределения национального дохода, эволюционирующих в направлении развитой рыночной экономики.

В полупериферийной части региона демократическое изменение политической системы скачкообразно опередило утверждение рыночной системы в экономике, а в периферийной части Балкан наоборот – демократизация с эволюционной постепенностью следует за рыночными изменениями в экономике и в определенной степени является их результатом. Оказавшись перед задачей развести демократизацию политической системы и переход к рынку, а также соотносить их друг с другом таким образом, чтобы восстановить определенное равновесие между экономикой и политикой, политические науки признали недостаточность своего инструментария для ее однозначного решения.

Специфическое содержание очередной стадии трансформаций позволило выделить теоретическую субдисциплину консолидаологию, которая стала играть существенную роль в типологизации моделей трансформации и определении закономерностей ее этапов и фаз³⁰. Она придает особо важную роль элите в достижении взаимопонимания по поводу базовых институциональных порядков и демократических правил игры, необходимых для общей консолидации системы и ее стабилизации.

После смены строя и режима было необходимо стабилизировать демократические институты, обеспечить развитие демократической политической культуры, формирование базового политического консенсуса, закрепление демократической культуры полемики, правил функционирования демократии и рыночной конкуренции, эволюцию предпринимательской культуры – а это и есть составляющие общей консолидации системы как демократической, гарантирующие от возрождения прежней системы.

Одна из сложнейших проблем консолидации общественного устройства – определение политических критериев очередности трансформаций в политической и экономической областях: что раньше – демократия или рынок? Специалисты по политической трансформации, компаративисты, констатировали чрезвычайную сложность и глубокую внутреннюю противоречивость «двойного перехода», в котором экономические реформы нередко играют отрицательную роль в судьбе новых демократий, разрушают доверие населения к ним своими болезненными последствиями и стимулируют выступления масс против обновленной политической системы. Ряд крупных ученых пришли к выводу, что попытки реформировать экономику без изменения политической сферы не удаются, что ключ к переменам – политическая трансформация, без которой невозможно успешное развитие рыночной экономики. В свою очередь, продвижение экономической трансформации, если оно не осуществляется достаточно быстро, оказывается под ударом³¹.

Весьма глубокий и разносторонний подход к проблемам различных аспектов трансформаций обнаружил еще в 1993 г. известный американский социолог и политик З. Бжезинский, который прогнозировал протяженность взаимосвязанных про-

цессов системных трансформаций как весьма длительную: минимум 10 лет в Центрально-Восточной Европе и 15-20 лет в других постсоциалистических странах. Он выявил динамику взаимодействия политических и экономических преобразований на протяжении нескольких этапов. Так, по его мнению, вступительный этап ликвидации прежних политических режимов предполагает первоначальную стабилизацию экономики и будет длиться от года до пяти лет, подготавливая второй этап – создавая условия для достижения большей стабильности в политической области, институционального обеспечения функционирования демократии. На следующем этапе протяженностью от трех до десяти лет, по мнению Бжезинского, устанавливается новый правопорядок, включая принятие конституций. Формируется качественно иная парламентская система; в различные сферы общественной жизни внедряются демократические процедуры. Одновременно разворачивается широкая трансформация в области экономики: создается банковский сектор, осуществляется демонополизация, проходит малая и средняя приватизация на условиях обеспечения прав собственности. Только и именно на этой основе общество входит в третий этап, когда достигается политическая консолидация, начинают устойчиво функционировать политические демократические институты, а частная инициатива обеспечивает устойчивый экономический рост. Эта фаза, полагает Бжезинский, потребует 5-15 или более лет³². Предложенная З. Бжезинским схема оказалась более логичной и жизненной, чем попытки предложить очередность двух стратегий – или вначале сосредоточиться на проведении экономической реформы, отставив в стороне намерение укреплять демократию, или лишь после завершения таких мер заняться экономикой. Политическая трансформация бесспорно стартует первой, но она ни в коей мере не может развиваться вне преобразования других сфер общественной жизни. Ни один из процессов общественного развития не проходит в изоляции.

Масштабное, комплексное рассмотрение качественно новых процессов современной исторической эпохи предполагает совершенствование теоретико-методологического инструментария исследований. Российские ученые и специалисты ряда стран ЦВЮВЕ встали на путь обогащения междисциплинарного ана-

лиза различных сторон менявшейся на рубеже XXI в. действительности. Это предполагало использование инструментария общей интеграционной науки об обществе. К настоящему времени оформился целый комплекс наук, нашедших свой предмет исследования на стыке собственно политологического и иного обществоведческого знания. Он включает политическую социологию, политическую историю, политическую философию, политическую психологию и др., а также различные области экономического, культурологического и прочего гуманитарного знания. Не менее важно то, что исследование системных трансформаций общественного устройства использует новаторские общенаучные методы – синергетики, компаративистики, конфликтологии и др.

В России политическая наука вошла в эту сферу научного знания во второй половине 80-х годов в связи с бурными общественными процессами и оформившейся потребностью в научном объяснении обретающей новое качество общественной жизни в ходе трансформаций в ЦВЮВЕ. Эти процессы были ни линейными, ни одноплановыми, но комплексными, охватывавшими все сферы общественной жизни.

Для анализа этих процессов необходимо было не останавливаться на отречении от схематичного формационного подхода недавних десятилетий, сопровождавшего получившие распространение в общественных науках идеологические деформации, но продуманное привлечение теоретико-методологического стадияльно-формационного подхода, используемого в последние годы российскими обществоведами Ю.И. Семеновым, В.Б.Мейстером и др. специалистами в области философии истории, в той или иной мере затрагивающего в едином контексте кризисное развитие рубежа XX и XXI веков как России, так и бывшего «социалистического лагеря» в целом³³. Признавая плодотворность свойственного им новаторского нелинейного видения процессов исторического развития, охватившего его более широкие горизонты, остановим внимание на относительно небольшом его отрезке: на попытках осуществить слом прежних антагонистических отношений – «некоем отрицании капитализма» в рамках неополитарного общества. Для начала укажем в качестве эвристически важного момента на внимание группы

упомянутых ученых к концептуальной «точке роста» у ведущих теоретиков-марксистов прошлого, изучавших возможные перспективы посткапиталистического общественного развития, начиная с «забежавшей вперед» при отсутствии необходимых объективных предпосылок для социалистических преобразований и вставшей на путь «преждевременных», по Ф. Энгельсу, «коммунистических экспериментов» социальных низов³⁴ неополитарной системы. Эта концепция исходит из формирования уже не капиталистического, а принявшей внешнюю форму экономически развитого индустрополитарного общества с «государственной» коллективной частной собственностью в руках правящего слоя бюрократии³⁵. Напомним о незаслуженно забытой ленинской оценке царской России как страны, не достигшей уровня развития производительных сил, при котором возможен переход к социализму³⁶.

К настоящему времени стали очевидны последствия перехода от свободного предпринимательства к неополитарному обществу, получившему наименование «реального социализма». В этом обществе, как пишет, ссылаясь на работы Н.И. Бухарина, В.Б. Мейстер, орудия и средства производства оказались в руках государства, а управление ими совокупным коллективным собственником дало правящей элите, аппаратчикам, администраторам «такую же меру власти, как и владение собственным капиталом, частной собственностью»³⁷. Этот аппарат, подчеркивает Мейстер, «в силу необходимости должен был применять авторитарные методы руководства» и «в результате сложилась целая система привилегий партийно-государственного аппарата, а сама эта верхушка начала превращаться в класс политаристов», в результате чего «в новой форме возродилось классово-антагонистическое общество»³⁸.

Эвристика требует обоснования новаций в понятийном аппарате, что и было предпринято Ю.И. Семеновым. Основные положения его концепции таковы. В советском обществе и аналогичных обществах того же типа (в том числе в ЦВЮВЕ) трудящиеся оказались отчужденными от власти и собственности. Государственная собственность не была общенародной, принадлежа номенклатуре «партии-государства». Будучи коллективной частной собственностью, она принимала форму государ-

ственной, что и позволило Семенову посчитать оптимальным для ее определения термин «политарная» (от греческого слова «полития», то есть «государство»; термин же «этатистская» от аналогичного французского слова исторически уже получил иную смысловую нагрузку). Производным от «политии» стало определение данного способа производства как неополитарного для общества, которое именовалось «реалсоциалистическим». Представителей соответствующего класса стали именовать «политаристами». Они образовали «политосистему» – «не просто класс, а особую иерархическую организованную систему распределения прибавочного продукта», а глава этой системы, партийно-государственного аппарата, и верховный распорядитель общей частной собственностью и прибавочным продуктом получил титул «политарха»³⁹.

В Югославии аналогичный неополитарный строй вследствие иного геополитического положения страны сформировался как несколько более мягкий, будучи вынужден ослабить власть бюрократии, сделать уступки трудящимся и осуществить децентрализацию управления экономикой, а в известной степени и административными органами, в большей степени соблюдать законность и опираться на внешне более либеральную идеологическую доктрину – «титоизм»⁴⁰.

«Социалистический» неополитаризм модернизировал остальные общества в СССР, странах ЦВЮВЕ и др., хотя оказывал противоречивое воздействие на реальный социальный процесс, ведя социум по пути прогресса до определенного времени. Однако, как вполне обоснованно констатирует В.Б. Мейстер, «неополитаризм и его идеология не могут в длительной исторической перспективе способствовать прогрессу общества и обрекают его на стагнацию и крах»⁴¹.

Собственно, теоретические споры об экономической слабости социализма велись много десятилетий – как в начальный период в Советской России, так и на Западе⁴². В странах ЦВЮВЕ дискуссии по этому вопросу приняли активный характер в связи с проявившейся застойностью сверхцентрализованной экономической системы и поисками путей ее реформирования. Практика «реального социализма» внесла в спор существенные коррективы, из числа которых мы выделим некоторые из прояснивших

необходимость системной трансформации экономических отношений, в том числе форм собственности.

Как констатировал Л. Бальцерович, стремление форсировать децентрализацию планового хозяйства привело уже в 60 – 70-е гг. к формированию в Польше, Венгрии и в Югославии парадигмы реформирования экономики и, в частности, к попыткам отказа от замкнутой «коллективной собственности» номенклатуры и обращения вместо нее к аренде номинально государственных производственных основных фондов частными лицами и частной предпринимательской деятельности. Венгерский экономист Т. Лишка в 70-е годы именовал эту форму хозяйствования «социализмом предпринимателей»; аналогичная концепция была заложена в идею аренды советских государственных предприятий в СССР в конце 80-х гг. Однако в дальнейшем они не получили развития.

Анализ повседневного опыта стран «социалистического сотрудничества» и Югославии (где рабочие не были собственниками доли производства, а скрытый контроль партийно-государственной верхушки за производством на практике был неослабным) поставил в реалистическую плоскость проблему групповой, коллективной собственности номенклатуры, личных интересов аппарата власти, «функциональности» руководителей различного уровня с точки зрения центра и т.д. «Коллективная собственность» партийно-государственной номенклатуры, замещение ею руководящих должностей в банках и на предприятиях, явное или скрытое административное вмешательство в структуру производства и торговли, распоряжение средствами, в том числе перераспределение между предприятиями средств из государственного бюджета, повсеместный контроль за ценами и т.д. означали утверждение «не имеющей никакого аналога» системы «замкнутого», «монополистического в масштабах страны права собственности», удовлетворение «определенных групповых интересов». При попытках внедрения элементов рыночной модели экономики как более эффективной и ее продвижении все дальше от советской модели становилась очевидна бесперспективность административного вмешательства в сферу производства, инвестиций, ценообразования и торговли. Эти явления с неизбежностью вели к расширению частного сектора в экономике⁴³.

Неополитарное государство в последние десятилетия XX века все менее контролировало общество региона и перед лицом общенародного движения протеста 70-80-х гг. в Польше вынуждено было пойти на крайнюю меру – введение военного положения, чтобы уже не только предотвращать острые социальные конфликты, но в случае надобности потушить вооруженные столкновения. В сформулированной «Солидарностью» общенациональной мобилизационной идее содержались иные императивы, отвергавшие существовавший политический режим и его идеологию.

Научный анализ в области интенсивных социально-психологических процессов, периодически вспыхивавших кризисных ситуаций и поисков путей выхода из них с наименьшими потерями, а также собственно системных трансформаций предполагал обогащенную новыми методами исследования, с обновлением идей и концепций, диагностику причин и признаков потрясений, определением точек бифуркаций, которыми столь богато общество переходного периода, а также конструирование на этой основе новых подходов и моделей. Без специального инструментария и тщательной разработки понятийного аппарата политологии, в чем изначально особо преуспела ее западная ветвь⁴⁴, многие стороны современной политической жизни, в том числе системная трансформация стран ЦВЮВЕ, были бы труднодоступны для глубокого, обстоятельного научного анализа. В эту сферу исследований все шире включалась и отечественная наука.

Политологический анализ событий конца 80-х-начала 90-х годов первоначально не был свободен от идеологических акцентов времен двухполюсного мира. Некоторая часть российских ученых вслед за западными политологами сразу оценила коренную ломку политического строя и глубокие изменения в других сферах общественной жизни стран ЦВЮВЕ как выход на путь развития по образцу западных демократий, самоорганизации общества методом создания демократической партийно-политической системы, институтов гражданского общества и т.д. Другие увидели в развале «реального социализма» не объективно назревшие преобразования, расчищающие путь к прогрессу, а перспективу отставания, обреченности на недоразви-

тие вне рамок «социалистического содружества» и «мировой социалистической системы»⁴⁵. Первое направление со временем возобладало.

Политологический подход был нацелен на уяснение логики и закономерностей процессов системной трансформации в странах ЦВЮВЕ, на выявление динамики этих процессов и определение характера проблем и путей их решения, на уточнение перспектив. В советском и российском обществоведении распространилось определение указанных процессов как «демократических, антитоталитарных революций». Оно содержало характеристику политических процессов первого этапа как обвала, демонтажа прежнего политического строя, а также, в рамках «курса на демократию и рынок», как ликвидации режима «партии-государства» вместе с его административно-командной системой управления.

Западная политология, констатируя первоочередность быстрой и, как правило, ненасильственной ломки авторитарного политического строя и отметив революционную глубину трансформации этой сферы, не ограничивала их региональным масштабом. Прочно закрепилось представление, что исходной точкой и решающим толчком для них явилась перестройка в СССР. Более того, весьма широко распространилась концепция, предписывающая рассмотрение трансформаций в контексте процессов ликвидации военно-политического и экономического подчинения, связанных с высвобождением стран региона от внешних скреп ОВД, СЭВ и других ячеек аппарата «мировой системы социализма» и «социалистического содружества», а также от механизмов спайки многонациональных государств. Именно в ходе утверждения своего суверенитета на путь системной трансформаций встали 22 из 27 новых государств на территории бывшего СССР и ЦВЮВЕ⁴⁶.

Вместе с тем, первичная транзитологическая концепция линейного «перехода»⁴⁷ была признана контрпродуктивной, ее место заняла концепция «системной трансформации». Именно последняя заложила основы теории постсоциалистической системной трансформации, важными составляющими которой стали формирующиеся политология и политэкономика трансформации⁴⁸. Одни политологи идентифицировали «транзит», то есть

более или менее длительный период перемен, с процессом демократизации политической сферы, другие – не только. Но и первые из них обозначили его весьма специфическими, различными терминами – от схематичных, поверхностных «новых демократий» и «молодых демократий» до более полно отражающих сложное развитие процесса и его неоднозначное существо «возникающих демократий», «становящихся демократий», «неутвердившихся демократий», «опережающихся демократий», «протодемократий» и «полудемократий», «подражательных демократий», «инфантильных демократий», «навязанных демократий», «элитистских демократий» и т.д.⁴⁹

Важным направлением исследований стало концептуальное соотнесение процессов политических и экономических трансформаций. Как подчеркивает Л. Бальцерович, экономическая система, основанная на максимальном расширении производительных способностей человеческого общества, отвечает подлинной демократии, требованиям справедливости, эффективности и приемлемости (оптимального пользования ресурсами, а также соответствия требованиям здоровой экологии). В его рассуждениях о специфике «партии-государства» как «особой разновидности рыночной системы» существенны указания на свойственные ей запрет частного предпринимательства, использование мощных рычагов тотального контроля при регламентации централизованного планирования и монополии госсектора как коллективной собственности имущего класса, подчинение ее функционирования нуждам административно-командной экономики и ВПК. В качестве основного звена системных трансформаций автор рассматривает демонтаж и переустройство структур «партии-государства» и его основных функций. Он подводит к такому выводу: ликвидация частной собственности отнюдь не обеспечивает интенсивного экономического роста. Наоборот, в бедных странах энергичное вмешательство государства в экономику является одной из главных причин их неспособности выбраться из нищеты. Поэтому не следует сохранять или имитировать модели с широкими государственными полномочиями, а нужно строить такое государство, которое максимально обеспечит экономическую свободу и ее основу – право частной собственности, с закрепленными в конституции и

различных международных обязательствах ограничениями государственного произвола. Отсюда в одной из его книг и появляется призыв двигаться навстречу «ограниченному государству». Анализ современного состояния экономической мысли приводит автора к осознанию недостаточного понимания значимости экономической свободы как фактора хозяйственного роста и сопутствующего ему искоренения бедности при чрезмерном вмешательстве государства в экономику в соответствии с установками определенных групп интересов, трактовкой частных благ как «общественных», переходящих в ведение государства и распоряжение правящего класса⁵⁰.

Л. Бальцерович настаивает на том, что преодоление минусов, проистекающих из ограничительного административного регулирования и чрезмерного налогообложения, превышающего уровень, обеспечивающий защиту экономических свобод, требует не усиления государственного вмешательства, а уточнения прав собственности и устранения препятствий их развитию, в том числе последствий этого вмешательства. Трудно оспорить тезис автора, гласящий, что расширение полномочий государства «охраняет» не столько экономическую свободу, сколько ограничение таковой. Он указывает на то, что, принимая ту или иную форму государства как оптимальную, надо делать принципиальный выбор – считать высшей ценностью или основополагающую индивидуальную свободу в экономике, или власть государства. И соответственно – стремиться или к рациональному ограничению государства, или к его максимальному расширению. «Ограниченное» государство предполагает создание эффективной системы сдержек и противовесов, контроля за репрессивным аппаратом, наличия независимых судебной власти и СМИ. Рассматривая варианты государственного устройства – от нелиберального до «реалсоциалистического», автор подчеркивает, что самые высокие показатели роста неизменно демонстрирует рыночно-либеральное государство, сочетающее частное предпринимательство с взаимопомощью, с введением современных институциональных негосударственных схем «общества всеобщего благосостояния» с его различными благотворительными формами. Он указывает, что нередко противопоставляются свободы (защищающие от вмешательства в сферы

жизни человека) и социальные права (то есть права каждого пользоваться в рамках перераспределения богатств деньгами других людей за счет налогообложения) как совершенно разные категории прав, по-разному влияющие на экономическое развитие. На деле государственной системой перераспределения благ больше пользуются не бедняки, а правящие и зажиточные слои, чрезмерно же широкие полномочия государства оборачиваются ростом нищеты и хронической безработицы. Изучение в ОЭСР причин структурной безработицы убедительно показывает, что это явление, как и ряд подобных, чреватых нежелательными последствиями (ростом неравенства и все проникающей коррупцией) – результат неудачного вмешательства «расширенного государства» в экономику⁵¹.

Ссылаясь на многочисленные исследования, автор показывает, что уровень коррупции зависит от таких свойств «расширенного» государства, как ограничительное регулирование и связанные с ним широкие полномочия политиков и государственной бюрократии, номинально высокое налоговое бремя и большие объемы государственных закупок. А масштабные ограничения экономической свободы, ведущие к параличу экономики, регулирование и принятие решений в свою очередь порой «становятся результатом деятельности коррупционеров или популистов и сопровождаются произволом государственного аппарата»⁵². Таким образом, задача преодоления коррупции отнюдь не сводится к совершенствованию законодательства и правоприменения, но требует «децентрализации полномочий и ответственности», то есть «ограниченного» в своих функциях государства⁵³. Автор в каждом конкретном случае тщательно анализирует особую сложность и очередность преобразований государственного устройства, определяет время, которое необходимо для последовательного формирования многопартийной политической системы и более длительной процедуры приватизации собственности, учитывая при этом мирный, делиберативный (консенсусный – согласно демократической процедуре, совещательно-переговорному методу принятия решений) характер переплетающихся и нередко накладывающихся друг на друга глубинных трансформационных перемен разного свойства. Особо значимы рассуждения автора о либерализации, понимаемой

как расширение свобод за счет упразднения рычагов чрезмерного государственного контроля во всех сферах жизни общества, о строительстве институтов свободного общества, изменении роли и структуры государства и о его демократизации, о выводе правовой системы из подчинения нуждам административно-командной экономики.

Во всех странах ЦВЮВЕ довольно быстро обнаружилось, что эйфория первых месяцев трансформаций была необоснованной: надежды на быстрое развертывание и завершение преобразований оказались иллюзорными; форсированная демократизация в опоре на достижения западных демократий, попытки одним скачком преодолеть огромную дистанцию длительного отставания – нереальными. Выстроить сходу здание современной демократии, отринув прежние политические устои и традиции, оказалось невозможно, поскольку она не может произрасти в развитых формах на неподготовленной почве. Новые политические конструкции и институты нигде не строились на пустом месте, с чистого листа, изолированно от регионального контекста. Лишь на определенных отрезках исторического процесса оказалось возможным возникновение элементов прямой демократии, решающей, как правило, конкретные, локальные вопросы.

В начале 90-х годов определилась существенная специфика двух этапов – демонтажа автократических систем и оформления новых структур, создания новых режимов. Уже на первом этапе политические трансформации отнюдь не были тождественны одна другой, одинаковы по объему изменений, равноценны по масштабам, аналогичны по темпам и методам. Быстро обозначилось их различное протекание в зависимости от целого ряда факторов. Ликвидация прежних структур отнюдь не означала одновременных институциональных изменений – формирования демократических политических систем с парламентами, партиями, открытыми, свободными выборами, самостоятельными ветвями власти и независимыми судебными процедурами, с полной гласностью⁵⁴. Потребовалось немалое время, чтобы в том или ином объеме стал укореняться «джентльменский набор» отработанных в странах с демократической политической культурой атрибутов демократии.

Многоликость и разнокалиберность процессов трансформации потребовали привлечения возможностей нескольких политических наук. Ввиду разнообразия сфер их интересов стали широко применяться различные подходы, отражающие как национально-региональную специфику объекта исследования, так и своеобразие методик и инструментария ряда вовлеченных в изучение политик отраслей знания: историко-культурный, социо-структурный, политико-системный, неонституционалистский, элитистский и так называемый интернациональный (полагающий международный фактор главной организующей и ведущей силой). Многомерность этих подходов позволяла более продуктивно обобщать характеристики различных аспектов процесса, проводить исследования как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне.

Историко-культурный подход в сочетании с методиками теории традиций позволил поставить исследования на реалистичную почву, провести верификацию и актуализацию политической культуры и политарных режимов как региона, так и каждой страны. Как только был снят в значительной степени навязанный извне корсет унификации, в более чем двух десятках стран обнаружился широкий разброс сходств и различий традиций, глубоко укоренившихся социально-политических форм ушедшего века, включая рудименты «монархий трех черных орлов», военно-авторитарных режимов межвоенного периода, а также автократические формы и методы правления, обычаи и нравы сорокалетия пребывания в орбите «мировой социалистической системы», отлившиеся в модель «партии-государства»⁵⁵.

В результате, как показал социо-структурный и политико-системный анализ, политические системы стран региона на практике трансформируются в различные сочетания демократических и автократических (авторитарных) элементов и форм. Это были на первом этапе весьма хрупкие структуры, отличные от последовательно сформированных и четко выраженных автократических или определенно демократических структур. В странах Центрально-Восточной Европы преобладали демократические элементы, во вторую группу в 90-е годы вошли авторитарно сориентированные системы большинства балканских стран. Переходная группа с разными пропорциями элементов

обоих типов включала на первых порах балтийские страны⁵⁶. В другом варианте типологии, также относящемся к 90-м годам, страны были сгруппированы следующим образом: авангардом демократизации считались Польша, Венгрия, Словения, Чехия, Эстония, Латвия и Литва, к странам с полуавторитарными режимами были отнесены Словакия и Румыния, на Балканах – Албания, Болгария, Босния-Герцеговина, Македония, Сербия, Хорватия, а также Россия, Молдавия, Украина и Белоруссия. Третья группа – страны Средней Азии и Закавказья, перешедшие в ходе первого этапа трансформации из разряда тоталитарных (тоталитарно-авторитарных) в авторитарные⁵⁷.

В странах субрегиона Центрально-Восточной Европы быстрая смена охватила все существенные элементы прежнего общественного строя. В других странах были заменены только ключевые элементы старого порядка, что открывало путь постепенному изменению второстепенных элементов. Имела место и иная конфигурация процесса: постепенная замена элементов старого устройства новыми шла с полной непредсказуемостью длительности и итогов этого процесса. Более того, внедрение отдельных структурных элементов демократии отнюдь не обязательно было признаком общего процесса демократизации: авторитарные режимы нередко сознательно включали их в политические системы для введения в заблуждение общественного мнения относительно продвижения страны по пути прогресса, а на деле препятствуя установлению и функционированию реальных демократических процедур. Примером подобной практики служила, в частности, Сербия С. Милошевича.

В итоге, понимание сути преобразований обогатилось при тщательном анализе сочетания системных трансформаций с решением проблем европейской интеграции и глобализации. Логика глобализации доказала свою многоплановость, продемонстрировала многообразие вариантов преобразований и институтов координации, динамизм процессов унификации и диверсификации.

По мере развертывания социально-экономического кризиса стран «социалистического содружества» открылось огромное поле для новых теоретических обобщений, развернулись дискуссии по трем, по определению Е.Т. Гайдара, группам соци-

ально-экономических проблем: либерализации и макроэкономической стабилизации, объединенных задачей остановки инфляции; формирования системы отношений частной собственности на руинах «общенародного» монополизма; возможностей и перспектив экономического роста⁵⁸. Верификация процессов политической трансформаций на базе опыта глобальной демократизации также требовала большого времени и значительных усилий. Обстоятельный политологический анализ, на новом уровне научного знания, позволил ее ускорить, выявить эффективность деятельности новых политических систем, их способность обеспечивать мирное и стабильное продвижение по пути партийно-политической перестройки, контролировать и решать противоречия и конфликты демократическими методами. Процессы трансформаций были обременены различными противоречиями: генетическими, исторически свойственными данному обществу, противоречиями, рожденными новым порядком, а также возникающими в переходный период противоречиями между старым и новым. Трансформация политических отношений развивалась на фоне противоречия между формирующимся правовым государством и демократическими институтами, с одной стороны, и прочно укорененной в общественном сознании, систематически воспроизводимой традицией автократической персонифицированной власти – с другой. Противоречивы были тяга к радикальным изменениям и необходимость обеспечить порядок в обществе, стремление обновить политические нормы и императив соблюдения традиций, намерение достичь максимальной репрезентативности одновременно со стабилизацией и увеличением эффективности политической системы, отстаивание элитой собственных интересов и решений и запросы значительного большинства населения. Бросались в глаза противоречия между ожидаемым повышением стандартов в реформируемом обществе и незрелыми социально-экономическими и культурными предпосылками реформ, в том числе низким уровнем политической культуры, политического самосознания, значительным социальным неравенством и пр. Нельзя не заметить противоречие между ростом гражданских и политических прав и ущемлением экономических и социальных прав, которыми граждане достаточно свободно и легитимно пользовались при прежнем режи-

ме. Наконец, в условиях трансформационного спада вступили в противоречие права молодежи на образование и потребности старшего поколения в социальной поддержке, получении льгот на здравоохранение.

Спрос на новые научные методы в сфере конфликтологии необыкновенно возрос, поскольку большинство процессов трансформации различных сфер находится в стадии неравновесия, перестройки и становления, развивается с помощью самых разнообразных способов и методов, кристаллизуется и обретает многообразные формы с различной скоростью, что часто приводит к совершенно непохожим результатам. Это отражает неоднозначный, противоречивый, альтернативный характер общественно-политического развития и очевидную неопределенность его перспектив.

Президент Международной экономической ассоциации Я. Корнаи 29 августа 2005 г. обратил внимание участников 14 Всемирного Конгресса (г. Маракеш) на серьезные просчеты представителей общественных наук, которые не смогли комплексно проанализировать результаты системных трансформаций в регионе и дать им оценку «с позиций необходимого в данном случае исторического подхода». Он с сожалением констатировал распыленность усилий ученых различной специализации: политологи игнорируют исследования экономистов, экономисты – работы по политологии, социологии и т. д. Между тем, как подчеркнул Я. Корнаи, «без междисциплинарного подхода невозможно понять и оценить великие трансформации», а до необходимой интердисциплинарности в изучении системных социальных трансформаций пока весьма далеко⁵⁹.

Автор этой книги предлагает вниманию читателей принятое комплексное выявление причин, хода и основных дилемм системной трансформации социально-экономического и политического устройства ЦВЮВЕ, а также анализ их осмысления научно-теоретической мыслью в надежде на то, что обобщение опыта исторического обновления региона в последние два десятилетия, итогов и перспектив его дальнейшего развития окажется для них интересным и полезным.

Глава 1

ВЫЗРЕВАНИЕ СИСТЕМНЫХ ПЕРЕМЕН

Проблемы и противоречия «реального социализма»

В первые послевоенные годы страны Центрально- и Юго-Восточной Европы (ЦВЮВЕ) на поднимавшейся четвертой волне демократизации мирового порядка закладывали основы нового общественного устройства. На этапе народно-демократических революций творческая идейно-теоретическая работа разворачивалась на фоне общественного подъема, роста свободы мысли, идейного и политического плюрализма. Открывалась перспектива мирного общественного развития, продвижения каждой страны по этому пути темпами и методами, соответствующими сложившимся к тому времени условиям.

Путь оказался сложным и противоречивым. По меткому определению работника аппарата ЦК КПСС К.Н. Брутенца, страны региона, как самый крупный и важный советский «трофей» второй мировой войны, стали составной частью «социалистического содружества»⁶⁰. Занявшие в этих странах ключевые политические позиции коммунистические и рабочие партии имели в своем идейно-теоретическом багаже вынесенную из Коминтерна ориентацию на скорейшее утверждение политической власти рабочего класса и ликвидацию частной собственности. Обязывала идеологема, провозгласившая «строительство самого совершенного, передового общества – социализма и коммунизма» согласно советской модели, с ликвидацией рыночного хозяйства и установлением административно-командного управления всеми экономическими процессами на основе утверждения «государственной собственности» на средства производства и централизованного планирования.

В силу жесткой коминтерновской выучки некоторые из лидеров стран региона (М. Ракоши, Б. Берут, К. Готвальд и другие) тяготели к быстрой реализации догматических канонов,

другие, обладавшие более творческой, обстоятельной теоретической и практической подготовкой (Г. Димитров, Д. Лукач, В. Гомулка и другие), исходили из своеобразия открывавшихся возможностей и не торопилась форсированно внедрять клише сталинизма и методы сталинщины. Сталин опирался на первых и весьма недоверчиво относился к сформировавшимся в самих странах вторым, которые в 1946-1948 гг., по мере решения первоочередных задач демократических преобразований, должны были принять концепцию перехода к социализму, но хотели ее реализовать сообразно условиям и возможностям своих стран, без революционного насилия и гражданской войны, без строительства однопартийной системы.

Значительная часть сил левого политического спектра ориентировалась на мирное, эволюционное продвижение вперед. Национальные фронты различных масштабов заложили основы для достижения политического согласия. Социал-демократические (социалистические) партии региона придерживались принципов социалистической альтернативы и национального пути к социализму. В этом коммунисты могли рассчитывать на их поддержку.

В Чехословакии в концепцию парламентской демократии, многоукладной экономики, сохранения и защиты частной собственности при усилении руководящей роли государства был заложен широкий спектр социалистических идей – как марксистских, так и масариковских, неклассовых идей «эволюционного прогрессивного социализма», реформаторского, ненасильственного «демократизирующегося социализма», без диктатуры пролетариата, но с обобществлением. На это ориентировал идеолог национально-социалистической партии Э. Бенеш. Польская социалистическая партия (ППС) располагала творческими работками теоретиков О. Ланге, Ч. Бобровского, Ю. Хохфельда, Я. Стшелецкого и других, бравших курс на постепенное движение к социалистическому демократизму при соединении революционных и эволюционных методов, волеизъявления и самоуправления масс. Венгерская социал-демократическая партия (ВСДП) была сторонницей эволюционного перехода к «демократическому социализму». Идеи такой разновидности социализма были близки и Болгарской рабочей социал-демократической пар-

тии (БРСДП), и Социал-демократической партии Румынии (СДПР), и Социал-демократической партии Чехословакии (ЧСДП), и др. Среди них была популярна идея обобществления производства и кооперации. Однако к 1947-1948 гг. внешнеполитические условия для эволюционного продвижения по этому пути становились все менее благоприятными. Если после освобождения этого региона от гитлеровской оккупации Сталин некоторое время не отвергал весьма популярную концепцию народной демократии, то уже в 1947-1949 гг. он при помощи Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформа) резко развернул руководство партий региона к догмам и стратегии сталинизма и стал жестко внедрять единомыслие при помощи теориеподобной структуры «обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму» и постоянно жесткого идеологического прессинга на левые партии. Механизмы существенной корректировки внешней и внутренней политики руководства стран региона согласно сталинским концепциям и методам достижения цели действовали в опоре не только на традиционное утверждение общезначимости советского опыта, но и на энергичное использование «антититовских» стереотипов как нового средства внедрения сталинистских форм и методов в их общественно-политическую жизнь при директивном проведении единой политики в рамках «холодной войны»⁶¹. Идеологический диктат преследовал цель воспроизводства советского типа политической системы с единовластным лидерством вождя и распространением на страны региона тоталитарной модели политической культуры, с перетряской кадров и ужесточением режимов, с жесткой расправой с самостоятельными и несогласными – вплоть до репрессивных мер.

Все более обнаруживались принципиальные расхождения в области партийного строительства части новой властной элиты стран региона со Сталиным. Именно они наглядно вскрывают суть борьбы вокруг структуры власти, облика и судеб целого эшелона партийно-государственных кадров.

Обратимся к одному из более показательных – польскому примеру. В. Гомулка, сформировавшийся как партийный деятель в своей стране и относительно слабо связанный с Коминтерном, изначально ориентировал складывавшееся ядро после-

военной партийно-государственной системы на демократизацию внутривластных отношений, на расширение и обновление актива на базе выборности партийных органов, на установление и оптимизацию обратной связи с массами, на возможно более полное выражение их интересов. Эта линия сулила возможности дальнейшего демократического развития политической системы. Тем временем на всех уровнях быстро и прочно укоренились иная, советская модель партийного строительства, методы оргработы периода «большевизации» партий. Утверждались однопартийная система и номенклатурные принципы управления. Демократическая модификация формируемой структуры управления была весьма затруднена ввиду как отсутствия демократических механизмов, так и энергичного внедрения в нее носителей коминтерновских организационных схем и идеологического «единомыслия». Введение принципов жесткого централизма и иерархии опережало попытки распространять демократические формы работы, навязывало номенклатурно-келейную, кланово-бюрократическую модель политических отношений. Как ни пытались Гомулка и группа его сподвижников применять демократические принципы партийно-государственного строительства, противодействовать командным тенденциям, они проигрывали в противоборстве двух концепций и стилей управления всеми областями жизни общества⁶².

В конце 1948 г. этому попытался противостоять крупнейший лидер международного коммунистического движения Г. Димитров, овладевший к тому времени в ходе народно-демократической революции богатым опытом реализации политики народного и национального фронта. Сталин должен был считаться с авторитетом отличавшегося живостью и свежестью мысли волевого, твердого болгарского лидера. Когда же Болгария была освобождена и оставшиеся представители болгарской коммунистической эмиграции смогли вернуться из Москвы в страну, он всячески задерживал отъезд Димитрова. Как свидетельствовал видный теоретик Союза коммунистов Югославии М. Джилас, «уже тогда возникали подозрения: Сталин будет препятствовать возвращению туда Димитрова, пока сам не наведет порядка в Болгарии»⁶³. Так и случилось. Вернувшись наконец в Софию и проанализировав на месте ситуацию, руково-

дитель болгарских коммунистов и председатель Совета министров Болгарии, Димитров предложил Сталину комплексную концепцию народной демократии как нового пути к социализму – опирающейся на СССР, но не требующей установления диктатуры пролетариата. Однако Сталин перечеркнул попытку провести эту концепцию в декабре 1948 г. через V съезд БКП, пресек стремление совершенствовать народно-демократическую модель власти, трактуя ее как «нечто вроде новой формы диктатуры пролетариата», которую следует привести к общему знаменателю с советской формой диктатуры пролетариата⁶⁴. Вскоре Г. Димитров внезапно умер. Проблема с БКП, где укрепились позиции сталинистов, отпала.

Февраль 1948 г. «снял» проблему и в Чехословакии. Румынский лидер Г. Георгиу-Деж поддержал концепцию народной демократии как формы диктатуры пролетариата. Сталин добился того, что обвиненный в «правонационалистическом уклоне» В. Гомулка был отстранен от руководства польскими коммунистами, а убежденный сталинист Б. Берут провел на I съезде ПОРП в декабре 1948 г. определение народной демократии как формы диктатуры пролетариата, одобренное на встрече Сталина с представителями «братских партий» на кунцевской даче 6 декабря 1948 г. Эта установка была подкреплена административно-репрессивными мерами: были опорочены и казнены сторонники национального пути к социализму в руководстве ряда коммунистических партий – К. Додзе в Албании, Т. Костов в Болгарии, Л. Райк в Венгрии, Л. Петрашкану в Румынии, Р. Сланский в Чехословакии и др. Не разделявшие сталинские догмы теоретики были подвергнуты жесткой критике. В их числе был один из наиболее значительных представителей марксистской традиции XX века венгерский философ, эстетик и литератор Д. Лукач, не одобрявший сталинских идейных деформаций и политической практики. Известный своей самостоятельностью и несговорчивостью, отстаивавший свою независимость и «польский путь к социализму» В. Гомулка был арестован.

На унифицированной идейно-политической основе было проведено объединение коммунистических и социалистических (социал-демократических) партий⁶⁵. В складывавшемся «социалистическом лагере» монтировался единый монолит основных

структур и механизмов управления, навязывалась тоталитарная модель клана (клики) – это был процесс создания единых несущих опор сливавшихся воедино межгосударственных и межпартийных отношений. По мере утверждения в странах региона авторитарной модели возможности демократических структур и лидеров сужались, приток необходимых для демократического обновления политической системы новых кадров все более ограничивался, поддержка снизу не расширялась, а сужалась. Набирал обороты процесс догматического окостенения организационно-политических устоев.

Вскоре в государствах социалистической системы была построена единая пирамида культов личности во главе с культом личности Сталина. Гомулка охарактеризовал это явление на VIII пленуме ЦК ПОРП в октябре 1956 г. так: «Сущность этой системы заключалась в том, что была создана иерархическая лестница культов. Каждый такой культ охватывал известную территорию, на которой он действовал. В блоке социалистических государств на вершине этой иерархической лестницы стоял Сталин. Перед ним склоняли головы все занимавшие низшие ступени лестницы. Склоняли головы не только другие руководители КПСС и руководители Советского Союза, но также и руководители коммунистических и рабочих партий стран социалистического лагеря.

Последние, то есть первые секретари центральных комитетов партий отдельных стран, занимали вторую ступень лестницы культов личности. Они, в свою очередь, облачились в монарший наряд непогрешимости и мудрости. Их культ действовал, однако, только на территории их стран, где они стояли на вершине национальной лестницы культов. Этот культ можно было бы назвать лишь отражением блеска, заимствованным светом. Он светил подобно тому, как светит месяц. Тем не менее, в пределах своего действия он был всемогущ. И так в каждой стране сверху донизу действовала лестница культов, которая формировала способ мышления партийных деятелей и членов партии, уверовавших в то, что “единственным безошибочным интерпретатором марксистской науки и человеком, который правильно ее развивает и обогащает, указывает единственно правильный путь к социализму”, является Сталин. “Следовательно,

все то, что не соответствует его мыслям и указаниям, является вредным, должно повлечь за собой отступление от марксизма-ленинизма, является ересью», грозит «неприятными последствиями»⁶⁶.

Перспектива продвижения по пути прогрессивного развития соответствующими условиями каждой страны темпами и методами оказалась перекрыта уже во второй половине 40-х годов XX века, в ходе перевода стран региона на рельсы строительства социализма. Политическая система во всех странах региона подверглась резкой ломке, в том числе силовыми методами, с отстранением от политической деятельности немалой части левых сил. Например, когда Я. Кадар и его группа не захотели безоговорочно подчиниться официальному курсу, он по наущению М. Ракоши был приговорен к пожизненному заключению как «агент хортистской полиции» и «югославский шпион».

Утверждение в регионе советских механизмов регулирования экономики, когда жесткий диктат гасил необходимость первоначальной артикуляции интересов социума, в том числе национальных, априорно исходя из того, что все его интересы уже учтены в централизованном плане – неуклонно вело к ограничению саморегулирования системы, к неравновесному росту и высокому самопотреблению ресурсов производства средств производства, к инвестиционному голоду и отказу от модернизации экономики. Преимущественно учитывались запросы больших государственных монополий и соответствующих групп интересов. «Развитым социализмом» этот общественный строй именовался формально – идеологически. Правильная идея плана выродилась в сверхцентрализм и волюнтаризм, в стремление с наскока решать сложные социально-экономические проблемы. Концепция сверхцентрализованной плановой экономики, опиравшейся, согласно прогностическому предвидению К. Маркса, на доминирование государственной собственности на средства производства, на бюрократически-сколоченное, партийно-этатистское регулирование со стороны административно-командной системы, с ограничением и подавлением инициативы масс, с принуждением к труду, оказалась в конце концов малопродуктивной для обеспечения поступательного прогрессивного развития большинства стран региона, порождая все более глу-

бокие противоречия, системные и социальные кризисы. Обстановка «холодной войны» и связанной с ней гонки вооружений укрепляла роль бюрократического аппарата и стимулировала формированию в нем собственных, групповых целей и интересов. Форсирование общественного развития в опоре на сталинские догмы и тоталитарные механизмы управления, без необходимого учета конкретных национальных условий, приносило в разных частях региона различные, неравноценные результаты. Для стран с более низким уровнем развития, где на повестке дня стояла индустриализация (Албании, Болгарии, Румынии и Югославии), оно обеспечивало определенный успех, хотя разумное корректирование и оптимизация форм и методов управления гарантировали бы лучшие результаты. Уровень социально-экономического развития среднего эшелона региона – Польши и Венгрии – постепенно повышался, но политическое развитие не ускорялось, как и не удавалось основательно осваивать достижения современного этапа научно-технической революции. Используя мобилизационные, в том числе принудительные формы активизации населения, прибегая к всеобщей идеологической обработке, автократическая политическая система на определенном этапе стала сдерживать прогрессивное развитие общества, противодействовать ему. В ряде стран это вызывало кризисы, сопровождавшиеся массовыми выступлениями и репрессиями со стороны властей. Открытое противостояние стало возможным только после смерти Сталина и XX съезда КПСС.

Для самых развитых стран Центрально-Восточной Европы – ГДР и Чехословакии – движение в рамках «социалистического содружества» в результате «повторной индустриализации» было чревато торможением прогрессивного развития, его ломкой и существенными потерями в области структуры промышленности, ее количественных и качественных показателей, экономической эффективности. Обе страны пытались, насколько это было возможно, усовершенствовать «реальный социализм» при сохранении административно-командной системы. Они способствовали индустриализации первой группы стран и что-то выигрывали на этом, но в сумме это консервировало структуру их экономики и не приносило существенных результатов ввиду невозможности создания системы эффективных стимулов роста.

Утвердившееся к началу 70-х гг. застойное, стагнировавшее, регрессивное общественное устройство «реального социализма», аналог Марксова «казарменного коммунизма», «на деле пронизанный все теми же непреодоленными частнособственническими принципами и прежними отношениями», «регрессивными», по Ф. Энгельсу, «изменениями»⁶⁷, разрушало изнутри прежнюю систему стимулов экономического роста и, делая невозможным «полное развертывание» новой системы, вело к господству бюрократии, препятствовало научно-техническому прогрессу и обрекало экономику на упадок. В политике же господство бюрократии вело к ослаблению связей с обществом. Результатом, как констатировал известный российский философ А.П. Бутенко, стали перерождение социализма и «регресс в общественной эволюции»⁶⁸. Налагавшиеся в регионе друг на друга, интерферентные, разнонаправленные процессы прогрессивного и регрессивного развития, обусловленные многообразными экономическими, социальными и политическими причинами, осложненные порождаемыми ими противоречиями и трудностями, были чрезвычайно запутанны и многолики⁶⁹. Уже в период 1945-1969 гг., на который пришлось так называемая повышательная волна кондратьевских циклов мировой экономической конъюнктуры, когда мировая экономика находилась на подъеме⁷⁰, в странах региона в такт с экономическими процессами в СССР циклично чередовались периоды роста и снижение темпов роста промышленного производства. Интенсивность колебаний была различна, но общий процесс развивался синхронно. В 50-х гг., с «повышательной» волной и реформами Н.С. Хрущева, с ростом инвестиций уровень производства повышался, затем его темпы снижались; в постсталинские поздние 50-е годы – рос, с умеренно-охранительными контрреформами брежневского застоя опять происходило замедление темпов роста, а в середине 60-х и начале 70-х вновь обнаружил временные тенденции роста, с последующей стагнацией и развитием кризисных тенденций⁷¹.

Совокупность различных, в том числе антагонистических противоречий (между производительными силами и производственными отношениями, а также формами общения и общественными отношениями), вызывала к жизни необходимость про-

ведения глубоких преобразований. В частности, это касалось и отношений собственности: национализированная и обезличенная собственность все больше приобретала вид превращенной формы частной собственности, отчужденной от трудящихся, от трудовых коллективов, незаконно используемой в личных интересах, для извлечения нетрудовых доходов определенными группами бюрократии, расхитителями собственности и взяточниками. Между интересами бюрократической элиты и чаяниями большинства общества накапливались противоречия, что привело в середине 50-х годов к массовым движениям протеста.

В Чехословакии реиндустриализация – ускоренная модернизация экономики по советскому образцу, волонтаристская ломка традиционной структуры достаточно высоко развитой промышленности с переориентацией ее на тяжелую, особенно на ВПК, и задачи развития других государств «социалистического содружества» стимулировали снижение жизненного уровня значительных масс населения и рост социальной напряженности. Этому способствовала энергичная ротация управленцев в промышленности, с их заменой «рабочими выдвинутыми», быстро усваивавшими методы административного командования, а с ними – принципы регрессивного развития. «Холодная война», гонка вооружений, перенапряжение планов вели к снижению уровня жизни. Систематически давал о себе знать вызванный трудностями в снабжении населения рост общественного недовольства. В конце 1951 г. произошли первые открытые выступления рабочих против социальной политики режима, пресеченные репрессиями в отношении организаторов демонстраций и «вредительских элементов» и сопровождавшееся периодическими кампаниями по ликвидации мелкотоварного производства в городах и форсированной коллективизации сельского хозяйства (с практическим несоблюдением заявленного принципа добровольности). Продолжение политики «твердой руки» и проведение летом 1953 г. разработанной с помощью советских специалистов рестрикционной денежной реформы спровоцировали массовые выступления с антиправительственными лозунгами. Они были подавлены с помощью воинских подразделений и милиции. Тем же летом, с эффектом цепной реакции, массовые забастовки вспыхнули в Берлине и Лейпциге, произошли

столкновения демонстрантов с властями. Число арестованных достигло 25 тысяч. Чтобы сбить волну недовольства масс, в Чехословакии и ГДР по рекомендации Москвы были предприняты некоторая корректировка хозяйственных планов, сокращение военных расходов и поставок в страны социалистического содружества, а также меры по удовлетворению материальных потребностей населения. Несколько усовершенствовав экономическую и социальную политику, руководство Чехословакии было далеко от того, чтобы переосмыслить состояние сферы политики и идеологии, а также правопорядка. Обнаружилось соперничество между партийными и государственными органами. Только после XX съезда КПСС, да и то весьма осторожно, начала звучать критика деформаций и действий партийных функционеров. Политические требования выдвинули студенты. Однако их выступления были разогнаны при помощи рабочих и милиции. Соображения о возможности существования оппозиционных политических партий, проведении свободных выборов и т.п. относились к разряду «отражающих взгляды классового врага»⁷².

Весной 1956 г., после XX съезда КПСС, в Венгрии и Польше достигло мощного размаха движение за очищение марксизма-ленинизма от сталинистских «искажений», за политическое обновление и демократизацию политического режима, за совершенствование экономического курса (в Польше удалось снять накал противостояния ценой смены руководства страны и ликвидации института советских советников в силовых структурах). Известный венгерский философ Д. Лукач констатировал в своих исследованиях наличие «бюрократического перерождения» в стране, инструментальное использование теории для текущих нужд правящего слоя⁷³. В самый разгар событий политолог И. Бибо, один из членов правительства И. Надя, писал в своих научных работах о значимости синтеза демократических и социалистических ценностей, о необходимости полного разрыва со сталинистским тоталитаризмом, об обеспечении национального суверенитета. Уничтожению частного предпринимательства он противопоставлял необходимость ликвидации несправедливых отношений собственности и рекомендовал провести изъятие экономики из рук бюрократических собственников с передачей ее рабочим коллективам как важной политической силе и

альтернативе бюрократическому социализму. И. Бибо выступал против «режима, именуемого диктатурой пролетариата», и однопартийной системы⁷⁴.

Дальнейшее «закручивание гаек» в Центрально-Восточной Европе было напрямую связано с восстанием в июне 1956 г. в Познани, где тысячи рабочих проводили митинги и создавали рабочие комитеты с требованием реализовать программу национального пути к социализму (пик политического кризиса в Польше пришелся на октябрь), с подавленными аналогичными событиями в Венгрии октября-ноября того же 1956 г. В этих странах форсированное строительство общества советского типа и разорительная индустриальная гигантомания также повлекли за собой резкое снижение жизненного уровня населения и привели к массовому недовольству действиями правящей бюрократии, к обострению борьбы в партийной и государственной элите вокруг уточнения курса. Появились требования снижения темпов индустриализации, расширения производительных возможностей мелкого производителя, плюрализации общественной жизни, придания режиму более гуманного облика. Особенностью настроений большинства интеллигенции в середине 50-х годов было то, что она выступала за совершенствование социализма, а не за возврат к довоенной общественной устройству⁷⁵. Как свидетельствует венгерский историк Я.М. Райнер, «несомненно, многие участники революции не разделяли идеалов “подлинного социализма” или “третьего пути”, но для ситуации, сложившейся в 1956 г., было характерно, что ни одна значительная сила или личность не выступали за то, что сегодня кажется единственно возможной альтернативой – за капиталистическую экономическую систему со свободным рынком и широкой приватизацией»⁷⁶. Нарастание в октябре массовых наступлений в стране вплоть до вооруженной конфронтации и введения советских танков отодвинуло на задний план лозунги обновления марксизма.

В условиях хаотичной либерализации в Польше и Венгрии многомерный и длительный кризис еще не обнаруживал явных черт назревания системных преобразований, хотя уже шел процесс ослабления управленческих и контрольных функций «партии-государства», манипулирования СМИ и общественными

организациями. Движение молодежи и клубы интеллигенции приобретали черты плюрализма, новые печатные органы и рабочие советы выступали с независимыми политическими, социальными и культурными инициативами вне официальной системы надзора и пропаганды. Социальные контакты, критика властей и системы в условиях вынужденной временной либерализации стали свободнее, был снят запрет с обращения к национальным традициям. Постепенно появились элементы социальной самоорганизации и наметки программ реформирования общества. В правящей элите обозначились трещины, стали предприниматься компромиссные шаги, обеспечивавшие адаптацию части оппозиции и восстановление жесткого контроля над прессой и организациями. Венгерский опыт наглядно продемонстрировал предельные возможности перемен и стимулировал симбиоз сопротивления и приспособления. Ряд стабилизационных мер, в том числе по борьбе с бюрократией в системе управления, по улучшению положения трудящихся, позволил несколько консолидировать венгерское общество на пути «завершения строительства основ социализма» и декларировать в 1960 г. переход к «всестороннему развитию зрелого социалистического общества». В Польше власть приняла меры по повышению жизненного уровня, что привело к успокоению населения. Реформаторские настроения на время спали.

Попытки реформировать общественный строй

XX съезд КПСС и последовавшие события в Польше и Венгрии завершили первый этап в развитии системы. У власти появились идеи необходимости совершенствования общественного устройства. Она стала отказываться от одиозных сталинских методов управления, пошла на повышение жизненного уровня населения, отыскав новые резервы в рамках системы.

В Югославии новые попытки реформировать тоталитарную модель социализма обнаружились после разрыва отношений с СССР и возникновения, как казалось, менее обремененных идеологическим диктатом и «единомыслием» условий для демократического развития. Политический режим Тито был не

менее тоталитарным, чем сталинский, хотя он и породил несколько иной, якобы «самоуправляющийся» вариант социализма. Одним из немногих деятелей коммунистического движения, позволивших себе обратиться к анализу социально-политических проблем, в том числе, власти и политической элиты, стал М. Джилас, сподвижник Тито – тогда 4-й вице-президент страны, член Политбюро и Секретариата ЦК КПЮ (СКЮ). В несколько более либеральной атмосфере, еще до смерти Сталина, а по ряду вопросов – до XX съезда КПСС он обратился к обдумыванию путей и методов преодоления тоталитарного режима и стал автором теории нового класса, одним из последовательных критиков монополии компартии на власть и политических основ политаризма. Вскоре ему пришлось убедиться, что ревниво относившийся к своей личной власти Тито отнюдь не разделяет устремлений к расширению политических свобод в стране, ссылаясь на то, что «в Советском Союзе ведущая роль партии абсолютна и без этого коммунизм развалится»⁷⁷. Позднее он описывал ситуацию так: «Я сказал Тито, что мы должны разрешить оппозицию и свободные выборы. Тито заявил, что законы должны быть сформулированы таким образом, чтобы свободные выборы фигурировали на бумаге, но чтобы коммунисты могли всегда сохранять монополию на власть»⁷⁸. В итоге Джилас созрел до открытой критики власти партийно-бюрократических структур, но и тогда, как он писал в автобиографической части книги «Несовершенное общество», он не отступал от социализма и всячески отгонял от себя мысль, что, отмежевываясь от позиции руководства партии, он на деле порывает с официальной идеологией, становится «антикоммунистом»⁷⁹.

В работах Джиласа весьма интересна характеристика Сталина как прагматика, непосредственно увязывающего свои воззрения с борьбой за политическую власть, «с потребностями партии, вернее, партийной бюрократии как новой высшей знати»⁸⁰. Один из наиболее глубоких и смелых аналитиков региона, прозорливых критиков Сталина, сталинизма и сталинщины, он был смещен с руководящих постов и дважды отбывал заключение. Он много лет носил ярлык «диссидента № 1», а его запрещенные работы издавались «самиздатами» или с грифом «для служебного пользования» правящей элиты. Жесткие идеологи-

ческие устои «социалистического содружества» и после XX съезда КПСС долго блокировали открытое обсуждение проблематики и критику политических режимов, диктатуры пролетариата, стиля управления и т.д. Любое проявление подобного «ревизионизма» пресекалось репрессивными методами.

Шаги по улучшению функционирования экономики при помощи мобилизации иссякавших административно-командных возможностей стимулирования роста общественного производства могли обеспечить лишь временное оживление: в начале 60-х годов экстенсивные источники развития экономики в ГДР, Чехословакии и Венгрии были исчерпаны, остро встал вопрос интенсификации производства и научно-технического прогресса. В Болгарии, Польше, Румынии и Югославии экстенсивные процессы индустриализации завершились, закончилась миграция рабочего класса из деревни в город. В каждой из стран накапливались все более глубокие противоречия, увеличивались крупные диспропорции в промышленности. В то же время официально было объявлено, что в регионе уже построены основы социализма и развернулось строительство «развитого социалистического общества». Одни страны приняли формулу «создания предпосылок и основ развитого социализма», другие – «начала» его «развернутого строительства», третьи – строительства «всесторонне развитого социалистического общества» и т.д. Однако вопреки идеологическим декларациям экономическая ситуация продолжала ухудшаться и требовала тщательного научно-теоретического осмысления.

Анализировались предпосылки для комплексного реформирования экономики. Рассматривались внутрисистемные решения, и в этом ключе проводились дискуссии о плане и рынке. Польский теоретик В. Брус выдвинул концепции социалистической рыночной экономики, смешанной собственности, а затем и политического плюрализма. «Отец чехословацкой реформы» О. Шик вместе с коллегами увязали идею «гуманного социализма», «социализма с человеческим лицом» с необходимостью преодолеть административно-командную систему как тормоз экономического роста и демократизации. Не выходя за идеологические рамки и внутрисистемные барьеры, пытаясь с переменным успехом внедрять в практику то одни, то другие рыноч-

ные механизмы и инструменты, децентрализовать экономику, адепты социализма смогли достичь лишь временного ее оживления в странах региона. Появились программные документы с новыми концепциями. В критике экономического порядка и политических режимов в конце 60-70-е гг. в свою очередь вперед вышли Чехословакия, а затем Польша.

В Югославии М. Джилас вместе с Э. Карделем, пробуя воплотить в жизнь идеи Маркса о «свободной ассоциации производителей», убедили И. Броз-Тито подтолкнуть хозяйство страны в направлении рынка при помощи «самоуправленческого социализма». Эта система воспринималась как крупный шаг вперед в социалистическом обновлении. Однако анализ вскоре показал, что ни в Югославии, ни в других странах, где предпринимались попытки использовать подобный опыт, эта внутренне противоречивая система не принесла ожидаемых результатов: изменения носили формально-декларативный характер. Отношения собственности и стимулирование труда изменились мало. Были сохранены политический режим и однопартийность, жесткий контроль коммунистов за деятельностью государственных органов, строгая идеологическая дисциплина и т.д. В итоге, Джилас должен был признать, что обращение к этой концепции являлось ошибкой, а воплощение ее в практику лишь «замедлило процесс политической демократизации»⁸¹.

Единственная из республик СФРЮ, Словения более оптимально использовала возможности самоуправления для продвижения по пути постепенного развития рыночной экономики. Главной причиной этого была позиция превращавшегося в реальную реформаторскую силу Союза коммунистов Словении, быстро эволюционировавшего в направлении социал-демократизации и плюрализации. Увидев слабости «самоуправленческого социализма», словенское руководство стало искать пути преодоления самой тоталитарно-бюрократической системы.

Утвердившаяся в регионе жесткая, статичная политическая система, используя мобилизационные, фактически принудительные формы политической активизации населения, прибегая к всеобщей идеологической обработке и прямому насилию, задерживала развитие политических структур и гражданского общества, всячески противодействуя этому процессу. С неизбеж-

ностью все насущнее становилась задача радикальной демократизации политической жизни как средства усилить контроль над государственными органами, сблизить власть и народ, совершенствовать партийно-политическую систему, пресекая негативные явления в аппарате управления. Отдельные деятели и группы правящей элиты увидели и все более вдумчиво пытались решать проблему преодоления кризиса системы власти и управления обществом, привлекая разработки либерально настроенной просоциалистической интеллигенции. Становилось все более очевидно, насколько теория и практика «реального социализма» не универсальны и не адекватны мировым тенденциям современного цивилизационного развития, насколько неэффективна была пустившая корни в регионе с конца первого послевоенного десятилетия громоздкая, архаичная отраслевая и производственная структура, весьма расточительно использовавшая материальные и трудовые ресурсы. Несмотря на предпринимавшиеся усилия, экономика этих стран оставалась мало восприимчивой к научно-техническому прогрессу.

В марте 1965 г. было обнаружено «Открытое письмо к членам ПОРП» Я. Куроня и К. Модзелевского, которое сам Куронь назвал «строгим анализом советского тоталитаризма в марксистских категориях». Оно стимулировало рост студенческого движения, однако его руководители более тяготели к традициям либеральной демократии. В конце 60-х гг. особую активность проявила известная своими демократическими традициями еще с довоенного времени и творчески воспринявшая импульсы хрущевской «оттепели» Чехословакия. Следует согласиться с Куронем, что «Пражская весна» – общенациональное движение по пути реформ, бурное обновленческое развитие событий – была самым зрелым явлением, начатым по инициативе и под руководством коммунистов и вобравшим в себя «весь опыт прежних массовых антибюрократических выступлений»⁸². Под руководством проф. О. Шика разрабатывались основы хозяйственной реформы, которая предусматривала ограничение централизации управления, расширение прав предприятий и трудовых коллективов, создание предпосылок для перемен в политической системе. Однако внутренняя борьба в партийно-государственном руководстве тормозила преобразования, из-за

чего обсуждение их перспектив с неизбежностью вышло на форум широкой общественности. Политическое пространство стали осваивать другие силы, не связанные с командно-административной системой и ищущие новых путей развития страны⁸³. Польская «октябрьская левая», получившая название «ревизионистов», в такой противоречивой ситуации училась зондировать горизонты возможных перемен и начала пестовать зародыши идеи рыночного социализма, обосновываемой видным экономистом В. Брусом. Эти наработки, наполняемые новым содержанием, легли в основу концепции реформирования, совершенствования социализма по итогам Пражской Весны, в декабре 1970 г., а также в июне 1976 г. и августе 1980 г.⁸⁴ В Польше в среде интеллигенции после событий 1968 г. впервые в регионе появилась несистемная оппозиция, которая пыталась использовать события 1980-1981 гг., массовое движение «Солидарность» уже для борьбы с тогдашней системой, выдвинув альтернативную программу реформ.

Подавление силами ОВД «Пражской Весны» – общенационального движения по пути реформ и обновления социализма, – стало «последней попыткой силового решения проблем “реального социализма”, которая оказала длительное негативное воздействие на развитие Советского Союза и стран так называемого социалистического содружества, усугубив процесс распада»⁸⁵. Со всей очевидностью обнаружилось, как подчеркнул российский исследователь В.Л. Мусатов, что «силовыми методами нельзя было решать проблемы развития социалистических стран», «предотвратить развал системы “реального социализма”», «обеспечить продолжение старого курса...», что «в 60-е годы был упущен исторический шанс для реформирования “реального” социализма»⁸⁶. На последней встрече лидеров европейских социалистических стран в Москве в начале декабря 1989 г. было коллективно решено считать союзническую акцию в августе 1968 г. необоснованным и ошибочным шагом.

С 1970-х годов западные экономисты и социологи неоднократно отмечали пороки укоренившейся в регионе самоблокирующейся, отличной от заявленных целей и идеологических установок советской модели – усложнение планирования, подчиняемого произвольным изменениям, невозможность приспособо-

бить выпуск промышленной продукции к социальным потребностям, истощение возможностей экономического роста и появление симптомов неофициальной децентрализации, ослабления централизованного управления, растущее противоречие между расширением временных горизонтов планирования и фактическими возможностями плановиков⁸⁷.

Регион «второго эшелона капитализма» с его низким стартовым социально-экономическим уровнем продемонстрировал, что попытка построения «реального» социализма в условиях пересмотра марксовской парадигмы демократизации общественных отношений, при консервации авторитарной политической культуры, преобладании неправовых отношений, административно-командных методов управления экономикой (после перехода сталинской сверхцентрализованной системы к брежневской административно-распределительной и исчерпанием потенциала ее нерыночных форм), при безраздельном господстве новой идеологизированной номенклатуры обречена на провал. Подводя итоги анализа экономической теории командной модели социализма, крупнейший российский специалист в этой области акад. А.Д. Некипелов констатировал, что по мере модернизации производительных сил, сопровождающейся быстрым усложнением хозяйственных взаимозависимостей, усиливалась разбалансированность всей хозяйственной системы; по мере прогресса науки и производства неуклонно росла неспособность административно-командной экономики справляться с вызовами времени⁸⁸.

Если так называемая понижающая волна «длинных волн» кондратьевских циклов мировой конъюнктуры (когда мировая экономика оказалась на спаде) поставила в 70-е гг. в благополучной Западной Европе под удар «государства благосостояния», то в регионе ЦВЮВЕ она стимулировала новый, еще более глубокий кризис, социальным пиком которого на рубеже 80-х гг. стало польское протестное массовое, практически общенародное движение «Солидарность».

Итак, попытки совершенствования общественных отношений, реформирования экономики предпринимались в Югославии с начала 50-х годов, в Венгрии – после 1957 года, в Чехословакии – в начале 50-х, 1957-1958 и 1965-1969 годах, в ГДР – с начала 50-х и в 1965-1969 годах, в Польше во второй половине

50-х и в 1965-1969, в 1973-1979 и последующих годах (в Советском Союзе аналогичные явления наблюдались в 1957, 1965-1968 гг. и после 1985 г.). Эти попытки раз за разом неуклонно терпели поражение, «причем главным препятствием, – как справедливо подчеркивает российский ученый В. Кудров, – была позиция Советского Союза». Производственная база устаревала, темпы экономического роста с 70-х годов постоянно снижались, конкурентоспособность продукции падала. Темпы роста ВВП, промышленного производства и капитальных вложений падали и были ниже, чем в развитых капиталистических странах. В 80-е годы экономический рост не только замедлился, но и прекратился. Замедление темпов роста либо сокращение производства сопровождалось ухудшением его эффективности – замедлились темпы роста производительности труда, снижалась фондоотдача и т.д. Уравниловка диктовала изъятие прибавочного продукта у более эффективного производителя. Резко снижался уровень потребления и социальной сферы. Социальные программы мотивировали существенно более высокую норму эксплуатации, чем при капитализме. Общество было не способно продвигаться к растущим социальным стандартам развитых стран мира⁸⁹.

Практически до 80-х годов почти во всех странах региона немногочисленные партийные реформаторы мыслили возможным преобразование общества только в системных рамках. Между тем, противоречия системы с неизбежностью вели к постепенной потере управляемости (энтропии) экономики и структур государства, его анархизации. Реформы объективно направлялись не против какого-либо класса, а против определенного социального слоя – правящей элиты, группировок, сосредоточенных в структурах «партии-государства» и административно-командной системы управления экономической жизнью (отметим, что в сталинском наследии содержится констатация неуправляемости советской модели государства и просматривается стремление отказаться от тотальной политической мобилизации масс в пользу жестко бюрократической, то есть авторитарно-авторитарной, или административно-командной, централизации управления⁹⁰).

В Югославии и Венгрии реформы, будучи растянуты во времени и ограничивая командное начало, оказались более по-

следовательными и эффективными. В первой их этих двух стран они не только вели к децентрализации управления экономикой, но и охватили пласт социальных изменений, вовлекая в процесс самоуправления массы. В 1965 г. проводилась дальнейшая либерализация экономики и политики ценообразования, осуществлялось расширение прав предприятий. Этот процесс в середине 70-х гг. был углублен с увеличением прав работников и децентрализацией социально-политической сферы. В Венгрии периодические попытки проведения реформ захватывали все более широкие сферы хозяйствования, приобретая, однако, более менее комплексный характер лишь в 1966 г. Я. Кадар, завоевав в обществе относительную поддержку, достиг во второй половине 60-х гг. наибольших успехов в деле либерализации экономической жизни, проведения реформаторских экспериментов методом уступок и компромиссов. Но и тогда реформы не коснулись существа политических отношений.

Ответственный работник ЦК КПСС К.Н. Брутенц недавно признал в своей книге недостаточность предлагавшихся реформ: сопротивление экономическим преобразованиям со стороны аппарата всех уровней, а также «масс, находящихся в плену догматическим стереотипов», с необходимостью требовали ускорения переноса центра внимания на политическую реформу⁹¹. Очередной рывок был сделан на рубеже 80-х гг., когда проводилась ограниченная либерализация политического режима, было разрешено создание частных предприятий в сфере торговли и услуг, а в руководство государственных предприятий были допущены представители рабочих коллективов.

В Польше после серии жестко пресекавшихся попыток реформировать неэффективную экономику и ввести рабочее самоуправление те же меры были предприняты в начале 80-х гг. Рост социальной активности возродил рабочее самоуправление и придал ему новое качество, ускорив либерализацию экономической жизни в направлении системных перемен, в том числе принятия шагов в сторону приватизации государственных предприятий. В Венгрии и Польше реформы вначале трактовались как квазирыночные.

В Албании, Болгарии, ГДР, Румынии и Чехословакии в тот момент еще не ставился вопрос не только об изменении харак-

тера социально-экономической и политической системы, но и о серьезном преобразовании командных методов управления.

В 70-х – начале 80-х гг. реформаторы из числа коммунистов в Венгрии и Польше, в 1990-1991 гг. в Советском Союзе, сохранявшем диктующую «ускорение» модель «мобилизационной экономики», а также в остальных странах «социалистического содружества», как правило, не выходили за рамки установившегося логического понимания (дискурса) порядка совершенствования социалистической экономической системы, в лучшем случае – строительства «социальной» или «социалистической» рыночной экономики. Советская элита считала, что народное хозяйство в стране, а также по крайней мере в Чехословакии и ГДР обладает достаточным экономическим потенциалом прогрессивного развития еще лет на пятнадцать⁹². Между тем, во всем регионе углублялся кризис терявшего адаптационные способности «реального социализма», ускорялась его деградация. Даже ГДР и Чехословакия, добивавшиеся временами значительных сдвигов в росте производительности труда, снижении энерго- и материалоемкости производства, в повышении эффективности капиталовложений, отставали по этим параметрам от развитых капиталистических государств в 1,5-2 раза, Венгрия – в 2-2,5 раза, прочие страны – в еще большей степени. По ресурсоемкости производства отставание составляло 1,5-2 и более раз, причем разрыв постоянно увеличивался. Принимавшиеся меры по совершенствованию хозяйственного механизма в большинстве случаев не давали желаемых результатов⁹³. Тем временем начали прорисовываться контуры объективно назревавших в регионе коренных изменений, детерминированных имевшими свою логику и динамику внутренними процессами, в том числе порождаемых несоответствием авторитарных политических структур и функционирования политических, а также экономических систем и методов управления экономикой, с одной стороны, социального ресурса общества, с другой стороны. Особенно неблагоприятной с точки зрения социально-экономического развития оказалась вторая половина 80-х годов. Произошло резкое снижение хозяйственной активности и замедление темпов экономического роста по региону в целом. Пик экономических трудностей пришелся на 1989 год. Во всех странах основ-

ные макроэкономические и социальные показатели по сравнению с предыдущими годами отличались в худшую сторону. Произошло дальнейшее замедление темпов прироста национального дохода (ВВП) и продукции основных народнохозяйственных отраслей. В Венгрии, Польше и Румынии имело место абсолютное сокращение национального дохода и промышленного производства.

В социальной сфере ситуация также заметно ухудшилась. В ГДР уровень жизни населения стагнировал, а в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Югославии неуклонно снижался. Разрушительные последствия деформаций общественной жизни стимулировали рост недовольства населения существующими порядками: их недостаточно эффективным исправлением в Венгрии, Польше и Югославии, паллиативами перемен в ГДР, Чехословакии и Болгарии и упорным отказом от каких-либо реформ в Румынии. Социальная напряженность подогревалась принятыми размах явлениями коррупции, незаконного присвоения общественных благ, неоправданными завышенными привилегиями власть имущих. Социальная стабильность в 70-х – начале 80-х гг. достигалась путем заключения, как вскоре выяснялось, временных, хрупких социальных контрактов. Длительное урегулирование отношений оказывалось невозможным. Все нагляднее проявлялась недостаточность отдельных попыток проведения реформ и проступали черты системного кризиса, нарушавшего целостность геополитической конфигурации «социалистического содружества» и диктующего проведение радикальных системных трансформаций.

Парадигма прогрессивного развития уже принимала новое направление. С возникновением «Солидарности», а затем введением военного положения в польском обществе возникла относительно массовая оппозиция. В руководстве ПОРП появилось реформаторское крыло во главе с В. Ярузельским. «Перестройка» в СССР способствовала появлению таких же крыльев в партиях других стран советского блока, кроме Румынии и ГДР. Постепенно происходили либеральные сдвиги в умах интеллигенции.

Речь о совершенствовании существовавших политических режимов уже не могла идти – время для этого безвозвратно ушло. Выход из перманентного кризиса, прокладывание путей

дальнейшего общественного развития оказались возможны только через основательное обновление политических структур и реформирование принципов их функционирования. Реформаторы различной социально-политической ориентации были более оформленными организационно и энергичными в странах Центрально-Восточной Европы, а широкое поле деятельности открывалось для них только с падением системы «реального социализма», когда попытки ущербного «улучшения» режимов оказались невостребованными.

Общественные перемены, начавшиеся в регионе на рубеже 80–90-х годов, стали итогом завершившегося цикла экспериментального исторического развития – неудавшейся попытки, без учета многообразия объективных процессов и их поливариантности, форсировать переход от капитализма к социализму и спешно монтировать новый строй. Как в своей последней работе «О скрытых формах изменения социальной природы власти» точно определил А.П. Бутенко, политическое развитие стран региона второй половины XX века было типичной для «исторического забегания» ситуацией с изменением социально-классовой природы политической власти и ее целей, с утратой этой властью народного характера и приверженности идеалам социализма, с переподчинением развития иным задачам и интересам, со ставкой, как оказалось, не на силы прогресса, а на другие общественные силы – с опорой на тандем «партия-государство».

На деле усиленное внедрение в странах региона вариантов клише, гласившего, что в них уже создан на основах «социальной справедливости» (или «социального равенства») строй «реально-го», то есть «фактически существующего», или, как его определяли во второй половине 80-х годов в Венгрии, «государственно-го» социализма (общества и государства советского типа все более жестко именовались в регионе «авторитарно-тоталитарными», «бюрократически-социалистическими», а также «бюрократически-коллективистскими» и т.п.), накладывалось на симптомы исчерпания его экстенсивного роста, приспособляемости к реальным условиям, способности внедрять необходимые новшества и проводить реструктуризацию, минимизировать расходование ресурсов и максимизировать прибыли. Становились все более явными признаки неуклонно растущей неэффективности, неспо-

способности реализовать заявленные задачи новой парадигмы, изменения направления социально-экономического развития: преодоления низкого уровня производства, производительности труда и эффективности капитала, углубления технологического отставания и т.д. Усиливалась конкуренция за получение экономической ренты между группами интересов (государственной администрации, партийного аппарата, руководства промышленных предприятий и бюрократической иерархии разного уровня).

Хронический дефицит потребления вел к все более бросающемуся в глаза увеличению неравенства, к социальной апатии, дестабилизации официальной политической культуры, падению воздействия на население символики «реального социализма» и мотивации к труду, возврату к прежним ценностям, в том числе рыночных отношений, либерализма и социал-демократии, к возрождению и укреплению традиций частной собственности, гражданского общества, к культурной дифференциации, системной оппозиционности, к поддержанию ростков плюрализма в литературе и искусстве, в стилях жизни и т.д.

Распад, саморазрушение «мутантного», по определению А.В. Бузгалина и А.И. Колганова⁹⁴, «реального социализма» явился в значительной степени результатом недостаточного внимания к специфике и перспективам развития региона, верификации навязываемых стереотипов. Он был следствием их все более убедительного опровержения повседневной практикой и подрыва упрощенных, деформированных схематизированными идеологическими установками официальных теоретических выкладок, торможения назревавшего спонтанного возврата к рыночной экономике. В условиях дефицита власти слабели возможности бюрократии регулировать все более сложное взаимодействие составляющих экономического организма. Стихийно начиналась его реструктуризация, прогрессировал фактический отказ от командно-административных принципов функционирования: государственные предприятия переходили на хозрасчет, между ними, а также между предприятиями и государством налаживались торговые связи, нарушалась практика государственного ценообразования, формировались коммерческие банки, в розничной торговле увеличивался частный сектор, мелкий бизнес расширял свои позиции в промышленности и строитель-

стве. Системные кризисы, сочетавшиеся с кризисами социальной интеграции, до поры поглощались деполитизацией общества и скрытым регулированием, неофициальными сетями и изменением баланса плана и рынка. Однако безудержный рост неофициальных регуляторов, консолидация прав собственности номенклатуры выводили их за пределы централизованного управления (его структуры с изменением властных отношений все чаще правили, не управляя) и стимулировали ускорение разрушения системы. Этому способствовали рост связей с глобальной экономикой и – с увеличением внешней задолженности – усиление зависимости от нее.

Политические противоречия обострялись, начинали формироваться социальные группы, олицетворявшие перспективы прогрессивного развития, нацеленные на отказ от модели «партии-государства», на отстранение от управления сил, действовавших сугубо в эгоистических интересах своего социального слоя.

Активизацию масс в направлении демократизации общественных отношений стимулировало то, что политическая инфраструктура оставалась застойной и не опиралась на сколь угодно отлаженные политико-правовые механизмы. Не были достаточно определены политический статус правящих партий и их права, ответственность перед государством, формы участия партий в выборах, принципы их действий в представительных органах власти и т.д. Политические режимы стран «реального социализма» и их идеологическая подоснова практически не оставляли места для оптимизации политического устройства. А «без реальной демократии нельзя ни строить, ни построить социализм», как справедливо подчеркивал известный польский левый теоретик А. Шафф. Он вполне обоснованно указывал на изначальную узость возможностей развития «реального социализма», на свойственную ему деформацию социалистических ценностей. Еще раз процитируем того же автора: «...нет социализма без демократии, а демократии при таком устройстве не может быть, если не было общественного консенсуса при его рождении»⁹⁵. Общественная практика это полностью подтвердила.

Страны региона вступали в стадию глубокой структурной перестройки.

Региональные контуры “исторического зигзага” и варианты выхода на путь коренных перемен

В.И. Ленин, указывавший за несколько десятилетий до рубежа XXI века на возможность «зигзагов» в нелинейном историческом развитии, писал, как известно: «...Представить себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недialeктично, ненаучно, теоретически неверно»⁹⁶. Именно такой скачок был подготовлен и совершен в конце XX века. Изучая природу, причины генезиса и распада такого явления как исторический зигзаг, названного Лениным «историческим забеганием» и оказавшимся форсированным монтированием «реального социализма», то есть реального переходного строя, который создавался в результате деформаций на основе сталинской модели общественного строя, А.П. Бутенко констатировал, что от марксистских структурных характеристик (ликвидации эксплуатации, утверждения общественной собственности и самоуправления) осталась «форма без содержания», что упомянутая модель извращала суть «по двум кардинальным вопросам – о власти и собственности»⁹⁷. Объективные закономерности были подменены преждевременным, не обеспеченным достаточным уровнем экономического развития применением набора волюнтаристских организационных мероприятий – уничтожением частной собственности вместо ее «снятия», принудительным устранением рыночной экономики вместо ее изживания⁹⁸. Не имея позади себя стадии высокоразвитого капитализма, «реальный социализм» являл собою *«интернациональный способ модернизации страны, как крайне жестокий, варварский способ первоначального накопления и индустриализации, прикрываемый марксистско-ленинской фразеологией и выдаваемый за теорию и практику социалистического строительства...»*⁹⁹ Результатом утверждения сталинизма стало «общественное устройство, которое из-за формального упразднения частной собственности и связанной с ней эксплуатации, в силу псевдоколлективистских форм организации производства и общественной жизни претендует на наименование социалистического, однако (...) реально выступает как административно организованное общественное устройство, несущее с

собой новые формы эксплуатации и гнета, принижающее всюду личность человека, низводящее его роль до роли выдрессированной рабочей силы, до «винтика» огромной бюрократической машины»¹⁰⁰.

При анализе специфического переходного общественного устройства А.П. Бутенко разводит категории – это, с одной стороны, «историческое забегание» и, с другой стороны, «ускоренное», «сокращенное», «догоняющие» или «опережающее» развитие. Суть исторического забегания состоит в том, что «это развитие, сопоставляемое не с развитием других стран, а с самим ходом истории, расходящееся с возможностями, представленными данной стране самим ходом истории»¹⁰¹. Вставшее на такой путь общество не только не обеспечивает догоняющего развития, но, наоборот, обрекает себя на прозябание и отставание, возобновляет и воспроизводит сферу несвободы. За этим стоит «узурпация власти», при нацеливании властных функций «на реализацию *интересов* партноменклатуры, ее всевластия и единовластия...». Изменение социальной природы политической власти осуществлялось скрытно, когда она переориентировалась на реализацию интересов партийной, государственной и профсоюзной бюрократии¹⁰².

Стали обнаруживаться симптомы нараставших на этой основе социально-экономических кризисных явлений после неоднократных малоудачных попыток откорректировать их, как-то реформировать эту сферу общественной жизни, добившись некоторого роста экономической эффективности и придания ей социально приемлемого характера.

Начиная с событий 1951 г. в Чехословакии, 1953 г. в ГДР и 1956 г. в Венгрии и Польше, все более явственно обнаруживались повседневные потребности стран «социалистического содружества» в освобождении от навязанных им единообразных идейно-политических установок и унифицированных централизованно-бюрократических схем функционирования экономических и политических процессов. Прежде всего они заявили о себе в передовых странах региона – в Венгрии, Польше и Югославии, где они начинали диктовать принципиально иные основы организации всех областей общественной жизни. В СССР они энергично проявили себя на завершающем этапе его существования. Необ-

ходимость основательного, системного преобразования общественного устройства стран региона быстро назревала, обусловленная исчерпанием возможностей дальнейшего эволюционного проведения рыночных реформ и попыток активизации экономического развития, нарастающими трудностями во всех сферах общественной жизни.

Частная предпринимательская деятельность развивалась с переменным успехом в Венгрии, Польше и Югославии. По данным Европейского банка восстановления и развития, в 1989 г. в Польше в частном секторе производилось 30% ВВП, в Югославии (где самую высокую производительность труда и позиции на внешнем рынке демонстрировала Словения) и в Румынии – по 15%, в Болгарии и СССР – по 10%, в Венгрии, Чехословакии и Албании – по 5% ВВП¹⁰³.

Правящая элита, действовавшая в собственных корыстных интересах, также все чаще выводила фрагменты экономики в «тень». Разумеется, в условиях спонтанно воссоздававшегося, слабого, институционально неразвитого рынка только играющее активную роль государство еще могло определять направление и темпы хозяйственного развития.

Однако в условиях господства модели «партии-государства» не удалось оптимально стимулировать экономический рост, задействовать факторы, позволяющие эффективно преодолевать структурное неравновесие, дефицит и рецессию. Надежды на повышение уровня научно-технического развития и ускорение экономического роста размывались.

Частичная либерализация цен (в 1989 г., по тем же данным, при коэффициенте от 4,3 до 1, составлявшая 2,7 в Венгрии и Югославии, 2,3 в Польше и 1 во всех остальных перечисленных выше странах), введение двухуровневой банковской системы, элементы антимонопольной политики, обмен иностранной валюты и другие меры понемногу перестраивали механизмы функционирования экономики, приспособляли производителей и потребителей к рынку, расширяли частный сектор, стимулировали рыночное распределение ресурсов капитала и труда, прилив иностранных инвестиций, укоренение новых институциональных и организационных, нацеленных на развитие рынка решений. Согласно 14-ти показателям степени реформирования

экономики, средняя арифметическая составляла 1,5 для Югославии, для Венгрии и Польши – 1,3 и 1 – для остальных стран. Приводя эти данные, польский политолог П. Козажевский отмечает, что критерии такого предварительного подсчета весьма условны, воздействие этих факторов различно, а их сочетание весьма вариативно. Особо значимым был фактор состояния общественного сознания¹⁰⁴.

В течение 70-80-х гг., при наличии либерализации жизни общества (где впереди были Венгрия, Польша и Югославия) и симптомов назревания структурной трансформации, каждый очередной выход из кризиса оказывался весьма хрупким, с высокой вероятностью непредвиденных последствий. Когда накануне очередного взрыва нестабильности, осенью 1989 г., в ЦК КПСС был вынесен на обсуждение долго откладывавшийся вопрос о ситуации в ЦВЮОВЕ, секретарь ЦК В.М. Фалин подчеркивал, что «нельзя сводить все к “специфике” Польши или Венгрии. В кризисе – послевоенный порядок, нами насажденный... В кризисе – вся система отношений в “социалистическом содружестве”. Нужно быть готовым к взрыву, хотя не совсем ясно, где рванет вначале»¹⁰⁵. Во многих странах региона уровень структурных и макроэкономических диспропорций был ниже, чем в СССР, а либерально-рыночного сознания и гражданского общества – несколько выше, хотя и в разной степени. Интеллектуальные поиски выхода везде велись по-разному. В республиках СССР, странах СНГ, а также Албании, Болгарии, ГДР, Румынии и даже Чехословакии (где традиции демократического государственного строительства были весьма сильны, но подавление Пражской весны 1968 г. практически парализовало существовавшие элементы демократии, рыночной экономики и гражданского общества) они ограничивались мало результативными поисками методов повышения эффективности системы. Политическое и социально-экономическое устройство оставалось практически не реформируемым. Правящие элиты этой группы стран ни идейно-теоретически, ни с точки зрения своих групповых интересов не были в состоянии принять концепцию его смены. Зато в упомянутых Фалиным странах с большим уровнем либеральных свобод и элементов рынка, – Польше и Венгрии – при наличии независимой теоретической

мысли и критики ею устоев «реального социализма» постепенно стал набирать ход комплексный процесс системной трансформации.

Степень общественной поддержки установившегося в странах «реального социализма» режима весьма различалась, хотя тенденции развития были однотипными. В период послевоенного восстановления почти везде представлялись приемлемыми установки на четкую классовую дифференциацию, принципы распределения доходов и вознаграждения по труду, система минимальной государственной защиты. Повсюду позитивно воспринималось смягчение довоенных социальных различий и поддерживались надежды на снижение социального неравенства. Официальная пропаганда преуменьшала социально-экономические различия и обещала достойный образ жизни и увеличение доступа к власти. Сформированные в послевоенный период на базе сочетания доиндустриального менталитета и эгалитаристских ценностей социалистической ориентации массовые представления включили в себя внешние эталоны благополучия – как советские, так и западного мира. Вскоре обнаружилось, насколько мало общего имели декларируемые ценности с практикой, с идеалами демократии, с НТР и благосостоянием. В 70–80-е годы, с увеличением социальных различий и с распространением двойных стандартов, с явным ростом элитарности номенклатуры и значимости занимаемого ею в иерархии места, связей и протекций, настроения населения стали быстро меняться. Усиливалось разочарование в связи с невыполнением обещаний относительно социально-экономического процветания. Со всей очевидностью обнаружился разрыв между идеалами и их реализацией, заявленными тенденциями и реальными явлениями социальной действительности. С вхождением государств «реального социализма» в кризисное состояние трактовка системы ценностей продемонстрировала эволюцию в сторону отхода от десятилетиями декларируемых идеологием, от веры в установки удовлетворения интересов и потребностей населения. Стойкое отклонение от официальных идеологических установок и ценностей привело к деформированию внутренней логики социалистических ценностей и их подрыву, к формированию массового протестного сознания. Большинство населения уже с трудом

терпело идеологические догмы и практику «диктатуры пролетариата», «руководящей роли партии в государстве и ведущей в обществе», «централизованного планирования экономики», «преимущества государственной собственности перед частной», «союза с СССР» и т.д.

Социологические опросы отражали рост социальной напряженности, накопление энергии для влекущего за собой социально-политические изменения конфликта – отторжения авторитарно-тоталитарного режима. В ставшей флагманом этого процесса Польше ведущую роль коммунистической партии в государстве и руководящую в обществе в 1980 г. признавали 32%, в 1981 г. – 20,4%, затем – только 12,7% населения. В начале 80-х гг. за демократию и плюрализм, за демократическое самоуправление предприятий высказались 80-90%, в 1988 г. за право формировать независимые организации – 91 %, за свободу слова – 96% опрошенных¹⁰⁶. За этими цифрами стояло нарастающее противостояние партийно-государственной элиты и все более многочисленной оппозиции, кульминацией которого стали события 1980-1981 и 1989 гг.

Достижение Польшей и Венгрией на рубеже 90-х гг. той или иной степени готовности к старту системной трансформации происходило более или менее одновременно. В Польше попытку начать ее предприняло правительство М. Раковского. Множились симптомы взаимодействия различных явлений и процессов преобразований, обнаружившего раньше, чем, как указывает П. Козажевский, «официально был объявлен крах коммунизма»: «главные экономические акторы ... начали адаптироваться раньше, чем были созданы соответствующие институционально-правовые рамки этих процессов»; все начинало строиться не с нуля – «смена политического строя скорее сыграла роль катализатора уже идущих процессов»¹⁰⁷. Правда, такие обобщения применимы далеко не ко всем странам региона, а только к более продвинутым по пути либерализации и демократизации Венгрии, Польше, а также Югославии. В Венгрии режим был наиболее либеральным и склонным к преобразованиям, что до конца 80-х гг. не стимулировало оформление несистемной оппозиции. В Польше, в свою очередь, в период введенного в декабре 1981 г. военного положения несистемная оппо-

зия превращалась в антисистемную. В этой стране число сторонников экономической трансформации росло особенно быстро. В 1984 г. против сохранения национализированной собственности и планового ведения хозяйства, за свободное соревнование в сфере экономики высказалось уже 40% опрошенных. В условиях углубления социально-экономического кризиса эрозия веры в эффективность плановой экономики и командного метода управления ширилась. В 1989 г. за восстановление частной собственности и свободный рынок высказались уже 92% поляков¹⁰⁸.

Динамизация экономических перемен предполагала развитие трех параллельных и взаимосвязанных процессов структурной трансформации в этой сфере: либерализацию и макроэкономическую стабилизацию; создание новых рыночных институтов; микроэкономическую структуризацию. Но эти процессы нигде не действовались одновременно и комплексно, чему препятствовало заскорузлое бюрократическое устройство, нагромождение в рамках структур «социалистического сотрудничества» препятствий на пути его ликвидации. Как объективные экономические и общественно-политические предпосылки, так и субъективные импульсы коренных преобразований общественного устройства, а также обеспечение общественного консенсуса при их проведении в каждой стране проявлялись по-своему. Но во всех странах региона на какое-то короткое время возникали ситуации, когда в политической жизни старые «правила игры» переставали действовать, а новые еще не сформировались. Известный западный социолог З. Бауман назвал это состояние «пограничным», «неструктурированным», «неоформленным», где не могут применяться ни старые, ни новые правила функционирования¹⁰⁹.

Естественно, такое неопределенное состояние не могло длиться долго. Процессы либерального разрегулирования политического устройства и его многосторонней трансформации развивались по принципу «домино». Хотя они начинались и реализовались практически почти в одном и том же историческом времени, но их ход, форма, динамика и уровень развития, а также вытекающие из этого результаты были (и остаются) различающимися в деталях и в каждом из двух субрегионов, и в

отдельных странах. Исподволь назревавшее, а затем спонтанно и лавинообразно развернувшееся в регионе обрушение прежней политической системы заняло, как остроумно заметил в беседе с В. Гавелом известный английский политолог Т.Г. Эш, в Польше десять лет, в Венгрии – десять месяцев, в ГДР – десять недель, в Чехословакии – десять дней, а в Румынии – десять часов¹¹⁰.

Оформление новых структур и налаживание их функционирования также происходили по-разному, в зависимости от специфики условий, от готовности общества к коренным преобразованиям, от соотношения различных внутренних факторов. В целом, однако, глубокая структурная перестройка, которую можно считать качественно новым конкретно-историческим проявлением постсоциалистического «зигзага» политической революции в широком смысле слова, вливалась в единый широкий поток региональной системной трансформации. Полулегальные диссидентские движения были вначале в регионе слишком слабы, чтобы стать реальной трансформационной силой, но они постепенно становились центрами кристаллизации общественного недовольства и наряду с церковью, а временами вместе с ней создавали анклавные не контролируемые режимом гражданских инициатив.

Это стало началом формирования контрэлиты, мотивация которой носила в основном морально-этический, социальный, но не политический характер.

Политическую трансформацию – «революцию в узком смысле слова» – практически готовили в регионе события в Польше. «Пропаганда успеха» в этой стране как «десятой промышленной державе мира» и разбуженные в польском обществе потребительские настроения быстро обернулись потерей веры в освобождение от «проклятия экономики дефицита» и от иллюзии близкого достижения благосостояния. Это атомизированное общество стало преодолевать как глубокое внутреннее отчуждение, так и представления о всевластии режима в ходе визита папы Иоанна Павла II в 1979 г. Участие в массовых богослужениях с созданием церковью собственных служб поддержания порядка стало безопасным способом манифестации «выхода за рамки системы». Население начало быстро самоорганизоваться и интегрироваться в структуры гражданского общества, что по-

служило важным трансформационным фактором¹¹¹. В этом важную роль сыграла и контрэлита во главе с Комитетом обороны рабочих, укоренявшая в массах мышление в категориях отторжения авторитарической системы и подрывавшая представления о том, что эта система при тогдашнем соотношении международных сил не имеет реальной альтернативы.

Политические процессы приобретали новое качество и интенсивность по мере развития польского массового протестного движения «Солидарность», включившего с августа до начала сентября 1980 г. в свои ряды абсолютное большинство трудящихся – почти десять миллионно человек. Обозначив точку бифуркации, это движение стало той средой, где в условиях формирования нового трансформационного потенциала общества сконцентрировался весь спектр обновлявшихся гражданских установок и ориентаций. Оно одновременно стало социальным движением, объединившим снизу, путем самоорганизации, многомиллионные массы, и объявило себя профессиональным объединением трудящихся. В итоге «Солидарность» стала альтернативной в отношении системы «реального социализма» общественно-политической структурой. Политическая оппозиция распространила через нее свое влияние на все слои общества. Год спустя этот опыт привел к открытому кризису легитимности власти.

До декабря 1981 г. конфликт между авторитарической властью и организованными в рамках «Солидарности» массами все более углублялся, внося в них представление о реальности установления общественного порядка, который превращался бы в альтернативу для существующего режима. Как подчеркивает видный польский политолог Э. Внук-Липиньский, образ такого порядка был туманным и эклектичным, но самым важным было то, что «сомнению оказалась подвергнута легитимность как реально правящей группы, так и всей общественной системы», что начался процесс ее «делегитимации»¹¹², хотя в тот исторический момент спонтанное движение еще никем не воспринималось как начало лавины, которая приведет к кардинальному изменению соотношения сил в Европе и мире. В большинстве стран региона население вначале воспринимало ликвидацию общественно-политического устройства «партии-государства» и внедрение

основ демократии, которые начались с легализации политической оппозиции в Польше и Венгрии, лишь на уровне умонастроений. Между тем, польское население уже стояло на грани немирного общенационального конфликта. Для того чтобы его остановить, в декабре 1981 г. было введено военное положение, политические и социально-экономические последствия которого обернулись поражением самой системы. Оно ликвидировало даже те идеологические остатки правомочности власти, которые «пережили первую волну “Солидарности”», прошедшую под флагом «социализма с человеческим лицом». Пока на все сильнее обдуваемой ветерком неолиберализма ниве еще не «расцвели все цветы», ортодоксальные догмы постидеологии быстро увядали. Заморозив на десять лет назревшие системные перемены, режим с неизбежностью продолжал терять легитимность, хотя новые общественные силы еще не были в состоянии поставить проблему смены власти.

Однако все более укреплявшаяся, пользовавшаяся поддержкой католической церкви контрэлиты неуклонно расширялась. Введение военного положения не демобилизовало общество в социальном отношении – его отчуждение от власти усиливалось. Патовая ситуация сохранялась до начала 1989 г., когда контрэлиты вновь обнародовала свои приоритеты. Обнаружилась новая точка бифуркации, и на практике два эшелона элиты (реформаторская часть прежней и руководство «Солидарности») приступили к реализации переговорной идеи «пакта» – достижения общественного консенсуса как выхода на мирный путь преобразований. Начиная напряженные до предела переговоры «круглого стола», его участники не предполагали, что они приведут не только к достижению компромисса, но и к ликвидации существующего строя, что этот процесс вскоре станет примером и руководством к действию для других стран региона. Вначале оппозиция стремилась лишь к легализации «Солидарности» и выведению из-под контроля правящих сил определенного сегмента общественной жизни.

В лагере «Солидарности» тогда никто не думал о власти. Это диктовалось прежде всего внешним контекстом событий. До конца не было ясно, сохраняет ли свое действие брежневская доктрина «ограниченного суверенитета» после декларации

М.С. Горбачева о том, что «каждая страна имеет право на собственный путь развития». Однако туманные заявления Горбачева лишали лидеров стран региона их железного аргумента, являвшегося субститутом легитимности их безраздельной власти: «если не мы, то произойдет вторжение советских войск». С другой стороны, они расчищали поле для более широкого маневра крыла партийных реформаторов.

Как констатировал Э. Внук-Липиньский, рокировки в элите и контрэлите, связанные с пониманием углубления кризиса и потерей властью легитимности, так же, как и изменения внешних условий, особенно ситуации в Советском Союзе, «были очень важны для появления шанса на мирный демонтаж» режима. Так что, если бы не получили развития определенные общественные процессы, обозначившиеся в конце 70-х гг. и усилившиеся в 1980-1981 гг., крах авторитарно-тоталитарного режима со всей определенностью «был бы более длительным и, скорее всего, сопровождался насилием и кровопролитием»¹¹³. В ходе вооруженного противостояния облик Польши и других стран региона сформировался бы иначе.

Между тем, в политической сфере введение военного положения переместило центр тяжести от «партии-государства» как основы и одновременно скрепы системы в военные структуры. А в массах усиливалось тяготение к выбору альтернативы тогдашней системе. Выборы переставали быть в Польше ритуалом и становились плебисцитом. Она продвигалась по пути демократизации электорального участия. В 1987 г. для демократической легитимации продолжения правления генерала В. Ярузельского был проведен референдум. Его задачей было обеспечение не только высокой явки избирателей, но и поддержки правительственной программы. Первый вопрос гласил: «Выступаешь ли ты за полную реализацию представленной Сейму программы радикального оздоровления экономики, направленного на явное улучшение условий жизни общества, зная, что это предполагает двух-трехлетний период быстрых перемен?» Второй вопрос был сформулирован так: «Высказываешься ли ты за глубокую демократизацию политической жизни, целью которой является укрепление самоуправления, расширение прав граждан и увеличение их участия в управлении страной?»¹¹⁴ Референдум объявлялся

действительным при условии положительных ответов со стороны 50% всего электората. Оппозиция призывала к бойкоту референдума как демонстрации гражданского неповиновения, поскольку она не могла выступать против реформирования политической системы без ущерба для своего авторитета. В результате участие в голосовании приняли 67% граждан, из них 64% одобрительно отреагировали на первый вопрос (с согласием на фактическое повышение цен), и 69% – на второй. В сумме требуемые 50% набрать не удалось, но зато впервые было продемонстрировано альтернативное голосование, которое еще не было возможно в других странах советского блока, где жесткие режимы исключали открытый характер выборов.

Когда весной 1989 г. на переговорах «круглого стола» формировались элементы программы преобразований, они включали некоторые стабилизационные действия, постепенное создание нового экономического порядка, опирающегося на участие трудовых коллективов в управлении государственными предприятиями – синдикалистские и социал-реформистские постулаты. Но «круглый стол» уже не принял «самоуправленческую утопию» программы «Солидарности» 1981 г. При обсуждении социально-экономических требований (в том числе индексации заработной платы и социальных льгот), предусматривалось «свободное формирование структуры собственности». Согласно мнению некоторых экономистов, оно намечало перспективу приватизации государственных предприятий¹¹⁵. По истечении первых лет некоторые специалисты посчитали, что соглашение «круглого стола» исходило из сосуществования разных форм собственности в условиях свободного, конкурентоспособного рынка и его можно трактовать как «концепцию своего рода демократического и рыночного социализма с открытыми путями постепенной эрозии принципов всей этой формации» и эволюции в сторону «социальной рыночной капиталистической экономики», или рыночной экономики с «человеческим лицом»¹¹⁶.

Поддержанное иерархией католической церкви стремление обеих сторон конфликта смягчить ситуацию, не допустив кровопролития, способствовало усилению тяги к налаживанию общественного диалога. Переговоры «круглого стола» привели к «пактированию» в политической сфере, которое в свою очередь

задействовало процесс радикальных изменений в экономической сфере, стимулировавших глубокие социальные процессы. Л. Валенса ориентировался на эволюционную перестройку в рамках демократического социализма, надеясь, что она «государство одной партии превратит в государство всего народа и общества», освободит экономику «от политической монополии номенклатуры» и «обеспечит равные права всем формам собственности, восстановит законы рынка»¹¹⁷. Достигнутые соглашения включали проведение ряда демократических политических мер: избрание генерала В. Ярузельского на пост президента Польши и проведение 4 июня 1989 г. парламентских выборов, обеспечивавших для ПОРП и так называемых союзнических партий гарантированное большинство в Сейме в 65%. Выборы резко ускорили политические перемены: масштабы мирной политической победы оппозиционных сил оказались значительно более разрушительными для прежней системы; было сформировано многопартийное правительство советника «Солидарности» проф. Т. Мазовецкого. На повестке дня стояла реализация альтернативы левацкому «историческому забеганию» – переход власти в руки тех сил, которые были способны повернуть страну на путь оптимального эволюционного развития, восстановления частной собственности, товарно-денежных отношений и рыночной экономики¹¹⁸. К концу 80-х гг. постепенно расширявшуюся приватизацию сдерживало лишь отсутствие ясных правил, процедур и методов преобразований¹¹⁹.

В Венгрии во второй половине 80-х гг. также обнаружили признаки обширного кризиса. Снижение жизненного уровня населения вылилось в рост негативных настроений и создание оппозиционных союзов и объединений. В ВСРП заявили о себе реформаторы. В мае 1988 г. партконференция провозгласила курс на «демократический рыночный социализм», однако обострение внутривластной борьбы и мобилизация «неоконсерваторов» парализовали перемены. ВСРП в связи с относительной слабостью оппозиции и контролем властей за ее организационным оформлением, будучи инициатором глубоких внутрисистемных перемен, рассчитывала одержать победу в открытой политической борьбе – выиграть первые свободные выборы в парламент. Если немалая часть общества Венгрии поддержала пре-

образования, усиливая давление на властные структуры, но не придавая им формы массового протестного движения, то в этом сказался эффект регионального климата перемен, прежде всего опыта Польши. Начавшаяся в июне 1989 г. работа венгерского «круглого стола» (он получил такое символическое название по примеру Польши, хотя имел форму треугольника) привела к согласованию основных позиций представителей различных сил прежней элиты и контэлиты относительно изменения Конституции и государственного устройства, подготовки законодательства о политических партиях и проведения свободных выборов в Государственное собрание. Процесс обвала правящего режима продолжал углубляться – структуры «партии-государства» распались, из распустившейся ВСРП выделилась Венгерская социалистическая партия (ВСП), заявившая о готовности строить «демократический социализм». Из текста Конституции были удалены положения о «социалистическом характере венгерского общества» и руководящей роли партии. Кристаллизовались, политически оформлялись оппозиционные силы (Венгерский демократический форум и еще до 40 объединений), которые весной 1990 г. победили на выборах, в результате чего парламент самораспустился. Венгерское общество переориентировалось на демократию, правовое государство и рыночную экономику.

В ГДР и Чехословакии, где идеологический прессинг и «нормализация» страховали неизбежность строя, недовольство режимом вызревало подспудно. Руководство ГДР отказалось идти по пути перестройки и в августе-сентябре 1989 г. оказалось перед лицом нарастания протестных настроений и массового исхода граждан в ФРГ. СЕПГ выступила с реформаторскими инициативами, надеясь усовершенствовать «реальный социализм» и придать активизации восточногерманского населения «обновленческий» характер. Ситуация в ГДР отличалась накалом борьбы вокруг решения проблемы объединения Германии и быстрой радикализацией всего общества. В связи с открытием 9 ноября границы с Западным Берлином спонтанно возникла взрывная, критическая ситуация. Разрушение Берлинской стены поставило власти на грани полного краха: ни руководство СЕПГ, ни партийное руководство на местах не владели ситуацией, теряя авторитет и влияние. Перетасовка старой номенклату-

ры, отстранение от работы и аресты в связи со злоупотреблениями руководителей разного уровня проходили на фоне приобретавших все четче выраженную антисоциалистическую направленность миллионных демонстраций. С декабря 1989 г., со значительным изменением расстановки политических сил, оформившейся в виде «круглого стола», правительством Х. Модрова предпринимались отчаянные меры по стабилизации кризисной ситуации. В конце августа 1990 г. состоялось подписание договора о восстановлении единства Германии. Процесс системных трансформаций пошел путем постепенной унификации структур бывшей ГДР со структурами ФРГ. В новой международной обстановке включение республики в ФРГ диктовало немедленную смену и политического режима, и всего общественного строя. Разрушение Берлинской стены сыграло роль мощного детонатора взрыва активности масс в Чехословакии и других странах региона.

Ситуация в Чехословакии оставалась приглашенной с момента подавления «Пражской весны» до середины ноября 1989 г. Активные силы компартии были вычищены из жизни общества. Небольшие группки диссидентствующей творческой и научной интеллигенции, студенты, представители церкви и в меньшей степени – рабочих и крестьян не выходили за рамки правозащитных и моральных требований. Опыт «круглых столов» в Польше и Венгрии не казался им достаточно приемлемым. Более впечатляющим стал исход восточных немцев через Прагу в ФРГ, массовые демонстрации в ГДР и особенно разрушение Берлинской стены. Опросы среди чехов показали, что для 63% из них решающее значение имели именно события в ГДР¹²⁰. Пражане день ото дня наращивали движение протеста и неповиновения.

В Праге толчком для развертывания массовых протестов стал жесткий разгон полицейскими частями 17 ноября 1989 г. сопровождавшей официально разрешенный митинг демонстрации. Десятки объединений интеллигенции и студентов, а на этой основе – движение «Гражданский форум» (ГФ) несколько дней поддерживали многотысячными демонстрациями решение о проведении 27 ноября всеобщей двухчасовой забастовки с требованиями отставки восьми ведущих членов партийного и госу-

дарственного руководства, освобождения политических заключенных и т. д. 25 ноября начались переговоры между делегацией ГФ во главе с В. Гавелом и делегацией правительства и народного фронта. Декларация ГФ «Чего мы хотим» была принята как основа формулирования конструктивной программы с требованиями коренного, последовательного и необратимого изменения политической системы, ликвидации руководящей роли КПЧ, восстановления демократических институтов и проведения свободных выборов, а также воссоздания свободного рынка. Эта политическая акция 27 ноября была поддержана всеобщей политической забастовкой с участием 80% населения страны и впервые под политическими лозунгами, среди которых был призыв: «Конец правительству одной партии».

В Словакии, где почти не было оппозиции, важную, иницирующую протестное движение роль сыграли аналогичные общественные силы, с большей долей участия католической церкви и венгерского национального меньшинства, подготовленного к этому опытом Венгрии. В Братиславе было сформировано под призывом к политической активности широкое движение «Общественность против насилия». В Братиславе, а также Брно и Остраве проходили митинги протеста. «Бархатная революция» удерживалась в мирных рамках, реализуя идею диалога с властью и заключения общественного договора на основе демократических требований. Бывшая номенклатура Словакии, где на первое место вышло стремление к независимости, при распаде Чехословакии и обустройстве национального государства включила в свою среду новую элиту, а системные перемены отошли на второй план.

В Албании, Болгарии и Румынии, в республиках бывшей СФРЮ партийно-государственная номенклатура, будучи вынуждена адаптироваться к изменению ситуации в регионе, провозгласила курс на преобразования и начала демонтаж прежней политической системы, ориентируясь на региональный процесс распада авторитарных политических структур¹²¹.

Румыния ввиду глухой изоляции от соседних государств и засилия тоталитарного режима вышла на путь преобразований в результате реализации планов прихода к власти ее второго эшелона, части военных и силовиков. Верхушечная оппозиция ис-

пользовала для отстранения Чаушеску от власти массовые выступления в декабре 1989 г. населения трансильванского г. Тимишоара, в котором активизировалось венгерское меньшинство. Введение в Бухаресте чрезвычайного положения, выход масс на улицы Бухареста и других городов страны, его подавление в обстановке острой борьбы внутри элиты стали фоном для объявления РКП «не существующей», создания совета Фронта национального спасения под флагом «демократического социализма» во главе с одним из членов партийного руководства И. Илиеску и правительства во главе с П. Романом. Инициативу перемен перехватили здесь проводившие сверху «конституционную рекоммунизацию» деятели второго эшелона вчерашних коммунистов. Болгарские коммунисты, наоборот, раньше и основательнее других, в начале ноября 1989 г. воспользовались опытом первых «трансформаторов». Они также отстранили от власти ядро прежней элиты – группу Т. Живкова, уже в декабре заявили о демонтаже структур «партии-государства» и командно-административной системы, о переходе к демократическим формам устройства общества. В понятие «демократический социализм» они включили и верховенство закона, и разделение властей, и парламентскую демократию, и плюрализм и многопартийность, и самоуправление, и становление гражданского общества. Однако партия вскоре потеряла бывших союзников, а на правом фланге оформилась широкая антикоммунистическая оппозиция, центром которой стал Союз демократических сил (СДС). По региональной модели мирного перехода к демократии в январе-марте 1990 г. «круглый стол» достиг договоренностей относительно внесения в Конституцию дополнений и изменений, в том числе отмены монополии одной партии на власть и отделения партии от государства, разделения властей, свободных выборов в рамках многопартийной системы и т. д. Однако в межпартийных отношениях компромисса достичь не удалось. СДС отказался от какого-либо сотрудничества с Болгарской социалистической партией (БСП), преемницей БКП. Эта партия победила на первых свободных выборах, но продолжавшаяся напряженная, хотя и мирная политическая борьба надолго затянула процесс проведения демократических преобразований.

В Албании трудным моментом для развертывания демократической трансформации было долгое сопротивление переменам со стороны авторитарного однопартийного режима. Студенты Тиранского университета выдвинули требование отставки правительства лишь в декабре 1990 г., но это выступление закончилось кровавой расправой над ними. Рост недовольства интеллигенции вынудил Албанскую партию труда (АПТ) обещать проведение преобразований, что помогло ей победить на выборах в марте, а приверженцам «демократического социализма» – на съезде в июне 1991 г. Системные трансформации оставались делом будущего.

Югославская модель выхода на путь системных трансформаций весьма отличалась от других моделей, реализовавшихся в регионе. Во второй половине 1989 г. – первой половине 1990 г. все республиканские союзы коммунистов перешли на позиции политического плюрализма и рыночной экономики. Словения пошла этим путем быстрее других, поскольку еще в рамках СФРЮ в ней утвердилась разновидность рыночного хозяйства: возобладала групповая форма собственности на крупные средства производства. Частная собственность в этой стране устанавливалась путем создания, в основном иностранными инвесторами, новых предприятий. В течение 1990 г. во всех республиках прошли первые многопартийные выборы, на которых, за исключением Сербии и Черногории, победили оппозиционные национальные партии. Обострился кризис федеральной власти. Составляющими эрозии и демонтажа прежнего строя в СФРЮ явились распад федерации и обострение национального вопроса, что стало стимулом кровавых межнациональных конфликтов, гражданской войны на Балканах и существенным препятствием на пути системных трансформаций в большинстве республик. Опыт Югославии показал, что, согласно печальной констатации М. Джиласа, «неприкрытая монополярная власть национальных бюрократий», несовместимая с реформами, превратилась «в бесправие граждан и вовлечение народов во вражду», а «насилие, в которое вылились межнациональные конфликты, существенно замедлило процесс демократизации» в большинстве самоопределившихся республик¹²².

Рубеж 80-х–90-х гг. XX в. убедительно подтвердил, что «историческое забегание» в ЦВЮВЕ исчерпало себя. Согласно определению А.П. Бутенко, назрело возвращение на «общий путь естественноисторической эволюции» через «отстранение от власти партийно-государственной бюрократии – творца и защитника “исторического забегания”», всех его отрицательных последствий¹²³.

Руководство СССР, не будучи в состоянии верно оценить иссякавший запас прочности экономической системы и политических режимов стран «социалистического содружества» (в которое было объединено большинство именованных социалистическими европейских стран), увидеть близкую перспективу цепной реакции обвала существовавшего в регионе строя, «по умолчанию» предполагало, что во всех странах советского блока накопившиеся трудности сам по себе разрешит – как «текущие неполадки» – процесс самосовершенствования «реального социализма». Однако этого не случилось. Противоречия системы с неизбежностью привели к потере управляемости, к энтропии и анархизации государства и всего «содружества». При различиях в темпах и динамике включения в активные действия тех или иных общественных слоев и классов во всех странах «содружества» к концу 1989 г. созревание более или менее осознаваемых антисистемных настроений облегчалось тем, что господство авторитарно-тоталитарной системы установилось в них на три десятилетия позже, чем в СССР, и продолжалось значительно короче, не успев стереть из памяти живущих поколений имевшиеся в том или ином объеме, прежде всего в странах Центрально-Восточной Европы, демократические традиции.

События рубежа 80-90-х гг. стали частью процессов высвобождения от внешних скреп ОВД, СЭВ и других структур «социалистического содружества», развернувшихся по принципу «домино» в этих неополитарных, согласно концепции российского историка и философа Ю.И. Семенова*, странах «мировой

---

* «Неополитарным обществом» («индустрополитаризмом») Ю.И. Семенов именуется страны «социалистической системы», обеспечившие преодоление зависимости от западного капитала и быстрое развитие производительных сил на базе приобретшей форму государственной, а на деле

корпоративной частной собственности государственного аппарата или его основной части. См.: Семенов Ю. Основные и неосновные способы производства. С.14-15 (http://sceptis.ru/library/print/id_68/html).

системы социализма” с господством коллективного собственника – правящего слоя «реального социализма». Существенную роль сыграла в этом все более доступная в условиях либерализации режимов информация об изменении геополитической ситуации в регионе, о кризисных ситуациях в соседних странах, об их развитии и разрешении, особенно в Польше в 1980-1981 и 1989 гг., а также о перестройке в СССР и ликвидации Берлинской стены. После распада “социалистического содружества” и окончания «холодной войны» страны Центрально- и Юго-Восточной Европы (ЦВЮВЕ) нашли свое новое место в геополитическом и геоэкономическом пространстве.

Смена парадигмы развития региона и ее осмысление учеными

Наступала эпоха развертывания глубокой системной перестройки стран ЦВЮВЕ.

Вначале во всех странах региона определяющую роль играл фактор, тождественный мирной политической революции – системная трансформация сферы политических отношений, государственных и партийно-политических структур. Пускали корни политико-правовые ценности – росло понимание значимости демократизации политической системы, оформления демократического правового государства, политической активности и «возвращения в демократическую Европу». Новая политическая ценность – опирающийся на оппозиционные настроения масс переговорный процесс как социальная инновация для осуществления демократического компромисса в форме «круглых столов», заключения соглашений относительно новых правил проведения выборов и конституирования новой власти – была освоена прежде всего в странах с наиболее мощным общественным движением и более зрелым реформаторским крылом в партийном аппарате – в Польше (в феврале-апреле), в Венгрии (в июле) и Чехословакии (в ноябре-декабре 1989 г.).

Что касается определения характера разворачивавшихся в этих странах преобразований, то нет оснований вводить искусственное разделение между «бархатными» («нежными» и т.п.) и переговорными, делиберативными процессами перемен¹²⁴ – разнорядковыми предикативами, определяющими или многоаспектное мирное развитие процесса, или метод принятия консенсусных решений – «пактирование».

В Румынии (единственной стране, где имело место насилие в специфической форме вовлечения масс в соперничество властных кланов) вступление на путь радикальных перемен произошло путем «перетряхивания» правящей элиты в феврале 1990 г., в Болгарии – в феврале-марте 1990 г., в Албании – в марте-июне 1991 г. В республиках Югославии начавшийся во второй половине 1989 г. – первой половине 1990 г. процесс системных демократических преобразований был заторможен обострением национальных конфликтов и распадом федерации, вылившимися в гражданскую войну на Балканах.

Преращение контрэлиты ряда стран в антисистемную силу, раскол и выделение из прежней элиты групп реформаторов оказывали решающее воздействие на массовое сознание, в том числе на сознание рабочего класса. Слабо дифференцированные идеологически и политически силы «Солидарности», согласно оценке одного из ее руководителей Ю. Пиниора, «порывая с идеологией тоталитарного режима ..., с отвержением существующей системы отвергли и левую лексику, которая в обыденном, впрочем, деформированном годами бюрократической индоктринации сознании отождествлялась с новоязом правящих. Тем самым вся левая, социалистическая традиция заплатила за сталинизм, а движение отказалось от естественного языка, на котором могло формировать свое самосознание. Растерянные лидеры обратились в места, не контролируемые государством и партией – в церковь и к либеральной, эволюционировавшей все далее вправо от своих левых корней интеллигенции. Это привело к расхождению между практикой «Солидарности», открывавшейся перед всем обществом перспективой и сознанием ее руководителей»¹²⁵. На старте трансформации массовое движение, которое, по мнению Я. Куроня, должно было бы считаться левым, осталось без левого руководства, выражающего интере-

сы людей труда. Поскольку оно было направлено против использующей левую фразеологию бюрократии, большинство его участников посчитало себя противниками левых¹²⁶. Зародившиеся на базе «Солидарности» различные политические образования выражали интересы оформлявшейся рыночной экономики, частного сектора, предпринимателей и придерживались преимущественно правых и правоцентристских взглядов.

В условиях быстрого обвала экономики вес и роль политических ценностей быстро и резко изменились. Предпочтение было отдано экономическим ценностям. Принципы демократии стали оцениваться сугубо прагматически, сквозь призму непригодности для скорейшего обеспечения материального благополучия катастрофически нищавшего населения. Интересы общества сосредоточились вокруг экономического содержания перемен. Произошла переориентация населения региона на современный капитализм как более развитый и эффективный строй. Рабочему классу предстояло взять на себя под руководством бывшей оппозиционной интеллигенции бремя обновления экономических отношений в этом направлении, строительства социальной лишь в меру все более сужавшихся возможностей экономики.

Первоначальные общие представления о грядущем социальном и национальном благополучии, которые базировались на все шире распространявшемся убеждении в необходимости либеральных реформ, постепенно преобразовались в конкретные действия, диктуемые реальными потребностями и оформлявшиеся в духе классических рыночных принципов. Так, в польских социологических исследованиях «Рабочие 1991» 83,6% опрошенных заявили себя сторонниками острой конкуренции между предприятиями, 72% – банкротства нерентабельных предприятий, 64,6% – продажи государственных предприятий частному капиталу, 63,3% – основания больших польских частных фирм и 54,8% – больших иностранных частных фирм, видя возможность лучшей оплаты труда за счет увольнения работников, для которых в данный момент не было занятия (71,5%), и нередко напрямую одобряя безработицу, то есть лишение права на труд (25,6%). В 1991 г. только 19,4% опрошенных высказались за сохранение руководящей роли государства в хозяйственной жизни страны, в том числе в определении уровня зар-

платы и цен, контроле за деятельностью хозяйственной администрации¹²⁷. Прежние представления преобразовывались в миф успешного народного капитализма. Ввиду слабой артикуляции различных интересов едва оформившихся политически групп населения, не способных сразу охватить подлинный масштаб преобразований и их социальных последствий, в этой области образовалась «программная пустота». Например, когда в конце 1989 г. в Польше наступило время введения законодательных новшеств, мало кто из членов правительства, парламентариев и других представителей новой элиты осознавал глубинный смысл и размах грядущих перемен. Во всех странах Центрально-Восточной Европы ситуация была аналогичной. Решающее слово оказалось за ведущими хаотичную борьбу группами текущих интересов, не способными определить стратегическое направление действий, взять на себя инициативу проведения основательной системной трансформации экономики.

Научно-теоретическое осмысление существа переломных событий рубежа 80-90-х гг. учеными различных взглядов и направлений, определение ими масштабов, характера и перспектив перемены экономического и общественно-политического устройства региона считавшихся социалистическими стран, или стран «реального социализма», столкнулось с немалыми трудностями.

В российской левой общественно-политической мысли для современных глубоких, коренных преобразований общественного строя с 1917 г. применялись понятие и термин «пролетарская», или «социалистическая» революция. Как пишет известный российский политолог М.В. Ильин, они десятилетиями стойко сохраняли сугубо позитивное и даже метафорическое смысловое наполнение, будучи активно используемы вплоть до конца XX века и отражая коллизии политической истории на основных этапах «политического освобождения и демократизации вовлеченных в модернизацию политий», «соответствующие кризисы в общественной мысли и практике», идейную и политическую борьбу вокруг популярных клише¹²⁸.

Такой ответ на вопрос об эволюции понятия и термина «революция», определяющих коренные перемены в направлении

прогрессивного общественного развития рубежа 1980-1990-х гг., недавно дала политическая лингвистика.

Советские идейно-политические стереотипы предписывали рассмотрение процессов исторического развития в рамках формационной теории, теории революции, «закономерностей социалистической революции и социалистического строительства» и прочих кодифицированных понятий и терминов. Стремление отыскать основания для квалификации коренных преобразований в ЦВЮВЕ конца XX века как революций в традиционном смысле ликвидации старого строя и частной собственности, смены типа власти, насильственного слома прежнего режима и утверждением диктатуры пролетариата с неизбежностью должно было потерпеть неудачу, поскольку в прежней системе координат такие процессы должны были трактоваться только как контрреволюция. Среди идеологов марксизма-ленинизма не было предусмотрено места ни для отказа от попытки утвердить в странах одного из регионов Европы социалистический строй с авторитарными режимами, ни для демонтажа построенного «реального социализма». Первые попытки определить с этих позиций суть событий, происходивших в Центрально- и Юго-Восточной Европе на рубеже 80-90-х годов, вылились в квалификацию их как «буржуазные революции» или «контрреволюции», а выход из рядов «социалистического содружества» – как заведомый регресс на пути исторического развития¹²⁹. Среди идеологов марксизма-ленинизма не было предусмотрено места для отказа от попытки построить в одном из регионов Европы «реальный социализм» с авторитарными режимами, тем более от его демонтажа.

Попытки опереться в объективно развивавшейся ситуации «зигзага», отхода от линейности развития, на прежние идеологии, равно как и на перенос положительного знака с «социалистической» революции на «буржуазную» или «антикоммунистическую» оказались и неадекватными, и контрпродуктивными. Разумеется, и предпринимающиеся попытки решить проблему оценки феномена революций методом «выплескивания вместе с водой ребенка» – путем отказа, хоть и половинчатого, непоследовательного, – от признания творческого потенциала революционного преобразования действительности тоже от-

нюдь не представляются продуктивным выходом из возникшего противоречия.

Терминологизация в стиле «антикоммунистических революций» в основе своей являлась клишированием теориеподобных структур ряда далеких от науки западных идеологов и свойственных им дискурсов. В России этот термин «зацепился» как правило за произведения публицистов. В научных изданиях обычно принято использовать в подобных случаях не западные идеологемы типа «коммунистического режима» (и соответственно «антикоммунистической революции»), а вполне корректные политологические термины «автократический», «авторитарный», «тоталитарный», «авторитарно-тоталитарный» режимы, не подменяя публицистикой научный анализ, не загромождая исследования идеологическими стереотипами.

Все более основательно рассматриваются и вопросы преобразования экономических отношений: О.Т.Богомоловым, Л.П.Евстигнеевой и Р.Н.Евстигнеевым, Р.С.Гринбергом, А.Д.Некипеловым и рядом других крупных российских ученых широкого гуманитарного профиля проведен анализ трансформаций в контексте достижений экономической теории, выявлены глубинные факторы дезинтеграции общества в странах «реального социализма»: системные кризисы и множественные дисфункции, эволюция статуса классов, конфликты внутри элиты и желательность перемен для ее части, оппозиционные настроения масс, кризисы легитимности власти, вызываемая внешними факторами дестабилизация. К числу последних относится внешняя задолженность, конфликты относительно способов интеграции в глобальную систему и др.¹³⁰

Да и сам феномен «партия-государство» рассматривается отнюдь не как тождественный «коммунистической» однозначности политического и идеологического наполнения¹³¹. Это не означает отрицания того факта, что монополярная власть «партии-государства», осуществлявшая «руководящую и направляющую роль», и т.п., привела в каждой стране к отождествлению промахов и провалов «реального социализма» с деятельностью этих структур и возложению на них полноты ответственности за ее негативные последствия, вызвавшие в массах мощ-

ный взрыв протестных настроений и активизацию процессов системных трансформаций.

Нередко встречающийся термин «антикоммунистические революции»¹³² – явный оксюморон, где эпитет несет в себе однозначно противоречащее сущности содержание, логически вытесняемое за рамки принятого смыслового пространства, в котором оно обычно наделено позитивной силой нового, прогрессивного, победоносного. Здесь это нечто другое, необоснованно перехватывающее в качестве основания для использования ценностной нагрузки термина «революция» энергетику этой метафоры в виде площадных действий масс, создающее глубинное противоречие и напряженность между фундаментальными ценностями. Далекое от адекватного наполнения понятия пересекаются, идеологически растягиваются, обретают другой смысл, гасят друг друга. С их разрывом создаются новые понятия, которые оформляются в далеко разведенные, по-иному юридически и политически трактуемые термины. Возникают политические дискурсы (то есть направления и рамки рассуждений) иного, нового плана. Например, не отказываясь от признания революционного характера радикальных системных преобразований, но подчеркивая их качественно новое мирное, растянутое во времени действие, бывший президент Республики Польша В. Ярузельский предложил гибридный вариант «эволюционная революция»¹³³. По существу аналогичное определение этого процесса – «революция» как сочетание ряда энергичных мер революционного характера с основательными, как правило растянутыми во времени реформами принадлежит английскому журналисту и политологу Т.Г. Эшу¹³⁴.

Президент Международной социологической ассоциации, ведущий польский социолог П. Штомпка занялся исследованием проблематики революций (понятия, хода, моделей и теорий революции) в стилистике социологической традиции – рассмотрении комплекса процессов внутри конкретного общества. С учетом новейших достижений теории социальных изменений он подошел в анализу «самоограничивающейся революции» польской «Солидарности» и «бархатной революции» в Чехословакии, одновременно отметив дискуссионность их оценки как «революционных» движений (кавычки автора) при их мирном ха-

рактуре и «удивительной эффективности» в силу всего лишь потенциальной угрозы насилия со стороны масс¹³⁵. Ученый выразил надежду, что будущие историки, которые сумеют соединить воедино социологическую и учитывающую контекст длительного исторического процесса историософскую трактовку революций, найдут возможность распространить на преобразования конца XX в. в ЦВЮВЕ «категорию великих революций». Поставленные им в этой связи ключевые методологические вопросы вне конкретно-исторического анализа пока оставлены без ответа¹³⁶.

В настоящее время при определении характера коренных преобразований в странах этого региона, в отличие от свободно манипулирующих стереотипами публицистов, большинством ученых термин «революция» в его классическом понимании все же редко применяется к событиям 1989-го и последующих лет. Они чаще используют термины «обвал» или «демонтаж» режимов, «выход из прежней системы», «реставрация» (то есть возврат к капиталистической системе), «перемены», «переход» (от английского – «транзит», отсюда названия новых областей знаний – «транзитологии» и «посттранзитологии», ориентированных в основном на «переход к демократии и рынку»). Если прошедшие коренные преобразования и именуются революциями, то демократическими, осуществившимися в быстром темпе, методом демонтажа прежнего авторитарного (авторитарного или авторитарно-тоталитарного) режима, оформления правовых основ новой, демократической системы, проведения демократических выборов в парламент, учреждения качественно новых политических структур и институтов. Отмечается, что они стали возможными благодаря достигнутому между старой и новой элитой консенсусу относительно проведения политических и экономических реформ¹³⁷.

Политологический анализ регионального процесса демократизации политической системы исходит из нелинейного характера общественного прогресса, ведет к признанию «иного типа развития» и «смены типа власти» – перехода от авторитаризма и тоталитаризма к демократии, конструированию новых моделей и подходов в области исследования путей выхода региона из гигантского системного кризиса. При определении характера

событий рубежа 1989-1990 гг. в регионе в целом и его отдельных странах учитывается их общая антиавторитарно-антитоталитарная направленность и обвал, мягкая агония и крах структур «партии-государства». Сутью и основным содержанием начального этапа политических системных преобразований, нередко именуемых «нежными», «бархатными» демократическими революциями, признается «добровольно-вынужденный» отказ старой правящей элиты от монопольного, привилегированного положения, от командно-административных методов управления и прежнего типа власти. При этом отмечается, что весьма разнообразные формы этого процесса сочетали в различных пропорциях более или менее массовые общественные движения, создававшие общий для всего региона конструктивный фон мирного обновления режимов «снизу», и делиберативные переговоры элит за «круглыми столами», результаты которых выливались в «пактирование» – заключение договоров о демократизации политических режимов. Процесс глубоких преобразований включал в себя элементы политической революции и влек за собой радикальные последствия во всех областях общественной жизни, хотя его темпы, методы и результаты в разных странах были весьма различны, как и достигнутый уровень перемен. Он получил название системной трансформации политической сферы (и других системных трансформаций).

Однозначное и полное отстранение от власти прежней политической элиты, последовательно отвергавшей любой компромисс с оппозицией, имело место в Чехословакии, где, как следствие подавления «Пражской весны», была выхолощена ее способность видеть перспективы развития¹³⁸. Если в Центрально-Восточной Европе правящие партийно-государственные элиты были вынуждены под давлением оппозиции или/и массового движения делиться властью с другими политическими силами, то в Юго-Восточной Европе она в значительной степени переходила в руки второго, конкурирующего в борьбе за нее эшелона тех же элит – части бывшей партийно-государственной номенклатуры¹³⁹.

Начало процесса системных преобразований отнюдь не трактуется в регионе как «революционно-антикоммунистическое», поскольку попытки преодоления кризиса проходили

под лозунгом оптимизации социалистического строя. Связанные с этим сложности для политического режима парализовали как партийно-государственное руководство, так и рядовых членов партий и чиновников аппарата управления. Раздираемые борьбой между догматиками, консерваторами, с одной стороны, и как правило малочисленными реформаторами, с другой, они чаще всего оказывались неспособны к демократизации и обновлению. Наиболее существенным препятствием на пути сохранения компартиями весомых позиций на политической арене оказалось их неумение вести эффективную политическую работу в массах, отсутствие реальной обратной связи и оторванность от них даже осознававших необходимость перемен реформаторов. В результате правящие партии теряли свой членский состав и былую политическую силу. Они переоценили способность своих партий к открытому политическому соревнованию, ибо в течение сорока лет действовали в условиях ущемления и подавления политических соперников. Как показала практика, немалая часть партийных кадров не приняла перемен, показав, что может функционировать лишь в рамках авторитарной модели, которая изжила себя. Поэтому в момент решающих судьбы стран выборов в законодательные институты многие коммунисты не голосовали за проводящих новый курс кандидатов своих же партий, что усугубило и без того сложное положение последних, ослабив их позиции в формирующейся политической системе или даже вычеркнув из политической жизни. Следствием этого стало их поражение (кроме Болгарии) на свободных парламентских выборах.

Плюрализация политической палитры с перспективой быстрой утраты коммунистическими партиями статуса правящих, партийно-государственной бюрократией – принадлежности к власти вела их к внутреннему кризису, разложению и распаду. В большинстве бывших стран «реального социализма» группы реформаторов отказались от названия коммунистических и встали на путь социал-демократической модификации своих программных установок.

Диалог политических сил в ходе «круглых столов», достижение договоренностей о путях преобразования политической системы и их законодательное оформление привели не к свер-

жению режимов, а к их сокрушительному поражению на свободных многопартийных выборах и победе прежней оппозиции. Вместе с тем, договорное отречение от старой системы позволило части прежней элиты сохранить важные позиции. Поскольку государственная собственность на средства производства воспринималась в обществе как ничейная, на деле будучи неополитарной коллективной собственностью слоя бюрократов-управленцев, эта прежняя номенклатура смогла поменять свои властные полномочия и связи на присвоение ее как частной собственности. Этот специфический вариант приватизации также был весьма далек от революционной смены формы собственности.

Западные ученые при анализе предпринимавшегося впервые в истории человечества демонтажа «реального социализма» испытывали существенные трудности с идентификацией многообразных процессов его жизнедеятельности и противоречий. В заблуждение вводило применение различных теориеподобных конструкций и понятий, камуфлирующих неополитарное общество – «реального», «государственного», «бюрократического» социализма. Утвердилось и преобладало представление, что нацеленная на модернизацию производства, но жестко регламентируемая плановая экономика, якобы «научное», однако не способное переварить и оптимизировать информацию хозяйствование обрекали на неудачу строй, не использующий гибких рыночных начал и всего потенциала современного экономического развития. В 1980–1990-е гг. западные социологи и экономисты пытались выяснить, как социально-экономическому устройству стран региона удавалось воспроизводиться столь длительное время, несмотря на периодические кризисы и серьезную социальную напряженность в некоторых странах, и почему в то же время системы советского типа распались столь быстро?

Резко критикуемое в течение 1970-х гг. понятие конвергенции между социализмом и капитализмом повторно всплыло в конце 80-х гг. в разнообразии новых форм, включая понятие «догоняющих» или «выправляющих революционных событий». Используя его по горячим следам событий 1989 г., последний из крупных представителей новой Франкфуртской школы, считающейся на Западе развивающей марксизм, немецкий философ

и социолог Ю. Хабермас в 1990 г., определил события в бывших социалистических странах как революционные преобразования¹⁴⁰. Критикуя современные трактовки учения Маркса, он указывает на ограниченность его применимости к современным процессам, в том числе к нынешней трактовке социализма, на которую не может переноситься впрямую логика «Капитала», а также представления о пролетариате как носителе будущей социальной революции¹⁴¹. Хабермас исходит из необходимости анализа всей многомерности современного мира и нового уровня развития общества, в ходе которого должна быть применена не реставрация марксизма как возврат к его исходному состоянию, не его ренессанс как обновление уже практически не существующей традиции, а реконструкция с расчленением элементов, часть которых требует пересмотра, и воссоздание теории в новой форме¹⁴².

Ю. Хабермас сопоставил между собой трактовки обвала «реального социализма» шестью направлениями общественной мысли – тремя просоциалистическими (сталинистским, ленинистским и реформаторско-коммунистическим) и тремя критическими (постмодернистским, антикоммунистическим и либеральным) направлениями. Что касается первой группы, то он отметил, что сталинисты считают события 1989-го и последующих годов контрреволюцией, германские ленинисты (например, Ю. Кучинский) – «консервативной революцией» и одновременно «реформой самоочищения в рамках долгосрочного революционного процесса»¹⁴³. Направление «демократического социализма» видит перспективы развития в «исправлении недочетов» «реального социализма». У коммунистов-реформаторов существует стремление «в соответствии с множеством теоретических течений западного марксизма» отказаться от ориентации на историко-философские закономерности и исходить из того, что «ленинское самопонимание большевистской революции с самого начала фальсифицировало социализм, а огосударствление средств производства вместо их демократического обобществления способствовало бюрократическому обособлению аппарата тоталитарного господства и перевело стрелки истории в этом направлении»¹⁴⁴. В политической практике это направление отказалось от поисков «третьего пути».

Постмодернистская критика, отметил Хабермас, посчитала бескровные массовые выступления в бывших странах «реально-го социализма» последней революцией, заканчивающей «эпоху революций», соответственно «революционное крушение бюрократического социализма» – стимулом ускорения прихода «эпохи модерна». Антикоммунисты (К. Шмитт, Э. Нольте) определили это явление как окончание объявленной большевиками «всемирной гражданской войны», а либералы (Д. Белл, Р. Дарендорф и др.) – как распад последних форм тоталитарного господства и новый импульс модернизации, распространившейся на бывшие «социалистические страны»¹⁴⁵.

Не ограничиваясь рассмотрением различных идеологических построений, Ю. Хабермас исследовал научно-методологические основы современной теории революции, выявил пересечение и противостояние различных западноевропейских исследовательских традиций (П. Бурдьё, К. Касториадиса, А. Турена, Э. Гидденса, К. Оффе и др.) и определил «платформу, отправляясь от которой сегодня только и можно воспринимать импульсы, исходящие от марксистской традиции». Суммируя выводы из проделанного анализа, он указал на проблему неререформируемости «государственного социализма», «революционизируемого извне», на необходимость утверждения «массовой демократии правового и социального государства»¹⁴⁶.

Разнообразие исследуемых форм преобразований несомненно растет, но при этом модифицируется и их содержание, и характер процесса перемен, и понятийный, и терминологический аппарат. Как указывалось выше, политическая лингвистика находит убедительное оправдание подобным семиотическим новшествам. И если из традиционного марксистского и близкого в нему набора дефиниций используются «контрреволюция» и «реставрация», то при поисках адекватного отражения нового содержания преобразований по предложению Г. О’Доннела применяется термин «инставрация», как соединяющая воедино «реставрацию» прежнего, капиталистического строя и «инсталляцию», то есть установление, монтирование нового, переходного строя¹⁴⁷.

Большинство исследователей в последние годы стараются описать и проанализировать процесс перемен в целом, с вклю-

чением в него различных стадий демократической революции (трансформации) – как политических, так и экономических компонентов исторического процесса. При этом выдающиеся политологи Э. Внук-Липиньский и А. Пшеворский, а также некоторые другие исследователи вычлениают ту начальную стадию, «когда старая система уже не в состоянии выполнять свои основные функции». Они также используют понятие «процесс радикальных изменений», аналогичных по глубине, качеству и ряду других параметров революционным преобразованиям. Выход стран региона на путь ликвидации командно-административного экономического устройства и авторитарно-тоталитарных политических устоев «реального социализма» они считают началом сложного и длительного процесса коренных перемен во всех областях общественных отношений, к которому применяют определения как «демократической революции», так и «системных трансформаций»¹⁴⁸.

Внук-Липиньский подчеркивает, что развертывание этих революций как правило без применения насилия и кровопролития не должно вызывать сомнений в их революционном характере: «Если мы принимаем, что революция есть относительно внезапная замена одного общественного порядка другим, то правомерно определение такой замены как революции, даже если ее не сопровождают баррикады и революционная идеология, или даже мифология, присутствующая в классических революциях»¹⁴⁹.

Что касается определения сути процесса перемен как «перехода» или «трансформации», Внук-Липиньский отнюдь не считает их синонимами, уточняя смысловую нагрузку этих терминов следующим образом: «трансформация» есть коренная перестройка старой системы без определения ее конечного результата, «переход» («транзит», не несущий смысла проходной стадии) указывает на модель, на конечный результат (например, «переход к рынку» или «переход к демократии») ¹⁵⁰.

Согласно его заключению, наиболее типичными для данного региона в период четвертой волны демократизации оказались варианты, которые отразила «теория четырех игроков», отражающая наличие двух составляющих среди старой элиты («твердолобых» и «реформаторов»), и двух среди контрэлиты

(«умеренных» и «радикалов»). В различных сочетаниях они ориентируются на разные пути и методы решения назревших задач или отказа от него. Оптимальные шансы мирного развития демократической революции появляются при занятии сильных позиций в старой элите «реформаторами», а в контрэлите – «умеренными», что открывает оптимальные возможности для сбалансированных переговоров. Их обязательным условием является наличие не тоталитарных, а относительно более мягких авторитарных или посттоталитарных режимов¹⁵¹.

К этой схеме Внук-Липиньский считает необходимым добавить по меньшей мере два существенных фактора – реакцию общества на игру элит и динамику процесса переговоров между двумя элитами вокруг правил формирования структуры и ее функционирования. В процессе демократических перемен изменяются не только элементы системы, но и стимулирующие эти перемены их главные акторы. Старая элита теряет легитимность, переносимую на контрэлиту. Вначале этот процесс определяется как трансформация, когда результат обвала прежней системы отнюдь не предопределен окончательно. Если старая система перестает функционировать, прежние правила действуют лишь по инерции, а новые еще не определены до конца. Но основы новой системы явно формируются в направлении утверждения демократии. Уже можно говорить о переходе к ней. Содержанием такого перехода является дифференциация являющегося базой контрэлиты общественного движения – демобилизация его определенной части, формирование новой партийно-политической системы, элементов гражданского общества и т.д. Затем наступает фаза консолидации общества на новой основе и стабилизации демократической системы¹⁵².

Приведем и другие оценки смены парадигмы развития и возможностей ее отката к прежнему строю в странах Восточной, Центрально- и Юго-Восточной Европы. Например, президент Международной экономической ассоциации Я. Корнаи отнес трансформации к числу беспримерных успехов четвертой волны демократизации в масштабах всемирной истории – как создание «вслед за крушением советского и восточноевропейских политических режимов», «без кровопролития и в невероятно короткие сроки» системы, «превосходящей предшествующую»¹⁵³.

В российской науке на этот счет продолжает существовать разброс представлений. При преимущественно позитивных оценках перемен сохраняются и суждения, гласящие, что было бы целесообразно вернуться «к главным преимуществам советской системы хозяйствования – общественной собственности на средства производства и землю, централизованному планированию, изоляции от Запада» и т.д.¹⁵⁴ Полемизируя с подобными высказываниями, известный экономист В. Кудров ссылается на плодотворность опыта преобразований в соседних странах ЦВЕ, которые «вступили в эпоху выхода из исторического тупика, связанного с использованием нерыночной модели экономики»¹⁵⁵.

На страницах журнала «Альтернативы» российский ученый Л.Г. Истягин (ИМЭМО), со своей стороны утверждая, что в связи с крахом модели «реального социализма» и вызванным им распадом Советского Союза и «социалистического содружества», как в международных, так и в российских широких общественных кругах появилась надежда «если не на полное исчезновение революций из социально-политического быта, то, по меньшей мере, на какой-то длительный мораторий на них», формулирует свои сомнения по этому поводу, не вдаваясь в уточнение понятия «революция». С одной стороны, он не склонен соглашаться с многократными, но «маловразумительными» аргументами руководства КПРФ о существовании «лимита на революции», с другой же стороны, не будучи склонен отказываться от идеологических стереотипов, он предпочитает видеть возрастание потребностей в революциях «во многом в связи с результатами и следствиями глобализации». Общая констатация автора, гласящая, что «революции не только сохранились и происходят, но и принимают все более разнообразные формы»¹⁵⁶, вполне приемлема.

Изучающая этот процесс отрасль знания, как справедливо подчеркивает Я. Корнай, не только не исчерпала свои возможности, но в области сочетания трансформации различных сфер «необходимый ей всесторонний подход даже еще не начинался»¹⁵⁷. Во многом разделяя пафос такого подхода, поочередно рассмотрим проблему системных трансформаций в регионе на примере и материалах различных сфер общественной жизни.

Глава 2

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Становление современного рынка

Заканчивающаяся вторая декада системных трансформаций региона ЦВЮВЕ ввиду ставшей вполне очевидной их объективной обусловленности и комплексности, особой широты и глубины позволила президенту Международной экономической ассоциации проф. Я. Корнаи именовать их великими¹⁵⁸. В конце первого десятилетия XXI в. воспринимаемая в качестве одной из ключевых проблем трансформации, проблема возврата стран ЦВЮВЕ к рыночной экономике и преобразования собственности правящего класса политаристов в частную приблизилась к окончательному решению.

Спецификой системных экономических перемен в регионе было коренное отличие исходных условий – довоенный рынок был в этих странах менее развитым и плохо регулируемым. Возвращаться к нему не имело смысла. Надо было, опираясь на западный опыт, создавать современное цивилизованное, развитое рыночное хозяйство. Страны «реального социализма» делились на две группы. Венгрия, Югославия, Польша – это были страны, в которых уже проводились определенные рыночные реформы, и они были лучше готовы к экономической трансформации. В других странах сохранялась сверхцентрализованная командно-административная экономика. Там было труднее начинать даже ее либерализацию. Правда, у Чехословакии стартовые экономические условия были лучше.

Своеобразие политических и экономических процессов потребовало определения очередности преобразований, прежде всего сводясь к вопросу: что следует вводить раньше – демократию (системные изменения авторитарической политической системы) или рынок (с оптимизацией базиса через макроэкономическое видоизменение строя и замену административно-командной системы рыночными механизмами). Вводиться одновременно они не могли в силу их различной природы и раз-

личных темпов и методов неизбежной предварительной либерализации, что потребовало детального, самостоятельного рассмотрения проблематики определяющей смену общественного устройства экономической системной трансформации стран региона. Своеобразие ЦВЮВЕ было и в том, что оба основных потока трансформационных процессов двигались одновременно, в условиях либерализации периодически опережая и подкрепляя друг друга. Коренные демократические преобразования, быстрые и успешные, позволили принять законодательство, направленное на развитие политических свобод, формирование политического плюрализма, гражданского общества и т.д. Затем стали проводиться экономические реформы. Создание новых институтов рыночной экономики шло значительно медленнее. Но и политические преобразования в ряде стран затормозились. В России и СНГ реальная демократизация государства и общества вообще были оставлены «на потом».

Странам «реального социализма» в последние десятилетия XX в. пришлось столкнуться с хроническим, а затем ставшим небывало масштабным спадом экономической активности, с дестабилизацией финансового положения и резким обострением социальных проблем¹⁵⁹. Основной и повсеместной болезнью экономики этих стран было неравновесие потребительского рынка, что позволило Корнаи назвать экономику «реального социализма» «экономикой дефицита»¹⁶⁰. Рыночное неравновесие вело к углублявшейся дестабилизации хозяйственной жизни. Чем явственнее и последовательнее в той или иной стране был выражен тип экономики сверхцентрализованного планирования и контроля со всеми его противоречиями и пороками, а система управления – бюрократизированной, тем труднее оказывалась либерализация хозяйственной деятельности, торговли и финансов.

Трансформационный потенциал экономических систем части стран ЦВЮВЕ, рожденный назревшей потребностью перехода к рынку, сформировался в виду исчерпания объективных и субъективных возможностей продолжения частичных прорыночных реформ, которые начинались в рамках попыток совершенствования незавершенного процесса саморегулирования системы. Насущной необходимостью становились такие пере-

мены, которые могли бы обеспечить довершение либерализации экономики, создание рыночных институтов, приватизацию и реструктуризацию сектора промышленных предприятий, преодоление инфляции, застоя и рецессии, вступление на путь устойчивого, уравновешенного и быстрого экономического роста.

Первой предпосылкой устойчивости макроэкономической стабилизации и системной стабильности в условиях подготовки ассоциирования с ЕС и выполнения его требований как основы проведения последующих реформ было соблюдение критериев конвергенции, определенных в декабре 1992 г. в Маастрихтском договоре. Он оформлял создание Европейского Союза: ограничение публичного (государственного) долга до уровня, не превышающего 60% ВВП, и обеспечение бюджетного дефицита на уровне не выше 3% ВВП. Применять критерии конвергенции, касающиеся уровня инфляции, долгосрочных процентных ставок и стабильности валютного курса, обязывали стран-кандидатов пакты присоединения к Европейскому Союзу согласно рекомендации маастрихтской программы «Среднесрочная финансовая стратегия» (либерализация цен и снижение нормы ценовой инфляции при сохранении необходимой части цен, регулируемых государством). В 1997 г. снижение инфляции до однозначной цифры должно было привести к снижению затрат на обслуживание внутренней задолженности, а снижение темпа продолжавшейся девальвации – внешней задолженности. Предпосылкой макроэкономической стабилизации также являлось постепенное уменьшение неравновесия в торговом балансе и текущих оборотах с границей, чему способствовала соответствующая внешнеторговая и платежная политика.

В конце 80-х–начале 90-х гг. страны ЦВЮВЕ, как и занятые переходом к самостоятельному быту советские республики, переживали сходные, но разной интенсивности процессы: механизмы создания нового общественного устройства складывались сообразно возможностям сил, задействованных в процессах трансформации, их готовности проектировать и реализовать коренные преобразования. Вначале ни у кого не было четкого понимания главных целей перемен. Еще только начинали формироваться представления о приватизации как основе создании экономической базы нового общественного устройства¹⁶¹. Эко-

номическая трансформация виделась как попытка создания современной рыночной экономики по западному образцу, на основе западного опыта и опираясь на помощь мирового капитала, ТНК. Западу на это пришлось потратить многие десятилетия. В ЦВЮВЕ это была попытка перескочить через этапы, сократить время и, используя опыт Запада, включаясь в процесс интеграции с ним, быстро, за 10-20 лет, создать современную рыночную экономику. Если в мире существовал какой-то опыт перехода от централизованной экономики к рыночной, то это был опыт перехода от военной экономики к рыночной в Европе после второй мировой войны, а также в некоторых странах Латинской Америки.

Но там уже существовали некоторые рыночные институты – частная собственность, банки, биржи и пр. В ЦВЮВЕ эти институты практически пришлось создавать заново, преодолевая кризис и выходя на путь экономического роста через невиданно масштабный процесс перехода от командно-административной экономики к рыночной, создания новых отношений собственности и институтов.

Какой-либо теории перехода практически не было. Даже если становилось ясно, что нужно делать, то как это делать, какими темпами, какова очередность экономических преобразований, предстояло опробовать в самом процессе трансформации. В России реформы вызревали постепенно, сверху и скрытно, будучи нацелены не на смену, а на укрепление строя и режима, на идеологическую поддержку этого процесса в рамках антиинициативы «коммунизм – капитализм» и защиты статуса великой державы при помощи укрепления военно-промышленного комплекса. В условиях исчерпания возможностей «реального социализма», когда социальные связи значительно ослабели, а рыночные институты практически отсутствовали, государство не было в состоянии стабилизировать и интегрировать общество. Последнее не было готово к переменам, к урегулированию отношений различных социальных сил на новых основах. Пришлось сдать на милость организаторской роли спонтанно рождавшегося эрзаца рынка, который преимущественно опирался не на собственно рыночные, хотя бы и зачаточные институты, а на личные, неофициальные, горизонтальные связи внутри от-

дельных сегментов прежней неополитарной власти: партийного аппарата, армии, КГБ, комсомольского аппарата или ГРУ, а также на контакты, укорененные в мафиозных структурах, а затем – все шире – на механизмы локальной самоорганизации общества. Его различные сегменты втягивались в ширившийся аморфный конфликт между отдельными фракциями элит, между властью и обществом. Критики режима не успевали организовать и возглавить зарождавшееся социальное движение. Размытость понятийного аппарата «реального социализма» стирала идеологические клише о неизбежности и безальтернативности социалистической формации, ускоряла ее конец. Система теряла свою идентичность. Росла ее неуправляемость, усиливался распад. Вместе с тем, Россия последовательнее других стран СНГ продвигалась в направлении открытого общества, либерализации и создания необходимых институтов рынка, хотя ни у кого не было всесторонней стратегии преобразований. Послекризисный период вначале позволил стране осуществлять цели либерализации и приватизации, однако затем вынудил увеличить вмешательство государства и влиятельных групп интересов в экономику, где государство старалось укрепить свою роль арбитра в споре олигархов – претендентов на получение ренты, превратившись в ее высшего сборщика. Постепенно накапливались нерешенные политические проблемы. Диверсифицировавшее свои структуры и роль государство вынуждено было отступить к «закрытой» системе.

Украина, стараясь использовать опыт Запада, пошла путем замедленного, градуалистского движения к решению проблем перехода к рыночной экономике – через ограниченные преобразования, постепенную либерализацию, частичную приватизацию и относительную стабилизацию, осуществляемые рывками. В этой стране обострилась борьба кланов – претендентов на получение ренты и властных позиций. Остальные республики СНГ, с традиционным мобилизационно-волюнтаристским менталитетом, неуважением к закону и к деловой активности, пытались сделать свое неополитарное государственное устройство более устойчивым и жизнеспособным, чем прежде, в той или иной мере копируя новые веяния в России или пренебрегая ими (Белоруссия, Туркменистан). В основном они задержались на

стадии абсолютной или относительной неспособности выработать и реализовать программу преобразований, идеологически зацепившись за концепцию строительства гибридной «социальной рыночной экономики». Самый противоречивый минимум шагов в направлении приватизации был предпринят в Узбекистане, где процесс либеральных преобразований даже не был начат, а теневая экономика подрывала сотрудничество государства с бизнесом. Было очевидно, что одновременное проведение преобразований разных областей невозможно, как и одновременная замена старой администрации новыми институтами, тем более в авторитарном клановом обществе. Равным образом реальными препятствиями были нестабильная структура собственности, права которой были защищены плохо, сохранение большой роли прежней недемократической формы власти и глубокие патологии – коррумпированность элит и клиентелизм.

К переменам более всего была готова осваивавшая концепции западных экономистов, преимущественно неолибералов, теоретическая мысль авангарда системных перемен – Польши и Венгрии, в которых в 80-е годы в наибольшей степени утвердилась идея либерализации экономики и наступило ослабление роли государства. В этом исторически более развитом, относительно непродолжительно пребывавшем в авторитарно-тоталитарном «социалистическом содружестве» субрегионе разрыв между идеологемами и действительностью воспринимался значительно острее, хотя у властей сохранялись убеждения в возможности удержания критической массы протестов ниже уровня порога дестабилизации при помощи контроля за преобразованиями и маневрирования¹⁶². Рост понимания неэффективности неополитарного социально-экономического строя, особенно в Эстонии, Словении, Польше, Венгрии и ряде других стран, толкал к переходу к неолиберальной «имитационной модели», которую навязывали западные эксперты. Вместе с тем, даже в наиболее развитой Центрально-Восточной Европе переход к рыночной экономике в процессе слома структур прежней коллективной собственности и административно-командной системы управления – с отказом от авторитарных методов принятия решений, с ликвидацией прежних институциональных структур и системы распределения ресурсов, но без основатель-

ной подготовки замены этой системы оказался значительно сложнее и продолжительнее, чем первоначально предполагалось.

Различия в сроках и темпах экономической трансформации, в глубине рецессии и спада ВВП между государствами ЦВЮВЕ и постсоветскими республиками проистекали прежде всего из меры готовности народного хозяйства и проходившей через процесс ротации элиты к системным изменениям. Этим объясняются как успехи центрально-восточной Вышеградской четверки и Словении, так и запаздывание с системными переменами стран балканского субрегиона и большинства постсоветских республик.

Попытки ряда стран сразу освободиться от синдрома дефицита и инфляции путем быстрой и широкой либерализации цен потребительских товаров в условиях одновременной жесткой фискальной и монетарной политики оказались неудачными. Вместо ожидаемого достижения динамичного рыночного равновесия «рыночный фундаментализм» обеспечил резкое падение производства и рост инфляции, а затем стагфляции со свойственными ей экономической стагнацией и значительным повышением уровня безработицы. По сравнению со стартовым 1989 г. большая трансформационная депрессия отбросила уровень ВВП «постсоциалистического» региона Европы назад примерно на 30%¹⁶³.

Средний период рецессии в странах ЦВЮВЕ, а также в прибалтийских государствах составлял три года и восемь месяцев, а повышение реального ВВП в 2000 г. по отношению к 1990 г. – 106,5%. Соответственно различиям в принятом отдельными странами курсе трансформационная рецессия и динамика ВВП выглядели по-разному. В Польше за период 1990-2000 гг. рецессия имела место только два года (1990-1991), а уровень реального ВВП в 2000 г. составлял 112% от уровня 1990 г. Через трехлетнюю рецессию прошли: Албания (с повышением реального ВВП на 110%), Чехия (на 99%), Румыния (на 144%) и Словения (на 105%). Для сравнения: в СНГ средний период рецессии составил 6,5 года, а ВВП повысился на 62,7%. Относительно небольшой спад производства произошел в Польше (6%), Чехии (12%), Словении (14%) и в Венгрии (15%), а самый значитель-

ный – в Хорватии (36%) и Албании (33%). Для начального периода средний показатель суммарного спада производства в странах ЦВЮВЕ составил 22, 6%¹⁶⁴.

У экономистов-теоретиков стран региона возникли две диаметрально противоположные трактовки причин рецессии. Одна исходила из необходимости «процесса творческой деструкции» в связи с глубокими качественными преобразованиями системы хозяйствования; новые производственные мощности, удовлетворяющие спрос в условиях свободного рынка, были «не в состоянии возместить резкую ликвидацию устаревших мощностей, результатом чего стала рецессия»¹⁶⁵. Согласно другой концепции, источником трансформационной рецессии являлась жесткая макроэкономическая политика, направленная на подавление валового спроса, что «очень быстро толкнуло вниз производство и вызвало массовую безработицу»¹⁶⁶. Очевидно, что падение производства было многофакторным, но ведущую роль сыграли слабость теоретической подготовки и волюнтаризм элиты.

Опыт, накапливаемый в ходе попыток реформирования экономики, облегчал осмысление системной трансформации. Там, где ранее предпринимались отдельные реформы и реализовались паллиативные рыночные решения, трансформационная рецессия продолжалась относительно недолго, несмотря на существенные волюнтаристские ошибки. Рыночные механизмы начинали действовать быстрее, ускоряя процессы системных преобразований. Вместе с тем, согласно представлениям либеральной оппозиции, роль государства в области экономики должна была быть резко ограничена – но не из-за реальных потребностей ее оптимизации, а по сугубо идеологическим причинам: чтобы подчеркнуть отказ от «реалсоциалистической» модели централизованного планового хозяйства.

В трансформирующихся странах ЦВЮВЕ, а также СНГ средний уровень инфляции составлял соответственно: в 1991 г. – 120,7% (СНГ – 108,1%), в 1992 г. – 1080,3% (СНГ – 1055,0%), в 1993 г. – 997,8% (СНГ – 1827,0%), в 1994 г. – 1250,2% (СНГ – 2648,0%). Самый высокий средний уровень инфляции наблюдался в 1992-1994 гг. Затем инфляция стала спадать: в 1995 г. до 176,2% (составляя в СНГ 350,0%), в 1996 г. – до 85,6% (СНГ – 151,0%), в 1997 г. – до 68,6% (СНГ – 34,0%), в 1998 г. – до 16,8%

(СНГ – 19,0%), в 1999 г. – до 27,2% (СНГ – 48,0%), в 2000 г. – до 20,5% (СНГ – 29,0%), в 2001 г. – до 15,2% (СНГ – 17,0%)¹⁶⁷.

Масштабы материальных бедствий, обрушившихся на «постсоциалистические» страны в период трансформаций, хорошо иллюстрирует сравнение с показателями других кризисных периодов первой половины XX века: если общий спад ВВП в этих странах в 1990-2000 гг. составил 40%, то в России снижение этого показателя в течение четырех лет первой мировой войны достигло 25%, пяти лет гражданской войны – 23%, а пяти лет Великой Отечественной войны – 21%.

Небезынтересно провести сравнение и с некоторыми данными потерь Запада во время мирового экономического кризиса 1929-1934 гг.: в Великобритании спад производства длился два года и достиг 6%, во Франции и Германии – по три года (достигнув соответственно 11% и 16%) и в США – четыре года (27%)¹⁶⁸. По сравнению с этими показателями трансформационные потери стран «реального социализма» оказались огромными, а их компенсирование потребовало длительного времени. Масштабная экономическая трансформация развернулась в этих странах только в 1997 г. Уровень реального ВВП в среднем превысил показатели 1989 г. только более чем через десять лет – в 2001 г.: при этом существенно только в Польше (128%) и Словении (118%), не на много – в Венгрии (108%) и Словакии (106%). Среди стран Юго-Восточной Европы относительно высокого роста достигли Албания (110%) и Румыния (81%), а самого низкого – Болгария (74%) и Югославия (50%). В Болгарии и в Румынии начатые в первой половине 90-х гг. трансформационные усилия оказались половинчатыми и малоэффективными.

В поисках теоретических основ и моделей экономической трансформации

На этапе «реального социализма», как признает вслед за немецким экономистом Х.-Ю. Вагнером¹⁶⁹ известная российская исследовательница С.П. Глинкина, не существовало модели ни формализованной социалистической системы, ни социалистиче-

ской экономики в частности. Поэтому подходы к проблематике трансформации в регионе носили прагматический характер и были лишены теоретической базы¹⁷⁰. Еще в 1997 г. З. Бжезинский имел основания констатировать по этому поводу: «Не существует никаких серьезных или сравнительных экономических исследований, которые могли бы содержать систематический анализ или хотя бы только концепции. До сих пор не существует ни реальной модели, ни исторически подтвержденного прецедента, который мог бы служить основой эффективного планирования широкомасштабной и длительной политики трансформации»¹⁷¹.

Методология анализа трансформаций закладывалась на одном из двух вариантов: или стадияльно-формационном подходе, исходящем из примата экономики и линейно-прогрессивного характера траектории развития, или цивилизационном подходе, отстаивающем примат духовной сферы и приоритет цивилизационных ценностей, для которого нет и не может быть «конца истории», «полной и окончательной победы» того или иного строя. На этой основе, указывает Глинкина, сформировались четыре понимания перехода. Это *телеологический подход*, ориентирующий на быстрый переход от одного состояния общества и экономики к другому в соответствии с неким идеалом или проектом, который «был отвергнут вместе с опытом строительства реального социализма – эксперимента с использованием широкомасштабной социальной инженерии»; реализованный западными государствами в течение нескольких столетий формирования рыночной экономики и ушедший в прошлое *абсолютизированный эволюционизм*; *генетический подход*, представленный целым рядом научных концепций: идеей постепенной, поэтапной социальной инженерии К. Поппера, базирующимся на необходимости учета объективных тенденций развития подходом Н.Д. Кондратьева; концепцией «перспективных траекторий развития» В.М. Полтеровича и др.; *переход через заимствование» существующих в наиболее развитых странах Запада институтов* в надежде на осуществление успешной догоняющей модернизации¹⁷². Страны ЦВЮВЕ, вползавшие в стадию кризисного развития, пошли последним из перечисленных путей, вначале занятые выбором «оптимальной» не-

олиберальной формы рыночного хозяйства – рентоориентированной или производительной экономики, от чего зависела специфика складывающейся экономической системы, социальной структуры общества и мотивации его членов.

Полемика вокруг успешности или провала заимствования неолиберальных методов трансформации, в том числе якобы «шоковой» терапии в Польше 80-х гг., продолжается в течение без малого двух десятилетий. Анализ «эталонного» польского опыта показал, что распространенные представления о нем как излишне форсированном ошибочны: польская либерализация проводилась постепенно, темпы роста потребления оставались высокими, превышая темпы роста ВВП, приватизация до сих пор не завершена, мелкий бизнес находится в поле зрения властей. Еще показательнее успехи трансформации в Словении и Чехии, достигнутые вопреки неолиберальному Вашингтонскому консенсусу.

Старт системной экономической трансформации в странах ЦВЮВЕ пришелся на период кондратьевской «понижательной волны» развития мировой экономики, нефтяного кризиса и взрыва инфляции, одновременного спада производства и повышения цен. С 70-х гг. темпы экономического роста в развитых капиталистических странах быстро снижались. В западной политике утверждались неолиберальные и (в качестве противодействия их нестабильности и моральному разгильдяйству индивидуализма) неоконсервативные установки как наиболее рациональные опоры политики М. Тэтчер и Р. Рейгана¹⁷³. Еще недавно весьма благополучный мир «развитого капитализма» подчинила идеология неолиберализма, претендовавшая на роль оптимальной интерпретации экономической теории и практики. Неолиберальный дискурс и рыночный контракт стали абсолютно преобладающими. Экономисты Запада интенсифицировали поиск методов макроэкономической стабилизации в ключе подчинения всех сфер общественной жизни рынку, создавая его сверху там, где он еще не существовал, и растягивая на все сферы человеческой деятельности. До минимума ограничивалась роль государства в экономике, а предпринимателям предоставлялась максимально широкая свобода действий при ограничении их социальных обязанностей и прав профсоюзов.

Призванные в качестве экспертов западные экономисты, политики и теоретики чикагской школы – сторонники неоллиберализма – стали направлять начавшиеся в странах ЦВЮВЕ перемены в русло ликвидации «реального социализма» при помощи умозрительных концепций «нулевого старта», «чистой страницы» или «черной дыры». Прежде чем пригодность их сугубо идеологического подхода была убедительно опровергнута в процессе дальнейшего (как регрессивного, так и прогрессивного) развития стран региона, понадобилась длительная верификация этих концепций, чтобы доказать, что принципы неоллиберальной экономической политики диктуются не научной рациональностью, а стремлением жестко, подрывая солидарность людей труда, навязывать рыночный строй и любой ценой форсировать накопление капитала. Стратегические консультативные центры высокоразвитых капиталистических стран, в том числе международные финансовые институты и хозяйственные организации, включая Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ) и Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), отнюдь не закладывали в свои сценарии развития мировой экономики появления качественно нового, трансформационного процесса в странах ЦВЮВЕ и в республиках бывшего СССР. Они вообще не предвидели характера, масштабов и результатов того процесса демократической рыночной трансформации как процесса глубоких, фундаментальных системных изменений, какой с распространением представлений о всеобщей «американизации» – рыночной глобализации – интенсивно развернулся на рубеже 80-90-х гг. в бывших странах «социализма» (за исключением нескольких стран Юго-Восточной Европы, охваченных военно-этническими конфликтами и в 90-е гг. затронутых преобразованиями весьма поверхностно).

Научное осмысление трансформационных процессов запаздывало. Советские общественные науки долгое время по традиции пропагандировали идеологемы ликвидации власти буржуазии и частной собственности во всем мире, игнорируя возможность «зигзагов» в развитии общества. Теоретики продолжавшего поиски путей к демократическому социализму российского движения «Альтернатива», не вдаваясь в детали перспектив сис-

темной трансформации периода четвертой волны демократизации, объявили основанную на «глобальной гегемонии капитала» и частной собственности модель социально-экономического развития устаревшей и противопоставили ей в качестве альтернативы «экономику солидарности», альтерглобалистские «разнообразные способы хозяйствования, основанные на разных формах общественного распоряжения и присвоения», и т.д.¹⁷⁴ Посчитав, что тенденция «социализации собственности и экономики» «в иных странах... сменилась на обратную», известный обществовед А.В. Бузгалин признал, что переходным состояниям свойствен «реверсивный, регрессивный ход истории», что мы сейчас «временно» «попали в русло реверсивного течения исторического времени», за которым последует «прогрессивный ход»¹⁷⁵.

Экономические, политические и социологические теории оказались в этой области бессильны, поскольку научные разработки в сфере «регрессивной» смены общественного устройства в странах «социалистического содружества» не велись. Не существовало ни аналитического интереса, ни прогностического вкуса к подобным структурным преобразованиям как политического, так и социально-экономического устройства целого региона. Концептуальные основы целей и методов трансформации закладывались с опозданием, так же определялись предпосылки формулирования рациональной с различных точек зрения ее программы и вытекающие из них рекомендации в отношении принципов и методов ее реализации. По справедливому мнению российского политолога Е.С. Пивоварова, это явление было связано с кризисом «самой общественной российской науки, которой в течение последнего десятилетия не удалось сказать чего-либо существенного на тему той фундаментальной революции, которая происходит в настоящее время. (...) Отечественная наука оказалась неготовой к адекватному анализу этих перемен»¹⁷⁶. Эта оценку следует отнести и к общественным наукам ЦВЮВЕ, которые находились под идеологическим прессом и включились в исследовательский процесс уже по ходу перемен.

Общетеоретическую основу трансформации экономических отношений, проведения системных преобразований в этой сфере вначале составили западные наработки: теория прав собствен-

ности, теория погони за рентой, теория агентства, теория Х-неэффективности, теория внешних эффектов, теория общественных благ, теория деловых затрат и теория экономических интересов. Все эти теории в разной степени и объеме определяют роль и значение частной собственности как одного из основных институтов экономической жизни и показывают макро-, микро- и мезоэкономические преимущества развития этого типа собственности, что особенно важно в условиях глобальной конкуренции.

Обратим внимание на наиболее важные теоретические выкладки. Особое место среди них занимает теория прав собственности, которая обосновывает выгоды, достигаемые благодаря частной собственности, определяет условия ее эффективности при переходе от формально-правовой формы собственности к экономической форме. Эта теория формулирует рекомендации касательно способа придания прав собственности определенным экономическим субъектам. Частная собственность акционерного типа (групповая) рассматривается как имеющая превосходство над индивидуальной как в области снижения риска, так и сосредоточения капитала (рынки, особенно денежные, вынуждают определенные действия менеджеров в интересах акционеров). Недостатки рынка и механизмов рыночной конкуренции часто являются следствием неправильного распределения прав собственности, особенно права свободного пользования предметом собственности или права присвоения выгод, получаемых от собственности (политарная форма собственности это наглядно продемонстрировала). В свою очередь, теория погони за рентой объясняет способы достижения выгоды одними хозяйственными субъектами за счет других, а в период трансформации – поведение разных социальных групп, заинтересованных в перехвате выгод от приватизации (так называемой приватизационной ренты). В этой области использовались достижения теории экономических интересов.

Затем к этим теориям добавилась теория цены системной трансформации как перехода от централизованной плановой к рыночной экономике¹⁷⁷. Современная наука добавила этот новый раздел к теоретическим выкладкам о приватизации на основе анализа еще не завершеного в ЦВЮВЕ процесса. Однако

разнообразные достоинства возврата в ходе трансформации к частной собственности как пути обеспечения ускоренного экономического развития в соответствии с требованиями глобальной конкуренции уже широко признаны. Новая теория отвечает на вопросы оптимального темпа приватизации, сферы регулирования и дерегулирования рынка и всего народного хозяйства, а также взаимоотношений между общественным и частным сектором. Цену трансформации она складывает из затрат на достижение более высокой микроэкономической и макроэкономической эффективности после приватизации и дерегулирования, затрат на адаптацию системы социального обеспечения, а также затрат на реализацию приватизационных процессов¹⁷⁸. Кроме того, эта теория обосновывает необходимость существования в некоторых областях экономики общественного сектора. Категория общественного интереса базируется на политических решениях и использует разные критерии. Исходной точкой для принятия этих решений может быть категория интереса, исходящего из учета альтернативных выгод и потерь. Переговорный характер приватизации «сверху», проводимой законодательно, позволяет полнее показать противоречия экономических интересов в ходе формирования правил игры вокруг собственности. Ввиду ослабления института государства в процессе приватизации общественные интересы защищаются намного слабее, чем интересы частных инвесторов. Обнаруживается необходимость использовать комплекс инструментов защиты общественных интересов, например, законодательно, при переходе определенных функций от приватизированных предприятий к государству, а также социальных обязательств по отношению к трудовым коллективам и в области защиты окружающей среды.

Теория агентства исследует, в свою очередь, связи между собственностью и организацией процесса принятия решений, так называемую приватизацию управления через мотивируемых приобретением акций на особых условиях менеджеров при переходе от групповой административно-бюрократической собственности к частной. Она позволяет оптимально использовать концепцию общественно-частного партнерства, реализовать различные, в первую очередь высоко капиталоемкие и рискованные программы и инвестиционные проекты в сфере инфра-

структуры. Теория Х–неэффективности раскрывает причины более слабого функционирования предприятий «публичного сектора», пользующихся предоставляемой государством монопольной позицией: отсутствие заботы хозяйственных субъектов об эффективности производства при отсутствии давления конкуренции и без четких прав собственности. Очевидно, что эти теории полезны при анализе преодоления негативов политарной формы собственности, ограниченности ее возможностей относительно прогрессивного хозяйственного развития. Особенно актуальна для исследования закономерностей преобразований с последующей проверкой практикой разрабатываемая теория экономической трансформации как основа проведения адекватной политики¹⁷⁹.

В поле зрения российских ученых в первую очередь попала необходимая для анализа системной трансформации экономическая теория прав собственности¹⁸⁰. Польские ученые Ю. Пайетска и В. Шиманьский подошли к этой проблематике шире, начав с изучения проблемы рациональности глобализации¹⁸¹. Согласно концепции ведущего польского экономиста Х. Холая, теоретический анализ системной трансформации требовал выяснения ключевых вопросов: откуда, куда и как идут проходящие через нее страны¹⁸². По сходному мнению российского экономиста П.Н. Федоренко, программа и нацеленная на преобразования политика были призваны дать ясные ответы на пять основных вопросов перемен: что, кто, когда и где подвергается изменениям; насколько преобразования эффективны с экономической и общественной точки зрения?¹⁸³ Некоторые теоретики ЦВЮВЕ постарались сформулировать хотя бы частичные ответы на эти вопросы, сосредоточившись на способе проведения системных перемен.

Сложнее обстояло дело с изучением социологических и философских аспектов этой проблематики. Пионером в этой области стал А.П. Бутенко¹⁸⁴. Взявшись за изучение явления «зигзага» в общественном развитии, он констатировал: «...в какой-то мере предвидя возможные беды и провалы *исторического забегания*, марксизм так и не проанализировал с должными выводами и предупреждениями волнообразное – через подъемы и спады, через зигзаги длительных отступлений – развитие рево-

люционных преобразований, не исключая серьезных временных поражений и фронтальных отступлений революционных сил на пути к их избранной цели, широких реставраций и откатов назад, к прежним порядкам...». Его главный вывод гласил: «марксизм не предвидел и не объяснил то, что стало реальностью в наше время», не раскрыл «ту историческую предопределенность неудач и провалов социализма, которые обрушил XX век на человечество». Историческое же «забегание вперед» «уже самим своим фактом создает огромные трудности в продвижении страны к социализму и, чаще всего, обрекает «социалистическое строительство» в такой стране на неудачу, на почти верное поражение»¹⁸⁵.

Неолиберальная трансформация. Вашингтонский консенсус, другие варианты неолиберализма и их критика

Ученые и политики стран развитого капитализма, избравшие траекторию неолиберализма, на рубеже 90-х годов XX в. развернули переход от узкого понимания трансформации экономики как автономной сферы жизнедеятельности к связанному с завершением индустриализации и модернизации общественного производства в процессе его восстановления широкому пониманию, ставящему экономику в центр общественной жизни как ядра социально-политического и культурного развития общества. Началось возглавляемое теоретиками из США стимулирование трансформации в ЦВЮВЕ как составной части глобализации неолиберального типа.

Явления трансформации ЦВЮВЕ постепенно все более привлекали к себе внимание различных международных финансовых учреждений и экономических центров этого направления. В изданиях западных учреждений и организаций, а также в официальных и научных исследовательских разработках стали систематически публиковаться материалы и документы, аналитические справки и научные работы, касающиеся этой проблематики. Международный валютный фонд начал делать это в

«World Economic Outlook», Всемирный банк – в «Transition», Европейский банк восстановления и развития – в «Transition Report», а Организация экономического сотрудничества и развития – в «OECD Economic Surveys». Университет Объединённых Наций в своём Мировом институте исследования экономического развития (UNU WIDER), в Хельсинки, также развернул исследования проблем экономического развития стран ЦВЮВЕ в переходный период. Диагностированием трансформации стал заниматься ряд практических, оперативно-прогностических центров. Первые теоретические исследования были развернуты в высших учебных заведениях и академиях наук. Научные центры в США и странах Западной Европы стали издавать специализированный журнал, посвященный экономической трансформации в переходном периоде («Economics of Transition»).

Неолиберализм потеснил в ЦВЮВЕ зарождавшиеся альтернативные трансформационные концепции, программы и стратегии ВБ, а с середины 90-х годов – и Всемирной торговой организации (ВТО). Неолиберальная парадигма системной трансформации стала навязываться политической и экономической элите региона с использованием финансовых рычагов и политического давления, при помощи занятого поддержкой курса на достижение в краткосрочной перспективе макроэкономической стабильности МВФ, в опоре на ориентированные на содействующие экономическому развитию средне- и долгосрочные программы структурных изменений в экономике. Неолиберальные реформаторы – «чикагские мальчишки» – предлагали рецепт достижения устойчивого экономического подъема региона путем быстрой, в течение 3-5 лет, проводимой приватизации национализированной промышленности, как это ранее делалось в капиталистических странах с рыночной экономикой. Однако в последних ситуация была совершенно иной ввиду наличия там (и отсутствия даже в Центрально-Восточной Европе) облегчающей этот процесс институциональной рыночной структуры и существенных финансовых средств. Известные американские эксперты Дж. Сакс, Д. Липтон и Л. Саммерс отождествляли положение в ЦВЮВЕ с ситуацией то в Западной Европе после второй мировой войны, то в Латинской Америке 80-х гг. XX века.

Они полагали, что экономика Восточной Европы и ЦВЮВЕ полностью подорвана и ее следует сконструировать с нуля. Однако дело было в ином: региону были свойственны деформации развития – экстенсивный характер воспроизводства, рыночное неравновесие и дефицит, недоразвитость сферы услуг и т.д. Следовало учитывать и то, что дефекты хозяйственной структуры и ее функционирования сочетались с наличием значительных ресурсов производственных мощностей и рабочей силы, которые надлежало использовать более рационально. Проблема безработицы была совершенно иной, чем они себе представляли. Неолиберальные экономисты, ориентировавшие ЦВЮВЕ на рубеже 90-х гг. на немедленное снятие всех ограничений для частной хозяйственной деятельности и открытие рынков относительно слабых экономик региона для беспощадно разрушавших местное производство высококачественных западных товаров, сеяли иллюзии относительно «реальности» быстрого внедрения западных образцов и адаптации чуждых, не имеющих опоры в местном опыте социальных институтов¹⁸⁶. Между тем, концепция форсированного и в то же время якобы не требующего огромных общественных затрат перехода от находившейся в состоянии застоя или упадка плановой экономики к сбалансированной, быстро развивающейся рыночной с самого начала была нереалистична. Очевидно, что такое стимулирование преобразований, составляющих существенный компонент процесса глобализации, и положенной в их основу «структурной корректировки» носило преимущественно политический характер.

Доктринерская установка чикагской школы права и экономики на быстрейшую и широкомасштабную приватизацию, на неограниченную свободу частного предпринимательства, вплоть до полной ликвидации «общенародного» сектора, до максимального ограничения роли государства в регулировании экономики не могла не парализовать процесс трансформации. При таком его ходе программно, до основания разрушался прежний экономический строй. Вместо анализа путей и методов развития промышленности, внедрения передовых технологий и подготовки кадров навязывались упрощенные мифологемы саморегулирования экономики, без попытки ее усовершенствования¹⁸⁷. Регулирующие функции государства были признаны не-

нужным и подлежащим ликвидации реликтом предыдущей системы. Директивы западных неолибералов, не учитывавших условия региона, принесли с собой бюджетный дефицит, резкое ограничение бюджетных расходов и дотаций для «общенародных» предприятий, их хаотичную и неэквивалентную приватизацию, жесткое сокращение штатов, рост массовой безработицы, а в итоге – трансформационный провал. Предпринимались и регрессивные попытки неоконсервативного реформирования прежнего строя путем укрепления автократических, иерархических вертикальных структур, традиционных социально-политических, клановых и семейных связей, воссоздания элементов прежнего строя и групповых имущественных отношений. Имело место временное совмещение двух разных вариантов строя – неополитарного (коллективной собственности правящего слоя) и частнособственнического. Подобные эклектичные решения, за которыми крылись те или иные клановые интересы, были типичны для первых этапов структурных преобразований и особенно для отдельных субрегионов – прежде всего балканского и среднеазиатского. Такая политика в большей степени ориентировала на защиту интересов слоя политаристов. Перспективы дальнейшего развития региона в таких условиях были неоднозначными и требовали активного выбора новых моделей.

У новой элиты стран региона поначалу возобладали наивные представления о спасительной роли предложенной США для семи десятков стран неолиберальной модели глобализации и миссии западных экспертов, расписывавших планы трансформации с чистого листа, без учета реальных проблем и неспособности с ходу адаптироваться к западным схемам. Обязательным набором действий, рекомендуемых для преодоления экономической стагнации и рецессии, для перехода на этап экономического подъема, на международной арене был признан неолиберальный Вашингтонский консенсус 80-х годов, подготовленный директором Института мировой экономики в Вашингтоне Дж. Уильямсоном, бывшим вице-президентом и главным экономистом ВБ¹⁸⁸. Последний, как и ряд других известных западных экономистов, полагал, что классические рекомендации Вашингтонского консенсуса носят универсальный характер и помогут снять острые проблемы и высокоразвитых, и слабо развитых, и постсоциалистических стран¹⁸⁹.

В основу Вашингтонского консенсуса была положена матрица приватизации собственности и проведения жесткой финансовой политики одновременно с либерализацией торговли и дерегулированием – сужением вмешательства государства в экономику. При этом неolibеральные идеи были доведены до абсурдной крайности: рынку предписывалось поглощение государства и общества. Воцарилось представление, будто бы он вообще сможет заменить политическую демократию, публичные институты и гражданское общество. Из поля зрения выпала необходимость активного создания правовой системы и хозяйственного судопроизводства, финансовой системы, структур образования и т.д. Между тем, одной из главных причин несостоятельности предлагаемых странам ЦВЮВЕ западными экономистами, финансистами и политиками рецептов было именно отсутствие понимания роли государства в стабилизации и трансформации экономики, значения обеспечивающих функционирование рынка политических и экономических институтов. Уничтожая существующие элементы этой важной, изначально присущей капиталистической экономике структуры, не понимая задачи ее воссоздания в обновленном виде, они не придавали значения оформлению политических и экономических институтов как основы оптимального обеспечения вхождения в рынок и экономического роста.

Интерпретация назревших проблем долговременного экономического развития и качественных системных изменений базировалась в теоретической области на неоклассической теории роста, соответствующей ей неolibеральной концепции и политике; на новой теории эндогенного роста; на теории реального конъюнктурного цикла, учитывающей течения новой политической экономии; на теории устойчивого развития; на неoinституциональной концепции. В неоклассической теории роста принципиальное значение имеет динамика рыночной экономики, рассматриваемая главным образом в контексте равномерности и основных условий стабильности процессов роста. Динамика же экономики в условиях системной трансформации являлась результатом наложения действия сил и механизмов, характерных для двух принципиально разных общественно-экономических систем. Это затрудняло разграничение детерми-

нирующих ее развитие в коротком и длительном временных горизонтах факторов, определение того, в какой степени темпы роста являются результатом выхода из трансформационной рецессии, а в какой – продвижения по традиционному пути устойчивого экономического роста. Согласно новой теории роста, его основными факторами являются инвестиции в человеческий капитал, изобретения и инновации, трансферт извне знаний, технологий, капитала и т. д. Однако эти факторы могут быть мощным стимулом в основном дальнейшего эффективного инвестирования в относительно высоко, а не слабо развитых странах, в которых отсутствуют основы для долговременной устойчивости экономического роста¹⁹⁰. Новая политическая экономия (теория политического выбора) сформулировала положение, гласящее, что переход от авторитарной или тоталитарной системы к демократической системе еще не является достаточным условием устойчивого и сбалансированного развития, каковым может быть только способствующий безопасности хозяйственной деятельности стабильный социально-политический климат. Отсутствие же явного прогресса в этой области способствует укреплению политических сил, дестабилизирующих властные структуры. Сформированная в 80-е гг. XX в. как альтернативная по отношению к традиционной экономической теории и политике концепция устойчивого, долговременного и самоподдерживающегося развития отрицала удовлетворение общественных потребностей за счет уменьшения возможностей будущих поколений¹⁹¹. Эта концепция как некая альтернатива для крайне нелиберальной версии экономической политики и стратегии системных преобразований, утверждающая приоритет трех общественных целей устойчивого и уравновешенного экономического развития: благосостояния, справедливости (внутри- и между поколениями), а также безопасности¹⁹², стала довольно популярной в более продвинутых странах региона.

Все более важную роль в политической экономии трансформации начала играть неинституциональная концепция экономического роста и системных преобразований (неинституциональная экономия). Она полагает первоочередным и обязательным условием высокого, самоподдерживающегося и безопасного экономического роста достижение макроэкономической

стабилизации, перестройки монетарной, фискальной, торговой, промышленной, научно-технической и социальной политик, системы функционирования экономики, особенно рынка (институциональной структуры, главных инструментов и механизмов). Эффективность рынка, безопасность хозяйственного оборота, в особенности способность защищать соблюдение договоров, обеспечить их действенность зависит в решающей степени, как подчеркивает Д. Норт, от институционального порядка – норм и практики их соблюдения в сферах правопорядка, неформальных правил поведения и т.д.¹⁹³ Эта концепция успешно укоренялась также в находящихся на более высоком уровне социально-экономического развития и продвижения трансформационных процессов странах. Этому способствовали перестройка системы управления экономикой на микроуровне; коммерциализация и приватизация государственных предприятий, стимулирующая снижение энергоемкости и повышение производительности производства; рост эффективности экономической и экологической политики и т. д. Кроме того, явление продолжительного роста интерпретировалось концепцией «эгалитарного развития», сосредоточенной на проблематике развития и одобряемой обществом дифференциации в распределении доходов, а также концепцией «демократического развития», концентрирующейся на проблемах взаимосвязей между экономическими, социальными и политическими аспектами развития. Однако ни одна из них сама по себе не давала оптимальных рецептов для комплексного анализа системной трансформации стран региона. Рекомендации в области финансовой политики адресовались главным образом Латинской Америке, а также другим развивающимся странам и регионам с рыночной экономикой.

Стоявшей на пороге трансформации ЦВЮВЕ вначале не предлагалось ничего, кроме рынка свободной конкуренции и массового рыночного поведения, общезначимых призывов соблюдать финансовую дисциплину; поддерживать бюджетный дефицит на низком уровне, исключая обращение к механизму инфляции; перенаправлять социальные расходы на запущенные отрасли, обещающие высокую рентабельность и имеющие большой финансовый потенциал; реформировать налоговую систему в направлении расширения базы и снижения нало-

говых ставок; провести финансовую либерализацию; унифицировать валютные курсы, обеспечивая развитие новых отраслей экспорта, а также устойчивую конкурентоспособность; либерализовать торговлю; ликвидировать препятствия для прямых иностранных инвестиций, дабы иностранные фирмы конкурировали с отечественными на равных правах. Как бесспорные, директивные, формулировались идеологические указания на необходимость отказа от левых взглядов в вопросе проведения приватизации с правовой защитой прав собственности и исключением больших затрат на владение ею, сужения вмешательства государства в экономику и преодоления ограничений выхода на свободный рынок и конкуренцию (за исключением безопасности хозяйственной деятельности, защиты окружающей среды или надзора над финансовыми институтами)¹⁹⁴.

Рекомендации как Вашингтонского консенсуса, так и его второй версии, так называемого Поствашигтонского консенсуса, не учитывали состояния экономики лишившихся основных механизмов централизованного планирования и управления стран ЦВЮВЕ, поскольку исходили из предположения, что рыночные институты в результате либерализации и стабилизации экономики сложатся воедино и сами по себе начнут действовать. Поствашигтонский консенсус был разработан казначейским департаментом США, МВФ, ВБ и влиятельными экспертами как каталог рекомендаций. Он содержал ряд новых директив, касающихся обойденных ранее вопросов институционального развития (создания независимого центрального банка, сильного казначейского аппарата, независимой и неподкупной судебной системы, а также агентств, продвигающих направленные на развитие экономики предприятия), защиты окружающей среды и расходов на образование как инвестиций в человеческий капитал. Вскоре в рамках совершенствования этих рекомендаций стали появляться новые программы стабилизации и роста. Но они по-прежнему не учитывали характера стабилизационных шагов стран ЦВЮВЕ, а также бывшего СССР, не охватывали особо значимых для трансформирующихся экономик этих стран областей – управления государственным сектором экономики при помощи рыночных инструментов, а также бихевиориальных (сугубо поведенческих, игнорирующих влияние

макро- и микросоциальных факторов) условий институционального развития. Поэтому они не могли служить комплексной программой преобразований для этих стран, экономика которых еще не стала однозначно рыночной.

Предлагавшиеся установки в известной степени корректировала Декларация временного комитета МВФ «Партнерство для устойчивого глобального роста» от сентября 1996 г.¹⁹⁵. Содержащая в большей степени соответствующие условиям развития стран региона рекомендации, Декларация являлась, вместе с другими сформулированными региональными и межрегиональными международными организациями и рядом экономистов концепциями, выражением формирования нового подхода, который был призван облегчить проведение политики, ориентированной на достижение устойчивого и уравновешенного экономического роста. Шесть из одиннадцати пунктов Декларации касались трансформирующихся экономик. Пункт 1-й подчеркивал, что монетарные и фискальные операции, а также структурные преобразования дополняют и подкрепляют друг друга. Пункт 3-й констатировал, что существует необходимость создания выгодных условий для индивидуальных накоплений. Пункт 7-й подчеркивал, что бюджетная политика должна стремиться к среднесрочному равновесию, а также к сокращению государственной задолженности. Пункт 9-й гласил, что структурные реформы должны проводиться с особым учетом рынка труда. Пункт 10-й подчеркивал значение эффективного рыночного управления предприятиями. Пункт 11-й предостерегал перед коррупцией в общественном секторе, перед отмытием грязных денег в банках; он рекомендовал усиление надзора и контроля со стороны институтов финансового посредничества.

Все эти вполне своевременные для других регионов мира пожелания оставались недостаточными для решения актуальных задач ЦВЮВЕ. Насколько было возможно безболезненно и эффективно перешагнуть через устаревшие структуры и механизмы, слабо учитывая возможные границы перемен в сфере экономики и игнорируя при этом широчайшие проблемы трансформаций этого региона?¹⁹⁶

Большинство руководителей стран ЦВЮВЕ, хотя и с оглядкой, последовало рецептам неолибералов, опасаясь отказа в

поддержке или отмены решений о признании им международными организациями финансовой помощи. Вставшие первыми на путь ассоциации с Евросоюзом Польша и Венгрия получили значительную финансовую поддержку (кредиты МВФ и ВБ), вступили в НАТО и ОЭСР, установили билатеральные отношения с США, Германией и Францией, привели в порядок контакты со всеми соседями. Часть лидеров стран, в том числе прибалтийских, взяла на вооружение только часть навязываемых неолибералами рекомендаций. Чехия использовала их весьма осторожно, с большой опаской. Когда иностранные советники, прямо или косвенно связанные с МВФ или ВБ, продиктовали новой элите Центрально-Восточной Европы не соответствовавшие реальной ситуации этих стран неолиберальные решения, она избрала путь резкого снижения спроса, поскольку было невозможно быстро достичь рыночного равновесия путем обеспечения значительно-го роста предложения. Это стало причиной повсеместного спада ВВП. Он принес однозначно негативные экономические и социальные результаты, огромные общественные потери (импорт стал вытеснять отечественное производство). Глубина и длительность рецессии везде были результатом избранной стратегии системных перемен и политики развития, выборочно используемой правительством каждой из стран. Общие контуры доктрины преобразований казались сходными, хотя это было вызвано не столько предшествующим практическим опытом или рецептами ученых, сколько политической силой отторжения наследства «реального социализма» и стремления перенять неолиберальную «имитационную», «подражательную» модель модернизации, навязываемую западными идеологами. Тем не менее именно она стала в большинстве стран региона основой сценария ускоренной системной трансформации в направлении воссоздания капиталистической экономики. Согласно ей, энергично вводились институты и жесткие правила строгой бюджетной и монетарной дисциплины. Функции государства сводились к вспомогательной роли «ночного сторожа», заботящегося о строгом соблюдении порядка, функции рынка – к якобы автоматической гарантии роста благосостояния граждан.

Эйфория по поводу грядущих успехов трансформации, подкрепляемая весьма приблизительными статистическими подсче-

тами и чересчур оптимистичными прогнозами неолибералов, почти нигде не оправдалась. Умозрительные прогнозы были вполне убедительно опровергнуты: не состоялись ни быстрый экономический подъем, ни радикальное улучшение уровня жизни общества, за исключением 10-15-процентной части населения, действительно быстро обогащавшейся за счет вхождения в рынок. Собственно, еще в 80-х гг. представления немалой части мировой экономической элиты развитых стран о переменах в странах ЦВЮВЕ отнюдь не были однозначно линейными. В первой администрации Б. Клинтона высказывались опасения по поводу того, что принятие в странах бывшего «социалистического лагеря» западной модели экономической трансформации может вызвать серьезную социальную напряженность, если ее принципы не будут неуклонно смягчаться обеспечивающими равновесие методами, не позволяющими бизнесу использовать для собственной выгоды падение традиционных отраслей промышленности и внедрение новых технологий, демографические перемены, подрыв прежних ценностей¹⁹⁷.

Просчеты такого упрощенного подхода неоднократно критиковались одним из ведущих экономистов Запада – главой группы экономических советников президента Дж. Кеннеди, затем вице-президентом ВБ Дж.Э. Стиглицем. Теоретическое, идеологическое и политическое содержание Вашингтонского консенсуса было подвергнуто им обстоятельному анализу, начиная с критики выступления неолиберализма против кейнсианства в 70-е гг. под флагом упомянутой «структурной корректировки». Он указал на ограниченность неолиберального подхода, на узость трактовки конечной цели только как роста ВВП, на теоретическую несостоятельность предлагавшегося набора реформ и расстановки акцентов на этом поле, на их негативные экономические и особенно социальные последствия. В его представлениях цели и задачи трансформации с необходимостью включали прогресс общества в целом, устойчивое, демократическое и «эгалитарное» развитие, в том числе повышение уровня жизни населения и участие граждан в принятии решений в соответствии со своеобразными условиями различных стран. Рассуждая о доминировании в международных экономических институтах политического курса Вашингтонского консенсуса, Дж. Э. Стиглиц указывал на мину-

сы этой базирующейся на «далеко оторванных от реальности» моделях политики, в частности, «в области управления переходом от коммунизма к рыночной экономике и в преодолении кризисов», что, по его утверждению, он документально обосновал в ряде работ. Стиглиц напоминает, что послевоенный Запад базировал свое успешное развитие на других правилах игры, на создании правовой и институциональной инфраструктуры, на социальном консенсусе. По его мнению, предлагаемые гибридные формы экономики отводили региону роль всего лишь рынка сбыта и подставляют его под удар неравноправной конкуренции, ставя под вопрос само его развитие и обостряя социальные проблемы¹⁹⁸.

Подобные соображения высказывали и английские неоконсерваторы. Дж. Грэй указывал, что процесс трансформации внутренне весьма сложен и требует опоры в локальных традициях и структурах, проведения глубокого анализа и соблюдения осторожности. Неолиберальные советы не могут носить универсального характера прежде всего потому, что они опасно невосприимчивы к социальной цене преобразований. По мнению Грэя, такие перемены – слишком масштабное политическое и социальное мероприятие, которое не может принести оптимальных результатов без должной легитимности в глазах масс, без достижения консенсуса между разными социальными группами¹⁹⁹. Во многом сходной была критика неолиберальных рецептов трансформации со стороны видных американских экономистов-неоконсерваторов. Бессмысленным считалось механическое перенесение из одного общества в другое социальных институтов, которое не базируется на тщательном анализе глубинных проблем данного общества, не учитывает их органическую связь с конкретной историей, их реальный опыт и ситуационный контекст. Возобладало мнение, что крупные перемены, не учитывающие эти обстоятельства, имеют минимальные шансы на успех²⁰⁰. Как подчеркивал Дж. К. Гэлбрайт, «часть, может даже значительная часть хороших советов, предлагаемых Западом», была порождена представлениями о капитализме, «не имеющими ничего общего с действительностью». Он указывал, что «вопросы преобразования системы не следует решать, опираясь на идеологию или на общие принципы». При переходе к любой

рыночной системе, указывал Гэлбрайт, следует руководствоваться конкретными задачами, «а не идеологическими критериями»²⁰¹. Однако многие западные фонды продолжали поддерживать неолиберальных консультантов и лоббистов грантами, обеспечивали их проезд и пребывание в странах региона, облегчали доступ к самым высоким руководителям, форсируя перемены прежде всего в интересах своих рынков и не вдаваясь в детали выбора модели, соответствующей переживаемой фазе трансформации и локальной специфике, не стремясь к внедрению прогрессивных технологий и обеспечению стабильного роста. Они отнюдь не интересовались формированием эффективных механизмов управления для оптимизации экономического развития.

Жаждающие скорых перемен экономисты ЦВЮВЕ со своей стороны также настаивали на немедленной реализации рекомендуемого пакета преобразований, повторяя любимую поговорку приехавшего в регион с рекомендациями Дж. Сороса Дж. Сакса, гласящую, что пропасти двумя шагами не преодолеваются. Хотя его опыт советника правительств в странах Латинской Америки, где в частных руках находилась значительная часть экономики, которую надо было только перевести на рельсы свободного рынка, не был пригоден в качественно иной ситуации региона, именно этот опыт был положен в основу поспешных, непродуманных преобразований, стимулируемых необходимостью ради получения финансовой помощи от МВФ и ВБ следовать их предписаниям. Как справедливо замечал Р. Дарендорф, при существовании дюжины разновидностей капитализма новые демократии региона оказались сориентированы западными теоретиками только на одну – изобретенную в Чикаго, идеализированную, схематичную, без учета того, насколько она применима в иных условиях. А ведь даже непродуманная очередность перемен вела к коренным просчетам – к их разворачиванию при отсутствии национального капитала, к нестабильности, к чрезмерно высокой безработице и т. д.²⁰² Правые реформаторы повсюду выступали против принятия «чрезмерных» социальных обязательств перед трудящимися. В стремлении придать трансформирующейся экономике максимальное ускорение ценой значительного урезания бюджетных расходов и существен-

ного увеличения безработицы напористый чешский президент В. Клаус требовал принятия немедленных и энергичных мер, пока не развернулись политические дебаты вокруг системных перемен и не возникло социально-политическое противодействие связанным с ними издержкам.

Как полагают российские экономисты Л.П. и Р.Н. Евстигнеевы, уже в начале 90-х гг. в «постсоциалистических» странах неолиберальная идеология рынка свободной конкуренции, развернутые требования которого были зафиксированы в рекомендациях Вашингтонского консенсуса, на деле исчерпала себя. Начались поиски формирования структур и институтов «социального трансформационного потенциала», «массовой социальной активности населения», направленной «на повышение темпов экономического роста и уровня благосостояния»²⁰³. Евстигнеевы констатировали, что назрело соединение разных факторов и обстоятельств развития экономики, так же, как и основанное на синергетической парадигме «расширение экономической теории до границ, объединяющих классическую общую экономическую теорию и институционализм», что давало основания для отказа от рассмотрения политических и социальных сфер жизни как не связанных непосредственно с экономической и стимулировало многофакторный анализ. Первые региональные разработки 90-х гг. намечали лишь приблизительные схемы перемен: либо быструю перестройку экономической жизни в духе неолиберальных концепций на основе установления частной собственности с резким сужением функций государства и автоматическим рыночным регулированием, либо энергичное вмешательство государства в направлении снижения издержек реформ, поддержки таких форм собственности, которые обеспечивали бы защиту интересов трудящихся путем трудового акционирования, широкого наделения населения собственностью.

Научные разработки, начиная с раскрытия теоретико-методологических основ становления и развития трансформационных процессов в странах с переходной экономикой, настоятельно требовали конкретного анализа процессов, который был призван обеспечить качество создаваемых и внедряемых трансформационных программ и стратегий. Проблематика системных преобразований ЦВЮВЕ становилась предметом все более тща-

тельных исследований со стороны различных общественных наук и политических сил. Трагедия современного этапа принявшей необратимый ход глобализации содержала констатацию циклического характера продвижения по этому пути в различных регионах и предполагала обстоятельное рассмотрение различного содержания экономической, политической и культурной интеграции. Экономисты увидели опасность для общества в целом в передаче в частные руки изъятых из-под контроля и ведения государственных учреждений таких сфер хозяйства, которые в условиях рыночной стихии ориентируются прежде всего на погоню за прибылью. Между тем, именно такие рекомендации политическое руководство Польши, Венгрии и некоторых других стран региона положило в начале 90-х гг. в основу стратегии первой фазы трансформации. В результате нигде не удалось предотвратить принципиальные ошибки и неоправданно большие экономические и социальные потери, несмотря на различия в масштабах, условиях, направлениях и темпах системной трансформации. А это вело к хаосу, застою и рецессии.

На рубеже нового века ученые стран ЦВЮВЕ все обстоятельнее верифицировали варианты капиталистической рыночной экономики, выверяли экономическую эффективность решений, применяемых в рамках ее пяти основных моделей:

- *рейнской*, к моменту начала трансформации эволюционирующей к социал-демократической и самой популярной в Европе ввиду динамизма социальной рыночной экономики ФРГ, в которой важную роль играли инновации, институциональные инвесторы (банки, страховые компании, инвестиционные фонды и т. д.), а уровень защиты прав трудящихся был высоким и включал участие трудящихся в управлении; однако в результате стагнации экономическая политика страны была переориентирована на монетарную, с урезыванием социальных моментов, а тяготы, связанные с присоединением Восточной Германии, могли только отпугивать своим примером;

- *скандинавской* (шведской) – нередко именуемой социал-демократической, хотя заложенной христианскими демократами, с положительным опытом инноваций, управления производством, структурных преобразований (автоматической реструктуризации экономики, выявления приоритетов, механизмов пе-

ремен) и финансовых решений, с расширенными социальными функциями государства, полной занятостью, «равной оплатой за равный труд» и социальной безопасностью; эта модель была бесспорно привлекательной, но теряла свою привлекательность с вползанием Швеции в начале 90-х гг. в самый глубокий, после 30-х гг. кризис (кстати, оказавшийся временным);

- **англосаксонской** (представленной прежде всего Великобританией и США), жестко рыночной, в сугубо догматичной, схематичной версии, предполагающей максимальное ограничение регулирующих экономических функций государства, но многообещающей в силу явно завышенных надежд на американскую помощь и поддержку;

- **романской** (французской) – этатистской, в которой важную роль в основных областях экономики играет государственный сектор;

- **австрийской**, соединяющей близкий к французскому этатизм и социальное партнерство.

Две последние модели в ситуации, когда трансформация настоятельно диктовала отказ от бюрократической модели «партии-государства», естественно, мало интересовали элиты региона.

Вначале более близкой и подходящей для региона, как констатирует венгерский социолог Т. Пал, казалась рейнская модель²⁰⁴. Потом левые больше склонялись к другому – «с севера и из-за моря».

В большинстве стран региона в ходе реанимации юридической базы «досоциалистического» периода и фундаментальных экономических преобразований, в силу геостратегической конъюнктуры руководство большинства стран региона под влиянием рамочного дискурса «времени либералов», без сколько-нибудь серьезного анализа приняло за основу системного преобразования экономики модель «из-за моря» – близкую англосаксонской, заимствованную в основном у США.

С подготовкой к вступлению в Европейский Союз и в его процессе были внесены европейские коррективы. Следует сразу подчеркнуть, что аналитики ЦВЮВЕ как правило отнюдь не отождествляли цель системных преобразований с воссозданием раннего капитализма. По их мнению, хотя основы капиталистической системы остались в значительной степени прежними,

экономический порядок давно претерпел в них весьма существенные и разнообразные изменения. Поэтому обновление общественно-экономического устройства представлялось несравненно более многофакторным и многоплановым²⁰⁵. Это касалось и других сфер общественной жизни. Однако группка выучеников западных школ – узкий клан, волей случая оказавшийся в окружении премьера, находилась под влиянием концепции «американской глобализации» и решительно отметала социальную рыночную экономику и основы социальной политики. В Польше с подачи Л. Бальцеровича определение «социальный» стало объектом шуток. Хороший теоретик и завзятый критик политэкономии социализма, он в то же время был далек от анализа проблем распределения доходов, равенства и неравенства, распределительной справедливости. А советник премьера Т. Мазовецкого В. Кучиньский называл термин «социальный» бессодержательным. Сам премьер, философ по образованию, некритически приняв идею силового внедрения рынка, а потом поняв, чем обвал экономики грозит трудящимся, признался, что «у него мороз пошел по коже» и ему оставалось лишь надеяться, что «раскрученная свободным рынком экономика будет уравновешена социальной политикой»²⁰⁶.

Однако новые кормчие экономики отчаянно шли на рецессию, отринув готовую участвовать в переменах рабочую массу «Солидарности». Новое правительство вышло из ее среды, но сразу встало над обществом и с лозунгом миссии ускоренного строительства свободного рынка и неизбежности жертв во имя «светлого будущего» уничтожило это движение. Был избран самый радикальный из трех предложенных МВФ вариант программ стабилизации. Социальные ограничители такого курса учтены не были. В Польше, в отличие от Чехии, где В. Гавел гибко уравновесил экономическую и социальную политику, проводя во имя обеспечения социальной поддержки социал-демократический курс с уровнем зарегистрированной безработицы в 2-3 раза ниже польского, с выплатой пособий, их не получали 5/6 безработных (кстати, отметим еще одну страну с крайне жесткой социальной политикой – это Словакия).

Крупнейший польский левый экономист Е.Т. Ковалик считает, что региону следовало бы «максимально использовать

скандинавский опыт, обогащенный некоторыми австрийскими и немецкими решениями»²⁰⁷.

Мотором развернувшихся в регионе преобразований становилась перспектива членства в Евросоюзе, а затем интеграция под его жестким контролем. В 1995 г. была утверждена программа «Подготовки ассоциированных стран Центральной и Восточной Европы к интеграции во внутренний рынок Союза», которая содержала перечень 790 законодательных актов, необходимых для интеграции стран ЦВЕ в единый рынок ЕС, а также рекомендации относительно порядка их принятия. Они предполагали гармонизацию национального законодательства с нормами европейского права и заимствование европейских институтов рынка и демократии, что обеспечивало присутствие на общем рынке ЕС. В программу подготовки к членству в нем относительно более развитой Венгрии было включено 88 серьезных задач, Чехии – 90, Словакии – 98, большинства других стран – более 100 задач²⁰⁸. Факт вхождения стран ЦВЮВЕ в поле влияния Евросоюза как одной из систем – центра сил, признания своей важнейшей задачей «возвращения в Европу» через присоединение к ЕС, а затем интегрирования с ним существенно повлиял на выбор как национальной, так и региональной модели трансформации.

Анализируя неолиберальные концепции, специалисты из стран региона обратили внимание на их просчеты и слабые стороны, на то, что наиболее трезвые западные экономисты отнюдь не разделяли ни восторгов по поводу «всемогущей руки рынка», ни чрезмерных опасений по поводу активной роли и ответственности государства. Наоборот, они увидели опасность для общества в передаче в частные руки таких сфер экономики, которые призваны защищать интересы всего населения. Все это время расхождения в политических позициях неолибералов, других правых любой ориентации – «эгалитарных либералов», так называемых либеральных интернационалистов, а также радикальных левых, левоцентристов, умеренных социал-демократов и других политических сил непосредственно отражались на представлениях об оптимальном выборе путей системных трансформаций. Ключевую роль играла проверка различных теоретических установок практикой. В ходе верификации раз-

нообразных рецептов преобразований взгляды представителей международных финансовых институтов и хозяйственных организаций на системные трансформации становились все более гибким. Например, ведущий консультант из числа чикагских неолибералов Дж. Сакс увидел ошибочность своих прежних рекомендаций относительно поспешного проведения в Польше неолиберальных мер²⁰⁹. Несколько позже и еженедельник «Экономист», поддерживавший подобные радикальные, ускоренные преобразования, негативно оценил применение в Чехии некоторых из этих мер, повлекшее за собой рост безработицы и инфляции, спад национального дохода²¹⁰. Известный финансист Дж. Сорос, который был сторонником неолиберализма в проведении системной трансформации в регионе, по истечении ряда лет признал «безудержное усиление лесеферистского капитализма, а также чрезмерное увлечение рыночными ценностями и категориями во всех областях жизни» и «недопустимую несправедливость» «угрозой открытому демократическому обществу», «путем к нестабильности»²¹¹.

Определенные возможности для оптимизации глобализации, для вывода общества из кризиса и даже установления более справедливого нового строя дает осмысление учеными левого спектра опыта предшествующего периода, конструктивных экономических функций социального государства для улучшения положения населения, защиты его от действия негативных результатов системных перемен, облегчения бремени реформ для трудящихся, использования собственности в интересах работников и преодоления социального неравенства.

Приватизация собственности в бывших странах «реального социализма» как вопрос, который якобы «был раз и навсегда решен кризисом и крахом государственной собственности, коллективизированной в бюрократической или сталинистской манере», не может, полагают прогрессивные публицисты Ф. Шене, К. Серфати и Ш.-А. Удри, трактоваться как окончательное демократическое установление оптимальной формы собственности. Эти авторы считают, что только общественная собственность позволяет определять в демократическом стиле общие нужды, принимать оптимальные решения об общих ресурсах, осуществлять «демократию участия». И наоборот, «обществен-

ная собственность – это обман», если она не базируется на настоящему коллективных и демократических управления и контроле²¹². Демократия как необходимая децентрализация власти в противовес экономической диктатуре, как средство обеспечить демократизацию экономики и политической жизни, предполагает создание и совершенствование соответствующих институтов и баланса взаимоотношений между представительной и прямой демократией.

Многие европейские социал-либералы, в том числе знаменитый австро-американский экономист и философ Ф.А. Хайек, отвергая неолиберальные установки, в то же время при осмыслении причин и последствий краха «реального социализма», а также уроков системной трансформации пришли к однозначному выводу о достоинствах правового государства и демократии, об эффективности рынка и преимуществах рыночной экономики перед советским централизованным плановым хозяйством²¹³. Некоторые левоцентристы, ориентированные на защиту интересов трудящихся, пытались нащупать разновидности более гуманного и регулируемого капитализма глобального уровня, подобного варианту, прекратившему свое существование в «государствах благосостояния» в 70-е годы XX в. Наконец, повысилось внимание к вначале отвергаемой концептуальной модели социальной рыночной экономики, предполагающих сочетание в рамках действия механизма функционирования и развития экономики функций государства, распределительной роли рынка и роли самоуправления. В поле зрения оказался и идеологический проект «третьего пути в Европе», авторства левых лидеров Т. Блэра и Г. Шредера (1998 г.).

В рамках дискурса антиглобалистской (альтерглобалистской) как аналога антикапиталистической борьбы обнаружила себя извечная дилемма: является ли целью левого движения реформирование общества путем преобразования системы в более человечную или ее полная революционная замена? Возможно ли ее провести, не прибегая к «насильственному свержению основных институтов буржуазной власти»? Или эта повестка дня устарела?²¹⁴ Часть левых, воззрения которых в связи с системной трансформацией в ЦВЮВЕ подпитываются актуализацией постидеологического сознания, как например, в публикациях бри-

танского политического философа А.Т. Каллиникоса, надеются при помощи «антикапиталистических движений» вновь сформулировать альтернативную программу и «бросить вызов самому существованию капиталистического способа производства»²¹⁵. Каллиникос подчеркивает, что, несмотря на длительный кризис левых, датируемый им серединой 70-х гг., крахом системы «реального социализма» в 1989–1991 гг., рабочее движение и основные организации левых сил уцелели; организованный рабочий класс остается решающим фактором социальных преобразований, а переход к «революционной стратегии» по-прежнему актуален. Он ратует за «замену глобального капитализма» «посредством революционного преобразования, которое установит новую глобальную экономическую систему, основанную на общественной собственности на основные производственные ресурсы и демократическом планировании» и признает правоту критики неолиберальной идеологии «Вашингтонского консенсуса»²¹⁶.

Отвергая вслед за известным венгерским экономсоциологом К. Поланьи эффективность саморегулирующегося рынка²¹⁷, Каллиникос считает, что прекрасные перспективы для реализации ценностей антикапиталистического движения открывает «демократическая плановая социалистическая экономика»²¹⁸, построенная согласно предложенной П. Девином модели «переговорной координации» в самоуправляющемся обществе. Для этого, по его мнению, необходима борьба масс, предъявление ставящих под сомнение логику капитала требований как на основе национального государства, так и в форме революционного вызова всей нынешней системе в масштабах международного антикапиталистического движения²¹⁹. Что касается антагонистических по отношению к неолиберальным и восходящих к марксистской традиции представлений о путях преодоления капиталистического строя с развитием демократического самоуправления, Каллиникос требует выбора между постепенно овладевающими методами управления экономикой демократическими формами самоорганизации и логикой «империи рынка», поскольку эти логики не могут сосуществовать бесконечно²²⁰. Не видя путей для компромисса и считая оптимальным вариантом гипотетическую социалистическую рыночную экономику, он пока ожидает, что конъюнктурные циклы постоянно будут

ломать систему социальной защиты регулируемого капитализма, а конкуренция – сбрасывать рыночный социализм к рыночному капитализму.

Противники неолиберализма, выступающие за «демократическую» глобализацию в рамках «глобального движения за справедливость», относятся к различным – левым, реформистским и др. – политическим течениям, к разнообразным сетевым структурам. В этом контексте они и осмысливают свои важнейшие ценности, в том числе требования социальной справедливости (включив в него свободу, равенство и солидарность), экономической эффективности, демократии, социальной и экологической приемлемости²²¹. Одни хотят видеть справедливость глобальной, с увеличением международной экономической взаимозависимости, с глобальным распределением природных ресурсов, с действием нормативных принципов на глобальном уровне²²², а другие («эгалитарные либералы», сторонники социальной справедливости Дж. Ролз, Р. Дворкин и др.) мыслят ее лишь в национальных пределах.

Англоамериканский социогеограф Д. Харви противопоставляет идеологии неолиберализма и неоконсервативного авторитаризма выдвижение возрождающимися разнородными массовыми движениями – носителями разных вариантов демократической системы ценностей – эгалитарных политических постулатов и требований социального равенства, экономической, политической и культурной справедливости и безопасности. Он рассматривает основные правовые и моральные устои современного капитализма и, отнеся к первым право индивидуальной частной собственности и нормы прибыли, противопоставляет им в правовом дискурсе иную, альтернативную демократическую систему прав: право на жизненные шансы, на объединение в политических целях и надзор за властью, контроль над производством, физическую неприкосновенность, здоровую среду обитания и т.д. Авторитаризму неоконсерваторов, основывающему свой авторитет и легитимность на «дымной завесе» морально-нравственных, в том числе религиозных принципов, он противопоставляет необходимость борьбы против укрепления власти правящих классов, антидемократической сущности неолиберализма, поддерживаемого авторитаризмом неоконсерва-

торов, а также «общественный контроль над государственным аппаратом, что позволит углубить демократическую практику и ценности, которые всеокрушающий колосс рынка лишил содержания»²²³.

Таким образом, из левых ценностей противники неолиберализма последовательно придерживаются принципов социальной справедливости и демократии. Принцип эффективности привязывается ими не только к капиталистическому строю и к частной собственности, но и к содержанию, границам и эгалитарным принципам справедливости (ресурсы и привилегии должны распределяться в равной степени), к общественной собственности как современной альтернативе капитализму в его нынешней форме, которая оптимально использовала бы имеющиеся в ее распоряжении ресурсы и наиболее широко удовлетворяла потребности людей. В левом спектре научного сообщества отвечающей требованиям справедливости, эффективности и приемлемости (оптимальному использованию ресурсов, соответствию требованиям здоровой экологии), а также подлинной демократии принято считать экономическую систему, основанную на максимальном расширении общественного производства в интересах всего человечества.

Преобразование отношений собственности: приватизация

Для системных преобразований экономики ЦВЮВЕ ключевую роль играл процесс приватизации. Развитие эффективного производства потребовало создания частного сектора, осуществляемого различными темпами и с разным охватом. Оно было необходимо для развертывания системной трансформации и ликвидации доминирования «общенародной», «национализированной», а фактически кризисогенной неополитарной коллективной собственности слоя (класса) бюрократов. Приватизация «государственных» и «коммунальных» предприятий, преобразование в частную (индивидуальную и групповую) собственность так называемого «общенародного» имущества стала важнейшим компонентом трансформации экономических отношений.

Преобразования собственности шли, как правило, волнами, поочередно охватывая различные сферы – вначале торговые и промышленные предприятия, а также финансовые институты, затем инфраструктуру и в последнюю очередь – муниципальные предприятия и местные услуги. Одновременно утверждалось представление о достоинствах частной собственности как основы и пути обеспечения ускоренного экономического развития в соответствии с требованиями глобальной конкуренции. С ней связывались модернизация производственных мощностей, трансферт новых техник и технологий, снижение производственных расходов и повышение качества продукции; рост доли новых изделий, а также экспортной продукции в производстве в целом; импорт современных менеджерских знаний, исследовательско-внедренческая деятельность, а также более высокая маркетинговая активность; приведение производства в соответствие с нуждами новых групп потребителей. Приведенный перечень в разной степени и объеме охватывал роль и значение частной собственности как одного из основных институтов социально-экономической жизни и показывал макро-, микро- и мезоэкономические выгоды развития этого типа собственности.

Макроэкономическими целями приватизации являлись: относительно быстрая приватизация большей части имущества, все еще находящегося в коллективной собственности правящего класса и ведении государственного аппарата, как обязательное условие создания институциональных рамок рыночной экономики; содействие структурным преобразованиям народного хозяйства и росту уровня конкурентоспособности в экономике; рост микроэкономической эффективности предприятий, повышение реакции экономики на потребительский спрос; помощь в реформировании системы социального страхования в направлении, соответствующем мировым тенденциям; выполнение государством некоторых обязательств по отношению к гражданам; обеспечение в перспективе нескольких лет дополнительного стабильного источника бюджетных доходов; реализация идеи всеобщего наделения граждан собственностью; создание среднего класса общества; ускорение темпа развития финансового рынка, в том числе рынка капитала²²⁴. Микроэкономические цели приватизации, о которых шла речь выше – это структурное преобразование пред-

приятый, рост капиталовложений, технический прогресс, новые принципы и методы управления, повышение качества продукции, вхождение на новые рынки, повышение конкурентоспособности производства, продуктивные рабочие места.

Однако проводимая в начальный период экономической трансформации макроэкономическая политика не имела под собой ни достаточно прочной теоретической основы, ни необходимого практического опыта, позволяющих сформулировать определенные закономерности и опереться на них. Главной методологической ошибкой, лежащей у основ системной трансформации, было недостаточное понимание двух ключевых проблем: во-первых, что является целью трансформации, и, во-вторых, какие инструменты экономической политики необходимо применить и для чего. Низкая инфляция, бюджетное равновесие, экономическая стабилизация не являются самоцелью экономической политики. Это ее инструменты, использование которых делает возможным рост уровня жизни. Таким же образом следовало подходить и к валютному курсу, и к процентным ставкам, к либерализации торговли и цен, к приватизации государственных предприятий – то есть как к инструментам экономической политики, а не ее целям. Социально ориентированная экономическая политика должна была способствовать путем координированного применения различных инструментов хоть небольшому, но заметному росту жизненного уровня населения.

Смещение целей и инструментов экономической политики деформировало критерии этой политики – темпы приватизации, масштабы снижения инфляции, ценообразование, рост участия частного сектора в народном хозяйстве, уменьшение бюджетного дефицита и т.д. Оно вело к росту безработицы и нищеты. Официальные власти и их советники этого или не замечали и не признавали, или провозглашали тезис о неизбежности и временном характере этого явления.

Навязываемый неолибералами отказ вести переговоры с различными социальными группами привел к «шоковому» методу осуществлению трансформации. Между тем, общественный консенсус и крупные материальные и денежные затраты, необходимые для преодоления застоя или трансформационной рецессии, как правило, являются связанными друг с другом факторами.

Нежелание вести поиски консенсуса оказало решающее влияние на дальнейшее жесткое преобразование государства, его функций и институтов, на его неспособность регулировать их во имя общественных интересов ввиду отсутствия правовых установлений, единой налоговой системы, управления государственными активами и контроля за функционированием сферы бизнеса.

В каждой стране цели трансформации форм собственности (формирование стимулов для эффективного промышленного развития, необратимого создания нового класса частных индивидуальных и коллективных собственников, обеспечение производительности всего промышленного сектора, сокращения дефицита бюджета, решения широкого диапазона социальных проблем и т.д.) выбирались из длинного перечня вариантов и формулировались в ежегодно разрабатываемых правительствами и принимаемых парламентами направлениях приватизации «общенародного» имущества, а их реализация оценивалась в рапортах о приватизации соответствующих министерств и правительств, а также органов государственного контроля. Одновременно решались разнообразные скрытые, полуофициальные и неофициальные цели, нередко противоречащие друг другу, увеличивающие коррупцию и замедляющие преобразования в случае их обнаружения, – не допускать иностранный капитал, камуфлировать сохранение прежней собственности и др. В России и других странах массовое распределение собственности среди населения через ваучеры скрывало ее быстрое перераспределение и концентрацию в руках представителей элиты («номенклатурную приватизацию»), прямое воровство государственных активов).

В каждой стране социальные цели приватизации (доступ общества к приватизированному имуществу в прямой и косвенной форме, гарантирование занятости и др.) по-разному сочетались с экономическими целями – передачей прав собственности, обеспечивающей экономическую эффективность. С этим связаны три основных модели (варианта) приватизации, отличавшиеся друг от друга темпом, сферой, сценариями и методами ее проведения: денежно-рыночный, государственно-административный и общественно-наделительный варианты. Первый из них предполагал институциональное развитие финансовых рынков,

в первую очередь рынка капитала (бирж ценных бумаг), дающее возможность притока капитала, в том числе иностранного, что обеспечивало бы большое участие этого капитала в приватизации. При государственно-административном варианте самой важной была реализация определенных целей экономической политики, особенно фискальной (обеспечение бюджетных поступлений). Основной целью третьего, общественно-наделительного варианта являлось расширение круга владельцев производственных ресурсов, благоприятствование развитию средних слоев общества (предпринимателей, торговцев, лиц свободных профессий) и предотвращение слишком высокой дифференциации доходов и имущественного расслоения общества. В рамках этого варианта особо важную роль играет широко используемый лизинг (долгосрочная аренда как способ финансирования предприятий), осуществляемый коммерческими компаниями, учреждаемыми коллективами этих предприятий.

Директивы неолибералов, не учитывавшие условия региона, несли с собой бюджетный дефицит, резкое ограничение бюджетных расходов и дотаций для предприятий, хаотичную и неэквивалентную приватизацию предприятий, жесткое сокращение штатов, появление и рост массовой безработицы, а в итоге трансформационный провал. Когда к началу 90-х гг. неолиберальная идеология исчерпала себя, на время наступило определенное совмещение различных моделей, двух разных вариантов общественного строя, с преобладающей тенденцией расширения позиций строя капиталистического. Перспективы темпов и методов дальнейшего развития региона оказались неоднозначными и требовали активного привлечения новых научных разработок.

Как констатировали супруги Евстигнеевы, имело место соединение разных факторов и обстоятельств развития экономики, так же, как и основанное на синергетической парадигме «расширение экономической теории до границ, объединяющих классическую общую экономическую теорию и институционализм», происходил отказ от рассмотрения политических и социальных сфер жизни как сугубо внешних. Они видели опасность для общества в передаче в частные руки изъятых из-под контроля и ведения государственных учреждений таких сфер экономики, которые в условиях рыночной стихии ориентируются преж-

де всего на погоню за прибылью и колебания рыночной конъюнктуры, а не на интересы населения.

Между тем, в начале 90-х гг. политическое руководство Польши, Венгрии и некоторых других стран региона положило в основу стратегии социально-экономической трансформации ряд именно таких рекомендаций. Поэтому и не удалось предотвратить принципиальные ошибки и значительные экономические и социальные потери в странах, различающихся по масштабам, по тем или иным условиям, по диапазону и влиянию на направления и темпы системной трансформации, к тому же неоднократно менявшимся. Установки Вашингтонского консенсуса и последующих директив международных организаций, навязывавшие линейные преобразования, накладывались на разнообразие исходных общественно-политических условий и многоликость процессов самоорганизации трансформирующихся обществ. Это привело к хаосу, застою и рецессии как результатам форсированных попыток внедрить неолиберальный курс.

При, казалось бы, во многом сходных процессах экономических преобразований, в том числе изменениях форм собственности, при аналогичных рекомендациях международных экономических организаций, проводящие системную трансформацию страны ЦВЮВЕ в итоге выбрали различные теоретические варианты и концептуальные установки, вытекающие из специфики исходных общественно-политических условий и касающиеся самых существенных элементов (правовых аспектов приватизации, проводящих процесс приватизации институтов и приватизационных процедур) и соответствующие варианты действий²²⁵.

С приватизацией по-новому определялась и уточнялась роль государства в экономике. Оптимальная очередность принимаемых мер предполагала изначальное проведение макроэкономической стабилизации, особенно овладение фискальной и монетарной ситуаций, создание единых условий, рыночных институтов и соответствующих им механизмов регулирования, ликвидации привилегий предприятий коллективной собственности. Только в условиях экономической и финансовой макроэкономической стабилизации выгоды могли превысить расходы на приватизацию. Формально-правовая приватизация должна была преобразоваться в приватизацию в экономическом смысле, при-

носящую реальные, положительные экономические результаты, а государство – обеспечить возможность эволюции прав собственности в направлении все более эффективных форм, чтобы институционально-системные условия давали возможность новым структурам, сформированным в процессе приватизации, преобразовываться согласно требованиям рыночной конкуренции и долгосрочным макроэкономическим целям государства.

Выбор типа приватизации, ее приоритетных целей и предполагаемого темпа зависел как от конкретных условий, так и от принятой теоретической ориентации. Медленные темпы проведения приватизации влекли за собой более низкую эффективность неприватизированных предприятий, чему способствовали, в частности, усиленное политическое давление субъектов публичного сектора или трудности доступа к источникам капитала. Исследования ВБ показали, что развитие частного сектора непосредственно влияет на уровень и темпы экономического роста, на эффективность приватизированных хозяйственных субъектов. Среднее временное опоздание между приватизацией и повышением производства составляет три года. Чем выше был индекс либерализации, тем выше становился общий показатель ВВП. Некоторые страны развивали учредительскую приватизацию – но только в области мелкого предпринимательства. Наиболее интенсивно этот процесс изначально пошел в Польше.

Постепенно стала привлекать внимание вначале отвергнутая концептуальная модель «социальной рыночной экономики», хотя освоение европейского опыта в сфере политически достижимых и экономически эффективных, социально приемлемых решений тормозились разнонаправленными перемещениями политического маятника, становившимися все более регулярными.

Приватизация в *Восточной Германии* отличалась тем, что в связи с созданием единого немецкого государства она была проведена на основе соглашений, заключенных с ФРГ, и правовых актов, касающихся приватизации «общенародного» имущества. На практике применялись три типа приватизации: денежная приватизация; прямая приватизация путем торгов или аренды предприятия с правом его покупки в будущем или путем продажи менеджерам фирмы или другим лицам; приватизация несостоятельных предприятий в судебном порядке. Главными

инвесторами были предприятия из Западной Германии. Всеобщей, или наделятельной приватизации не было, но при заключении приватизационных договоров большое значение имели инвестиционные и социальные пакеты. Давления в интересах финансирования бюджетного дефицита не оказывалось.

В *Венгрии* при плавной либерализации экономики и готовыми элементами рыночной инфраструктуры главной проблемой являлись не только отсутствие крупного частного капитала, но и огромный, равный годовому бюджету внешний долг, при помощи которого обеспечивался определенный уровень благосостояния населения. Поэтому первостепенное значение имели фискальные цели приватизации: продажа недвижимости за живые деньги. От раздачи населению купонов пришлось отказаться во всех сферах, кроме аграрной (это касалось и реституции: бывшие владельцы или наследники получали купоны для участия в аукционах на приобретение земельных участков). Было принято решение, среднее между денежно-рыночным и государственно-административным вариантами приватизации, для чего было создано Агентство государственного имущества. Уже в 1989 г. был принят закон о банкротстве. Правительство сразу выявило и обанкротило предприятия, которые не имели общенационального значения и не могли выжить без государственной поддержки. Венгерская крупная промышленность перестала существовать, почти сошла на нет обрабатывающая отрасль. Привлечение иностранного капитала объявлялось главной целью приватизации, что имело под собой правовую основу уже с 1972 г. в виде закона о совместных предприятиях. Ввиду острой финансовой недостаточности энергетика к 1995 г. полностью перешла в руки крупнейших немецких, французских и итальянских компаний. Крупные торговые предприятия приобрели австрийцы и немцы. Значительная часть других предприятий также перешла во владение иностранного капитала. Иностранцы скупили крупные металлургические заводы. Как и в Германии, в Венгрии основными видами приватизации были продажа собственности иностранным инвесторам; ликвидационная приватизация (публичные аукционы и продажа предприятий за наличные, передача в платное пользование, главным об-

разом в лизинг); ликвидация несостоятельных предприятий с возможностью договоров с кредиторами.

Приватизация охватила также банковскую систему, куда пришел голландский, бельгийский и немецкий капитал. Будапешт-банк купили американцы. К концу 90-х гг. в Венгрии сформировался собственный значимый на рынке капитал и скупил ряд предприятий. Стала создаваться автомобильная промышленность – как «отверточное» производство для сборки автомобилей Аудио, Судзуки и Опеля, так и исследовательские и инженерные центры, что позволяет не только сохранять, но и создавать новые рабочие места, закрепляться на рынках не только за счет дешевизны рабочей силы.

Реализуемая в **Польше** в условиях товарного дефицита, 300–400–процентной инфляции, бесконтрольного отпуска цен и болезненной «шоковой терапии» модель приватизации отличалась бóльшим разнообразием путей, форм и методов ее проведения²²⁶, в том числе существенной ролью государства и бóльшим удельным весом рабочего акционирования²²⁷, непосредственной связью со структурными преобразованиями, развитием финансового рынка, предпочтением стратегических инвесторов, большим значением фискальных и социальных целей. Споры вызывало ее подчинение поиску дополнительных бюджетных поступлений для финансирования разных текущих социальных и хозяйственных расходов. Масштабное применение рабочего акционирования повлияло на уменьшение социальной напряженности, но одновременно ограничило возможность реализации приватизационной политики в сочетании со структуральной политикой государства. Темпы приватизационных процессов в Польше были более медленными, чем в других трансформирующихся странах Центрально-Восточной Европы, а качество – выше. Денежную приватизацию предвляла коммерциализация – преобразование государственного предприятия в общество государственного казначейства (акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью). На следующем этапе имела место продажа акций с исключением той части, которая составляла резервы рабочего коллектива (15%), резервы для целей реприватизации (5%) и для системы социального страхования (10%). Малые и средние предприятия были охваче-

ны быстрой прямой (ликвидационной) приватизацией. При помощи лизинговых взносов создавались общества рабочих коллективов. Проводилась ликвидация несостоятельных предприятий. Эксперимент с национальными инвестиционными фондами с преобладанием иностранного капитала, акционерные свидетельства которых приобрели около 95% граждан, не удался. Они быстро от них избавились, не приобретая акций фондов. Эта программа на практике не оправдала возлагаемых на нее надежд повышения рыночной стоимости и нахождения стратегического инвестора.

Следует особо отметить большое участие в прямой приватизации работников (65% – это платное использование имущества обществами трудовых коллективов) и иностранного капитала – в денежной приватизации. Эти процессы начинались снизу менеджерами и профсоюзами как выражение стремления принять на себя ответственность за функционирование и развитие предприятий. В обществах трудовых коллективов относительно высокой была гибкость занятости, был введен порядок в выплате зарплаты и проявляется забота об эффективности управления собственным капиталом. Повысилась микроэкономическая рациональность производства. На приватизированных предприятиях, в отличие от государственных, темпы роста производительности труда как правило опережают темпы роста реальных зарплат²²⁸.

Крупные предприятия, интереса к покупке которых вначале было мало, реально приватизировались при сильном сопротивлении групп влияния лишь в середине 90-х гг. Основные трудности – это нехватка капитала и недостаточное стремление к инвестированию, низкий технический уровень производства, а также слабая мотивация развития. Рабочие опасались перехода предприятий в частную собственность. Поэтому было решено согласовывать проекты приватизации с местными властями и проводить ее вначале путем раздачи ваучеров при одобрении директоров и трудовых коллективов. Польские достижения в области самой быстрой и экономически эффективной «большой» приватизации (другие страны субрегиона догнали эту страну через «малую» и постепенную «большую» только на рубеже двух веков, оставив в руках государства, согласно стандартам Западной Европе, 10-20% собственности) не были подкреплены значитель-

ными технологическими достижениями. В этой сфере Польша отставала и от Европейского Союза, и от других стран Вышеградской группы. Высокотехнологичная промышленная продукция составляла лишь 3 % польского экспорта, в то время как венгерского – 22%, а в странах Европейского Союза – 20%²²⁹.

При денежной приватизации господствовал принцип участия стратегического инвестора, имевший решающее значение для развития биржи и других институтов рынка капитала и обеспечивавший значительные поступления в бюджет государства. Существенным элементом этой приватизации были социальные пакеты с гарантией стабильной занятости на определенный период. Польская программа приватизации государственных предприятий, основанная на принципе переговоров, полнее сочетала изменение формы собственности с финансовыми условиями предприятий, обеспечивала учет ожиданий рабочих коллективов, а также нужд структурных преобразований и развития. В принятии решений участвовали и рабочие коллективы, и руководство предприятий, а приватизационные договоры не только определяли цели и программы структурных преобразований, но и включали социальные пакеты. В итоге удавалось одновременно продвигать достижение экономических и общественных целей системной трансформации в направлении социальной рыночной экономики²³⁰.

В *Чехословакии* преобразование национализированной, по существу неополитарной собственности (а другой и не было) шло по четкой схеме, организовано, без излишней спешки, с минимальными социальными потерями. Инфляция была быстро остановлена: стремительно проводилась либерализация с низкими ценами. Печатный станок для увеличения зарплат бюджетникам не был использован. Бюджет был стабилизирован (значительного внешнего долга страна не имела; был сохранен положительный внешнеторговый баланс; банковские кредиты были лимитированы). Необходимости форсировать продажу базовых отраслей промышленности не было, тем более, что в стране отсутствовали крупные частные капиталы. Поэтому в Чехословакии был выбран сценарий, близкий к общественно-наделительной модели, дабы преодолеть нехватку капитала и одновременно избежать обвинений в распродаже национального

имущества иностранцам. Население восприняло перемены в экономике позитивно. Чешская элита при проведении приватизации отвергла вашингтонские рекомендации. Избрав тактику постепенного реформирования экономики и приостановив реструктурирование предприятий, чешская элита поддерживала высокую управляемость и перераспределяющую роль государства с мягким ограничением бюджета, сохранением рабочих мест и низкой безработицей. Проблемы собственности разрешались с 1991-1992 гг. в спокойной обстановке, поэтапно: почти сразу были приватизированы мелкие фирмы, для чего создавались правовые основы «малой» приватизации, касающейся предприятий с одним покупателем, приватизации в форме аукционной продажи, лизинга или отдачи бывшим владельцам (чуть больше 3 %).

В «большой» приватизации применялись методы продажи собственности отечественным и иностранным инвесторам, аукциона и публичной оферты, коммерциализации и распределения акций (ваучерное распределение, продажа через финансовые учреждения, продажа работникам и менеджерам фирм, передача акций коммунальным организациям, банкам или пенсионным фондам, а также оставление акций в Национальном фонде собственности). В два тура в 1992-1994 гг. была решена судьба тех средних и крупных предприятий, на которые не претендовали иностранные инвесторы. В целом, было приватизировано чуть больше 30% собственности (в стоимостном выражении). Господствовала базирующаяся на концепции народного капитализма и унаследованная *Чехией* после разделения страны модель всеобщей приватизации с использованием купонного (ваучерного) метода (доля в общем количестве предприятий – около 43%). Каждый гражданин имел право на получение купонов как части «государственного имущества». Приобретя купон за относительно небольшую сумму в 1000 крон, каждый гражданин или покупал акции какой-либо фирмы, или передавал купоны (таких оказалось 60%) в какой-то из приватизационных фондов, которые становились акционерами предприятий. Фонды нередко перекупали купоны. Работники быстро избавлялись от них и от акций, которые приобретались в основном инвестиционными фондами с банковским надзором (со сложной структурой собственности). Последние были преобразованы в холдинги, заинтере-

ресованные приобретением контрольных пакетов. Муниципалитетам было передано 15,5% объектов²³¹. Тысячи предприятий развалились, другие разделились на более мелкие, третьи оказались неконкурентоспособными (например, текстильная промышленность не могла соперничать с товарами из Восточной Азии). Энергетика была приватизирована лишь частично. В руках государства осталась нефтетранспортная система.

В страну все активнее входил иностранный капитал. Немецкий «Фольксваген» стал собственником чешского автозавода «Шкода». Фирмы Германии, Франции, Бельгии, Японии и Кореи стали инвестировать в развитие новых отраслей производства. Только в конце 90-х гг. приватизировались банки, и сейчас уже большинство из них подконтрольно иностранному капиталу.

В **Словакии** (ставшей самостоятельным государством в 1993 г.) купонный метод был заменен методом облигаций. Место массовой приватизации заняла прямая продажа при помощи публичного предложения.

В **Болгарии** приватизация велась четырьмя основными путями – как всеобщая массовая приватизация, большая денежная приватизация, малая прямая приватизация и ликвидация несостоятельных предприятий. Программа всеобщей приватизации была разновидностью чешской ваучерной приватизации. Получаемые гражданами купоны в инвестиционных фондах обменивались на паи. Болгарской спецификой была своеобразная подстраховка – оставление в ведении государства контрольных пакетов крупных предприятий, а также участие рабочих коллективов в публичном аукционе при проведении денежной приватизации. В прямой приватизации использовались, а частности, покупка предприятия рабочим коллективом, менеджерско-рабочая форма, лизинг с правом выкупа, а также контракт с оговоркой о выкупе. В Болгарии было трудно быстро раскрутить процесс приватизации ввиду высокой централизации системы управления народным хозяйством, нехватки рыночных традиций и основ институциональной оболочки рынка. В стратегических секторах делалось много исключений из приватизации.

В **Румынии** структурные преобразования на предприятиях были минимизированы, а преобразования собственности проводились сходными с Болгарией путями. Всеобщая приватизация

проводилась при помощи пяти частных фондов собственности, управляющих инвестиционным портфелем в результате бесплатного трансферта 30% акций коммерциализованных предприятий. Владельцами фондов собственности становились граждане, вносившие минимальные оплаты за купоны. Денежная приватизация выражалась в открытых торгах для избранных субъектов, проводилась путем публичного предложения или прямых переговоров. В прямой приватизации использовались методы продажи, аренды, платного пользования и договора об управлении. Особенно сильно давала о себе знать необходимость дополнительных денежных вложений в банковский сектор.

Приватизация в *Словении* имела как ряд общих черт с большинством стран системной трансформации, так и свою специфику.

В эту страну также приезжал глашатай Вашингтонской трансформации Дж. Сакс, но острые дебаты в правительстве привели к выбору пути эволюционных перемен, стабильной экономике, высоким темпам роста при отсутствии больших социальных потерь. Господствующим типом собственности стала собственность трудовых коллективов с участием менеджеров. Инициатива приватизации и выбор методов ее проведения находились в компетенции предприятия и его трудового коллектива, что являлось наследием югославской системы самоуправления. Всеобщая приватизация была проведена на основе бесплатного распределения сертификатов собственности, которыми граждане наделялись в зависимости от возраста. Эти сертификаты были обменены в инвестиционном фонде на акции, их можно было использовать для покупки акций, предлагаемых к публичной продаже. В денежной приватизации 40% акций было предназначено на Фонд развития, 20% – это внутреннее распределение для купонного обмена – для работников, а остальные 20% направлялись работникам на внутреннюю покупку. Поступления от приватизации пошли не в государственный бюджет, а в Фонд развития, финансирующий процессы структурных преобразований на предприятиях. Публичная продажа акций, предлагаемых Фондом развития, производилась в форме публичной оферты акций и торгов. Прямая приватизация меньших фирм, продающих свои акции по рыночной цене или продающих все

свои активы, предполагала также внесение фирмами 40% поступлений от этой деятельности в Фонд развития. Из приватизации были исключены банки, страховые общества, инфраструктурные сектора, предприятия общественной полезности, железные дороги, авиация, лесничество. В сравнении с другими странами участие иностранных инвесторов было невелико²³².

Таким образом, если в России был использован сценарий, сочетающий в условиях ослабленной роли государства общественно-наделительный и денежно-рыночный варианты, то в Чехии, Словакии, Румынии и Литве – сценарий, близкий к общественно-наделительной модели, из-за стремления избежать нехватки капитала и подозрений в распродаже национального имущества, а также для ускорения темпов приватизации. В других странах (например, в Венгрии) было принято решение, среднее между государственно-административным и денежно-рыночным вариантами (создание Агентства государственного имущества), а главенствующей целью приватизации было привлечение иностранного капитала. Напомним, что государственно-административный вариант ставит на первое место реализацию определенных целей хозяйствования, прежде всего обеспечение соответствующих бюджетных поступлений. Заданием общественно-наделительного варианта является расширение круга владельцев производственных ресурсов, а также содействие развитию средних слоев общества. Предполагается, что он должен способствовать уменьшению имущественно-доходной дифференциации, поэтому его сторонники часто ссылаются на лозунги социальной справедливости.

Итак, страны региона выбрали различные теоретические варианты изменения форм собственности и соответствующие им охват, сценарии, темпы и методы приватизации, эффективно изменявшие экономическую кондицию предприятий, их стратегию и результаты деятельности²³³. Но ни в одной из них не была достигнута оптимизация роли государства в институциональном оформлении рынка: оно или оставалось излишне патерналистским, или оказывалось несколько в стороне от этого процесса.

Каковы же были темпы и общий вклад процесса приватизации в формирование ВВП в странах региона?

Согласно данным ВБ, в 1999 г. самая высокая доля частного сектора в создании ВВП среди стран ЦВЮВЕ имела место в Че-

хии и Венгрии (по 80%) и Румынии (60%), при среднем региональном показателе 68%²³⁴. Средний показатель роста ВВП в 2001 г. по сравнению с 1989-1990 гг. для трансформирующихся стран Центрально-Восточной и Восточной Европы (по данным ЕБРР) достиг 110%, а для стран Юго-Восточной Европы – 76%. Для СНГ этот показатель по сравнению с 1991 г. составил всего 62%²³⁵. Уже в середине 2002 г. доля частного сектора в производстве ВВП достигла в большинстве стран Центрально-Восточной Европы 80%, в том числе в Польше – 75%. В Юго-Восточной Европе на этот уровень поднялись Албания и Болгария, а другие страны отставали с показателем 60-65%. В тех же странах, где приватизация тормозилась по политическим и идеологическим причинам (в Сербии и Черногории, а также Боснии и Герцеговине), а также ввиду укоренившихся в ряде балканских странах традиций самоуправления она составляла всего 45-50%²³⁶. В сумме, приватизация весьма положительно повлияла в макроэкономическом, мезоэкономическом и микроэкономическом масштабах на экономический рост, показатели инфляции и безработицы, на макроэкономическое равновесие, государственный бюджет и др. Она содействовала изменениям в структуре создания ВВП, свойственным современному развитию рыночных экономик, способствовала ускоренному развитию отраслей, являющихся носителями технического прогресса – информатики, биотехнологии, телекоммуникации и микроэлектроники. Это обеспечило положительные эффекты во всем народном хозяйстве, в частности значительный рост мотивации и производительности труда.

Разумеется, имели место и негативные моменты: частично были разорваны кооперационные связи, осуществляются скрытый трансферт прибыли за границу, перенесение производства по принципу дешевизны рабочей силы или масштабные и резкие массовые увольнения²³⁷. На приватизированных предприятиях, в отличие от государственных, темпы роста производительности труда как правило опережают темпы роста реальной заработной платы. Выгоду от роста производительности труда в большей мере получают владельцы, чем трудовые коллективы – в виде увеличения зарплат. Однако на практике развитие ры-

ночной экономики нивелирует разницу в реальной зарплате при помощи переговоров.

Что касается влияния приватизации на безработицу, то оно не однозначно. Безработица способствует как рационализации (уменьшению) занятости после завершения действия социальных пакетов, так и созданию новых рабочих мест – в зависимости от фазы конъюнктурного цикла: рецессия вызывает уменьшение занятости в любом из секторов собственности.

Многие приватизационные решения принимались в условиях трудной бюджетной ситуации государства, когда основная часть бюджетных доходов поступала от денежной приватизации и расширения производства. Приватизация существенным образом повлияла на развитие рынка капитала. Основные институты этого рынка были задействованы в результате приватизации первых крупных компаний. Важным аспектом отношений приватизации и денежного рынка является проведение реформ пенсионного обеспечения. Приватизация, принося дополнительные бюджетные пополнения, способствует финансированию реформы пенсионной системы и компенсированию потери взносов в государственный фонд социального страхования. В общем, связь темпа приватизации с развитием денежного рынка является одной из наиболее важных положительных черт модели приватизации и существенно повышает качество приватизационных процессов. Положительные микроэкономические результаты проявлялись несколько позже, после преобразования формально-правовой собственности в собственность в экономическом смысле, в условиях конкурентного давления денежного рынка, рынка труда, товарного рынка или рынка информации²³⁸. Процесс приватизации создавал микроэкономические основы макроэкономической рационализации.

Что касается компаний трудовых коллективов, взявших в лизинг государственные и коммунальные предприятия, то в них процессы трансферта прав собственности еще не закончены. В этих компаниях весьма актуальным является построение стратегии конкуренции и поиск источников притока капитала, необходимого для реализации стратегических целей, открытости для внешних инвесторов.

Оценка темпа, области, методов и результатов приватизации в находящихся на этапе системной трансформации странах подверглась со временем существенным изменениям. Приватизация положительно оценивается в тех трудовых коллективах, которые достигли экономического успеха. Но в целом климат вокруг приватизации постепенно ухудшается. Большое значение имеет растущее убеждение в том, что в ходе приватизации групповые или индивидуальные выгоды представителей бизнеса часто не согласуются с общественными интересами, а результаты реализации пакетов инвестиционных и социальных обязательств инвесторов, индивидуальные выгоды работников (повышенные зарплаты) – с выгодами предприятия при более высокой эффективности, и, в частности, рентабельности. Негативно воспринимается ограничение занятости и ликвидация (или сужение) различных социальных функций предприятия, его заботы о работниках. Их социальное положение ухудшалось по мере увеличения трудностей с поисками капиталов для финансирования дальнейшего развития предприятий. В общественном мнении постепенно укрепляется осознание необходимости продолжить приватизацию государственных предприятий как шанса нахождения источников капитала и соответствия растущей рыночной конкуренции.

Участие в приватизации в ЦВЮВЕ иностранного капитала, в том числе прямых инвестиций – особая проблема (см. табл. 1).

Таблица 1. Прямые иностранные инвестиции в ЦВЮВЕ в 2004-2007 г. (в %)

Страны	2004	2005	2006	2007
Болгария	9,1	14,7	23,2	20,5
Венгрия	3,3	5,0	2,8	1,1
Польша	4,8	2,3	2,9	3,4
Румыния	8,4	6,6	8,9	6,3
Словакия	7,2	4,1	6,8	3,5
Словения	0,8	- 0,2	- 0,7	- 0,2
Хорватия	2,3	4,1	7,2	8,5
Чехия	3,6	9,4	3,2	4,5

Источник: The World Bank. EU10. Regular Economic Report. June 2008. P. 31.

Это не только путь к инновациям и реструктуризации экономики, к ускорению технического развития, адаптация новых методов управления и новых рынков (с использованием богатого маркетингового опыта), «подтягивание» к мировым стандартам национальных поставщиков сырья и материалов и местных производителей, а также рабочей силы и т.д. Это путь в один из главных очагов глобализации – Евросоюз как центр политико-экономического притяжения и гарантию успеха масштабной системной трансформации всего общественного устройства. Благодаря открытости для внешних инвестиций и торговли группы стран Центрально-Восточной Европы доля внешней торговли в их ВВП сейчас достигает 60 процентов, а доля капиталоемкой продукции, требующей высококвалифицированной рабочей силы, перевалила за 60-80 и более процентов²³⁹. Западные компании энергично осваивают производственные возможности стран субрегиона, выравнивая структурный дисбаланс (например, в Словакии инвестируя преимущественно в промышленность, а в Венгрии и Чехии – в сферу обслуживания) и способствуя стабильным темпам развития и приближению к показателям стран-инвесторов. После установления контроля последних над экономикой привлекающих прямые инвестиции стран отрицательные эффекты в них уменьшаются²⁴⁰.

Решения потребовал также вопрос реприватизации. Выбор ее принципов учитывал реальные возможности обеспечения государством реприватизационных притязаний, лимиты претензий, соответствующих реальным возможностям экономики, меру общественной поддержки для масштаба и формы реприватизации, допустимости возврата собственности, неприязни по отношению к бывшим владельцам, в том числе иностранцам.

Цель экономических преобразований в настоящее время не отождествляется с воссозданием раннего капитализма. Экономический порядок давно претерпел весьма существенные изменения. Процессы системной трансформации также отнюдь не оказались единообразными, «догоняющими», линейно-модернизационными, упрощенно наследующими или имитирующими цивилизационный путь развитых стран²⁴¹. И если общий курс системных преобразований следует признать схожим,

то на практике они реализовались во многом стихийно, без еди-
нообразных программ и продуманной экономической политики.

Диверсификация роли и функций государства. Новый институциональный порядок

На рубеж XX и XXI вв., на эпоху продвинутой глобализации, для бывшей «социалистической» половины Европы пришлось могучая глобализационная встряска и коренной трансформационный перелом общественно-экономического устройства. Это были взаимосвязанные процессы: трансформация стала условием и способом включения этого региона через членство в Европейском союзе в глобализационный процесс; этот процесс, в свою очередь, закрепил результаты трансформации²⁴². Глубочайшими преобразованиями были одновременно перепаханы несколько пластов общественной жизни, осуществлены ликвидация системы «партия-государство», слом централизованной плановой экономики и административно-командной системы управления, переход к рынку и демократии.

Этот процесс вылился в принципиальную диверсификацию роли и функций государства. Напомним, что Л. Валенса изначально заявил себя сторонником «нулевого государства». Итогом нескольких лет усилий по демократизации строя во всех странах ЦВЮВЕ стали новые конституции, в которых было закреплено изменение роли государства и его функций, в том числе в сфере экономики. Перестройка институтов власти происходила спонтанно и в основном сверху, с изменением соотношения элементов терявшего прежние несущие конструкции государства. Перемешивались, сея дезорганизацию, политические и административные сферы со многими центрами принятия решений, приватизировались отдельные государственные сегменты. В условиях системной трансформации приходилось осмысливать и учиться регулировать выстраивание новой структуры государств, их резко сокращавшиеся внутренние и внешние функции, интеграцию региона с Евросоюзом и адаптацию к функционированию в его рамках.

Теоретическое осмысление современной диверсификации государства первоначально выпало на долю польских ученых. Обратимся к трактовке этих проблем известным польским теоретиком-обществоведом Я. Станишкис²⁴³. Трансформация и включение в глобализационные процессы стран региона, по ее

мнению, привели к серьезным изменениям в функционировании власти и государства, связывая своеобразие вызревания преобразований в регионе с универсальными проблемами растущей неуправляемости государства и экономики. В отличие от ряда российских работ, Станишкис показала на примере не только взрывного движения «Солидарности», но и исподволь разворачивавшихся, необходимых, но казавшихся невозможными эволюционных преобразований в СССР, равно как и менявших формы согласно китайской культурной матрице процессов, что в регионе «реального социализма» противоречия системы с неизбежностью вели к энтропии и к потере управляемости государства. Обращаясь к проблеме исчерпания возможностей «реального социализма» и механизмов выхода под геополитическим и геоэкономическим воздействием на рубежи создания нового социально-экономического и политического устройства, Станишкис констатировала, что трансформация в регионе развивается неравномерно. Она изучила сходство и различия между Россией и странами ЦВЮВЕ и пришла к выводу о том, что если в России систематически предпринимаются более или менее успешные старания по укреплению «вертикали власти», то в регионе ЦВЮВЕ преобразующийся институт государства, также потеряв ряд функций, свойств и характеристик, в большей мере приобрел явные черты своеобразного «отмирания». Правительства стран региона в связи со вступлением в Евросоюз были вынуждены перестраивать сферу производства, проводя в интересах европейских производителей деиндустриализацию, а глобализация, в свою очередь, диктовала поспешную, но преждевременную для региона неолиберализацию финансовых рынков и коммерциализацию задач государства. В результате институт государства был ослаблен, развернулось бегство капитала, а его нехватка и кризис финансов воздвигли на пути развития высокий барьер²⁴⁴.

Политические факторы оказывались не в состоянии обеспечить решение серьезных институциональных проблем и определение методов ликвидации выше указанных барьеров для развития. Сами эти проблемы были передвинуты или в коммерческую сферу (где действует логика гражданского права), или в сферу компетенции отдельных властей (самоуправления, целевых

фондов или независимых структур). Складывавшиеся системы управления все же оказались способны «воспроизводиться по принципу внутреннего саморегулирования даже вопреки воле политиков» и «заблокировать проявления политической воли, которые могли бы поставить под удар» это воспроизводство. Это явление было определено как «государственный капитализм без государства», который функционирует вне сферы политики, поскольку глобализация способствует «увяданию традиционно понимаемой политики»²⁴⁵.

Последние десятилетия показывают, что Евросоюз во многом отходит от политических решений, заменяя их обязывающими все государства-члены одинаковыми и применяемыми без политических дискуссий процедурами (примером может служить план стабилизации, установление допустимого уровня бюджетного дефицита, нарушение которого карается в судебном порядке). Сфера институтов и процедур переместилась и продолжает перемещаться в надгосударственное измерение, на высокий международный уровень²⁴⁶. Политикам же остается роль экспертов, руководствующихся стандартами процедур различных сетей – гражданско-правовой, банковского, административного и другого права. «Партизованное» государство и переоценивающая возможности политики элита на деле не в состоянии охватить и организовать такие структуры.

Одна из основных проблем современности – это эволюция власти в национальном государстве, изменение ее сущности, объема, функций под влиянием трансформации и глобализации. Выискивая новый смысл теряющих в период глобализации прежнюю нагрузку понятий «власть» и «контроль», Я. Станишкис указывает прежде всего на стремление государства сохранить «максимально возможное число инструментов управления, несмотря на то, что процесс глобализации все более сокращает их набор». Ключевое значение в ее работах следует признать следующему положению: феномен власти изменился таким образом, что она уже является не доминированием определенного круга лиц над другими, а управляемостью, «регулированием правил» через систему институтов, «способностью координирования сегментов, функционирующих согласно различным логикам и стандартам рациональности». И «это происходит не через

политическую селекцию и политически навязанные критерии, но через многомерную сеть интересов, стимулов и санкций»²⁴⁷. Это – явление диверсификации власти, прежняя форма которой не исчезает полностью, хотя глобализация привела к ее деконструкции и новым конфигурациям.

Прежнее государство с ярко выраженным, могущественным властным центром и структурой иерархического подчинения уже не существует, ибо оно превратилось в сетевое государство, с паутинами связей, часто простирающимися за пределы номинальных границ и тяготеющими к внешним распорядительным центрам. Есть основания утверждать, что традиционные компетенции правительства реализуются теперь на многих уровнях, выше и ниже государственных, а образующиеся коалиции акторов все чаще обходят уровень прежнего «центра»²⁴⁸. Негативную роль тормоза в процессе трансформации играют объективные противоречия между асимметричными интересами разных уровней и процедур: глобальные интересы диктуют стандарты и решения одного масштаба, а национальные, локальные требуют совершенно другого масштаба, что часто деформирует и дезорганизует экономику и государство. Отсюда и негативный результат не критического принятия рядом проходящих через процесс трансформации государств моделей институтов и процедур, находящихся на опережающем уровне развития, что повлекло за собой «ползучую деструкцию государства», замедление преобразований и развития экономики. В результате «вынуждаемых глобализацией сумерек государства» происходит уменьшение роли современных национальных государств, формулирующих цели в масштабах страны. У них остается все меньше возможностей регулировать свою деятельность и осуществлять реальное управление²⁴⁹.

Таким образом, управляемость теперь является результирующей качества внутрисистемных связей между институтами, а не эффекта власти, сосредоточенной в каком-либо однозначно определенном центре управления. В переходный период система функционирования экономики, в частности рынка, – их институциональной оболочки, основных инструментов и механизмов, институционального порядка, то есть норм права и его применения, обеспечения безопасности хозяйственного оборота,

способности защищать соблюдение договоров, а также эффективности неформальных правил поведения – кардинально меняется. Существуют различные теории необходимого институционального порядка, предлагающие варианты укрепления базы устойчивого экономического развития, а особенно рынка. Неолиберальный подход ориентирует на то, что государство не должно мешать частным субъектам обеспечивать эффективное производство и устойчивый рост экономики. Соответственно как должна быть изменена роль государства?

Ведущий польский экономист, пионер теоретического анализа трансформаций в регионе Л. Бальцерович рассуждает о либерализации как о расширении свобод за счет упразднения рычагов чрезмерного государственного контроля во всех сферах жизни общества, о строительстве институтов свободного общества, об изменении роли и структуры государства и о его демократизации, о выводе правовой системы из подчинения нуждам административно-командной экономики. Он предлагает при демонтаже и переустройстве «партии-государства», его основных функций ориентироваться не на модели с широкими или даже расширяющимися государственными полномочиями, а на строительство такого «ограниченного» государства, которое максимально обеспечит экономическую свободу и ее основу – право частной собственности, с закрепленными в конституции и различных международных обязательствах ограничениями государственного произвола. Это становится нормой ввиду делегирования «некоторых элементов оптимального “набора” функций государства» внешним структурам, например Европейскому Союзу²⁵⁰.

С другой стороны, немецкий политический философ-неомарксист Ю. Хабермас, критикуя неолиберальную концепцию общества мирового рынка 90-х гг., пропагандирующую тезис о маргинализации государства вплоть до его исчезновения и полагающую привязать международное право уже не к политике государств, а к международному рынку, считает эту концепцию неадекватной и требует возврата к признанию роли государства. В аналитических текстах Хабермаса содержится разбор постмарксистского сценария развития политической системы, лишённого единого центра власти, с обществом, в котором гос-

подстует частное право. Он делает упор на то, что в этом сценарии уже на уровне базовых понятий отрицается «нормативный смысл правового инструментария»²⁵¹.

Л. Бальцеревич, однако, роль государства признает, хотя и в весьма урезанном виде. Основная задача «ограниченного государства», по Бальцеревичу, – прежде всего обеспечить правовую защиту бизнеса. Его труд пронизан полемикой с теоретическими построениями неолибералов, вносящей существенные уточнения в их трактовку проблематики государства, которую он считает недостаточно точной в ряде существенных аспектов. Так, он дополняет классическое определение государства М. Вебера критерием его правовой идентичности. Если Дж. Стиглиц²⁵² пишет, что обосновательно считать достаточными для обеспечения эффективности рынков приватизацию в сочетании с либерализацией торговли и всяческими проявлениями хозяйственной деятельности, что обязательно укрепление институциональных рыночных основ, то Бальцеревич дополняет задачу обеспечения правовой основы рынка у Дж. Стиглица определением содержания законов и механизмов ее применения. Он констатирует, что минусы, проистекающие из ограничительного административного регулирования и чрезмерного налогообложения, превышающего уровень, обеспечивающий защиту экономических свобод, требуют не усиления государственного вмешательства, а уточнения определения прав собственности и устранения препятствий их развитию, в том числе последствий этого вмешательства. «Ограниченное» государство предполагает создание эффективной системы сдержек и противовесов, контроля за репрессивным аппаратом, наличия независимых судебной власти и СМИ. Рассматривая варианты государственного устройства – от «реалсоциалистического» до нелиберального, Бальцеревич подчеркивает, что самые высокие показатели роста неизменно демонстрирует только рыночно-либеральное государство, сочетающее частное предпринимательство с взаимопомощью, с введением современных институциональных негосударственных схем «общества всеобщего благосостояния», с его различными благотворительными формами. Последовательный сторонник рыночной экономики, он, естественно, не принимает концепцию рыночного социализма Дж. Ролза²⁵³, поскольку та-

кой строй предполагает запрет на частное предпринимательство и отказ от «приоритета свободы» вместо конституционной защиты экономической и других свобод. Он полагает, что на деле государственной системой перераспределения благ больше пользуются не бедняки, а правящие и зажиточные слои, чрезмерно же широкие полномочия государства оборачиваются ростом нищеты и хронической безработицей. Изучение ОЭСР причин структурной безработицы убеждает Бальцеровича, что это явление, как и ряд подобных, чреватые ростом неравенства и всепроникающей коррупции, есть результат неизбежных минусов вмешательства расширенного государства в экономику²⁵⁴. Ссылаясь на многочисленные исследования, автор показывает, что уровень коррупции зависит от таких свойств «расширенного» государства, как ограничительное регулирование и связанные с ним широкие полномочия политиков и государственной бюрократии, высокое налоговое бремя и большие объемы государственных закупок. Странники укрепления роли государства, концепции или теории его активной роли, далеко выходящей за рамки заботы о макроэкономической стабильности и защиты саморегулирования, как правило, не рассматривали укрепление институциональных основ рынка как расширение административного контроля над экономикой и рынком, то есть государственное вмешательство в традиционном смысле. Государство вынуждено приспосабливаться к требованиям как построения рыночных институтов и соблюдения всеми субъектами рыночной системы и соединенной с ними публичной сферы институционально-правового порядка, так и стратегического управления экономикой.

Всемирный банк следующим образом определил роль государства в системной трансформации, обеспечивающую институциональную дееспособность: соблюдение правил рынка и ограничений, налагаемых обществом и государственной администрацией; стимулирование внешней и внутренней конкуренции; укрепление партнерства в хозяйственных отношениях. В связи с этим обеспечивается действие регуляторов, касающиеся защиты потребителя, системы расчетов и платежей и исправного казначейского аппарата²⁵⁵. Определяющую роль в оформлении институциональной структуры рыночной экономики играют прин-

ципы функционирования государственного хозяйственного центра (правительства и его учреждений – министерств, агентств и др.), а также хозяйственных субъектов. На этой основе Всемирным банком определяются пять основных (приспосабливаемых к конкретным условиям) функций, которые должны быть сферой влияния государства в экономике: создание правовых основ ее функционирования, управление макроэкономической политикой, инвестирование в человеческий капитал, инфраструктуру, предоставление основных социальных услуг, полное обеспечение наиболее беднейших социальных групп и защита окружающей среды²⁵⁶.

В постсоциалистических странах построение новой институциональной структуры народного хозяйства было актуальнейшей задачей. В институциональном вакууме быстро утверждается неформальная институционализация – «бандитский капитализм», как его определяют представители ВБ, ЕБРР и других международных институтов. Роль государства в экономике, институциональный порядок также подрываются и ослабляются из-за низкого качества и нестабильности права и его применения. Кроме того, исходные условия в различных странах существенно различались: одни из них (Венгрия, Польша, Югославия) и ранее пытались вводить институциональные новшества, другие по инерции держались прежних структур и норм.

Один из важных аспектов проблемы – диверсификация функций государства в сфере взаимоотношения рыночной экономики и политической демократии: обязательно ли в условиях экономической трансформации первая опирается на вторую или же политическая демократия не необходима для функционирования и развития рыночной экономики. Международная практика показывает, что рыночная экономика функционирует в разных формах, с разными пропорциями элементов демократии. Политическая демократия делает возможным проведение эффективной экономической политики, но не в состоянии ее заменить. Демократия без экономической политики как ориентира может способствовать экономической стагнации или разладу экономики и появлению макроэкономических диспропорций, что в свою очередь ослабляет демократию. Я. Корнаи утверждает однозначно, что «...инвесторы ценят как стабильность упро-

чившейся демократии, так и стабильность диктатуры сильной руки. Больше всего их отталкивает слабая демократическая система»²⁵⁷. В общем и целом, демократия усиливает адаптационные способности экономики и ее эффективность. Однако при господстве политики над экономикой могут возникнуть пренебрежение к экономическому обоснованию принимаемых политических решений, воздействие политических избирательных циклов на макроэкономическую ситуацию и угрозы для экономического роста²⁵⁸. Строительство рыночной экономики и прогресс в построении демократического государства связаны многочисленными нитями, в том числе обратными, как положительного, так и отрицательного характера. При этом расширение демократии в области действия рынка идет намного легче, если экономика находится в стадии роста. Если же страна находится в стадии рецессии, демократия может мешать дальнейшему продвижению экономики к рынку. В условиях ухудшения экономических перспектив, падения уровня жизни и настроений населения демократия может восприниматься как мало значащая ценность. Когда речь идет об экзистенциальном выживании, меняется сама система и иерархия ценностей, адекватных в основном или исключительно для богатых и стабильных стран, занятых определением пропорций раздела богатства.

В период системной трансформации одной из наиболее значимых областей, в которой государство должно осуществлять функцию эффективного контроля, является перераспределение доходов. Между тем, неолиберальные реформы разных областей социально-экономической жизни шли в том направлении, чтобы освободить государство от обязанности финансирования многих выплат и перенести расходы на население и в определенной степени на предприятия.

Глубокая экономическая рецессия в начале периода трансформации была причиной того, что передел национального дохода значительно сократился, а в результате было ограничено бюджетное финансирование социальных программ. Это происходило в ситуации, когда спад производства и национального дохода был наиболее высоким, что привело к чувству социальной несправедливости. Поэтому объявление следующего шага реформы ассоциировалось, в основном, со спадом уровня и ка-

чества жизни крупных общественных групп, особенно малообеспеченных. Преобразуемое государство, с приспособленными к рыночной экономике функциями, ввиду масштаба существенных и трудных проблем для решения в короткий период, одновременно должно особо заботиться о социальной справедливости, которая в длительном периоде времени является важным фактором стабилизации экономического роста. Чем больше роль государства в экономике, тем более справедливо осуществляется перераспределение национального дохода. Наибольшая социальная несправедливость, измеряемая дифференциацией доходов, существует не в самых богатых странах, а в странах слабо развитых.

Сам по себе переход от системы центрального планирования к рыночной экономике не является достаточным условием устойчивого и уравновешенного развития. Либеральный курс на постоянное уменьшение социальных расходов государства во все не обязательно ведет к оживлению экономического развития и даже может закончиться отказом от рыночной экономики и попыткой вернуться к модели централизованного планирования. Необходимыми условием является стабильный общественно-политический климат, содействующий как безопасности хозяйственной деятельности, так и накоплениям и инвестированию. Общественно-политическая нестабильность ослабляет эти процессы, что в свою очередь затрудняет и тормозит экономический рост и повышение уровня благосостояния общества. Высокая же степень традиционного перераспределения валового внутреннего продукта ведет к уменьшению склонности к накоплениям и инвестированию, а также к снижению темпов экономического роста. Однако она же служит сохранению имущественного неравенства на определенном уровне, не вызывающем социально-политических напряжений и конфликтов, – политической стабильности, способствующей хозяйственному развитию.

Следует отметить зависимость между активной социально-экономической политикой государства и дифференциацией доходов общества. В странах, в которых во второй половине 90-х гг. социальные расходы в ВВП были равны или превышали 50%, наиболее богатые 20% общества получали около 37,4%

ВВП, а наиболее бедные 20% общества – немногим более 7%. В странах, где они были меньше или равны 33%, наиболее богатые 20% общества находились на уровне около 44%, а наиболее бедные 20% – немногим больше 5%²⁵⁹.

При перестройке экономики в период отхода от принципов централизованного планирования и административно-командной системы к экономике, опирающейся на рынке, приоритетными областями институциональных изменений явились перестройка экономического центра и принципов функционирования предприятий, системы налогообложения и банковской системы. Центр трансформировался стихийно, складывался из многих разобщенных, не скоординированных точек роста. Вначале не было единого центра принятия решений, «диспетчерской», которая занималась бы выработкой стратегии социально-экономического развития, распределением функций и заданий между центральными и местными органами власти.

Часть хозяйственных функций и заданий государства передавалась с центрального уровня на более низкие ступени государственной администрации или в ведение местных органов самоуправления, происходило укрепление контрольных функций государства, регулирующих функций его соответствующих органов (а благодаря этому и всего центра). При помощи их реализовались микроэкономические и макроэкономические цели, обеспечивалась гармонизация интересов путем, в частности, сведения к минимуму возможных и реальных противоречий и конфликтов между ними. Проводилась консолидация – максимальное объединение экономических функций государства вокруг главных областей хозяйственных интересов, то есть экономики предприятий, финансовой системы, трудовых отношений. Целью этого было ускорение и повышение качества процессов принятия решений и однозначное определение областей ответственности, повышение уровня международной конкурентоспособности экономики и т.д. Устанавливалась совместимость структуры экономического центра по отношению к институциональным структурам важнейших экономических партнеров, утверждалась ориентация на действия, стимулирующие быстрое и длительное экономическое развитие страны. Обновлялись принципы функционирования предприятий, что было нужно для

совершенствования процесса системной трансформации, особенно для облегчения капиталовложений, а также приватизации государственных предприятий и структурного преобразования крупных хозяйственных субъектов, соединения, деления и преобразования инвестиционных компаний. Страны региона, как говорилось выше, уже в договорах о присоединении к ЕС обязались гармонизировать свое право с законодательством союза, частично – в момент вступления в него.

При диверсификации государства на направление и темпы экономической трансформации положительно влияет кристаллизация руководящих элит, мотивируемых общественными интересами – экономическим развитием в масштабе макро. Не могут быть ими представляющие лишь собственные интересы группы давления и другие партикулярные отраслевые или профессиональные интересы. Самым высоким стал спрос на группы давления нового типа, направленные на будущее и интересы всего общества, народного хозяйства. Чтобы отличить лобби, направленное на развитие, от многих традиционных групп давления, нужно сформулировать его критерии. Это предприимчивость людей, направленная на создание новых рабочих мест, на рост экспорта, на новые капиталовложения, честную конкуренцию.

Существует и может быть весьма опасной противоположная, подрывающая развитие тенденция, когда активность бизнеса направлена на перехват существующих фирм, их соединение или дробление, уклонение от оплаты налогов, использование нечестной конкуренции и т.п. Представители этого направления выводятся как из старой номенклатуры, так и из новых элит. В период системного вакуума, когда новый институциональный порядок только рождается, появляются обстоятельства, способствующие развитию неформальных групп интересов, соединяющих коррумпированную бюрократию и организованную преступность. В этих условиях становятся очень тонкими, трудными для определения границы между тем, что допускается законом, и тем, что диктует беззаконие. Коррупция является болезнью, разрушающей экономику, особенно трансформирующуюся.

Существенный элемент институционального порядка – налоговая система – имеет ту специфику, что в период трансфор-

мации рыночные отношения все еще продолжают кристаллизоваться, поэтому в большинстве стран форма этой системы долго не могла стабилизироваться. Весьма существенной сферой институциональных изменений переходного периода стало приспособление банковской системы к рыночной экономике: часть банковского сектора, который должен пройти этап консолидации банков, подлежала приватизации.

В Маастрихте в 1992 г., при создании ЕС, для нейтрализации давления политических властей в договоре было записано, что центральный банк не может руководствоваться инструкциями правительства, давать правительству кредиты, то есть он является независимым. Этот принцип принят во всем регионе, кроме Венгрии, хотя его интерпретация различна в сфере конкретного определения компетенций и расхождений между исполнительной и законодательной властью, с одной стороны, и центральным банком – с другой. Роль этих ветвей власти должна ограничиться правовым регулированием общих принципов, целей и методов действия центрального банка, назначением его органов и переговорными процедурами относительно координации денежной политики банка с экономической политикой правительства и парламента. Для защиты центрального банка от не предусмотренного законом политического вмешательства в ходе назначения его руководства и, возможно, отдельного органа, определяющего денежную политику, подчеркивается роль парламента и главы государства (президента), что обозначает исключение или сведение к минимуму роли правительства в этой области. Независимый центральный банк противостоит особенно пагубным для развития трансформирующихся стран колебаниям политического конъюнктурного цикла (парламентских выборов и других политических явлений и процессов). Такая независимость дает больше шансов получить доверие общества к эффективности денежной политики, проводимой на микро- и макроэкономическом уровнях. Институционально-правовые отношения должны определять не только полномочия и обязанности, но и ответственность субъектов макроэкономической политики. Это касается совета министров и персонально министров, а также парламента и центрального банка. Там, где этот принцип не соблюдается, возникают противоречия и конфликты, за-

трудняющие преодоление экономической рецессии или де-конъюнктуры, а также ускорение экономического развития. Для стран региона очень важны как рационализация экономической политики, так и последовательное завершение качественных изменений в области институционального порядка рынка и всего народного хозяйства.

Особо надо обратить внимание на регулирование деятельности зарубежного банковского капитала, значительный приток которого обеспечила либерализация условий для него на национальных рынках. В результате он присутствует в совокупном капитале банковской системы, к примеру в Венгрии и Чехии в размере 70-80%, Польши – 65%, где способствует интенсивности их развития. Это отражает размах интеграционных процессов в ЕС, но требует осторожности, особого контроля и ограничений в интересах сохранения оптимальных тенденций и потребностей национальной общехозяйственной динамики²⁶⁰.

Итоги трансформации экономической сферы: успехи и проблемы

Итак, на грани XXI века, в условиях глобализации, страны ЦВЮВЕ прошли фазу либерализации хозяйственной деятельности и макроэкономической стабилизации, как и, в основном, фазу приватизации государственных предприятий, а также создания рыночных институтов. Они создали институциональную оболочку рынка с функцией административного центра хозяйствования и системы управления хозяйственными субъектами, весьма продвинувшись вперед, в качественно новую стадию трансформации. В значительной степени пройдена и фаза преобразования микроэкономической сферы производства²⁶¹.

С 1989 г., за неполные 20 лет, в сфере социально-экономической трансформации максимальных успехов достигли страны Центрально-Восточной Европы и страны Балтии, за ними – Российская Федерация, затем – в целом СНГ, а также субрегион стран Юго-Восточной Европы. Опыт системных преобразований со всей очевидностью показал, что цикл своеобразных волн экономического развития зависел, в частности,

от процессов трансформации в других сферах общественной жизни.

Основные результаты процесса трансформации первых десяти лет в изучаемых странах см. табл. 2.

Таблица 2. Ранжирование продвижения на 1998 г. наиболее успешно трансформирующихся стран региона

Критерии	Первое место	Второе место	Третье место
Темпы роста	Польша	Словения	Эстония
Экономический потенциал	Польша	Венгрия	Словения
Платежный баланс	Словения	Чехия	Венгрия
Деловая этика	Словения	Венгрия	Эстония
Открытость для мира	Венгрия	Польша	Чехия
Верховенство закона	Польша	Венгрия	Эстония
Ценовая стабильность	Чехия	Хорватия	Словения
Производительность	Словения	Венгрия	Польша
Стабильность валюты	Венгрия	Польша	Словения
Политическая стабильность	Словения	Венгрия	Польша
Общее ранжирование	Словения	Венгрия	Польша

Источник: Tatiana Boncompagni. Who's Getting in Gear for Growth in 1998//Central European Economic Review, December 1998 – January 1999. P. 10-11.

На 1998 г. по итогам социально-экономических и политических преобразований четырьмя главными лидерами трансформации были признаны Словения, Венгрия, Польша и Чехия. За ними, в порядке убывания, следовали Эстония, Латвия и Литва, Хорватия, Болгария, Словакия, Молдова и Румыния. Замыкали этот ряд как страны с более слабыми показателями Югославия, Россия, Албания и Белоруссия.

Согласно расчетам МБРР (по методике от 1 до 4,5 пункта) первое место заняла Венгрия (3,75 п.), второе и третье – Польша и Чехия (по 3,5 п.). Словения и Словакия получили по 3,25 п. Далее расположились, Хорватия, Болгария и Румыния. Результаты трансформации в Белоруссии оценены в 1,5 п. По основным параметрам трансформации конца XX в. сформировался следующий ряд бонифициариев, с меньшей глубиной рецессии, высокими темпами выхода из нее и наивысшим, достигшим в

1992-1998 гг. в среднем 5,2% ростом ВВП, понадобились всего два года, чтобы выйти из рецессии. Высокий рост ВВП продолжался 9 лет. Другие страны отставали от нее, поскольку или позже начали трансформацию, или шли по этому пути медленнее. После первого десятилетия трансформации в странах ЦВЮВЕ (без учета стран бывшей Югославии) к уровню ВВП 1989 г. удалось вернуться только к 2000 г., а его средний уровень составил около 97% (в странах СНГ – едва 55%). В 2000 г. показатели ВВП составили рекордный максимум от начального уровня трансформации в Польше – 127% (но по инвестиционной привлекательности Польша в тот период проигрывала соседям – Чехии и Словакии). В Словении они достигли соответственно 114%, и далее, по нисходящей: в Венгрии – 105%, Албании – 104%, Словакии – 103%, Чехии – 96%, Болгарии – 83%, Румынии – 78% (для сравнения – в Македонии также 78%, в Хорватии – 80%, в России и Украине эти показатели составляли 61% и 38%²⁶²).

По итогам 15 лет польский экономист М. Ярош ранжировала преобразования с учетом многообразия условий, темпов и методов перемен, сравнивая более широкий диапазон данных развития трансформирующихся стран. По сумме сводных показателей (средней по областям большой и малой приватизации, реструктуризации предприятий, либерализации цен, торговли, внешнеторгового обмена, политики поддержки конкуренции, реформы банковской системы, развития рынков капитала и небанковских финансовых учреждений, реформ в сфере инфраструктуры, телекоммуникации, электроэнергетики, путей сообщения, состояния водопроводной и канализационной сети) она выстроила такую картину.

Если за 1 пункт принять отсутствие реформ, а за 4,3 пункта – завершение процесса трансформирования экономики, то показатели 2003 г. располагались по нарастающей так: страны СНГ – 2,50 п., страны Юго-Восточной Европы – 2,80 п., страны Центрально-Восточной Европы – 3,55 п., Польша – 3,66 п., суммарно все постсоциалистические страны – 2,94 п.²⁶³ Польша, как лидер перемен, выиграла в основном за счет интенсивного развития новых частных предприятий и совершенствования рыночных отношений.

В первом пятилетии XXI в. одним из важнейших показателей глубины встраивания во всемирный процесс глобализации являлись не только объем производимого ВВП или промышленного производства, но и конкурентоспособность экономики (исходные параметры ее сводного индекса – это открытость экономики, роль государства и системы управления в деле повышения ее эффективности, финансовая и институциональная среда, производственная инфраструктура). В группе стран с переходной экономикой появились свои «молодые тигры». Среди них в Центрально-Восточной Европе впереди оказались Венгрия, Чехия и Словения. По уровню конкурентоспособности из общего числа 117 стран на 2001 и 2005 гг. места распределились так: Чехия – 37 и 38, Венгрия – 28 и 39, Словакия – 40 и 41, Польша – 41 и 51. Для сравнения приведем Китай – 39 и 49, Болгарию – 56 и 58. Россия находилась на 63 и 75 месте²⁶⁴.

Канун 20-летия трансформаций ознаменован в регионе весьма существенным ростом промышленного производства (см. табл. 3), но в дальнейшем в связи с ухудшением международной конъюнктуры для экспорта вероятно некоторое среднесрочное замедление этого процесса.

Таблица 3. Промышленное производство в странах ЦВЮВЕ в 2004-2007 гг. (в %)

Страны	2004	2005	2006	2007
Болгария	17,1	6,7	6,1	9,3
Венгрия	7,4	7,0	9,9	8,1
Польша	12,3	4,1	1,1	9,7
Румыния	5,4	2,2	7,1	5,4
Словакия	4,2	3,0	9,9	13,0
Словения	4,8	3,1	6,2	6,3
Хорватия	4,3	5,1	4,6	5,6
Чехия	9,6	6,7	11,2	8,2

Источник: The World Bank. EU10. Regular Economic Report. June 2008. 44544 vol. 1. P. 28.

Итоги последних лет свидетельствуют о наращивании (от 3,6 до 11,4%) и выравнивании темпов роста ВВП в регионе. Исключением стала в 2007 г. Венгрия, у которой возникли проблемы на фоне повышения уровня зарплат и связанного с этим бегства портфельных инвестиций, сжатия личного потребления, а также инвестиций, что отбросило Венгрию в 2007 г. на последнее место в ЕС по темпам прироста ВВП (см. табл. 4).

Таблица 4. Динамика ВВП стран ЦВЮВЕ в 2004-2007 гг. (в %)

Страны	2004	2005	2006	2007
Болгария	6,6	6,3	6,3	6,2
Венгрия	4,8	4,1	3,9	1,3
Польша	5,3	3,6	6,2	6,6
Румыния	8,5	4,1	7,7	6,0
Словакия	5,2	6,6	8,5	10,4
Словения	4,4	4,1	5,7	6,1
Хорватия	4,3	4,3	4,8	5,6
Чехия	4,5	6,3	6,8	6,6

Источник: The World Bank. EU10. Regular Economic Report. June 2008. P. 27-28.

В итоге современные результаты роста ВВП в трансформирующихся странах региона по данным МВФ (в среднем 3,6%) оказываются весьма впечатляющими, особенно в сравнении со средними мировыми показателями: 3,5% в 60-е; 2,4% в 70-е; 1,1 и 1,4 в 80–90-е гг.; менее 1% с начала 2000-х гг.²⁶⁵. Это сравнение на фоне общей картины неолиберальной глобализации является весьма показательным, хотя некоторое снижение уровня ВВП в регионе при нынешней экономической конъюнктуре весьма вероятно.

В те же годы уровень инфляции относительно стабилизировался на значительно более низком уровне, не превышающем 9%, кроме Румынии (см. табл. 5).

**Таблица 5. Уровень и динамика инфляции
в странах ЦВЮВЕ в 2004-2007 гг. (в %)**

Страны	2004	2005	2006	2007
Болгария	6,1	5,0	7,3	8,4
Венгрия	6,8	3,6	3,9	8,0
Польша	3,5	2,1	1,0	2,5
Румыния	11,9	9,0	6,6	4,8
Словакия	7,5	2,7	4,5	2,8
Словения	3,6	2,5	2,5	3,6
Хорватия	2,1	3,3	3,2	2,9
Чехия	2,8	1,9	2,5	2,8

Источник: The World Bank. EU10. Regular Economic Report. June 2008. P. 29-30.

В обзоре Всемирного Банка (2008 г.), составленном под руководством главного экономиста банка по Восточной Европе и Средней Азии П. Митры, впервые было признано, что по ряду параметров проведение рыночных реформ в странах авангарда трансформаций, к числу которых относятся страны Вышеградской четверки и Словения, привело к созданию экономик, в том числе институтов рынка, мало отличающихся от западных²⁶⁶.

Дальнейшее продвижение по пути встраивания в процесс глобализации предполагает повышение степени открытости экономики, в том числе путем привлечения иностранного капитала, поощрения притока высоких технологий и масштабного экспорта продукции этого профиля. В стратегию входит государственная политика по созданию инновационной модели экономики. Оптимально продвинувшиеся вперед страны избрали путь последовательных преобразований и постарались стойко «держать удар». Остальные (Россия, Белоруссия и Украина, большинство балканских стран и др.) ориентировались на полумеры и замедленные темпы перемен или откат от курса строительства открытой экономики, имея дело с серьезными экономическими, политическими и социальными проблемами, затрудняющими развитие.

Можно ли считать, что в интегрировавшихся в ЕС странах ЦВЮВЕ экономическая трансформация завершилась? С.П. Глин-

кина признает недостаточными марксистский, неоклассический монофакторный, и статистический подход, согласно которому переход завершается по мере достижения страной уровня дореформенного объема ВВП, а также формально-институциональный подход, который предписывает считать переход закончившимся тогда, когда в общих чертах завершается формирование нового институционального фундамента: может сохраняться эффективность функционирования и формальных, и неформальных институтов²⁶⁷. По справедливому мнению Глинкиной, нельзя не учитывать того, что процессы трансформации протекают одновременно на нескольких взаимодействующих уровнях. Выявление этих уровней и определение взаимосвязей между ними делает картину многомерной, а критерии завершенности – более сложными.

Как обстоит дело с реальным состоянием и перспективами завершения процессов социально-экономической трансформации? В.С. Паньков в статье «Постсоциалистические страны – члены ЕС: конец трансформации?» в 2005 г. утверждал, что самое время задаться вопросом, поможет ли членство в Европейском Союзе довести их преобразование до достижения национальными хозяйствами качества высокоразвитых рыночных, социально ориентированных экономик²⁶⁸. И дал на сформулированный в заглавии статьи вопрос двоякий ответ: «И да, и нет». Положительная часть его ответа касается формирования основ рыночной экономики, отрицательная – того, что «к высокоразвитой, социально ориентированной рыночной экономике постсоциалистическим странам – членам ЕС предстоит еще достаточно длинный и сложный путь трансформации»²⁶⁹. Первая часть ответа была бы справедлива, если бы основы рыночной экономики действительно уже сформировались, однако нынешние трансформационные процессы в той или иной степени затормозились, отнюдь не обретя указанных качеств и даже обозначив по ряду параметров откат назад. Можно спорить и о том, следует ли вообще относить к числу показателей завершения трансформации, нередко базирующейся на неолиберальной модели, реализацию требования социальной ориентированности экономики, а также достижения высокого уровня развития при модели с такими свойствами.

На нынешнем этапе трансформации появились очевидные симптомы дисфункций – торможение преобразования крупных предприятий, возрождение монополизма как результат борьбы политических сил за влияние в тех или иных секторах экономики, чрезмерный рост социального неравенства, огромные диспропорции доходов, масштабные преступность, клиентелизм и коррупция. С трудом, с большим запаздыванием продвигались реформы социального обеспечения, образования, государственной и самоуправленческой администрации и юстиции. Причин диверсификации процессов трансформации немало. Это и нередкое ограничение их чисто экономическими задачами, и недооценка организаторско-контрольных функций политической системы, обеспечивающей приоритеты государства и достижение целей общества. Это и традиции, и возможности социально-экономического и политического развития каждой страны, ее ресурсы, ее способность создать оптимальную институционально-правовую структуру.

Наконец, в ходе реализации реформаторского курса обнаружилось немало «технических» ошибок и просчетов при создании институтов и проведения экономической политики, за которыми чаще всего скрывалось отсутствие политической воли ее продолжения. Процесс преобразований диктует необходимость постоянно учитывать состояние и позиции политической элиты, ее политическую волю, градус социальной поддержки преобразований. Оптимизацию политики преобразований тормозили и тормозят политические игры в высших эшелонах власти, борьба между группами интересов и конверсия возможностей старой элиты. Поведение новой элиты не обязательно соответствует нормам рыночной экономики, поскольку она далеко не всегда заинтересована в доведении преобразований до конца. Она нередко только создает их видимость и использует формальные декларации для укрепления своей власти. Общество также весьма слабо поддерживает перемены²⁷⁰. Вместе с тем, все более обнаруживается перенос решения задач трансформации от элиты к массам.

Следует указать и на такую причину трудностей трансформации, как противоречивое взаимодействие элементов старой и новой системы, создание обслуживающих перемены переходных институтов со своими принципами функционирования,

смешение различных правил игры и т.д. Ловушки для трансформации – формирование мощных групп интересов, выступающих против продолжения структурной трансформации, торможение реструктуризации, взаимное блокирование неразвитого рынка и предприятий как субъектов реформ, приспособительные реакции в рамках антирыночной стратегии, снижение конкурентоспособности. Собственно, в ловушках незавершенных преобразований оказались все страны, находящиеся в процессе трансформации, независимо от ее продвинутости, в чем заинтересованы различные мощные группы интересов и их коалиции. Они черпают выгоды из несовершенства структур и отношений текущего периода на уровнях макро (это группы государственных политиков и чиновников, лидеров профсоюзов), мезо (мощные региональные и отраслевые группировки) и микро (не достигающие существенных успехов руководители государственных предприятий и находящихся под государственным контролем акционерных обществ, крупные менеджеры и бизнесмены). Одни из них вначале, имея привилегированный доступ к материальным и финансовым ресурсам, поддерживали перемены и много от этого выиграли, но продолжение реформ чревато для них определенным ущербом – потерей источников ренты. Другие ожидают доходов от продолжения процессов трансформации, от деятельности в конкурентной среде. Третьи – работники государственных предприятий, не нашедшие себя в непривычной действительности, опасаются новых потерь, хотя продолжение перемен обещает им улучшение положения. Действия этих групп интересов и их перспективы могут быть различными, и от этого зависят ход и дальнейшие судьбы системной трансформации. Они способны и стимулировать, и затормозить перемены. Политические и правовые институты этому далеко не всегда могут помешать, поскольку привилегированные группы стараются укреплять свои позиции в формирующихся институциональных рамках и блокировать дальнейшие преобразования.

Внутренние опасности и препятствия на пути трансформации весьма реальны и часто непреодолимы. Это цепкий контроль над призванным осуществлять преобразования государством со стороны групп интересов, получивших выигрыш первыми. Это жесткая инерция поведения акторов – сторонников кон-

сервации первого этапа перемен. Наконец, это прочный синдром усталости от перемен и потеря их популярности в обществе, которое, как и элиты, не хочет принимать на себя риски и трудности продолжения реформ²⁷¹. Воздействие групп интересов на государство, их сопротивление преобразованиям – следствие указанных выше объективных процессов – парализует политическую волю или делает ее недостаточной. То, что представляется медлительностью, неэффективностью правящих элит, проистекает, констатирует П. Козажевский, «в значительной мере из хода объективных процессов, имеющих свое начало в предыдущем строе и первых годах реформ»²⁷².

Форсировать перемены, не учитывая позиции различных групп интересов, уже невозможно. Только с достижением критической массы преобразований их сторонники станут настолько сильными политически, чтобы сломить сопротивление других групп интересов и обеспечить дальнейшее социальное, экономическое и политическое развитие. Это может произойти в силу объективной эволюции позиций основных групп интересов, особенно выигравших первыми, – если они посчитают более выгодным свое участие в свободной рыночной игре, чем поддержку государственных бюрократов; если часть из этих групп интересов посчитает выгодными поддержку преобразований в области защиты прав частной собственности, членство или использование финансовой поддержки международных организаций; если они будут искать новые источники ренты в лагере защитников реформ. Приходится ожидать объективных постепенных изменений – по мере эволюции поведения основных групп интересов, серии шагов с их стороны и образования нового равновесия. В настоящее время продвижение в направлении модернизации закрытых систем возможно лишь в рамках существующей расстановки групп интересов. Политические же методы решения проблем ограничены в своем применении нацеленностью на длительные процессы в отдельных группах интересов, особенно на укрепление позиций сторонников преобразований, сокращение числа проигравших и включение в процессы трансформации пока фактически их нее исключенных секторов²⁷³.

«Связанные с приватизацией ожидания, – подчеркивает П. Козажевский, – были так велики и всесторонни, что перед

ней ставилось много противоречащих друг другу целей экономического, политического, социального и фискального характера. В большинстве случаев эти цели не были реализованы, что было связано как с неверным их формулированием и выбором несоответствующих способов их реализации, как и с отсутствием необходимой координации между преобразованием сектора предприятий и остальными реформами»²⁷⁴.

Анализ дальнейших перспектив трансформационных процессов требует постоянного, систематического и тщательного изучения их взаимодействия в различных сферах общественной жизни. Нельзя не учитывать того обстоятельства, что при выработке программ и стратегии трансформаций обязательно следует брать в расчет их общественно-политические предпосылки и условия, прочно опираться на глубокое теоретическое и практическое знание взаимоотношений политики и экономики. Тем более, как признал лауреат нобелевской премии 1993 г. Д.С. Норт, область взаимодействия экономики и политики в теории экономии проработана очень слабо, без прогресса в этом направлении трудно будет вести сколько-нибудь реальную экономическую политику согласно провозглашаемому политиками намерениям²⁷⁵.

Между тем, опыт системных преобразований со всей очевидностью показывает, что цикл своеобразных волн экономического развития зависит, в частности, от процессов трансформации в других сферах общественной жизни. Например, именно политический фактор сыграл решающую роль в деформациях, сопровождавших начальные преобразования – в повторном присвоении государства представителями политических и экономических элит прежней системы, в их неоправданных привилегиях, в растущих конфликтах в сфере промышленности, в дисфункции различных институтов, в распространении коррупции – несмотря на сопротивление социальной материи. Фазы и этапы системной трансформации экономики в немалой степени обусловлены, в частности, идеологической риторикой, программами, конкретной политикой сменяющих друг друга у власти политических сил. Так что системная трансформация стран ЦВЮВЕ постоянно должна быть объектом одновременного и/или совместного изучения представителями различных областей знания.

Глава 3

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Глобализация и ослабление социальных функций государства

Принцип неолиберального трансатлантического консенсуса, отвергая «государство всеобщего благоденствия» и противопоставляя ему социальную политику, которую по глобалистской программе ТНК определяют лишь экономические и финансовые интересы, оставил государственным структурам минимальное место как остаточному явлению. В социальной политике акценты стали смещаться с социальной справедливости на экономическое инвестирование, сводя ее к самому низкому общему социальному минимуму и сохраняя предпочтение только наиболее нуждающимся. Противостояние экономической и социальной политики нарастало.

Европейский союз за десятилетия своей истории прошел долгий путь от представления о том, что экономический рост автоматически ведет к социальному развитию, к активному взаимодействию между экономической политикой, политикой занятости и социальной политикой, к созданию европейской социальной модели, которая нацелена на достижение лучшего стандарта жизни для всех.

Собственно, в ЕС отсутствует единая социальная модель, так же как и единая социальная политика. Лишь постепенно, поэтапно формируются организационно-правовые рамки, предполагающие адаптацию социальной сферы стран-кандидатов при подготовке к вступлению в ЕС и в течение первых лет функционирования в его составе. В нормативном *acquis communautaire* присутствуют только некоторые положения социального характера. Первым документом такого направления была Европейская социальная хартия (1967 г.), а в 1975-1994 гг. велась подготовка программ борьбы с бедностью. Унификация социаль-

ной деятельности стала проводиться в ЕС с конца 1990-х – начала 2000 гг. в связи с Амстердамским договором (1997 г.), статья 137 которого предусматривает осуществление координации стратегий достижения социальной интеграции, а также с принятием Лиссабонской стратегии (2000 г.), открывшей, в частности, путь к интеграции социальной политики. Таким образом, процесс подготовки к вступлению в ЕС для стран-кандидатов совпал по времени с формированием в ЕС элементов координации социальной политики. Направления преобразования социальной сферы в странах-кандидатах были заданы самим ходом и задачами процесса трансформации. Они состояли, во-первых, в экстренных действиях по преодолению негативных социальных последствий трансформационного спада и структурной перестройки экономики и, во-вторых, в создании новых институтов, обеспечивающих адаптацию работы организаций, социальных структур и систем ценностей к условиям рыночной экономики. Они были нацелены на формирование гибкого рынка труда, системы образования, которая обеспечивает подготовку кадров необходимой квалификации, системы социального обслуживания, соответствующего потребностям различных слоев населения, публичных и частных систем для страхования социальных рисков, сопровождающих человека в течение всей его жизни, а также социальной помощи бедным слоям населения.

В меморандумах об интеграции, подписанных каждой страной-кандидатом в соответствии с положениями договора о вступлении, отражены основные проблемы, стоящие перед этими странами в отношении противодействия бедности и социальной маргинализации, когда человек оказывается в сложной ситуации в связи с отсутствием работы, дискриминируется по какому-либо признаку, не обладает необходимым уровнем квалификации, имеет низкие доходы, плохие жилищные условия, находится в криминализованной среде, страдает от тяжелых заболеваний или распада семьи. Основная цель этих меморандумов состояла в подготовке стран-кандидатов к широкому использованию норм законодательства Евросоюза, применяемым в соответствии с принципом субсидиарности, позволяющим странам-членам, опираясь на опыт других стран, адаптировать свою политику к достижению согласованных целей ЕС с учетом

национальной специфики. К общим целям европейской стратегии социальной интеграции относятся: содействие трудоустройству и обеспечение всеобщего доступа ко всем ресурсам, товарам и услугам; противодействие рискам социальной маргинализации; помощь наиболее уязвимым слоям населения; обеспечение эффективной координации действий и мобилизация для достижения этих целей всех возможных структур, уровней управления и институтов. В 2006 г. к этим целям были добавлены построение доступных, эффективных и финансово устойчивых систем пенсионного обеспечения и медицинского обслуживания. Принятие этих мер означало последовательные шаги по адаптации социальной политики стран-кандидатов, а впоследствии – новых членов к общеевропейскому процессу. Основным финансовым инструментом поддержки Европейской стратегии занятости и мероприятий по противодействию социальной маргинализации является Европейский социальный фонд. Новые члены используют возможности этого фонда для проведения мероприятий по модернизации и для смягчения социальных последствий преобразований.

При создании Европейского Союза в Маастрихтском договоре был зафиксирован курс на продвижение решения социально-экономических проблем, на постепенную реализацию Социальной хартии 1989 г. Возникла идея созыва рабочих советов в наднациональных предприятиях. Было согласовано создание сектора работ с неполной занятостью. В Амстердамском договоре (1997 г.) социальная политика начала трактоваться как «продуктивный фактор». На старте современной глобализации появились новые понятия: «повышение социального качества жизни», «обеспечение социально-экономической защищенности» многих миллионов людей и т.п. В 80-90-е гг. ЕС сумел сохранить и поддержать весьма щедрые по мировым меркам системы социальной защиты. На заседании Европейского Совета в Лиссабоне (2000 г.) он записал в качестве стратегической цели ЕС создание наиболее конкурентоспособной и динамичной системы в мире, способной не только стабильно развиваться, но и «предоставлять больше рабочих мест лучшего качества и обеспечивать социальное единство»²⁷⁶. Рассматривался, в частности, вопрос о более эффективных мерах по борьбе с явной и скрытой

безработицей. Этот курс усиливал привлекательность Евросоюза для готовившихся вступить в него стран.

Продолжалась концептуальная разработка социальной политики, которая помогла установить баланс между экономическим и социальным развитием посредством пересмотра ее оснований и целей, перехода от узко административной к ее более широкой социально-ориентированной форме. ЕС вступил в стадию расширения социальной политики, необходимости эффективного участия государства в устойчивом развитии общества.

Социальная политика государств ЦВЮВЕ с началом системной трансформации оказалась под воздействием, кроме глубокого трансформационного спада, еще нескольких дополнительных негативных факторов, из числа которых следует выделить воздействие неолиберальных концепций международных организаций и советников, а в Юго-Восточной Европе – разрушительное действие вооруженных национальных конфликтов и их военного «замирения» странами НАТО²⁷⁷. Трансформационный перелом ознаменовался мощным давлением в этом направлении на лидеров ЦВЮВЕ со стороны Всемирного банка, Международного Валютного Фонда, Европейского Союза и Международной Организации Труда, стимулирующих скорейшее проведение системных преобразований в экономической и политико-институциональной, в том числе законодательной сферах.

На первом этапе трансформационных перемен страны региона могли справиться с новыми социально-экономическими проблемами лишь в малой степени. Социальные последствия системных преобразований оказались чрезвычайно тяжелыми: национальный доход на душу населения во всех странах региона резко и значительно уменьшился. Причиной социальных трудностей были, с одной стороны, внешние долги, а с другой – глубокая экономическая рецессия и коррупция, которые вызвали перестройку всей социальной сферы, лимитирование социальных расходов и ограничение бюджетного финансирования социальных программ. Наполняемость государственного бюджета упала, поскольку изменилась налоговая система: государству в новых условиях пришлось учиться взимать налоги с частных субъектов хозяйствования. Оно уже не могло обеспечивать прежние социальные гарантии – за первый период систем-

ной трансформации его социальные расходы, уровень социального обеспечения и качество жизни населения (жилищные условия, уровень медицинского обслуживания, продолжительность жизни, качество и доступность образования) повсеместно и существенно снизились, хотя и в различной степени. Даже при некотором сохранении социальных гарантий их реальное содержание резко уменьшилось. Падение жизненного уровня и рост безработицы (явления, в странах «реального социализма» почти не известного) стали повсеместными. Только некоторые страны, избравшие медленный, эволюционный путь перемен, растянули этот процесс на довольно длительный период.

Переход к рынку перечеркнул проводимую ранее патерналистскую социальную политику, изменил приоритетность ее задач, привел к сокращению социальных услуг. Он сместил центр социальной политики одновременно вниз, на местный уровень, и вверх, на наднациональный, глобальный уровень. Наполняемость потребительского рынка стала полностью зависеть от глобальных процессов. Экономика дефицита сменилась рынком, заполненным товарами, произведенными в других странах. Глобализация со свойственным ей действием вектора глобального социального перераспределения и регулирования привела к тому, что переполнение национальных рынков товарами со всего мира привело к подрыву более слабой местной экономики. Не подотчетные страновому законодательству ТНК не платили налогов (у них, естественно, не было социальных функций социалистического предприятия), а это расширяло сферу безответственности в отношении социального обеспечения граждан, заработная плата которых становилась все более низкой. «Социалка» задвигалась на задний план. Схема социального обеспечения становилась менее эффективной, хотя была призвана взять на себя предотвращение угрозы негативных перемен в области внедрения рыночной экономики и демократизации общества²⁷⁸. Вместо этого она стимулировала безжалостную конкуренцию и международную миграцию, расширила возможности международной преступности и т.д.

С выбором рядом стран региона неолиберальной концепции развития форсировалось внедрение модели преобладания частного сектора в экономической структуре и ограничения общест-

венного сектора только некоторыми ее отраслями. При этом государственный сектор резко сужался независимо от его экономико-финансового и технологического состояния, от перспектив развития отдельных отраслей и предприятий. Независимо от того, какими темпами шли преобразования, показатель реформирования социальной политики оставался более низким, чем показатели реформирования экономики, функций государства, права и банковской системы.

Глобализация в условиях существенной переоценки роли института государства в современном мире диктовала сжатие роли национальных государств, уточнение формы государственного участия в решении социальных проблем и передачу ряда их функций на наднациональный уровень. Преобразование разных областей социально-экономической жизни было нацелено на то, чтобы, принеся жизненный уровень населения в жертву росту ВВП, освободить государство от обязанности финансирования различных социальных выплат и перенести эти расходы на население и в определенной степени на предприятия. Это происходило в ситуации, когда спад производства и национального дохода был весьма значительным, что усилило измеряемое дифференциацией доходов ощущение социальной несправедливости. Оно было весьма обременительно ввиду особенно большого масштаба существенных и трудных для трансформирующихся экономик проблем, решаемых быстро и одновременно.

Социальная сфера в большинстве случаев не сразу приспособилась к новым социально-экономическим реалиям. Завершение в основных чертах формирования рыночных институтов не только не разрядило, но по ряду проблем даже ухудшило социальную ситуацию в регионе, не остановило накопления негативных социальных эффектов, хотя жизненный уровень все-таки в последние годы несколько пошел вверх. В большинстве стран на первом этапе социальные преобразования носили стихийный и хаотичный, неорганизованный характер. Место рынка и государственной политики в социально-экономической сфере после ее высвобождения из-под пресса административно-командной системы не противопоставлялись, но по-разному дозировались. Решающую роль играло то, в каком диапазоне и при преимуще-

стве каких инструментов – экономических или административных – проводится системная трансформация. В здравоохранение и образование внедрялись элементы рыночной экономики. Изменения в пенсионной схеме и шаги в направлении адресной социальной политики не были системными, льготы или сокращались, или вообще ликвидировались. Новые правящие элиты как правило не справлялись с задачей создания соответствующих социальных условий, повышения – хотя бы в перспективе – жизненного уровня населения²⁷⁹. Ориентиром для государств региона как правило становились установки и рекомендации ЕС, в том числе по защите социально-экономической безопасности, расширению подхода по принципу «социального качества» на экономическую, социальную, культурную и другие сферы политики, чтобы сделать его более эффективным и демократичным, обеспечить перспективу социального развития государства.

Изменения в социальной структуре

К моменту вступления первых пяти стран ЦВЮВЕ в Евро-союз четко обнаружилось специфические тенденции социальной дифференциации, аванса или деградации, преобразования под влиянием технологических, экономических и политических перемен социальной структуры, преодоления уравниловки, дифференциации доходов и их иерархии. С модернизацией общества, ликвидацией блокирующей индивидуальную эффективность социально-экономической политики изменилась социальная динамика его профессионально активной части – стали возникать новые социальные категории, слои и профессиональные группы, исчезать или численно сокращаться – существовавшие до этого времени. Благодаря индивидуальным усилиям быстро росло, а затем несколько сократилось и стабилизировалось частное предпринимательство, причем более чем в 90% случаев – за счет собственных усилий. В среднем удвоилась занятость в сфере услуг. С ростом спроса на высокую квалификацию повысились престиж и заработки квалифицированных рабочих. В открытом обществе энергично стали пробовать свои силы, меняя место их приложения, неквалифицированные рабочие. Зна-

чительно активизировалась в условиях многомерности перемен интеллигенция, только одна пятая которой ныне наследует свой статус от родителей. Массово стали находить применение своим силам на рынке труда представители гуманитарной интеллигенции, творческих профессий. Растущий спрос на новые, высококвалифицированные профессиональные категории и более глубокую, экспертную специализацию мобилизовал широкие круги молодежи на получение высшего образования и повысил ее профессиональную активность, изменив позиции и модель поведения во всех сферах профессиональной деятельности. Это стало одним из важных импульсов трансформации. Под влиянием рыночных экономических процессов значительно сократилась численность крестьянства, несколько менее – рабочего класса.

Таблица 1. Социальная структура в странах ЕС в 2004-2005 гг. (в %) ²⁸⁰

Страны	Интеллигенц., руков. кадры и госчинов.	Спец-ты сред- него уровня	Служащие	Владельцы фирм	Сфера услуг	Квалиф. рабочие	Неквалиф. ра- бочие	Крестьяне
Венгрия	15,7	24,1	8,4	–	9,3	16,9	20,0	0,1
Греция	9,4	7,1	4,9	14,5	12,0	8,4	22,7	14,8
Испания	14,8	12,9	2,0	12,0	7,8	8,9	26,3	3,0
Польша	8,8	13,1	6,5	7,5	10,0	15,0	22,1	9,9
Португа- лия	6,3	10,9	4,7	12,8	9,9	13,6	32,1	4,7
Словакия	15,9	15,9	8,2	5,6	6,1	13,6	25,6	0,8
Словения	17,1	21,0	6,2	4,2	7,2	15,2	21,6	0,6
Чехия	8,0	16,5	11,8	6,6	10,6	14,6	25,6	0,5

По степени модернизации социальной структуры вступившие в ЕС в 2004 г. страны ЦВЮВЕ по основным показателям догнали страны Южной Европы, а Словения даже превзошла их (см. табл.1). От европейских стандартов по ряду показателей отставали Греция и Португалия, а в регионе по количеству кадров высокой квалификации – Чехия и Польша, по количеству

крестьян – та же Польша. Итоги первого десятилетия трансформации (возьмем наиболее показательный польский пример) свидетельствовали, что показатели социальной динамики периода трансформации достигли более высокого потолка (69,1%), чем в ведущих развитых капиталистических странах – ФРГ (62,5%), США (64,7%), Великобритании (65,3%) и Канады (67,0%)²⁸¹.

Страны региона переживали разной интенсивности, но сходные процессы в решающих звеньях социальной структуры в связи с выходом на путь качественных трансформационных изменений, перехода к рынку, демонтажа авторитарной политической системы и командно-административной системы управления. Одним из определяющих социоструктурных изменений становилось обновление социально доминирующего слоя – элиты, контролирующей значительную часть общественных ресурсов, определяющей развитие рыночной экономики, переструктурирование сферы управления, выработку и осуществление политики во всех областях общественной жизни. Это должно было обеспечивать политику, экономику, администрацию, науку, культуру, образование такими кадрами, которые были бы способны действовать осмысленно и неординарно, активно участвовать в разработке и реализации новых задач запредельного по масштабам и сложности уровня, опираясь на свой опыт, знания и достижения, чувство ответственности, профессионализм и талант.

Методы и темпы трансформации в первый период определялись политическими, а не экономическими факторами. При замедленных темпах приватизации элиминирование активных фигур командно-административного режима шло медленно, с их постепенным, частичным замещением компетентными людьми любых ориентаций из разных слоев общества. На общем, пока довольно размытом фоне разнонаправленных перемен социальной структуры вначале едва просматривались процессы формирования контрэлиты, которая не успевала преобразовываться из оппозиции «деформациям социализма» во внесистемную оппозицию. Лишь постепенно новая конструктивная оппозиция начинала играть активную роль при утверждении принципов открытого общества, свободного рынка, рыночной конкуренции и предпринимательской инициативы.

Системная трансформация означала изменение самого способа воспроизводства элит (прежде всего политической, экономической, СМИ и культурной), соотношения его двух основных типов: устоявшегося прежнего, закрытого, самовоспроизводящегося, и открытого, в процессе политической и экономической конкуренции. Масштабы смены элит во многом обусловили темпы и методы смены прежней системы, различия в степени достигнутой демократизации, формирования демократической политической культуры, новых институциональных порядков, защиты свободы и структур рыночной экономики, становления институтов парламентаризма, правового государства и т. д. После смены режима вынужденные сосуществовать друг с другом старые и новые элиты выработали (в соответствии с преобладанием того или иного типа элит в государстве, экономике и обществе) базовый политический консенсус относительно политических и экономических преобразований. Это способствовало или быстрой демократизации, или сохранению, наряду с внешне демократическими атрибутами, традиционных, авторитарных структур, или утверждению гибридных форм.

Отсутствие четкой парадигмы, ясно сформулированной программы преобразований способствовало сохранению в немалых анклавах неприватизированной, бывшей «государственной», коллективно-бюрократической (то есть политарной) собственности позиций прежней политической элиты из партийно-государственного аппарата. В условиях верификации структурных интересов определяющих социальных групп «партийно-политический класс», также именуемый «политической буржуазией», понял первым, на начальном этапе трансформаций, что его жизненные интересы не связаны с сохранением прежнего режима, и занялся решением своих первоочередных задач в социально-экономической трансформации – продвижением «тихой, неформальной» приватизации для получения доходов за индивидуально вкладываемые в обмен за свой политический капитал экономические, культурные и социальные капиталы (одновременно с сохранением номенклатурных позиций в упомянутых анклавах). Его собственность приобрела гибридный характер. Часть в качестве предпринимателей приняла рациональные рыночные принципы, развернула деятельность в условиях конкурентного обще-

ства с его большими доходами, но и существенными рисками. Другая часть действовала по принципам, сформированным в период «реального социализма» и лишь слегка видоизмененным: не руководствуясь законами рынка, она получала вознаграждение и привилегии в соответствии с занимаемой позицией в номенклатурной структуре и членством в правящей на тот момент политической партии – согласно неформальным связям и общим административно-политическим интересам, коллективно защищаемым с групповым солидаризмом²⁸².

Особый вариант воздействия на долгосрочную системную трансформацию явили собой преобразовавшиеся после воссоединения ФРГ и ГДР, одномоментного органичного включения в общество с свободными демократическими институтами и рыночной экономикой восточногерманские элиты. Профессор политологии Трирского университета (ФРГ) Х.-И. Вен указывает, что в отличие от других стран Центрально-Восточной Европы за счет масштабного перемещения кадров с запада на восток страны «нашлись человеческие ресурсы, превосходившие ресурсы старой системы», что оказало «ключевое воздействие на смену и трансформацию элит в новых федеральных землях». В среде прежней восточногерманской элиты многократно наблюдалась «чудесная личностная трансформация старых кадров и политических функционеров в демократических политиков и лояльных чиновников, независимых журналистов, свободных фермеров и предпринимателей»²⁸³. Режим получил альтернативную, демократически ориентированную массовую элиту, служащую иному строю.

Несколько иной вариант продемонстрировала Румыния, где прорыв в застойной клановой кадровой политике был осуществлен за счет поколенческой смены готового к выходу на руководящие рубежи очередного эшелона кадров прежней власти. Оппозиционная контрэлита не располагала сколько-нибудь существенными возможностями, чтобы помешать преемственности такого рода, равно как и переходу прежней элиты на руководящие позиции в экономике и вновь создаваемых политических партиях, пока лишь видимости демократических образований.

В России и двух наиболее продвинутых странах Центрально-Восточной Европы – Венгрии и Польше – процессы обнов-

ления элит были значительно сложнее. Для сравнения процессов ротации (самовоспроизведения или рекрутирования) элит в этих странах накануне и на первом этапе развертывания трансформации приведем их основные характеристики. С ликвидацией государственных структур прежнего строя быстро, но с существенными отличиями проходила ротация (рекрутирование) политической элиты и постепенно – (преимущественно через самовоспроизведение) элиты экономической.

Российская элита подверглась определенной ротации и омоложению уже в годы «перестройки». За первое пятилетие трансформации партийно-государственная элита (в том числе и – как экономическая, формирующая «политический капитал») в основном поколенчески самовоспроизвелась. При этом она обновилась менее чем на четверть. Главной причиной этого было то, что российская политическая система не прошла через столь радикальные перемены, как в двух других упомянутых странах. Кроме того, в России до преобразований вся номенклатура как правило состояла в компартии, в то время как, например, в Венгрии коммунисты составляли примерно половину номенклатуры. Вместе с тем, в политической сфере они сохранили значительный удельный вес за счет влияния реформаторски настроенных элементов и проведения во второй половине 80-х гг. начальных системных перемен. Им удалось быстро преобразовать коммунистическую партию в социал-демократическую.

Венгерская хозяйственная элита основательно менялась уже в 60-70-е гг., в ходе постепенного реформирования экономики после событий 1956 – 1957 гг., то есть еще до переломного 1989 года. Гибкая, компромиссная, способствовавшая внедрению достижений научно-технической революции, открывавшая возможности для кадрового роста и социальные перспективы, смягчающая настроения народного недовольства эластичная политика Я. Кадара предотвратила формирование весомой оппозиции и сильной контрэлиты. По свидетельству венгерских ученых, «венграм никогда не приходило в голову, что они могли бы организовать в союз, чтобы бороться с бюрократией»²⁸⁴. В новой системе удалось политически и экономически закрепить только некоторым диссидентским и оппозиционным образованиям. Традиционная элита, включавшая в свой состав профес-

сионально подготовленные и компетентные кадры, уверенно продвигалась по пути выкупа предприятий. К концу первого десятилетия – в значительной мере в результате дробления приватизируемых крупных предприятий – новые собственники и управленцы составляли две трети. Значительная их часть происходила в Венгрии из довоенных высших сфер и среднего класса, а также потомственной интеллигенции. На старте трансформации венгерское общество было относительно слабее политизированным, а номенклатура – более стабильной. Согласно опросам общественного мнения, в момент проведения «круглого стола» (март 1989 г.) между властью и оппозицией рейтинг правых сил (Венгерский демократический форум) составлял менее 10%, а ВСРП – около одной трети²⁸⁵. За 1989-1993 гг. были перестроены политические институты и потеряли свои руководящие позиции методом ротации на выборных должностях 78% представителей политической элиты²⁸⁶. В целом, обновление элиты происходило в Венгрии медленнее и, в отличие от Польши, с бóльшим удельным весом самовоспроизводства, особенно в общественной администрации и в сфере культуры.

На другом полюсе региональных перемен, в наиболее интенсивно трансформировавшейся Польше, экономическая элита в процессе начавшихся перемен обновилась более чем на 60%²⁸⁷, в значительной степени за счет представителей активизировавшегося рабочего класса. Не получая таких льгот и уступок, как венгерские рабочие, десять из четырнадцати миллионов польских трудящихся встали в августе 1980 г. на путь борьбы с бюрократическими порядками. Они выступили не против социализма, но за его совершенствование и объединились в массовое общественно-политическое движение, получившее название «профсоюза Солидарность». За период существования «военного положения» (13 декабря 1981 – 21 июля 1983 гг.) власти, идя навстречу требованиям рабочих, в значительной степени обновили состав кадров управленцев, что способствовало успешному проведению «круглого стола» и достижению необходимого для начала трансформации политического компромисса между коммунистической властью и оппозицией, а в период приватизации – к более частому обращению к принципу рекрутирования экономической элиты.

Таким образом, перемены в элите России и Польши в основном пришлись на период до 1989 г., а в Венгрии – на 1988-1993 гг. В политическую элиту до начала трансформации в России не входила одна треть нового политического класса, в Венгрии – около половины, а в Польше – 60%. Сквозь призму социального состава это выглядит так: на 1988 г. в новой политической элите Польши оказалось около 20%, России и Венгрии – 6-7% выходцев из низов (представителей неинтеллигентских профессий). В Польше и Венгрии с началом трансформации почти никто из центрального партийно-государственного аппарата не перешел в экономическую элиту, в России этот процесс охватил около 10% чиновников такого уровня²⁸⁸.

Специально подчеркнем, что специфика преобразования социальной структуры в большинстве стран региона состояла в том, что произошла гибридизация рыночных институтов и номенклатурных институтов «реального социализма». Это привело к деформированию логики всего институционального порядка, внося патологическое начало на стыке экономики и политики, способствуя расширению коррупции и деградации правового государства, угрожая экономической и социальной дестабилизацией. В экономической системе закрепились анклавные отношения, мешая развитию рыночных институтов, тормозя процессы приватизации и консолидации рыночной экономики. Перераспределение социальных благ в пользу бывшей элиты закрепляло существовавшее неравенство и создавало новое, блокируя использование общественных средств для поддержки экономического роста.

Тем временем ориентированное на немедленные жесткие преобразования и подсказывающее этот курс реформаторам соседних стран руководство «Солидарности» раскрыло защитный зонтик над форсированными переменами, в связи с чем один из ее лидеров В. Фрасынюк позже сокрушался: «В Великобритании железная Маргарет Тэтчер десять лет осиливала то, что мы сделали за полгода. Эта железная леди по сравнению с Мазовецким (польским премьером времени перелома. – И.Я.) – настоящая черепаха»²⁸⁹.

В обществе укреплялось представление о росте социальной несправедливости. Например, по данным польского Центра ис-

следования общественного мнения, за период между 1992 – 2002 гг. в этой стране число считающих, что успех зависит прежде всего от знакомств и протекции, выросло с 74 до 90%, от состоятельности родителей – с 68 до 81%, от ловкости – с 53 до 63%, от социального происхождения – с 44 до 55%, от политической ориентации – с 20 до 28%²⁹⁰. Тем внимательнее в ЦВЮВЕ присматривались к усилиям ЕС по поиску идеального, универсального «социального качества», методологических основ обеспечения на практике демократической альтернативы, которая позволит реализовать такую европейскую социальную модель, которая будет «способствовать росту и развитию, расширению прав гражданства и максимизации включенности»²⁹¹.

Социальное положение. От безработицы к безработности

С крупными социальными проблемами бывшие страны «реального социализма» постоянно сталкивались еще в период его существования. К концу 80-х гг. XX в. многие из этих проблем решить не удалось. Снижение жизненного уровня и рост бедности, падение уровня потребления, утрата ряда социальных гарантий и появление ранее скрытой безработицы не столько стали для региона привычными, сколько стимулировали появление протестных движений. В Венгрии и Польше уже в 70-е гг. возникли Комитет по защите бедных (SZETA) и Комитет защиты рабочих (KOR).

Глобализация и информационная революция везде ведут к разделению общества на «выигравших» и «проигравших», привилегированных и испытывающих социальную деградацию. Это порождает чувство потери статуса и исключения из социальной жизни и в страновом, и в глобальном измерении. Во время структурных преобразований под этот каток попала особенно большая часть трудящихся региона ЦВЮВЕ. В переходный период произошло обострение и изменение характера социальных проблем. В находившейся в состоянии кризиса трансформационной экономике переплелись рецессия и стагнация, элементы инфляции или гиперинфляции, дестабилизировавшие экономику и усиливавшие

падение производства. Рецессия преодолевалась с трудом. Крупные предприятия с усилием приспосабливались к новой ситуации, когда отпали главные потребители их продукции – страны СЭВ, особенно их армии. Рыночная конкуренция вытесняла производителей продукции низкого качества. За обвал «реального социализма» и довольно болезненный перевод на рыночные основы, связанный с разрушением прежней малоэффективной административно-командной системы и заменой ее рыночной, основанной на совершенно иной хозяйственной логике, страны ЦВЕ заплатили высокую социальную цену. Многие их жители «пережили девальвацию общественных и индивидуальных ценностей, подрыв убеждений, потеряли ориентиры и страдают от социальной и экономической незащищенности, им трудно приспособиться к новым реалиям»²⁹². На начальном этапе экономической трансформации национальный доход на душу населения во всех странах этого региона еще более снизился, хотя первыми вступившие в ЕС страны (Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Чехия) имели достаточно высокий стартовый уровень для проведения социально-экономических реформ, а Венгрия и Польша сохранили возможность удовлетворять базовые потребности населения. Важным показателем возрастания экономической эффективности в результате ликвидации блокирования индивидуального предпринимательства явились изменения в сфере дифференциации доходов и их иерархии.

Ситуация в других странах ЦВЮВЕ, особенно юго-восточного субрегиона, выправлялась медленно. Начавшийся экономический рост далеко не сразу трансформировался в адекватное повышение реальной заработной платы. Периодический рост номинальной заработной платы в отдельных странах вызывался, в частности, инфляцией. В 1991 г. в Венгрии реальная зарплата составляла 218 долл., в Югославии – 165 долл., в Польше – 163 долл., в Чехословакии – 131 долл., в Румынии – 71 долл. и в Болгарии – 63 долл. Она оказалась самой высокой в Польше, превышая аналогичный венгерский показатель на 10%, показатели Чехословакии – на 15%, Болгарии, Румынии и Югославии – примерно на 50%²⁹³.

Обновление экономики влияло на благосостояние населения через создание новых рабочих мест и соответствующее повыше-

ние занятости населения, а с другой стороны – повсеместно ущемляло его со снижением занятости на фоне системных преобразований, поскольку темпы роста заработной платы не зависят напрямую от масштабов и глубины экономических и социальных преобразований, а объем произведенного богатства не ведет автоматически к его справедливому распределению. Через два года после начала экономических перемен в большинстве стран жизненный уровень продолжал снижаться (кроме Польши и Чехии – в последней он даже вырос). Покупательная способность средней зарплаты упала в Венгрии на 15%, в Словакии на 30%, в Болгарии и Румынии на 50%. В 1994 г. 20-30% жителей Вышеградской группы и около половины населения остальных стран региона имели доходы ниже прожиточного минимума. В Польше и Венгрии за счет быстрых реформ в большей степени удавалось компенсировать населению тяготы перемен путем увеличения доли социальных расходов в ВВП. Со второй половины 90-х гг. в тех странах, которые преодолели трансформационный спад в экономике, заработная плата стала расти, в Чехии, Польше и Словении превысив дореформенный уровень. Однако в странах Юго-Восточной Европы ее уровень по-прежнему продолжал снижаться. В Болгарии, например, зарплата была в два раза ниже, чем до начала реформ. Доля социальных выплат (кроме пенсий) в большинстве стран сократилась, особенно в образовании и здравоохранении, – в два и более раза. Сократилось государственное финансирование высшего, среднего и среднего специального образования. Однако развитию высшего образования в новой ситуации способствует растущий спрос развивающейся экономики на специалистов. Логика рынка позволила вновь организовать их подготовку, обеспечить рост уровня образования и профессионализма. Увеличивается число частных учебных заведений. Ситуация в успешно развивающихся странах Вышеградской четверки позволила и государственным структурам больше тратить на образование (более 5% ВВП) и на здравоохранение (в Чехии даже 6%)²⁹⁴.

В целом, материальное положение словенцев, чехов, словаков, поляков и венгров по сравнению с периодом кануна трансформации постепенно улучшалось, особенно существенно для выигравших от преобразований групп населения. Выросла связь

доходов с географией занятости: самые большие заработки пришлось на крупные города, где сосредоточились главные институты и важные фирмы, в том числе большинство иностранных. Следует отметить и такие явления, как уменьшение различий в оплате труда между государственными и частными фирмами, а также полами. После периода стагнации, замораживания процесса урбанизации и прекращения перемещения населения между городом и деревней, страны ЦВЮВЕ постепенно начинали ощущать демографические подвижки. В первые годы нового века наметились тенденции улучшения социальных настроений, структуры питания и состояния здоровья вследствие повышения иммунологического равновесия. Увеличивалась продолжительность жизни. В 1990-1996 гг. в странах, где трансформация проходила более интенсивно, смертность в результате сердечнососудистых заболеваний и травм упала в пределах 20%, а при заторможенности преобразований – наоборот, (особенно в Румынии) увеличилась на 30-60%²⁹⁵.

В то же время в социальной структуре стран ЦВЮВЕ быстро увеличивалось число проигравших категорий, групп, слоев. В условиях трансформации в «постсоциалистических» странах существенную роль сыграл экономгеографический фактор – крах устаревших градообразующих предприятий, развал традиционных промышленных регионов и ломка прежнего размещения отраслей в условиях информационной революции и перестройки монокультурной экономики, крах многих локальных рынков труда и т. д. С переходом стран региона к рынку безработица становилась повсеместной и уже в 1993 г. приобрела черты структурной. Массовая потеря работы началась с остановкой множества различных предприятий, с закрытием сельскохозяйственных кооперативов, с сокращениями кадров в органах государственного управления. Безработицу подхлестнули сопровождающаяся увольнением работников приватизация государственных предприятий, где существовал большой скрытый избыток рабочей силы, низкая эластичность рынка труда, несоответствие предложения и спроса на рабочую силу по профессиям и квалификации. Относительно низок ее уровень был только в Чехии. Однако и здесь она росла в связи с продолжением реструктуризации экономики – при относительно невысокой

социальной цене зятянутого и несколько деформированного процесса преобразований. В Польше и Венгрии преобразования осуществлялись быстро, но с высокой социальной ценой, в том числе с особо значительным ростом безработицы.

Динамика уровня безработицы в регионе с середины первого десятилетия трансформации составляла, если сравнить средние показатели 1995 и 2003 г.: в Венгрии – 11,7 и 6%, в Чехии – 2,9 и 10%, в Словении – 14,5 и 11%, в Румынии – 9,5 и 11%, в Болгарии – 11,1 и 14%, в Словакии – 13,1 и 17,9%, в Хорватии – 15,1 и 20%, в Сербии и Черногории – 24,7 и 34%, в Македонии – 36,9 и 40%²⁹⁶.

Пострадали прежде всего рабочие и крестьяне: оптимизация занятости ликвидировала неэффективные рабочие места. Безработица и переход на периферийные сегменты частных предприятий, в «серую зону» и на «работу по-черному» привели к деградации, к ухудшению условий труда. Доходы большинства рабочих значительно уменьшились. Внизу иерархии трудящихся по этому показателю традиционно остались жители села. Если состоятельные крестьяне сохранили перспективы развития, то средние при помощи Евросоюза как правило сумели продержаться на прежнем уровне. Большинство же владельцев мелких хозяйств, в том числе подрабатывавшие в городе и потерявшие, как и сельскохозяйственные рабочие из госхозов, работу, пауперизировались.

Обнаружившуюся, ранее скрытую безработицу, которую не ликвидировали новые рабочие места, создаваемые частными фирмами, дополнила вытесняющая работников с рынка труда безработность (выключенность, исключенность). Тяготы структурных перемен были особенно обременительны в силу того, что это уже не традиционная безработица, вызванная временным снижением занятости вследствие действия конъюнктурных циклов, а все полнее выражающее современные тенденции явление длительного, в большей мере наследуемого выбрасывания, устранения с рынка труда больших профессиональных и других социальных групп, потери ими возможности работать в соответствии с квалификацией и устремлениями²⁹⁷. Исключение из общественной жизни лишает всякого участия в ней, создает на этом пути непреодолимые препятствия, выражаясь в нищете,

бомжевании и т.п. Механизм такой деградации носит структурный характер, сочетая в себе черты личности и влияние среды (рождение и воспитание в бедных, пораженных длительной безработицей многодетных семьях с низким уровнем образования родителей, физические недостатки инвалидов, преклонный возраст, алкоголизм и наркомания, правонарушения и т.д.)²⁹⁸. Реструктуризация экономики в постиндустриальный период (постмодерна), в которую регион оказался втянут форсированными темпами, обрекла целые сферы и отрасли, шахтерские поселки, устаревшие градообразующие неэффективные предприятия и специальности на ликвидацию. На прежние территориальные, региональные, этнические и прочие конфликтогенные факторы недавнего кризисного периода наложились новые, формирующиеся под влиянием ускоренной трансформации, социально-профессиональных перемен и перераспределения доходов, разделяющие людей и социальные группы. Возникли целые регионы и анклавы нищеты и социальной маргинализации с концентрацией негативных последствий неумения справиться с типичной ситуацией, разорвать привычку наследовать низкий социальный статус родителей, зависимость от устаревшей, пассивной системы социальной защиты, не позволяющей молодежи самостоятельно искать новые пути. Особо сказывались наследуемый низкий семейный статус, отсутствие возможности овладеть новыми специальностями, многодетность, социальная ущербность национальных меньшинств, иммигрантов и беженцев в обстановке растущей нетерпимости к «чужим» и ксенофобии по отношению к работающим «по-черному» и в «серой зоне». Жертвами социальной исключенности стали значительные слои рабочего класса (шахтеры, металлурги и т. д.) и большинство крестьян из коллективных хозяйств.

Перед расширением Евросоюза 1 мая 2004 г. средний уровень «безработности» (хронической безработицы в течение более 12 месяцев) в 15-ти странах ЕС составлял 3,1%, что было равно 41,4% общего числа безработных. Наиболее благополучными на тот период в ЦВЮВЕ были страны готовившейся к вступлению в ЕС «Вышеградской четверки», которые ранжируются по тем же показателям (в процентах) следующим образом: Венгрия (2,5 и 44,8), Чехия (3,7 и 50,7), Словакия (10,2 и

59,8) и Польша (10,5 и 52,5)²⁹⁹. Венгрия решала эту проблему, реализуя политику полной занятости. Уровень хронической безработицы в Польше был самым высоким, превышая тот же показатель в США и Норвегии в 20 раз, в Канаде и Нидерландах в 15 раз, в Венгрии – в 4 раза и почти в 3 раза в Чехии³⁰⁰. Это не было временным следствием трансформации строя. От социальной исключенности не защищали ни высокая квалификация, ни работа на предприятиях, связанных с современными отраслями, например, с информатикой, ни обучение (переобучение) для работы в банковском секторе. В последнее время много сделано для ликвидации проблем с высшим образованием, уровень которого в высокоразвитых странах достигнет в 2010 г. 80%. Однако этот барьер пока недостижим для стран ЦВЮВЕ, где оптимумом остается в лучшем случае достижение уровня в 40%.

Постоянная безработность повлекла за собой различные негативные явления, в том числе лишение возможности зарабатывать на содержание себя и своей семьи, сокращение спроса и покупательной способности. Безработность предопределяла серьезные общественно-политические последствия, сужая рамки социализации и создавая угрозу для общественного порядка. Смягчение этого социального бедствия социальными пособиями было эффективно тогда, обеспечивая поддержание жизни, когда кризисные явления носили временный характер, но их более длительное применение оказалось вредным. Оно создало навязчивую традицию минимизации запросов при минимизации усилий, становясь пагубной традицией целого социального слоя. При нарастании активной деморализации пособия стали источником преступности – удовлетворения запросов на лучшую, более престижную жизнь и достижения удовлетворения потребностей средствами организованной преступности. В настоящее время, когда занятость растет, а сфера бедности сокращается, она не ликвидируется. Важно отметить и то, что улучшение положения не соответствует даже невысоким растущим ожиданиям бедствующих слоев населения.

Значительно расширилась связанная с обнищанием маргинализация огромных сегментов общества – явление, при «реальном социализме» практически почти не известное. Оно трактуется в категориях социальной цены структурных преобразова-

ний и определяется как возникновение социальной категории структурных жертв трансформации, потерявших возможность и способность активно, систематически и эффективно участвовать в жизни общества, вытесненных на ее периферию и деградирующих на уровне быта. Экономический рост как следствие снятия противоречий и трудностей преодоления трансформационного спада при помощи участия в Евросоюзе и активного использования пересекающих границы сетевых структур, стимулировал смягчение этих негативных явлений, не ликвидируя, однако, постоянных, свойственных данному этапу глобализации и трансформации причин.

Наконец, нельзя не отметить, что явления маргинализации и даже исключенности возникли и в политической жизни общества. Если в авторитарно-тоталитарном, недемократическом обществе они носили формальный или режимный характер, то с демократизацией политической системы и ликвидацией барьеров для массового участия в политической жизни эти явления распространились на хозяйственно-политический управленческий аппарат в форме люстрации и декоммунизации, ограничивающих его участие в политической и административной деятельности³⁰¹.

Следует особо выделить и региональные различия в социальном положении населения ЦВЮВЕ. К середине 90-х гг. четко выявились две разнонаправленные, отражающие эволюцию доходов населения и преобладающие в одном и другом субрегионе тенденции перемен. Господствующая в Центрально-Восточной Европе и Словении тенденция была нацелена на ускорение экономических преобразований, на борьбу с инфляцией, на уменьшение дефицита бюджета и внешнего долга, на проведение приватизации и выстраивание финансовой системы с банками и фондовыми биржами. В Юго-Восточной Европе тенденция сохранения статус-кво под давлением прежних групп интересов, старой номенклатуры, бюрократического аппарата ориентировала на торможение приватизации, на некоторое обновление старой системы или включение в новую систему элементов командно-административной экономики, на защиту клановых интересов – восстановление льгот и привилегий элиты, в том числе на лечение, на субсидии, материальную помощь и т.д. Преобразования оказались весьма растянутыми по времени, об-

щее обнищание углублялось, а темпы развития и уровень жизни населения восстанавливались медленнее.

Поскольку наиболее распространенным индексом уровня жизни является размер национального дохода (ВВП) в пересчете на душу населения, но более точным – используемый в Программе развития Объединенных наций (UNDP) общий показатель развития HDI (Human Development Index), учитывающий среднюю продолжительность жизни, доступ к образованию и достойный уровень жизни, мы приведем для первого пятилетия преобразований оба показателя (см. табл. 2).

**Таблица 2. ВВП на душу населения
в трансформирующихся странах в 1994 г.
и их место в мире согласно показателю HDI.**

Страна	ВВП на душу населения в долларах США	Место в мире согласно показателю HDI
Словения	10.404	35
Чехия	9.201	39
Словакия	6.389	42
Венгрия	6.437	48
Польша	5.002	58
Болгария	4.533	69

Источник: Human Development Report, United Nations Development Programme. New York – Oxford. 1997.

В этом контексте следует указать, что Словения по этому показателю размещается рядом с США (вместе с Португалией и Аргентиной). Вполне уместно отметить, что экономическое благосостояние – отнюдь не синоним общечеловеческого благополучия, будучи необходимым, но недостаточным его условием.

Если разрыв доходов между отдельными социальными группами в начальный период реформ составлял 2,5-3 раза между 10% самых богатых и 10% самых бедных, то в первые годы нового века он увеличился в вошедших в ЕС странах до 4-5 раз, а в некоторых балканских странах – до 10 раз.

Экономисты стран региона задавались вопросом, является ли в процессе трансформации объективной необходимостью, и в

какой степени, обнищание значительной части общества? Связано ли оно только с формированием и концентрацией национального или иностранного частного капитала?³⁰² С чем связана проблема эффективности принятых методов проведения трансформации и какова ее экономическая и социальная цена? Насколько трансформация социально приемлема? Однозначного ответа на эти вопросы не существует, поскольку в этом процессе было задействовано множество факторов и проявилось разнообразие их взаимодействия.

Баланс между двумя тенденциями был достигнут ЦВЮВЕ примерно в 1996 г., с перемещениями политического маятника влево и вправо, а точнее – с приходом в ряде стран к власти посткоммунистов. Например, в 1997 г., со сменой экономической конъюнктуры, несколько стран региона выстроились по показателям ВВП на душу населения (в долларах США, согласно обменному курсу национальной валюты) по нисходящей несколько иначе, чем раньше, а именно: Словения, Чехия, Венгрия, Хорватия, Польша, Словакия, Румыния, ФРЮ, Болгария и Албания³⁰³. Избравшие оптимальный путь страны Центрально-Восточной Европы сумели не допустить резкой дифференциации уровня доходов и предотвратить критическое разрастание зоны бедности. В наиболее благополучных Чехии и Словении на рубеже XX и XXI вв. был всего 1% бедных³⁰⁴.

Однако в ЦВЮВЕ в 90-е гг. продолжался процесс пересмотра социальных достижений предшествующих десятилетий. Новые члены ЕС, выбирая европейскую социальную модель, отработывают основные направления своей социальной политики, приводя законодательство в соответствие с общеевропейскими стандартами и требованиями ЕС, приспособляясь к общим подходам к обеспечению социальной защиты населения. Эти надежды получили на ряд лет реальное подтверждение, но волнообразные изменения экономической конъюнктуры, не будучи систематически подкрепляемы продуманной социальной политикой, нередко вновь оборачивались ввиду высокой цены преобразований тяготами для социальных низов. Потеря доверия к власти со стороны значительной части общества становилась препятствием на пути многомерного социально-экономического развития ЦВЮВЕ.

Основными проблемами требующего оптимизации жизненного уровня населения, определяющими социальную ситуацию и перспективы развития, в большинстве стран по-прежнему остаются широкомасштабная бедность и углубляющаяся дифференциация доходов. В странах, где преобразования застопорились или только начали разворачиваться, население продолжает нищать³⁰⁵. Из-за огромного роста социального неравенства реальные доходы более уязвимой части населения (80%) уменьшились приблизительно наполовину³⁰⁶. Оказавшиеся за чертой бедности слои вынуждены сфокусировать свои жизненные интересы на проблемах выживания. В ситуации так называемого «избыточного неравенства», когда общество не может обеспечить приемлемый уровень жизни нуждающимся в социальной поддержке группам населения, такие люди, будучи не защищены от духовного и даже физического вырождения, практически не способны на сколько-нибудь эффективную защиту своих элементарных интересов. При разрастании таких слоев социальная энергия общества стремится к нулю. Спад за границу бедности – это социальная катастрофа, грозящая политической нестабильностью³⁰⁷.

Попытки реформаторов нескольких стран региона найти оптимальный вариант социально-экономической трансформации в западных образчиках и опереться на экспертизы приглашенных в основном из США специалистов пришлись на десятилетие серьезных экономических трудностей для самого Запада с его отказом от прежних социальных завоеваний «государства благосостояния». В 90-е гг. распространившаяся на Западе в послевоенный период идея социального равновесия все более теряла популярность. Не оправдывались надежды ряда западных теоретиков (Р. Дарендорфа и др.) на то, что разнообразие вариантов рыночной экономики позволит осуществить оптимальный выбор при помощи переговоров между различными социальными силами, что привлекательной станет немецкая модель социальной рыночной экономики, что, наконец, социальные завоевания самих постсоциалистических стран окажут благотворное воздействие на западную экономику³⁰⁸. Между тем, системная трансформация в регионе оказалась оплачена утратой значительной части достижений в социальной сфере, потерей трудя-

щимися ощущения стабильности и социальной защищенности. По сравнению со средним стандартом Евросоюза наиболее высокий в регионе доход на душу населения в Словении составил в 1998 г. 68%, в Польше – 40%, в Болгарии и Румынии менее 30%³⁰⁹. Естественно, регион ЦВЮВЕ в конце XX в. не предлагал весомых эталонов социальной рыночной экономики.

В условиях масштабной безработности новым, все более значимым конфликтогенным фактором становятся социальная деградация и рост претензий на занятие или сохранение партнерских позиций в общественной жизни со стороны деградировавших в разном смысле отдельных лиц и групп людей, а также требование признания их равноправного положения с одновременным сохранением особой идентичности – этнической, расовой, культурной, половой, идеологической, религиозной, сексуальной, трудовой и возрастной. С ростом уровня образования молодой части общества усиливается стремление к самореализации через творческую, партнерскую позицию в трудовых коллективах, что соответствует как новым требованиям роста производительности и инновационной экономики, так и разнообразным стремлениям к партнерским отношениям со стороны деградирующих социальных групп.

В странах Центрально-Восточной Европы, особенно в Словакии и Польше (где резко изменилась структура экономики и в сельском хозяйстве высвободилась, в том числе перейдя на пенсию, значительная часть рабочей силы), а также в балканских государствах безработность в деревне превратилась в серьезную экономическую и политическую проблему. В Словении, Румынии и Болгарии, наоборот, перелив части рабочей силы в сельское хозяйство частично снизил уровень безработности. Попытки смягчить ее путем миграции в более развитые страны временно меняют ситуацию. Однако она стимулирует другое негативное явление – отъезд за границу наиболее образованных, энергичных и динамичных молодых людей, являющихся важнейшим фактором экономического развития своей страны.

Наиболее обездоленное большинство не имеет ни экономических, ни политических возможностей противостоять подобным явлениям, сколько-нибудь эффективно защищать свои

интересы в политическом процессе. Пройдя через испытания кризисных лет заката «реального социализма», эти социальные слои пока по инерции проявляют максимум приспособляемости, сводят до минимума свои коллективные социальные требования, сдерживают подспудный социальный протест, формулируют постулаты, понемногу ведущие к утверждению и отстаиванию социального характера рыночной экономики, до полного укоренения которой региону еще далеко. Беднейшие социальные слои, включаясь в основном в нерыночные трудовые отношения, преимущественно формируют «экономику бедности». Поиски путей исправления этой ситуации, принятые крупными польскими социологами, вынудили их обратиться к главным авторам трансформации – премьерам, министрам, спикерам палат парламента, лидерам основных политических партий и ведущим экспертам. Специалисты отнесли к одной из двух самых болезненных проблем современной общественной жизни проблему усиления массовой социальной деградации, исключения трудящихся из жизни общества, а его причины определили как носящие трансформационный, демографический, экономический, политический и социальный характер. Все опрошенные политические деятели и эксперты, независимо от их политической ориентации – либеральной, социал-демократической или иной, увидели выход из этой ситуации в необходимости вмешательства государства, его поддержки и обеспечении социальной защиты. В качестве оптимальной в большинстве случаев рисуется модель социального государства³¹⁰, которое, успешно оставив позади «реальный социализм», будет активно поддерживать предпринимательство, бороться за снижение цены преобразований, ограничение нищеты, социальной исключенности и маргинализации, за создание для основных социальных групп шансов найти свое место при новом строе³¹¹. Усилия в этом направлении внушают оптимизм, поскольку в последние годы рынок труда стран ЦВЮВЕ претерпел некоторые позитивные изменения (см. табл. 3).

**Таблица 3. Динамика безработицы и безработности
в ЦВЮВЕ в 2004-2007 гг. (в %)**

Страны	2004	2005	2006	2007
Болгария	12,2	10,2	9,0	6,9
Венгрия	5,9	7,2	7,5	7,4
Польша	19,4	18,0	14,0	9,7
Румыния	8,1	7,5	7,6	6,8
Словакия	18,6	16,3	13,4	11,2
Словения	6,1	6,7	6,1	5,0
Хорватия	14,3	13,0	11,5	9,6
Чехия	8,3	8,0	7,2	5,4

Источник: The World Bank. EU10. Regular Economic Report. June 2008. 44544 , vol. 1. P. 29.ii

Смена общественного строя в глазах населения

При выборе рядом стран ЦВЮВЕ неолиберальной глобалистской концепции развития форсировалась модель преобладания частного сектора в структуре экономики и ограничения общественного сектора только некоторыми ее отраслями, что весьма снижало масштабы и действенность социальной политики. В таком случае изменение существующих отношений происходило преимущественно путем приватизации государственных и коммунальных предприятий или учредительной приватизации, то есть образования новых частных предприятий. При этом правые правительства максимально ущемляли национализированный сектор независимо от экономико-финансового и технологического состояния и перспектив развития таких отраслей и предприятий. Это означает, что мотивы приватизации в таких случаях носили не только экономический, но и идеологический характер.

Формирование новой социальной политики, адаптация сложившихся систем управления к новациям трансформационного этапа развития общества были непосредственно связаны с удовлетворением социальных потребностей его движущих сил, с оп-

тимизацией роли ослабленного, потерявшего ряд прежних функций государства и сменой идеологических установок. Они декларировали создание такой системы социальной защиты населения, которая обеспечивала бы согласование интересов различных социальных групп и разрешение противоречий. Но социальная ситуация в условиях недовольства значительной части населения социальными и политическими последствиями рыночной трансформации во многом остается сложной и неустойчивой. Различные государства, особенно на разных этапах движения политического маятника, тратили разные финансовые средства на социальную сферу, в той или иной мере обеспечивая гражданам социальные гарантии. Цели социальной политики варьировались, как и способы их реализации. В качестве обязательного правила социальной политики сохранялся общий пакет мер непосредственного государственного вмешательства в социальную сферу: в какой-либо форме обещалась поддержка в случае наступления социальных рисков – болезни, старости, материнства, потери работы и т.п.

Трансформация продиктовала значительные изменения в целях, средствах и методах социальной политики как одного из важных направлений мало эффективного государственного регулирования. Новая социальная политика была призвана быть более эффективной, основанной на новых организационных формах и финансовых механизмах, а одновременно разнообразной в связи с различиями в уровне экономического развития субрегионов и отдельных стран, состоянием политической системы, обстановкой мира или войны, национальными и культурными традициями.

Вкратце остановимся на ситуации рубеже XX-XIX вв. в относительно благополучной с точки зрения социального неравенства Чехии – страны с относительно высокими показателями экономического развития и жизненного уровня, которая давно ушла от «реального социализма» и уравнительного тоталитаризма. Она представляет собой гибридную комбинацию трех типов вертикальной социальной дифференциации: сохраняющейся уравнительной системы для бюджетников (в нижней части иерархии материального положения); с трудом укореняющейся дифференциации «по труду» (в пользу квалифицирован-

ных и активных людей); обостренно-полярной дифференциации лиц с высоким положением, достигнутым незаконными или аморальными средствами – и по разным причинам бедными, беспомощными лицами низкой квалификации, в немалой степени уже исключенными из общества. Это общество (что говорить о других) по своей социальной структуре не является зрелым капиталистическим, постиндустриальным. Ему обществу свойственна преимущественно отрицательная реакция на структурные перемены, сужение социальных функций государства³¹².

Социальная ситуация в условиях недовольства значительной части населения социальными и политическими последствиями введения рыночной экономики во многом остается сложной и неустойчивой. Обострилась борьба за электорат, защищающий в значительной степени потерявший свои позиции принцип социальной справедливости. На этой почве усилилась конкуренция правого и левого центра, либералов, социалистических, а также популистских партий, искусственно использующих или имитирующих левые идеи, ориентирующихся на социально ориентированный капитализм.

Американские экономисты и социологи на основе статистических материалов ВБ и ЕБРР за 15-летие системных преобразований установили, что в подавляющем большинстве проходивших трансформацию стран ЦВЮВЕ в ходе затяжного экономического спада произошел существенный сбой оценок населением собственного благополучия (индекс экономического благополучия граждан формируется на основе оценки гражданами экономической ситуации в стране, своего финансового положения и курса правительства). Разрыв между объективными оценками и степенью удовлетворенности населения жизнью – «уровнем счастья» – постоянно рос. Заметно выше оценки показателей и того, и другого порядка в относительно благополучных Словении и Чехии, чуть хуже – в близких к ним Хорватии и Польше. В остальных случаях нередко существенные расхождения между ними³¹³. По данным МВФ о месте страны по ВВП на душу населения среди государств-членов этой международной организации на октябрь 2007 г. страны региона выстроились следующим образом: Словения (29), Чехия (33), Венгрия (40), Словакия (42), Польша (52), Хорватия (53), Румыния (64), Бол-

гария (65), Босния и Герцеговина (70), Македония (85), Сербия (94), Албания (97)³¹⁴. Преодоление существенного разрыва между странами ЦВЮВЕ по уровню ВВП остается делом неопределенного будущего.

Если в течение 90-х гг. большинство трудящихся ожидали от рынка благосостояния, то в начале XXI в. мифологемы этого ряда остались в прошлом. В 2005 г. уже 44% населения считали, что систему следует изменить. Динамика общественного мнения наглядно прослеживается на примере все более критичной оценки состояния рынка труда, сравнения взглядов на проблемы безработицы в течение двух последних десятилетий. В польских социологических опросах 2006 г. за свободу увольнений высказались 16,9% опрошенных по сравнению с 71,5% в 1991 г., терпимо отнеслись к явлению безработицы 13,9% респондентов по сравнению с 25,6% в том же 1991 г. Руководящую роль государства в экономике позитивно оценили соответственно 30,9% опрошенных (в 1991 г. – 19,4%), предпочли занятость на государственном предприятии 45% респондентов (26% – в собственной фирме и только 13% – на частном предприятии). Большинство опрошенных считали, что частные фирмы более рентабельны, но что трудовой кодекс и регулярность выплат лучше соблюдаются на государственных предприятиях³¹⁵.

В каждой из стран ЦВЮВЕ смена общественного строя и системные преобразования оцениваются по-своему, но мы выделяем Польшу как страну, трансформационные процессы в которой были наиболее интенсивными и глубокими. Осуществив с 1990 г. по середину 1992 г. якобы «шоковую терапию» экономики, Польша с середины 1992 г. по 1998 г. носила почетный титул «тигра Европы». Показатели роста ВВП достигали 6-7% в год, увеличивались инвестиции и потребление; безработица снижалась. Замедление роста в 1998-2000 гг. сначала шло почти незаметно, поскольку он находился на уровне выше 4% в год. Однако затем снижение динамики инвестиций отразилось на падении роста ВВП. Как это повлияло на настроения польского населения? Приведем табл. 4.

Таблица 4. Результаты опросов за 1994-2003 гг. с ответами на вопрос: «Перемены в Польше с 1989 г. принесли людям больше пользы или потерь?» (в %)

Ответы респондентов на вопрос анкеты	Октябрь 1994	1998	2003
Больше пользы, чем потерь	11	32	21
Одинаково	32	31	25
Больше потерь, чем пользы	42	27	48

Источник: Opinie o zmianach ustrojowych po 1989 roku. Komunikat z badań. CBOS. W-wa, grudzień 2003.

Опросы 1994-1996 гг. свидетельствовали о росте оптимизма. В качестве позитивов назывались повышение уровня жизни, увеличение влияния граждан на государственные дела, свободное выражение мнений и создание различных организаций, возможность получать лучшее образование. В 1998 г. наблюдалась стагнация настроений, все чаще отмечались негативы: увеличение количества бедных, проблемы с трудоустройством, рост неуверенности в завтрашнем дне, разрыв межчеловеческих связей, снижение заботы государства о гражданах, чрезмерное влияние иностранного капитала. В 1999 г. вначале наблюдалось ухудшение настроений с некоторым последующим смещением в лучшую сторону. Очевидно, что рост негативной оценки баланса трансформаций не является стабильной величиной. Он зависит от многих факторов, прежде всего от экономической конъюнктуры, а также от социально-экономического климата в стране, от динамики занятости, уровня жизни, возраста и т.д. Решение социальных проблем тесно увязывается с переменами в социально-политическом устройстве трансформировавшихся стран. В прямой зависимости от установок правящих политических сил вариативно трактовались функции государства в деле преобразований – как спонтанные или в той или иной мере направляемые государством. Чаще всего оба подхода в различных пропорциях дополняли друг друга. Большая часть перемен осуществлялась усилиями государства. В сумме, места рынка и государственной

политики в сфере экономики после ее высвобождения из-под пресса административно-командной системы не противопоставляются, но по-разному дозируются. Решающую роль играет то, в каком диапазоне и при преимуществе каких инструментов – экономических или административных – проводится системная трансформация. К настоящему времени большинству специалистов региона очевидно, что экономика каждой страны, каждый рынок прямо или косвенно регулируются государством, особенно если оно реализует определенные социальные цели.

Большинство населения, согласно «Социальным диагнозам» проф. Я. Чапиньского, как правило негативно оценивает результаты преобразований. Влияние перемен на свою жизнь как «очень» или «скорее» отрицательное в 2000 г. охарактеризовали 65,4%, в 2003 г. – 68% , в 2005 г. – 56,1% (позитивно в 2000 г. лишь 7,7%, в 2003 – 6,1% и в 2005 г. – 7,4%). Одним из главных минусов преобразований считается чрезмерная дифференциация доходов («против» – 94%). Работающие (!) предлагают выровнять их уровень («за»– 43%), введя верхнюю границу («за» – 60%). Весьма важный момент – даже наличие занятости отнюдь не всегда обеспечивает работающим социальный минимум. Не оправдавшие за почти два десятка лет трансформации надежды многомиллионных масс трудящихся Польши вылились в самый популярный ныне протестный лозунг: «Кто украл у нас нашу победу?»

Анализ условий и образа жизни людей, которые непосредственно ощутили как весьма неоднозначный баланс успехов и просчетов этого сложного, многомерного процесса, обернувшегося необоснованным, нечестным обогащением для небольшой группы бенефициариев перемен и пауперизацией для большинства общества стал особой сферой интересов теории трансформации. Он показал, что вначале тяжелое материальное положение этих слоев нейтрализовалось надеждами на будущее улучшение ситуации, подкрепляемыми примером наиболее продвинутых стран, добившихся существенной финансовой помощи от Евросоюза (и немалых субсидий из бюджета ЕС). Вскоре, поскольку «невидимая рука рынка» оказалась весьма жесткой, жадной и не очень «чистой», вновь ожили представления о спасительной роли эгалитаристских и этикистских установок. Не оправдавшие себя неолиберальные кон-

цепции стимулировали рост критицизма по отношению к «реальному капитализму». По данным польского Центра исследования общественного мнения, две трети жителей Польши считают, что функционирование нового строя носит неудовлетворительный характер. В 2006 г. равные части населения высказались «за» и «против» «реального капитализма», при том, что категория «за» (17% – жители больших городов, лица с высшим образованием, в возрасте 26-34 лет, предприниматели и работники частного сектора, учащиеся и студенты) одобряла «капитализм с человеческим лицом». Таким образом, общество в той или иной мере адаптируется к условиям капиталистического строя, хотя 64% опрошенных в 2006 г. считают основным его противоречием антагонизм богатых и бедных. При этом на конфликт между частными предпринимателями и наемными рабочими указывают 50% респондентов, а на предприятиях с национальным капиталом – 34%.

Руководитель проекта «Работающие поляки 2006» проф. Ю. Гардавский отмечает сохранение на частных польских предприятиях, несмотря на констатацию со стороны 22,7% опрошенных эксплуатации и 34,5% – кумовства и блата, – как правило хорошего климата, позитивных представлений об отечественном бизнесе при стремлении смириться с социальной дифференциацией: «Раздражает демонстрация богатства, но если частный владелец моего предприятия не кичится богатством и ведет себя прилично, то он – “наш”».

Вместе с тем, отнюдь не исчезают сомнения в объеме и справедливости распределения расходов – слишком большой цене и эффективности проведенных преобразований. Например, в Польше в декабре 2005 г., согласно опросу Центра исследования общественного мнения, население проявило ранее ему не свойственную, более высокую, хотя не лишённую противоречий удовлетворенность своей жизнью: 38% жителей гордились своими достижениями, 43% респондентов утверждали, что в их жизни все складывается хорошо, 49% были довольны, что им удалось чего-то добиться. Но 49% испытывали раздраженность от происходящего, 36% – разочарование и усталость, а 23% – агрессивность³¹⁶.

Попытка выработки альтернативной стратегии в социальной сфере

Возможно ли создать оптимальную совокупность рынков товаров, услуг, труда и капиталов, а также общественных социально-экономических институтов – отношений собственности на экономические ресурсы и продукты, хозяйственного права и органов его реализации, механизмов государственного регулирования экономики и особо пострадавшей социальной сферы? Как задействовать хозяйственные субъекты с рыночной мотивацией, с соответствующим характером взаимоотношений между различными участниками рынка (собственником, управляющими и наемными работниками), как создать (или восстановить) формы трехстороннего взаимодействия предпринимателей, профсоюзов и государства? Попыткой выработки альтернативной стратегии развития с оптимизацией социальной сферы в условиях строительства социальной рыночной экономики стала польская экономическая программа «Стратегия для Польши».

Эволюция концепций, касающихся методов экономической стабилизации и факторов роста, привела польского левого премьер-министра Г.В. Колодко к выводу о том, что первичные неудачи системной трансформации в направлении рыночной экономики объясняются следующими причинами: отсутствием организационной инфраструктуры, обслуживающей свободную рыночную экономику; слабостями финансового посредничества, необходимого для эффективного распределения приватизированного имущества, а также управления предприятиями в условиях дерегулированной экономики; отсутствием инфраструктуры для политики, продвигающей конкуренцию; слабостями правовой и судебной систем, а в результате этого неспособностью введения налогового кодекса и эффективной фискальной системы; слабостями местного самоуправления, не подготовленного к постановке вопросов регионального развития; отсутствием неправительственных организаций, поддерживающих нарождающиеся рынок и формирующих гражданское общество³¹⁷. В качестве примера планирования действий в направлении социальной оптимизации трансформации и развития экономики стран ЦВЮВЕ Г.В. Колодко предложил «Стратегию для Польши» –

польскую правительственную программу на 1994-1997 гг.³¹⁸, подготовленную им в противовес экономической программе Л. Бальцеровича³¹⁹.

В этом документе в основу оживления и подъема экономики была положена рациональная экономическая стратегия, определявшая как ход многосторонней системной трансформации, так и направления политики развития. При этом целью перестройки были как можно более эффективно используемые экономической политикой ликвидация тормозов и преград на пути экономического развития, создание для него новых возможностей. Так, вопреки предлагаемому международными финансовыми институтами неолиберальному варианту Г.В. Колодко постепенно и последовательно осуществлял самостоятельно запрограммированную, соответствовавшую условиям страны стратегию, опираясь при этом на три из пяти рекомендуемых Евросоюзом предпосылок устойчивости макроэкономической стабилизации: ограничение внутренней задолженности, снижение бюджетного дефицита и снижение нормы ценовой инфляции.

«Стратегия для Польши» трактовала макроэкономическую стабилизацию не только как оздоровление и приведение в равновесие государственных финансов путем быстрого и устойчивого экономического роста, но и как последовательную стабилизацию правил экономической игры и ожиданий субъектов, принимавших в ней участие, снижение неуверенности и риска после периода экономической дестабилизации, рыночного хаоса и институционального вакуума. Эта программа открывала вторую фазу трансформации на основе равенства секторов собственности и в направлении дальнейшего развития демократии, рыночной экономики и свободного предпринимательства. Она была призвана решать проблемы ускорения экономического роста после периода рецессии 1990-1991 гг., преодоления массовой безработицы и растущей внутренней задолженности, а также общественных затрат на трансформацию, справедливого их распределения и придания им приемлемой для общества формы. Были предусмотрены новые методы сокращения задолженности – ее замена на акции и паи приватизируемых государственных предприятий (ваучеры), способствующая интенсификации структурных изменений в экономике, а также необходи-

мому притоку новых иностранных инвестиций. Важной мерой по обеспечению длительного экономического развития стала растущая конкурентоспособность экономики на внешних рынках, достигаемая при помощи увеличения объема экспорта и изменения его структуры и направлений. Предлагаемая стратегическая концепция предусматривала также улучшение условий жизни. Новые решения в области формирования вознаграждений и выплат создавали партнерскую, договорную систему трудовых отношений и регулирования вознаграждений, в которой государство (правительство) исполняло роль арбитра, разрешавшего общественные конфликты, споры между работодателями и работниками, а в результате гармонизировало экономический рост. Результатом быстрого экономического роста и более справедливого, чем в предшествовавший период, распределения национального дохода действительно стало улучшение условий жизни населения, особенно рост уровня потребления, восстановление элементарного чувства социальной безопасности, потеря которого была основной причиной неудовлетворенности и раздражения общества. Повышению чувства социальной безопасности служила также реформа социального обеспечения. Была принята программа активного противодействия безработице.

«Стратегия для Польши» учитывала необходимость соблюдения общественного консенсуса. Она сыграла важную роль в стабилизации польской экономики, хотя с неизбежностью социальная цена реализуемых мер оказалась весьма высока, в налаживании управления государственным имуществом, в частности при помощи института государственной казны, менеджерских контрактов и продолжения преобразований собственности, в том числе приватизации и реализации программы Национальных инвестиционных фондов, а также увеличения вложений в человеческий капитал, повышения квалификации с учетом быстрых структурно-качественных изменений экономики и требований рынка труда. С приходом к власти правых сил реализация этого курса был остановлена.

Определенный выход из осложнившейся социальной ситуации обещала интеграция в Евросоюз, который предпринимал меры к тому, чтобы оптимально сочетать экономическое и со-

циальное развитие, постоянно поддерживать социальный диалог между представителями работодателей, работников и государства. Во время саммита в Барселоне была принята европейская модель, которая предусматривала программы, нацеленные на сокращение числа лиц, которым угрожает нищета, на рост занятости, инвестиций в образование, повышение квалификации и мобильность рабочей силы, на создание постоянных систем социального обеспечения. Именно деятельность по инвестированию в повышение квалификации кадров и качество рабочих мест должна была обеспечить ЕС сохранение конкурентоспособности по сравнению с США.

Курс Евросоюза предусматривает социальный диалог между представителями государственных структур, а также работодателей – с одной стороны, и работников – с другой. Существующие в Евросоюзе институты, направленные на сохранение и развитие трехстороннего диалога, согласование путей решения экономических и социальных проблем, прививались в регионе плохо. Традиционно оставались недоразвитыми механизмы, ведущие к достижению социального консенсуса. Даже в Польше, где исполнявший в 1989-1991 гг. функции министра труда социал-демократ Я. Куронь (поддержавший Дж. Сакса и решившийся на «прыжок через пропасть» ввиду чрезвычайной напряженности ситуации) предложил опереться при проведении экономических преобразований на социальный пакт правительства, предпринимателей и профсоюзов и инициировал соответствующие переговоры, ни одна из трех сторон не была готова к ним. В 1993 г. профсоюзы форсировали отставку правительства, принявшего такой курс. Для его внедрения требовалось время.

Еврокомиссия в Сообщении от 21 мая 1998 г. обратила пристальное внимание на необходимость уделять особую помощь странам-кандидатам для создания и развития социальных структур, участвующих в этом диалоге, консультирования и обучения социальных партнеров, дабы они усваивали формы и принципы такого диалога, играли эффективную роль в совершенствовании социальной инфраструктуры своих стран и включались в систему общеевропейского социального диалога³²⁰. Результативность социального диалога стала повышаться³²¹.

Повсеместно признано, что обеспечить социальное развитие общества без эффективного государства невозможно. Формы и методы такого участия меняются, при этом как правило доля такого участия уменьшается. Вместе с тем, как считают специалисты по проблемам системной трансформации, видные российские экономисты С.П. Глинкина и Т.В. Чубарова, государство не должно полностью уклоняться от социальной ответственности за граждан, проводить курс на самостоятельное выживание малообеспеченных и менее устойчивых слоев населения, минимизировать социальные гарантии помощи беднейшим слоям³²². По мнению их коллеги по Институту экономики РАН Ю.К. Князева, научно формируемая социальная политика государства призвана базироваться на комплексном многофакторном анализе и сопоставлении всех плюсов и минусов не только в настоящий момент и не только для населения и его отдельных слоев, но для общества в целом. Она должна включать весь комплекс мер по оздоровлению социально-экономической сферы и повышения благосостояния людей и всего общества как в настоящем, так и в будущем³²³. Между тем регион ЦВЮВЕ изначально не мог предложить весомых эталонов социальной рыночной экономики, как и рецептов по преодолению безработицы, потеряв за годы системной трансформации значительную часть достижений в социальной сфере, ощущение стабильности и социальной защищенности. Ситуация в ряде балканских государств была резко осложнена тем, что там на социальную сферу негативно повлияли военные конфликты, ухудшились показатели социального благосостояния, значительно сократились государственные расходы в этой сфере.

Современное состояние неолиберальной глобализации, и в том числе трудный процесс трансформационных преобразований, ставят задачу принятия специальной системы мер по социальной защите трудящихся и населения в целом. Как свидетельствует Ю.К. Князев, большинство ученых из пошедших по пути капиталистического развития бывших стран «реального социализма» к настоящему времени считают наиболее привлекательной моделью не радикально-либеральную, а социально-регулируемую рыночную экономику, позволяющую в том или ином объеме сохранить былые социальные завоевания. Собст-

венно, в конституциях и была записана немецкая формула «социального государства», хотя нигде не удалось воплотить ее в жизнь, в частности из-за неизбежного приспособления социальной сферы «к новой экономической реальности, не признающей прежних волюнтаристских методов финансирования общественных потребностей». Пока созданные для макроэкономического регулирования условия минимизируют отрицательные проявления стихийного рынка, корректируют спонтанные рыночные процессы, придают экономике более выраженный социальный характер (делают ее подконтрольной обществу) и закладывают «основу будущего развития социальной сферы как важнейшего элемента общеэкономического прогресса»³²⁴. Социальная ситуация будет определяться созданием механизмов справедливого распределения результатов наметившегося экономического роста, использованием их в интересах всего населения. А это зависит от готовности самого общества к систематическим действиям по защите своих интересов, к принятию мер к повышению жизненного уровня, выработке партийно-политической программы и стратегии, тактики и форм постоянного давления «снизу», с которыми власти вынуждены будут считаться.

Сфера выработки соответствующей социальной политики включает обеспечение относительной социальной справедливости в обществе, в том числе: помощь обездоленным, беднейшим и неспособным материально себя обеспечить людям и борьбу с бедностью как с острейшей социальной проблемой; материальную поддержку безработных и оказание им поддержки в трудоустройстве на работу, повышении их профессионального уровня и переквалификации; выплату пособий на детей, оплату отпусков по беременности и родам, а также больничных листов, создание целостной системы социальной защиты на основе более справедливого распределения национального дохода; организацию медицинского страхования и финансирование всеобщего бесплатного здравоохранения; содержание системы бесплатного начального и среднего образования и предоставление льгот при получении профессионального и высшего образования; создание государственной системы пенсионного обеспечения в сочетании с деятельностью частных пенсионных фондов; решение

социальных проблем в жилищно-коммунальной сфере; гарантирование государством сбережений населения в частных банках, пенсионных фондах и страховых кампаниях, а также инвестиций граждан в ценные бумаги³²⁵.

Страны региона идут путем не внесения в либеральную рыночную экономику элементов государственного регулирования и социальной справедливости, а переходят из системы тотального этатизма и эгалитаризма в рыночную экономику и социально-политический плюрализм, одновременно пытаясь сохранить прежние социальные завоевания, хотя теперь социальная сфера является логическим продолжением рыночной экономики. На деле ввиду прохождения через этап приоритетной либерализации и первоначального накопления нигде не удалось быстро достичь оптимального баланса между рыночными и централизованными механизмами, преодолеть спонтанность и хаос. Это становилось возможно лишь по мере вступления ряда стран региона в ЕС, адаптации его законодательства, изменения практики хозяйствования и проведения социальной политики. Предполагается, что те страны Центрально-Восточной Европы, которые успешно избежали «худшего варианта развития», по мере решения главных задач социально-экономического реформирования пройдут через постепенное сокращение чрезмерного, по либеральным понятиям, вмешательства государства, «пока не будет достигнут некий оптимум в сочетании рыночных и социальных задач»³²⁶. Напомним, что речь идет о «социальном капитализме с человеческим лицом».

Общие дилеммы современной социальной политики для ряда стран региона С.П. Глинкина и Т.В. Чубарова сформулировали следующим образом: «социальная солидарность или индивидуальная социальная ответственность; удовлетворение социальных потребностей коллективно или индивидуально; доступ к общественным службам для всех или только для отдельных (что таит опасность социальной дезинтеграции) категорий граждан; компромисс между адекватным уровнем социальной защиты и желанием граждан его финансировать». Важнейшей основой решения социальных проблем считается ими «дальнейшее углубление демократии с ее идеей партнерства и участия», консультации, диалог со всеми заинтересованными силами, «преж-

де всего неправительственными организациями, а также социальными партнерами...» Партнерством именуется «организационная система принятия решений и их реализации, мобилизующая коалицию интересов вокруг общей проблемы», а демократию, «как показывает опыт бывших социалистических стран», «нельзя ввести одномоментно – требуются усилия и приверженность государства, которое должно продвигать демократические ценности»³²⁷.

В этой ситуации в дальнейшем следует ожидать поиска более эффективных путей справедливого распределения результатов экономического роста, формирования адекватных новым условиям методов решения социальных задач от ускорения процессов демократизации и развития сетевых институтов неправительственного гражданского общества, слабые ростки которого «все же всходят, пробиваясь сквозь чиновничий произвол, эгоизм и равнодушие граждан»³²⁸, до активизации социального партнерства – взаимодействия представителей трудящихся (профсоюзов), предпринимателей и государственных структур³²⁹.

К сожалению, в странах региона пока преимущественно преобладает низкий профессиональный уровень дискурса в сфере проблематики социального государства и социальной рыночной экономики.

Становление гражданского общества

Традиционно, до 70-х гг. XX в. гражданское общество рассматривалось в науке как производное демократического государства. Теории гражданского общества трактовали его двояко – или (либеральные установки) с позиций примата личности над сообществом, или (установки коммунитарные) – с позиций примата сообщества над личностью. События последних десятилетий этого века в Восточной, Центрально- и Юго-Восточной Европе (ЦВЮВЕ) поставили проблему в иной контекст – в контекст процесса демократизации авторитарных (авторитарно-тоталитарных) государств, формирования в ходе этого процесса нового общества, его реинтеграции вокруг иных коллективных целей, ценностей и норм, способа освоения публичного про-

странства, открывающегося во время и после падения недемократической системы. С последним связана эволюция роли государства и его отношений с различными социальными группами, добровольно организующимися и действующими в публичной сфере, которую ранее присваивало и контролировало авторитарное государство, а ныне осваивают в процессе свободной институционализации различные социальные силы, формирующие плюралистическое гражданское общество³³⁰. Наличие государства, что особо подчеркивают выдающиеся политологи Х. Линц и А. Степан, а также Э. Внук-Липиньский, является основным условием появления и существования демократии, как и в ней функционирующего гражданского общества³³¹. В ЦВЮВЕ мобилизация и самоорганизация масс в социальное движение с последующей институционализацией на основе определения и согласования групповых интересов, общих ценностей и целей проходили в условиях перехода от недемократических политических систем к демократии в обществе, где социальная и политическая культура была еще на весьма низком уровне.

Верховенство закона и демократия вырастают из недр гражданского общества, члены которого на собственном опыте должны убедиться, что только они сами могут гарантировать свою свободу, участие в управлении, безопасность и собственность. За демократическим правовым государством должно стоять гражданское общество. Однако в странах ЦВЮВЕ эти процессы развиваются параллельно, что обуславливает сложность процесса формирования как демократического правового государства, так и гражданского общества. Гражданское общество в регионе в начале XXI в. находится в стадии становления и приобретения опыта, оставаясь слабым и недоразвитым. Несомненно, постсоциалистическое общество более автономно, чем прежнее, но оно еще не обладает такой независимостью, которая позволяет говорить о нем как об оформившемся гражданском обществе. Оно еще только формируется и поэтому медленно осознает себя.

Начавшаяся на рубеже 80-90-х гг. демократическая трансформация региона ЦВЮВЕ, охватив основные сферы жизни общества, выливалась в становление демократии участия граждан в динамичных общественных преобразованиях, в создании сетей неправительственных и некоммерческих организаций

(НПО). При этом гражданское общество в регионе формировалось в первую очередь не как дополнение государства или основа, дополняемая государством (при либеральном «минимуме государства»), а в противопоставлении автократическому государству в ходе низового процесса демократизации. Именно она, с ее ценностями и организациями – структурами, реализующими на практике концепцию гражданского общества, – определяла принципиальные перемены в характере общественных отношений и была призвана создавать новое, демократическое качество жизни, гарантировать активную и ответственную реализации потребностей и интересов людей, оптимального и мудрого обеспечения общественного блага.

В течение послевоенных десятилетий традиционно свойственных странам региона автократических (тоталитарных, тоталитарно-авторитарных, затем авторитарных) режимов гражданское общество находилось в зачаточном состоянии, периодически набирая какое-то дыхание лишь в годы их относительной либерализации. При этом, несмотря на декларируемый коллективизм, ситуация в обоих субрегионах, Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе, исторически весьма различалась по атомизации социума, отчуждению человека и его самореализации в обществе и государстве. В большинстве стран до конца 80-х гг. XX в. государственному контролю были подчинены почти все стороны общественной жизни, и поэтому независимые от государства общественные институты и организации практически отсутствовали. Процессы самоорганизации гражданского общества, гражданского участия, добровольной активности не могли развиваться эффективно.

Принципиально новый поворот в развитии гражданского общества в обоих субрегионах был связан с чередой социально-экономических и политических кризисов и поиском оптимальных путей выхода из этого становившегося хроническим состоянием. В 80-е гг. в Центрально-Восточной Европе возникли элементы первоначального, теневого гражданского общества в форме оппозиционных и диссидентских движений – «Солидарности» в Польше, «Хартии 77» в Чехословакии, различных диссидентских групп в Венгрии. Эти движения и сыграли важнейшую роль в либерализации, открытии общества. Органичным

свойством этого процесса были быстрое нарастание протестных движений с большей (в Польше) или меньшей (в Чехословакии) степенью включенности широких масс и оформление на этой основе общественно-политических структур как пространства для социального взаимодействия людей в ходе решения общих задач перестройки больной, перегруженной противоречиями и конфликтами системы общественных отношений. Они способствовали достижению цели обновления и качественного преобразования общественной жизни путем мобилизации инициативы и самодеятельности самих граждан, постепенно осознававших и реализовавших на практике свои права. В спонтанно возникавших и охватывавших страны региона по принципу лавины социальных взрывах доминировали протест против порочной политики и злоупотреблений авторитарной власти, а с другой стороны – постепенно формировавшиеся плюрализм и сотрудничество на основе единого преобразующего порыва к свободе. Либерализация политической жизни в ходе крушения «реального социализма» создавала политические и законодательные условия для активной самоорганизации гражданского общества. По свидетельству словацкого ученого Р. Рошко, «чехи начали работать над возрождением гражданского общества в его современном понимании задолго до 1989 г., словаки получили такую возможность лишь после 1993 г.», когда решался вопрос о выборе пути «к националистически и популистски ориентированному авторитаризму или к гражданократии»³³². Развернулся процесс конструирования и совершенствования институциональных механизмов демократии, интенсифицировалась защита ее основных ценностей.

Необходимо обратить внимание на то существенное обстоятельство, что в авторитарных государствах региона противостояние режиму преимущественно носило интеллигентский, не социально-политический, а этический характер. Показательным примером этого было творчество будущего президента Чехословакии чешского писателя-диссидента В. Гавела, автора понятия «антиполитическая политика». Как писал крупный польский философ Е. Шацкий, при отсутствии перспектив смены режима «антиполитика не означала нейтральности в политических вопросах. Она означала лишь представление, что здесь и сейчас

принципиальной плоскостью борьбы с коммунизмом является не то, кто властвует и какой властью должна быть, но то, как должны вести себя люди, которые подчиняются плохой власти и пока не в состоянии ее изменить»³³³ – оптимальные общественные отношения они должны были искать вне государственных структур, а в поведении окружающих людей согласно оптимальным моральным нормам. В Польше, ГДР, Словакии и Венгрии на этой почве произошло сближение христианских церквей и диссидентов, появились первые ростки гражданского общества. Для их развития принципиальным стал визит в Польшу в 1979 г. в Польшу папы Иоанна Павла II, подорвавший как атомизацию общества, так и всеобъемлющий контроль государственных органов над публичным дискурсом. Многотысячная мобилизация организаторов визита положила начало демократическому гражданскому воспитанию и оформлению автономных общественных связей, а вскоре открыла шлюзы лавине трудовой «Солидарности» – институционализации движения, объединившего под формальной вывеской профсоюза абсолютное большинство трудящихся любых категорий из всех регионов страны. С введением военного положения 13 декабря 1981 г. гражданское общество трансформировалось из этической модели в параллельное общество реальной политики, которое прежний режим уже не мог ни переориентировать, ни ликвидировать. Приход М. Горбачева к власти создал внешнеполитические условия для развития процесса трансформации, в том числе для появления реформаторского крыла в компартиях, организации «круглого стола» с включением легализовавшейся «Солидарности» в этот процесс. Вскоре, по мере выхода различных сил на решение многоплановых задач преодоления кризиса, выявления групповых и идейных интересов, с кристаллизацией и плюрализацией гражданского общества их пути стали расходиться. Но высокий уровень мобилизации масс обеспечил особую активность польского гражданского общества и качество формирующейся демократической политической системы в Польше, ставшей лабораторией преобразований для всего региона.

По мере распада авторитарных структур «партии-государства» и роста неуправляемости политической жизни, связанной с этим переструктурировки и плюрализации общест-

венно-политической сцены ускоренными темпами пошло массовое создание многих десятков и сотен протопартий и различных добровольных общественных организаций «третьего сектора» (то есть не государственных и не частных, а служащих общественным интересам, общественному благу, несущих социальную помощь) – неправительственных, неприбыльных, некоммерческих объединений, ассоциаций, альянсов, фондов (НПО). Развитие структур гражданского общества в ЦВЮВЕ в период трансформационного обвала экономики встретило на своем пути гигантские трудности, ставившие их на грани выживания, в частности, в связи со слабостью сферы бизнеса. Не имея стабильной и прочной материальной и финансовой базы, такие организации типа ассоциаций изначально зависели от взаимосвязи с институтами администрации, от частных или общественных взносов и таких важных ресурсов, как энтузиазм групп населения и добровольчество (волонтариат).

С ликвидацией «партии-государства» общество стало приобретать умение жить без диктата авторитарно-тоталитарных властей, без их политики постоянной мобилизации и контроля, подчинения жестким нормам. Преодолевая свойственную переходному периоду дезинтеграцию, нестабильность и неуверенность, оно начало восстанавливать, нормализовать, регенерировать на новом уровне социальную ткань, создавать и укоренять новые организационные структуры, обретать умение самоорганизации и регулирования отношений. Каждый член общества должен был искать в нем свое место в более широком измерении, суметь противостоять кризису и найти себя в иной повседневности, выстроить новые жизненные планы согласно иной модели социализации, в опоре на собственные возможности, а не на ставшее слабым и беспомощным, забывшим о благополучии своих «подданных» государство, приспособившись к смене профессий, к поискам носителей идентичных интересов и объединению усилий с ними. Социальная активность людей, их статус оказались востребованными не только и не столько в политической области, сколько в области неполитических, гражданских, прагматических повседневных взаимоотношений.

Качественно измененное, демократически трансформирующееся общество со спонтанным участием граждан, их многооб-

разных организаций в обсуждении и решении в рамках законности множества общественных проблем обрело ощущение силы в отношениях с властными структурами, особую, отдельную от государства и рынка, но дополняющую их сферу добровольной общественной активности, имеющую определенную самостоятельность и способность влиять на органы государства и даже определять содержание их деятельности³³⁴. Новая социальная ткань стала использовать институты гражданского общества в общих интересах – для объединения возможностей и государства, и бизнеса. Возникновение и укрепление этих институтов было тесно связано как с помощью государственных структур, так и с развитием частного сектора и зарождением среднего класса, завися от финансовой поддержки с их стороны. Эти институты, в свою очередь, стали соединять воедино государство, частный сектор и общество, уничтожая барьеры между ними и способствуя взаимному диалогу. Именно они позволили делать рынок более цивилизованным, власть – не чрезмерно централизованной и забюрократической.

Реальные характеристики гражданского общества в странах ЦВЮВЕ, стабилизировавшегося к середине 90-х гг., а затем испытывавшего определенный спад, нащупываются с немалым трудом. Степень его развитости нередко определяется по доле участия сектора НПО в использовании наемного труда, как правило тождественной доле в ВВП. По этому показателю в 1995 г. средняя (без учета сельского населения) для 27-ми наиболее развитых стран мира составила 4,4%. Страны Центрально-Восточной Европы и Румыния находятся в конце списка: Чехия – 1,7%, Венгрия – 1,3%, Польша (в 1997 г.) – 1,2%, Словакия (в 1996 г.) – 0,9%, Румыния – 0,6%. По показателям структуры занятости в НПО получается сходная картина: в 1995 г. в 12-ти странах Евросоюза на общественных началах работали 9,6%, на оплачиваемых должностях – 5,9% населения, а в пяти странах Центрально-Восточной Европы соответственно лишь 1,7% и 1,2%³³⁵. Столь разительное – в 3-5 раз – отличие в уровне социальной активности вытекает как из значительного отчуждения общественности региона в предшествующие годы от существовавших в межвоенный период институтов такого рода, особенно в Центрально-Восточной Европе. Во второй половине 40-х го-

дов, с укоренением бюрократического централизма, они были в основном разрушены. Оставшаяся часть находилась под жестким контролем «партии-государства» и была деформирована, а их имущество было передано в государственные структуры.

В наши дни свою негативную роль играют материально-финансовые проблемы. Более половины популяции живет ниже социального минимума. Государство слабо финансирует организации гражданского общества. Институты здравоохранения, опеки и просвещения потеряли свою материальную базу. Были ликвидированы фонды, занимавшиеся благотворительной, просветительской, культурной и научной деятельностью. Над немногими оставшимися НПО социальных услуг, здравоохранения и просвещения численно возобладали спортивные. Принятая в Центрально-Восточной Европе модель либерального государства ущемляет эти институты, не предоставляя им должного финансирования, не обеспечивая оптимальных правовых гарантий существования и применения принципа субсидиарности при распределении обязанностей и ответственности на различных уровнях, тесного и стабильного сотрудничества с различными уровнями государственной администрации в выработке и реализации социальных программ. Экономический потенциал структур гражданского общества в регионе в пять раз меньше, чем в развитых странах³³⁶.

Бывший премьер-министр польского правительства Г.В. Колодко в 2001 г. счел необходимым констатировать, что даже в наиболее продвинутых странах региона «путь до истинно гражданского общества еще далек», поскольку его прохождение должны предвидеть создание подлинно социальной рыночной экономики, преодоление чрезмерного имущественного неравенства и подрывающей экономическое развитие диспропорции доходов. По его мнению, развитию гражданского общества мешают три основные причины из области экономической политики: экономическая политика правых вытолкнула на обочину из участия в общественной жизни значительную часть населения; гражданское общество не может функционировать без свободного и честного предпринимательства, без динамично развивающейся социальной рыночной экономики; оно требует вложения средств и поддержки со стороны государства. Оно не

может развиваться в обстановке дезинтеграции, увеличения конфликтогенности ситуации и роста преступности, «в экономических условиях зависимого капитализма»³³⁷. Слабость гражданского общества в регионе обусловлена и тем, что исторически, в условиях острых национальных противоречий и войн, ломки социальной структуры в годы индустриализации, а в наиболее развитых странах – и повторной индустриализации во имя унификации экономической модели «социалистического сотрудничества» – общество было атомизировано и антагонизировано, в нем преобладал язык отчуждения и вражды, а не доверия, солидарности и бескорыстной помощи, не компромисса и сотрудничества. Отвечающие принципам гражданственности сознание, язык и навыки еще только формируются³³⁸.

Динамика участия в массовых организациях четко отразила специфику переходного периода. Партии и профсоюзы, другие организации прежнего режима, участие в которых гарантировало определенный статус в государстве (Красный Крест, спортивно-оборонные объединения и т.п.) стали быстро терять своих членов. Переходное состояние общественных связей и отношений породило социальную, политическую и экономическую нестабильность. Известный социолог профессор А. Мишальская (Польша) указывает на воздействие на этот процесс глобализации, которая развивает свойственный свободному рынку индивидуализм, разрушающий общественные связи и чувство социальной солидарности³³⁹. С атрофией групповых структур наступила атомизация общества, ослабело взаимное доверие. Период общественного подъема сменился апатией, потерей интереса к общественным делам. У населения не оказалось ни четкого представления о правовых нормах, о полномочиях центральной и местной власти, ни умения защищать их в новых условиях, ни навыков решать проблемы без помощи государственных структур, путем самоорганизации. НПО вначале носили характер анклавов, их численность увеличивалась волнообразно. Общество структурировалось, выстраивало новые отношения между видоизменившимся государством, оформлявшимися миром рыночной экономики и ячейками гражданского общества. НПО превращались в партнеров государства, постепенно становясь неотъемлемым элементом системы сдержек и противовесов в рамках отстраиваемой демокра-

тии. Они становились школой демократии, защищали групповые интересы в целях выживания, являясь важным фактором роста гражданской активности. Взрывной рост активности населения региона пришелся на 1989-1993 гг. В этот период ни к одной организации (исключая профсоюзы) не принадлежали в Нидерландах 17,5% граждан, в США – 30,3%, в Швеции – 30,6%, в Западной Германии – 37,6%, во Франции – 63,9%, в Италии – 68,5%, в Испании – 78,3%. Наиболее активные в ЦВЮВЕ Венгрия, Польша и Румыния показали соответственно 71,6%, 72,3% и 85,2%. В 1997-1999 гг., со спадом гражданских инициатив, в Венгрии, Польше и Румынии показатели неучастия поднялись соответственно до 75,3%, 80,8% и 85,9%³⁴⁰.

В 2006 г. в Болгарии существовали 22. 366 НПО. В Венгрии – 76 тыс., в Польше – 45 тыс. ассоциаций и 7 тыс. фондов, в Сербии – 25 тыс., в Словакии – 22. 619, в Хорватии – 20 тыс., в Чехии – 95 тыс. таких организаций. Независимо от численности населения стран, большинство НПО приходится на страны Вышеградской четверки³⁴¹.

Законодательные рамки деятельности «третьего сектора» в странах региона создавались с 90-х гг. преимущественно через регистрацию или на заявительной основе. Их структура и правила деятельности продолжают совершенствоваться. Уточняется место регистрации (суды, МВД и др.), размеры имущественного вклада, наличие помещения, право на проведение хозяйственной деятельности, использование дохода только на уставные цели и т.д.³⁴² В Хорватии закон облегчил и упростил регистрацию НПО по сравнению с порядками времен режима Ф. Туджмана, который законодательно блокировал создание и деятельность таких организаций. В Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Словакии и Чехии законодательно особо поддерживается специальная категория НПО – организаций, имеющих большое общественное значение. Деятельностью общественной пользы (общественного блага) в Польше считаются благотворительная деятельность, здравоохранение, содействие занятости, поддержка предпринимательства, просвещение, экология, общественный порядок и безопасность, деятельность на пользу национальных меньшинств, помощь жертвам стихийных бедствий и др.³⁴³ В соответствии с законом НПО должна осуществлять уставную

деятельность в интересах всего общества или определенной группы населения при условии, что эта группа выделена в связи с особо трудной жизненной или материальной ситуацией; осуществлять деятельность, которая является уставной и касается реализации публичных задач в интересах всего общества какой-либо конкретной группы. В Чехии на основе закона 1995 г. любое физическое и юридическое лицо, включая государство, может быть учредителем организации общественной пользы, но получение статуса такой организации или ее регистрация весьма ужесточены. Такого рода организациям гарантированы специальные права, прежде всего привилегии в финансировании. На них возложены и особые обязанности. Все граждане должны иметь равный доступ к их услугам. Организациям общественной пользы разрешается заниматься коммерческой деятельностью, но прибыль должна в первую очередь направляться в резервный фонд, чтобы покрыть возможные будущие потери, и лишь во вторую очередь может быть использована для расширения услуг, для которых эта организация была создана.

Таких организаций относительно немного: в Чехии около 1%, в Венгрии – каждая шестая-седьмая структура³⁴⁴, в Болгарии – несколько сот³⁴⁵. Они должны ежегодно обнародовать свои доходы в форме финансового отчета и представлять отчет о своей деятельности. Далеко не все НПО функционируют реально и эффективно: действительно активны в среднем лишь треть или четверть из них³⁴⁶. По их активности и качеству работы в индексе неправительственных организаций Агентства международного развития США за 2002 г. первое место занимала Словакия, второе – Польша, третье – Чехия, четвертое – Венгрия, далее – Болгария, Румыния и Хорватия, Македония, Сербия, Босния и Герцеговина, Албания и Косово, Черногория³⁴⁷. В странах Западных Балкан, недавно прошедших через тяжкое вооруженное противостояние, с сильно разрушенными экономикой, социальной структурой и социальными связями, меньше добровольных, в том числе благотворительных НПО. В своем большинстве они созданы международными гражданскими организациями и иностранными фондами.

Когда в процесс трансформации общественных отношений в странах ЦВЮВЕ активно включился Запад, он сделал ставку

на поддержку зарождавшегося гражданского общества – гаранта демократии и цивилизованного перехода от одной системы к другой. Разнообразные западные фонды и международные гражданские организации интенсивно оказывали материальную, финансовую и кадровую помощь институтам гражданского общества региона, привлекая свой богатый исторический опыт в этой сфере. В странах Центрально-Восточной Европы для адаптации этого опыта внутренние культурные и материальные условия созрели, но в большинстве балканских государств они отсутствовали, поэтому гражданские институты насаждались в основном извне и довольно искусственно. Поддерживались прежде всего правозащитные и экологические организации, группы по мониторингу выборов, объединения, занимавшиеся правовым образованием граждан, независимые газеты и журналы³⁴⁸.

НПО локализуются преимущественно в столицах и крупных городах, где они стали важной органической составляющей общественной жизни, включая различные ее области: спорт, туризм, отдых; просвещение и воспитание; права человека, национальных меньшинств; здравоохранение, реабилитацию, помощь инвалидам; культуру, искусство, охрану памятников культуры, традиции; региональное и муниципальное развитие; экологию, охрану окружающей среды; экономику, финансы, страхование, рынок труда, содействие продвижению товаров; представительство интересов профессиональных групп; проблемы деревни, сельского хозяйства, животноводства и растениеводства; досуг; международное сотрудничество, европейскую интеграцию; коммуникацию, транспорт, связь; религию, вероисповедание; права человека, защиту меньшинств, равенство шансов; науку, технику, технологию; строительство, жилищное строительство, коммунальные проблемы; средства массовой информации, информацию; общественную безопасность, защиту имущества; поддержку других неправительственных организаций и гражданских инициатив; государство, право, политику и др.

В Центрально-Восточной Европе (в Венгрии, Польше и Чехии), где на политической сцене действуют уже не сотни, но десятки партий, правда, нередко малочисленных и верхушечных, только небольшая группа НПО продолжает проявлять ак-

тивность в политической жизни, включая в число своих задач борьбу с коррупцией, за соблюдение политиками принципов законности и нравственных норм. В Сербии, Словакии, Румынии, а также в Хорватии ведущие НПО играли в 90-е гг. важную политическую роль, так как по существу были составной частью демократической оппозиции, которая щедро финансировалась Западом. Правозащитные организации, деятельность которых распространяется не только на права человека в целом, но и на права детей, женщин, инвалидов, заключенных и др., на укоренение в обществе идей толерантности, ненасилия, социального мира и т.д., в настоящее время более активны в Албании, Боснии и Герцеговине, Косове и Хорватии. Их активность по-прежнему остается очень высокой ввиду недостаточного уровня защиты правопорядка в этих странах.

Особое внимание привлекают проблема выборов, наблюдение за их проведением, соблюдение независимости СМИ. В Румынии в 1996 г. многие представители гражданского общества критиковали правительство из-за медленного темпа реформ и неспособности Демократической конвенции установить контроль над государственным аппаратом. В Словакии гражданские объединения мобилизовали избирателей перед парламентскими выборами, организовали правовое просвещение населения, распространение знаний о выборах, проведение мониторинга. Эту кампанию спонсировали западные правительства и фонды³⁴⁹. Обеспечив высокую явку избирателей, удалось элиминировать популистски-националистическое Движение за демократическую Словакию В. Мечъяра и провести в парламент истинно демократические партии, которые сформировали правительство. В 2000 г. в Югославии неправительственные организации – студенческая группа «Отпор», группа экономистов «Г 17» и др., помешав властям фальсифицировать избирательный процесс, внесли решающий вклад в свержение режима С. Милошевича. В Хорватии организации в январе-феврале того же года демократических парламентских и президентских выборов также способствовали неправительственные организации, что позволило обновить политическую элиту. В Сербии такие организации постоянно оказывают политическое давление на правительство, защищают гражданские права и свободы и т.д.

Ввиду перехода к рыночной экономике и сужения в регионе социальной функции государства в первой половине 90-х гг. значительная часть неправительственных организаций, церкви и религиозные организации взяли на себя услуги населению в этой области: оказание благотворительной и гуманитарной помощи, смягчение последствий новых социальных проблем – бедности, безработицы, отсутствия жилья, наркомании и др. Их силами решаются многие проблемы образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты. В Польше детьми и молодежью, больными и инвалидами, пожилыми людьми, находящимися в тяжелой жизненной ситуации, бездомными и нищими, алкоголиками, матерями-одиночками, безработными, наркоманами, беженцами занимаются около трети структур гражданского общества, в Венгрии – 25%, в Румынии – 19%³⁵⁰.

Особого внимания заслуживает преобразование профессионального движения, степень сохранения функции защиты им интересов трудящихся. Профсоюзы, ранее выполнявшие ряд важных профессиональных, экономических, социальных и культурных функций, теперь, став в той или иной мере независимыми от органов государства и политических партий, все более выступая как составляющая «третьего сектора», сократили свой членский состав в 2-4 раза и потеряли многие позиции, особенно на средних и мелких частных предприятиях, где их теперь или вовсе нет (например, в Венгрии) или в них состоят считанные проценты или доли процента трудящихся. Структура раздробившегося на десятки, сотни и тысячи независимых образований профсоюзного движения усложнилась. Сохранившие довольно значительную численность, преобразованные прежние профсоюзы охватывают преимущественно крупные предприятия и продолжают по мере возможности решать те же, хотя и весьма усеченные задачи. Образовалось несколько крупных независимых профцентров, но в целом профсоюзное движение не набрало силы, необходимые для эффективной защиты интересов трудящихся в трудный период трансформации. Созданные в рамках сети структур гражданского общества организации предпринимателей в основном представляют малый и средний бизнес и стараются отстаивать его нужды.

Гражданское общество утверждается и довольно эффективно функционирует при помощи независимых и плюралистиче-

ских медийных средств, для чего изначально были созданы правовые гарантии. Конституции и законы о СМИ гарантируют свободу слова и печати, доступ к информации, запрещают цензуру и отменяют запрет на критику представителей власти. Большинство СМИ, особенно в странах Центрально-Восточной Европы, независимы от государства и находятся в частных руках, а среди частных телеканалов и радиостанций есть альтернативные по отношению к государственным.

Одним из существенных самоорганизующихся сегментов гражданского общества, основательно занятым решением социальных задач, просвещением и воспитанием населения, стали церкви и вероисповедные союзы. Периодически возобновлявшиеся в предшествующие десятилетия кризисы открыли для них широкое поле деятельности: в ситуации прогрессирующего паралича государственной власти и деформации политической системы религиозные организации заполняли освободившуюся социальную нишу помощи миру труда, защищали интересы масс, страдавших от многообразных проявлений социально-экономического и политического кризиса, от злоупотреблений административного аппарата, от многочисленных нарушений гражданских прав и т.д.

В большинстве стран региона по мере развития и укрепления дробных структур гражданского общества они стали объединяться в сети взаимодействия, коалиции, форумы, платформы действий – формальные и неформальные, отраслевые и региональные, что увеличило эффективность их деятельности. Оптимальный результат на современном этапе дало оформление горизонтальных сетевых структур в Венгрии. На базе 23-х самостоятельных объединений гражданского общества возник Общественный совет по согласованию интересов, насчитывающий более ста филиалов и представительств. В середине 90-х гг. возникла сеть объединений – безработных, квартирноремонтников, нуждающихся в медицинской помощи, людей пожилого возраста. В их числе – Всевенгерское представительство пенсионеров (переговорщик с правительством и органами местного самоуправления), Венгерское объединение многодетных семей, Лига защиты прав граждан. Организационные структуры объединений насчитывали уже в 90-е гг. около трех миллионов человек.

В Болгарии в сети объединены ассоциации в области содействия демократии, экономического развития, социальной помощи, окружающей среды и культуры. Создан Союз болгарских фондов. В Польше существуют сотни отраслевых федераций и союзов. В начале 2003 г. создана Всепольская федерация НПО. Словацкая Коллегия «третьего сектора», сформированная в 1994 г. на выборной основе из лидеров ряда НПО, стала действовать и на региональном уровне, создав сеть из семи региональных структур. В 2001 г. образован Центр НПО Словении для сотрудничества с правительством в области улучшения условий их деятельности.

Взаимодействие органов государства и гражданского общества постепенно налаживается. В национальных форумах структур гражданского общества периодически участвуют государственные должностные лица. В Венгрии таким форумом является основанный в 1993 г. гражданский парламент, который является партнером венгерского парламента, так как осуществляет лоббирование интересов самых широких слоев населения при принятии законодательных актов. В Румынии с 1994 г. существует ежегодный форум НПО страны. В Польше с 1996 г. раз в три года собирается Форум неправительственных инициатив, в рамках которого проводятся семинары активистов однопрофильных структур. С конца XX в. аналогичные форумы возникают и в республиках бывшей Югославии.

Достигнутые успехи функционирования НПО в регионе связаны прежде всего с финансовыми вливаниями западных правительств (прежде всего США), а также частных фондов и международных гражданских организаций. В начале из-за границы финансировались в основном правозащитные группы. С середины 90-х гг. денежные средства стали направляться самым различным структурам, в том числе центрам подготовки и развития НПО³⁵¹. Именно благодаря всесторонней помощи Запада Словакия была превращена в эталон НПО в регионе.

В республиках бывшей СФРЮ, в Албании, Болгарии, Словакии и Румынии высокая зависимость НПО от иностранной помощи сохраняется. В Албании, Боснии и Герцеговине, Косово и Македонии они, в подавляющем большинстве созданные международным сообществом, существуют прежде всего благодаря финансовой и технической поддержке извне. Даже в Хорватии,

Сербии и Черногории они не скоро освободятся от зависимости от западных доноров.

В Центрально-Восточной Европе (Венгрии, Польше и Чехии) НПО развиваются в основном при поддержке граждан собственной страны, национального государства и бизнеса. По мере развития частного сектора и увеличения государственного бюджета и национальные источники финансирования НПО умножились. В Чехии в последние годы западная помощь сократилась на 25%, в Венгрии и Польше иностранная поддержка не превышала 10% и 5,7% соответственно. В настоящее время основные источники финансирования в этом субрегионе – это прежде всего субсидии правительства и местных властей, а уже затем зарубежные программы помощи, пожертвования физических и юридических лиц, граждан и бизнеса, гранты от других организаций, членские взносы, публичный сбор денег, собственная коммерческая деятельность, банковские проценты.

Сравнение субсидирования третьего сектора в регионе и в ряде других стран Европы показывает следующее: на максимальном уровне оно осуществлялось в начале нового века в Ирландии и Бельгии, составляя соответственно 77,2% и 76,8%, оптимальным являлось в Германии, Нидерландах, Франции, Австрии (64,3%, 59%, 57,8%, 50%) и – несколько ниже – в Финляндии и Испании (36,2% и 32%). В ЦВЮВЕ до этого уровня подтянулись только Румыния (45%) и Чехия, где НПО получали 39,4% своего финансирования от государства. Чехия – единственная страна, где существует централизованная система финансирования НПО за счет средств, полученных от массовой приватизации, а также за счет государственных субсидий. 1% поступлений от приватизации распределяется по семи сферам общественной активности (культура, экология и т.д.), в каждой из которых есть по три фонда, финансирующих третий сектор.

В Польше в 2001 г. 19,6% доходов ассоциаций и фондов составили средства от органов местного самоуправления и 13,5% от правительственных структур (в сумме 33,1%). В Венгрии в 2000 г. правительство компенсировало 28,4% израсходованных ими средств. Самая низкая поддержка со стороны «публичного сектора» в ЦВЕ имела место в финансируемых Западом НПО Словакии – 21,9%³⁵².

Со вступлением в мае 2004 г. в Европейский союз НПО региона получают финансовую помощь преимущественно от ЕС – в основном для нужд экономического развития и с оплатой 50% стоимости проектов, то есть при условии, что местные структуры гражданского общества другую половину средств внесут сами.

Законодательство предусматривает льготы для жертвователей в пользу структур гражданского общества. В Болгарии бизнес и граждане могут жертвовать на деятельность организаций общественной пользы 10% налогооблагаемых доходов, а дарения иностранных спонсоров освобождаются от НДС. Польское право разрешает фирмам и физическим лицам жертвовать 10-15% своего налогооблагаемого дохода на деятельность НПО. В Румынии представителям мира бизнеса разрешены пожертвования в размере 5%, в Словакии – 2%, в Чехии – 5%, а физическим лицам – 10% налогооблагаемого дохода. В 1997 г. Венгрия первой в регионе приняла законодательство, разрешающее физическим лицам жертвовать 1% своего подоходного налога организациям общественной пользы. На рубеже XXI в. практику «однопроцентного налога» взяло на вооружение большинство стран региона. В Польше в 2001 г. пожертвования компаний и физических лиц составили в структуре финансов некоммерческих организаций 16,5%. Спонсорские деньги от бизнеса в Болгарии получают 23% таких организаций³⁵³.

В большинстве стран региона НПО могут осуществлять хозяйственную деятельность, при этом в ряде случаев вообще не платя налогов или платя меньше, чем коммерческие структуры, если весь доход предназначается на уставные цели. Но они, как правило, не располагают капиталом и не могут получить кредит, что в большинстве случаев лишает их возможности развернуть такую деятельность. В основной части стран неправительственный сектор имеет ряд других льгот при налогообложении. В некоторых случаях гранты, субсидии, пожертвования и другие формы поддержки, получаемые от государства, региональной и муниципальной администрации, а также гранты от зарубежных спонсоров вообще освобождаются от него. В Венгрии и Словакии НПО освобождены от уплаты налога на дары и пожертвования, в Румынии – от уплаты таможенных пошлин и НДС. В Чехии не облагаются налогом доходы на текущих счетах, а доходы

от лотерей освобождаются от налогообложения, если по крайней мере 90% идут на уставные цели.

Самыми большими налоговыми льготами пользуются организации общественной пользы. Например, в Польше они освобождены от подоходного налога, которые платят юридические лица, налога на недвижимость, налога по гражданско-правовым делам, от гербового и судебного сбора. Государственное радио и телевидение информируют о деятельности таких организаций бесплатно. Однако организации с таким статусом должны представлять ежегодные финансовые отчеты. В Косове после предоставления ежегодного финансового отчета организации общественной пользы могут получить освобождение от таможенных сборов, акциза и налога с продаж на импортные товары. В Болгарии имущество, которое жертвуется таким структурам иностранными спонсорами, освобождается от НДС.

В финансовых отчетах редко фигурирует такая статья, как членские взносы, поскольку большинство организаций не в состоянии собирать их на регулярной основе и зависят от поддержки волонтеров. Лучше обстоят дела только у филиалов западных и национальных фондов, созданных на западные деньги или на средства государства.

Вначале не располагая ни достаточно сильной инфраструктурой, ни практическим умением вести дела профессионально, устанавливать отношения с широкой общественностью, эффективно распоряжаться средствами, неправительственный сектор ЦВЕ в первые годы нового века уверенно эволюционирует от аморфных образований, опиравшихся на харизму учредителя (или учредителей), не имевших правления и даже штатного персонала, в направлении институционализации структур с выработкой новых механизмов управления и поддержки организаций, с планированием деятельности.

Все шире привлекаются волонтеры (добровольцы), которые не являются членами организаций, – учащиеся, студенты, пенсионеры, матери, воспитывающие детей, безработные... Структуры гражданского общества ищут их через объявления в прессе, по радио и телевидению, в интернете, при помощи листовок и плакатов. Добровольцы занимаются организацией различных мероприятий, встреч или кампаний, канцелярской работой, сбо-

ром денег, работают с подопечными или клиентами организации, являются экспертами, руководят проектами и т.д. Обязанности и время их работы жестко не регламентируются, договоры не оформляются.

Чехия (где 5% граждан являются волонтерами на регулярной основе) с 2001 г. и Польша (где добровольцами работают более 11% граждан) с 2003 г. начали правовое регулирование статуса добровольцев: по польскому законодательству им теперь могут возвращать стоимость транспортных расходов, оплачивать командировочные, стоимость обучения на курсах, страховать на случай временной нетрудоспособности и т.д. Проводится регулярное обучение добровольцев³⁵⁴.

Во всем регионе функционируют центры поддержки НПО, информационные центры некоммерческого сектора. Даже в Косове в 2002 г. усилиями международного сообщества была создана Академия гражданского общества для обучения персонала неправительственных организаций. За последние годы профессиональный уровень их штатного персонала в регионе весьма вырос, существенно улучшилась инфраструктура. В странах Центрально-Восточной Европы городские организации, а в странах Юго-Восточной Европы организации из крупных городов уже хорошо оснащены техническим оборудованием, имеют компьютеры, офисное оборудование, доступ к Интернету и телефону, факс, а некоторые – адрес электронной почты.

Неправительственный сектор, наладив деятельность своих институтов и создав общенациональные структуры, в последнее время с ростом своей активности начинает в ряде стран понемногу расширять влияние и позиции в обществе. Этому способствует гуманитарная и благотворительная работа, борьба за справедливость, распространение и поддержка демократических ценностей, выдвижение тех или иных гражданских инициатив, лоббирование интересов отдельных граждан и их групп в государственных структурах и на уровне местных властей, способность мобилизовать граждан на отстаивание общественных интересов. Как вытекает из опыта стран региона, формами деятельности организаций третьего сектора все шире становятся: оказание услуг членам, подопечным или клиентам организаций; сотрудничество с другими организациями или институтами

внутри страны (совместные акции, встречи, обмен опытом и др.); влияние на широко понимаемое общественное мнение для поддержки деятельности организации, проведение общественных кампаний; представительство и защита интересов членов, подопечных и клиентов организации; организация дебатов, семинаров и конференций на темы, важные для общества и организаций; участие в дебатах с публичной администрацией разных уровней, организация или участие в консультациях, кампаниях, протестах, сборе петиций и пр.; международное сотрудничество с институтами или организациями похожего профиля; издание газет, журналов, бюллетеней, экспертиз и т.д.; финансовая и материальная поддержка индивидов; поддержка других неправительственных организаций и гражданских инициатив путем предоставления им информации, консультирования, обучения и др.; лоббирование; научные исследования, сбор и переработка данных и т.д. В ряде стран существуют независимые исследовательские институты и центры, финансируемые фондами, компаниями, банками, международными структурами и др. Практика показывает, что более всего росту авторитета организаций третьего сектора способствуют общенациональные и региональные кампании, выдвижение крупных гражданских инициатив.

С укреплением гражданского сектора, созданием его общенационального представительства создаются условия для налаживания стабильных отношений с государством и местным самоуправлением. Это одна из важнейших проблем. Согласно политической теории, гражданское общество должно быть противовесом для политиков и бюрократии, вынуждать представителей власти уважать общественную волю, оказывая все возможное влияние на государство, его политику, законодательство, на государственные органы. Прочные связи с ними необходимы для эффективного функционирования и самих институтов гражданского общества, нуждающихся в государственной поддержке. Однако их взаимодействие и сотрудничество были и в известной мере остаются сложной проблемой. Одна из главных причин – традиционное отчуждение населения от «партии-государства», распространяемое и на новое государство, в ряде стран не позволяющее совместить партийно-политическую систему с гражданским обществом, считать профсоюзы – вчераш-

ние «приводные ремни» прежнего режима – свободными, добровольными гражданскими организациями. Сохраняющиеся дистанция, недоверие и к современным институтам этого ряда мешают расширению состава третьего сектора, изолируют его от части населения.

Наследство 1968 г. законсервировало такую ситуацию в Чехии. В Венгрии часть НПО, будучи связана с политическими партиями, оказалась чрезмерно политизированной. Поэтому при победе на парламентских выборах поочередно правых и левых партий и смене политической ориентации власти в расчет правительствами принимался не весь третий сектор, а лишь его организации, связанные с конкретными партиями. В Словакии, Румынии, Хорватии и Югославии часть организаций третьего сектора была тесно связана с демократической оппозицией. Парламентские и президентские выборы последних лет помогли установить партнерство между неправительственным сектором и органами власти. Сейчас политическая элита региона более отчетливо осознает, что без механизмов сотрудничества государства и общества современное государство эффективно функционировать не может. Принципы, формы и методы сотрудничества между государственными, самоуправленческими органами и третьим сектором постепенно вырабатываются и совершенствуются. Замедленность этого процесса связана с тем, что если на центральном уровне давление третьего сектора весьма ощутимо, то при все еще невысокой политизации общества развитие местного самоуправления оттягивает и даже вымывает активистов из организаций гражданского общества. Это создает опасность превращения таких организаций в исполнителей государственного заказа на определенные услуги вместо определения потребностей снизу, ведет к новой этатизации, огосударствлению неправительственного сектора. Для преодоления этой опасности нужны политическая воля и дальнейшее правовое регулирование полноправного участия организаций гражданского общества в решении назревших общественных проблем. Оптимальным методом должно быть установление партнерских отношений этих организаций с государственными структурами, а не выполнение ими чисто декоративных функций в качестве верноподданных государства.

Как уже отмечалось выше, в ряде стран уже возникло общенациональное представительство третьего сектора, которое и становится партнером в отношениях с парламентом и правительством. В Венгрии и Чехии, где антагонизация отношений между государством и обществом на старте трансформации была весьма глубока, такие структуры отсутствуют, что препятствует оптимальному согласованию интересов третьего сектора на уровне правительств. В Словакии же Коллегия третьего сектора имеет хорошие рабочие отношения с центральным правительством и органами местного самоуправления, со сферой бизнеса и международными организациями. В связи с сокращением зарубежной финансовой помощи она подготовила новые правовые рамки для фондов, добилась от правительства передачи части доходов от приватизации. Здесь, как и в Хорватии, существует сильное взаимопроникновение власти и НПО. После победы демократических сил на парламентских выборах ряд деятелей этих организаций перешли на работу в государственный аппарат, а высокопоставленные представители исполнительной власти в свою очередь входят в состав правлений многих организаций.

В последние годы во многих странах НПО участвовали в подготовке и обсуждении законодательных актов, касающихся третьего сектора. Общественная экспертиза вновь возвращается в сферу государственной политики. Структуры гражданского общества все больше вовлекаются в выработку законодательных и политических решений, в подготовку социальных реформ, играя в этой области хотя и вспомогательную, но важную роль.

Одна из наиболее значимых для правильного, оптимального функционирования в ЦВЮВЕ гражданского общества проблем – это проблема взаимодействия НПО и оформляющегося на разных уровнях в рамках демократизации политической системы местного самоуправления, методом делегирования полномочий из центра на места для решения общественных вопросов местного значения. В начале 90-х гг. в странах Центрально-Восточной Европы, а также в Болгарии и Румынии оно было введено на основе законов о местных органах власти или о местном самоуправлении на уровне муниципалитетов, общин, а затем распространилось в ряде государств и на районный, областной и региональный уровни. Сразу возникла решаемая с тру-

дом задача налаживания его взаимоотношений с НПО, которые в большинстве случаев с нескрываемым отчуждением относятся к любым органам власти и не готовы идти на диалог с ними, хотя законодательство это предусматривает. Неправительственный сектор как правило не имеет структур для организации необходимых контактов. Концептуально не проработаны основы взаимодействия для выработки региональной политики и ее реализации, хотя еще Аристотель считал оптимальным не пересечение, а взаимное наложение друг на друга деятельности органов власти и гражданского общества, с применением в гражданском обществе элементов принципа субсидиарности (оставления в компетенции инстанций более низкого уровня всего того, что они в состоянии делать самостоятельно) и передачи наверх только всего остального³⁵⁵. Если такая инициатива возникает, то преимущественно на уровне областей (не ниже), где еще не успела сформироваться ни политическая воля, ни культура партнерства и сотрудничества. При этом часто обнаруживаются нежелание местных властей делиться прерогативами с НПО, стремление распределять финансовые средства непрозрачным образом, согласно патерналистски-распределительной модели, без обязывающих правил и общественного контроля.

Узкая местная элита, руководствуясь интересами партийного эгоизма, стремится поддерживать только близкие к ней организации и втянуть в свои кланы их лидеров. На этом фоне по инерции усиливается этагизация НПО, препятствующая развитию гражданских инициатив. Клишируются прежние стереотипы, например, от 1/4 до 3/4 средств традиционно выделяется на спорт, в сфере особых предпочтений оказываются туризм и отдых, в той или иной мере – культура и социальная помощь, в ущерб просвещению и здравоохранению, а тем более охране окружающей среды или развитию региона. Положительным следует считать опыт выделения структурами местного самоуправления уполномоченных для контактов с НПО, которые устанавливают наличие таких организаций, способствуют их интеграции, уточнению намерений, оптимизации условий деятельности.

Местное самоуправление часто оказывается перед фактом нехватки средств для реализации планов, охватывающих бескрайние местные нужды, в том числе для поддержки организа-

ций гражданского общества, что записано в законодательных актах нескольких стран. Определенный выход дает вовлечение этих организаций в работу местного самоуправления. Например, в Венгрии закон о местном самоуправлении 1990 г. предусматривает их участие в ежегодно проводимых общественных слушаниях. Представители заинтересованных НПО имеют право вносить предложения, голосовать. В других странах они могут участвовать в собраниях, организуемых муниципальным органом для обсуждения актуальных вопросов, вносить предложения и т.д. В Польше закон о местном самоуправлении повятов (районов) от 5 июня 1998 г. предписывает его органам сотрудничество с НПО.

Исследование соотношения органов местного самоуправления и институтов гражданского общества показывает, что последние сторонятся официальных структур, не стремятся оформлять взаимоотношения с ними, а те, в свою очередь, даже если и готовы передать часть социальных обязанностей гражданскому обществу, традиционно выбирают для этого не путь диалога, но бюрократические методы. Например, распределение средств происходит бесконтрольно, без обсуждения с представителями гражданского общества, при отсутствии прозрачности и установленных правил – по старой патерналистско-распределительной системе. Не учитывается необходимость инвестирования в инфраструктуры неправительственных организаций, игнорируется практика конкурсов и т.п. Решения часто принимаются в результате чисто чиновничьего творчества, на основе опыта прежней системы. Это нередко вынуждает представителей гражданских организаций тяготеть к политической сфере принятия решений, переходить в самоуправленческую (партийно-представительскую) администрацию³⁵⁶.

Выявлены основные, типичные симптомы патологии во взаимоотношении первого и третьего секторов. Постоянно дает о себе знать этатистская ментальность органов власти. Общество же старается получить назад сферы общественной жизни, приватизированные государством в предшествующий период. Пока отсутствует должная культура партнерства и сотрудничества с третьим сектором, необходимая для налаживания полнокровных демократических взаимоотношений, в том числе на высоком уровне выработки

соответствующего законодательства. Записанный в конституциях принцип субсидиарности нередко на практике распространяется только на самоуправление³⁵⁷. Стимулом преодоления перечисленных болезненных проявлений наследственной хронике прежнего командно-административного режима и адаптации к общеевропейскому праву являются, в частности, касающиеся содействия развитию и укреплению гражданского общества требования Евросоюза, куда уже вступили семь стран ЦВЮВЕ.

Гражданское общество с приобретением организационно-политического опыта начинает все больше влиять на власть, осуществлять партнерские функции во взаимоотношениях с ней. Оно вынуждает ее прислушиваться к своим институтам, видеть в них экспертов и инструмент поддержания связей с населением, привлекать их к решению разнообразных проблем как своеобразных элементов системы сдержек и противовесов в сфере функционирования демократии.

При создании финансовых основ деятельности НПО важную роль играют поступления средств из бюджета. В Болгарии и Румынии законами разрешается «однопроцентный налог» – физические лица могут жертвовать по своему усмотрению 1% подоходного налога организациям общественной пользы. Уже сейчас финансирование этого региона европейскими фондами предполагает мобилизацию средств и общественной активности на местах, что гарантирует дальнейшее развитие и рост эффективности третьего сектора, открывает для него более широкие возможности. В Юго-Восточной Европе гражданское общество, получая мощные финансовые и материальные инъекции Запада и используя предлагаемый им практический опыт, также понемногу пускает корни в весьма неблагоприятную, искореженную войной социальную почву. Лишенное же искусственной подпитки, оно нередко вновь теряет жизненные соки. Рост активности сменяется спадом. Какие результаты в таких условиях принесет исторический эксперимент – форсированная демократизация Балкан – покажет будущее.

За истекшие два десятилетия в ЦВЮВЕ определились шансы, темпы и барьеры перемен в области строительства институтов гражданского общества, характер, условия, первые итоги и перспективы их развития. Они уже создали разветвленную сеть, хотя

пока эта сеть носит в немалой степени формальный, а точнее потенциальный характер. Неправительственные и некоммерческие организации располагают как правило лишь минимальным штатом. Однако ясно, что многие коренные проблемы не могут быть решены без использования потенциала гражданского общества.

Традиционно признающие левые ценности партии, вынужденные по ходу движения политического маятника приходить к власти и осуществлять политику системной трансформации, систематически смещаются вправо, чаще всего останавливаясь в центре. В силу этого они проводят социал-либеральную политику. При этом происходят выхолащивание базовых ценностей социальной политики – социального равенства и социальной справедливости, нравственности и морали, социальной солидарности и ответственности, подмена их либеральными ценностями, прежде всего индивидуализмом. Партийные каналы артикулирования интересов самоопределяющихся относительно множества своих интересов социальных групп малоэффективны. Эти минусы и потери в известной мере компенсируются самоорганизацией, взаимной поддержкой и благотворительностью в рамках крепнущих институтов гражданского общества, ориентированных на «всеобщее благо» и оптимизацию общественного развития. Сеть добровольных низовых общественных организаций более гибка и оперативна, чем неконсолидированные партии. При поддержке массы рядовых членов она легче устанавливает контакты и достигает консенсуса, обеспечивает оптимальные решения.

Именно становление гражданского общества расширило опору для процессов системной трансформации, ускорило проведение социальных преобразований и превращение глобализации в направленный на всеобщее благо способ решения разнородных проблем, перед которыми стоит человечество. В их числе – создание условий для всестороннего роста, устранение барьеров социального развития для бедных, повышение безопасности путем предупреждения внутренних конфликтов и материальной поддержки в кризисных ситуациях.

Членство в Евросоюзе помогает странам ЦВЮВЕ отвечать на вызов глобализации, совершенствуя экономическую и социальную политику, оптимизируя решение проблем социального обеспечения и других социальных проблем.

Глава 4. **СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ**

Становление демократического правового государства и закладывание правовых основ политической системы

На рубеже 80-90-х гг. XX в. одним из наиболее глубоких системных преобразований политической жизни ЦВЮВЕ стала, как справедливо констатировал А.П. Бутенко, демократическая трансформация региона³⁵⁸. В условиях глобализации в этих странах развернулась трансформация политической сферы в глобальных, а не только национально-государственных масштабах. Началось интенсивное «переформатирование» демократии, что кардинально изменило характер политической системы в направлении демократического развития политического сообщества граждан. Теоретически разрабатывающий эту проблематику известный российский политолог Г.И. Мусихин исходит из того, что глобализация не создает дополитического единства и не легитимизирует государство. Она исполняет функцию обеспечения существования и трансформации политического сообщества: «путь от национального государства к космополитической демократии лежит через глобализацию» При свойственном глобализации движении «через рубежи» она по-новому ставит проблему легитимности самой демократии, соединяет воедино разные демократические системы с их внутренними противоречиями, поскольку, как пишет автор, «современное политическое сообщество не сможет выжить без демократического решения проблемы глобализации»³⁵⁹.

Подлинно демократическое государство, в свою очередь, невозможно без создания международно-правовых основ политической системы. Это была одна из первоочередных задач перестройки политической сферы стран региона. Правда, при закладывании основных институтов демократического правового государства, смене избирательных циклов и направления дви-

жения политических маятников оба субрегиона, да и отдельные страны двигались на разных скоростях. Страны Центрально-Восточной Европы продвинулись в этом направлении больше и дальше, чем большинство государств Юго-Восточной Европы, хотя преувеличением было бы утверждение, что они уже создали развитое демократическое правовое государство.

Прежде всего проводилась замена модели «партии-государства» известной для этой части Европы с довоенных времен моделью плюралистической парламентской демократии. Происходили интенсивная ломка сегментов недемократического государственного аппарата и устранение более или менее значительной части административных кадров, потеря тех или иных функций управления, типичных для командно-административной системы. Принятые в начале 90-х гг. конституции (в Венгрии – 24 августа 1990 г., в Хорватии – 22 декабря 1990 г., в Болгарии – 12 июля 1991 г., в Румынии – 21 ноября 1991 г., в Словении – 23 декабря 1991 г., в Словакии – 1 сентября 1992 г., в Чехии – 16 декабря 1992 г., в Польше – так называемая «Малая Конституция» 23 октября 1992 г., а затем Конституция 2 апреля 1997 г., «Основы конституционного урегулирования» (1996 г.) к Конституции Албании от 28 декабря 1976 г. и т.д.) были направлены на отделение государства от монополично правившей партии (в некоторых странах ее придатками были «союзнические» партии), на утверждение многопартийной парламентской системы.

Порядок образования и деятельности политических партий с начала переходного периода в регионе определяется на основе законов об общественных организациях, а затем законов о партиях и регистрации их судом или соответствующим государственным органом. Новый правовой статус политических партий как правило регулировали конституции. В них были включены принципиально иные, имеющие антитоталитарный характер нормы, отделяющие партии от системы государственных органов и не допускающие монополии власти какой-либо из партий как противоречащей равенству этих партий перед законом и подрывающей принцип политического плюрализма.

В Конституции Венгрии было записано, что партии не выполняют властных функций и не могут руководить никаким го-

сударственным органом (статья 3, пункт 3), а деятельность общественной организации, государственного органа или граждан не может быть нацелена на завоевание и осуществление власти путем насилия или на основе «исключительной гегемонии» (статья 2, пункт 3). Эти записи Конституции, «отделяющие партии от государства», были положены в основу закона № II от 1989 г. об общественных объединениях, юридически регулирующего статус и деятельность политических партий. Конституция Словакии указывает, что политические партии и политические движения «отделены от государства» (статья 29, пункт 4).

В Основном законе Чехии нет такой нормы, но она содержится в законе о партиях, согласно которому партии и движения отделены от государства, не могут выполнять функции государственных органов или подменять их, а также руководить государственными органами (статья 5, пункт 1). Согласно Конституции Болгарии, никакая часть народа, политическая партия или иная организация, государственный институт или личность не могут присвоить себе верховенство в стране (статья 1, пункт 2), «никакая политическая партия или идеология не может быть объявлена или признана государственной» (статья 11, пункт 2). Аналогичным образом румынская Конституция запрещает группе лиц или отдельному лицу присваивать принцип суверенности народа (статья 2, пункт 3).

В законодательстве стран региона в разных редакциях присутствует запрещение соединять членство в партии с выполнением определенных функций и занятием государственных постов. Так, в Венгрии это касается судей и прокуроров (за исключением членов Конституционного трибунала при исполнении заданий, вытекающих из его компетенций), государственных чиновников (кроме категории «А»), которые не могут быть членами партии, выступать от ее имени или в ее интересах, а также профессиональных военных. В болгарской Конституции принцип беспартийности прописан для конституционных судей, а в законе о партиях – и для всех других судей, следователей и прокуроров, работников министерств иностранных и внутренних дел, профессиональных военных. Конституция Словении запрещает принадлежность к партии профессиональных военных и полицейских. Польский закон о партиях предписывает госу-

дарственным служащим соблюдение принципов беспартийности, приостановления членства в партии, прекращения деятельности в ней, аполитичности.

Обязывает запрет создания партийных структур в государственных органах, институтах и организациях. Болгарский закон о партиях запрещает существование партийных организаций в государственной администрации, на государственных предприятиях и в других институтах. В конституциях и законах записан территориальный, а не производственный принцип создания и функционирования политических партий (см. статью 6, пункт 2 Конституции Хорватии, статью 5, пункт 4 чешского закона № 424 и др.). В ряде правовых документов присутствует запрет создавать партийные военизированные формирования.

Правовая институционализация партий была законодательно расписана по целому ряду важнейших параметров. Регламентировались функции партий. Так, в Болгарии партиям конституционно предписывается участие в формировании и выражении политической воли граждан, реализация и защита их интересов. Сформулированы политические цели, которые имеют право реализовать в политической деятельности только политические партии (статья 11, пункт 1, 2). В Конституции Чехии зафиксирована роль партий в создании партийно-политической системы, которая основывается на свободном и добровольном возникновении, на свободной конкуренции политических партий, уважающих основные демократические принципы и отвергающих насилие как средство реализации своих интересов (статья 5). В словацкой Конституции законодательное урегулирование всех политических прав и свобод и их применение призваны делать возможной и защищать «свободную конкуренцию политических сил в демократическом обществе» (статья 31). Венгерская Конституция считает прерогативой политических партий «соучастие в формировании и выражении воли народа» (статья 3, пункт 2), а закон о партиях от октября 1989 г. определяет их роль в деле обеспечения организационных рамок участия граждан в политической жизни, поддержки демократическим образом сформулированных представлений и проявлений различных общественных ценностей и интересов. На профсоюзы и другие общественные организации, которые защищают и представляют

интересы трудящихся, членов кооперативов и сотрудников предприятий эта формула не распространяется. Так же функции партий определены в Конституции Румынии, где они состоят в помощи формированию и выражению воли граждан при условии уважения национального суверенитета, территориальной интеграции, правового порядка и принципов демократии (статья 8, пункт 2).

Конституция Венгрии, в большей мере опираясь в этом разделе на немецкое конституционное право, акцентирует не только проблему прав и свобод граждан, но и роль партии как института «создания политической воли», воздействия граждан на политическую жизнь³⁶⁰.

Порядок образования и деятельности политических партий в регионе с начального этапа переходного периода определяется не какими-либо административными решениями, но сугубо нормативно, на основе соответствия праву и регистрации судом или соответствующим государственным органом. Болгарские право оговаривает легальность основания и деятельности партии, венгерское, исходя из принципа независимости партии от государства, гарантирует право участвовать в работе партии, избирать и быть избранным, но не вмешивается в вопросы устава, прав и обязанностей членов партии. Это обеспечивает внутреннюю свободу организации партий. В болгарской Конституции существует запрет на создание политических партий по этническому, расовому или конфессиональному принципу (статья 13, пункт 3), а работа партий должна проводиться исключительно на болгарском языке. Этому трудно найти объяснение с демократических позиций. Правда, аргументация Конституционного суда в защиту этих положений указывает на несоответствие существования таких образований Конституции, поскольку они суть «общества в особых, ограниченных рамках и выражают только его интересы». Эта норма трактуется как предотвращение нарушения прав национальных меньшинств, их изоляции в обществе и оппозиционности по отношению к болгарам³⁶¹.

Венгерские партии обязывает лишь принятие устава собранием членов-основателей. Регистрация в суде и получение юридического лица не обязательны. В Болгарии, где партию основывают не менее 50-ти имеющих избирательные права граждан,

наоборот, необходимы принятие названия, детально проработанных устава и программы, определение источников финансирования и порядка роспуска партии, а также выборы руководящих органов. Каждую партию регистрирует городской суд в Софии. Вместе с официальным сообщением об этом партия получает права юридического лица.

В Чехии и Словакии, где политизация общества значительно выше и для оформления партий и политических движений заявление должно быть подписано не менее 100 гражданами, в обеих странах действует регистрация на основе и временного закона 1990 г., и закона от 2 октября 1991 г., новелизованного после разделения этих стран 1 января 1993 г. Она осуществляется решением соответствующего министра.

Внутренняя структура партий, права и обязанности их членов во всех странах региона не определяются в конституционном порядке и в большинстве случаев лишь минимально отражены в законах о партиях, отсылающих по этим вопросам к тексту партийных уставов. Однако в законах зафиксировано требование соблюдать правопорядок. Организуется соответствующий надзор судов за выполнением норм конституций и законов с правом приостановки деятельности или запрещения партий. Это регулируется юридическими процедурами, а не административными решениями, не исполнительной властью. В Польше, Словении, Румынии и Хорватии надзором за деятельностью партий занимаются Конституционные суды, в Венгрии, частично в Польше и в Чехии – обычные суды. Правда, механизмы применения правовых норм далеко не всегда достаточно эффективны.

В Чехии запрещено существование партий и движений, которые не имеют демократических уставов и соответственно сформированных органов или нарушают нормы Конституции и законов: стремятся к завоеванию власти неконституционными методами, нарушают принцип равноправия граждан, их программа или деятельность несет в себе угрозу публичному порядку, правам и свободам граждан, общественной морали. В Венгрии суд в случае нарушения закона может по представлению прокурора аннулировать противоречащее закону решение партии, потребовать изменить редакцию данного решения, со-

звать высший орган партии, установить постоянный надзор над ней. Если партия стремится силой захватить власть, суд правомочен принять решение об ее роспуске. В компетенцию Хорватского Конституционного суда, которому принадлежит право запрета партий, входит проверка соответствия деятельности партий Конституции и принятие такого решения в случае угрозы демократическому конституционному порядку, независимости, единству и территориальной целостности республики. При этом обращение такого рода – прерогатива ряда высоких инстанций: Президента, палат парламента, правительства, Верховного суда, регистрирующих партии органов, прокурора и уполномоченного по правам человека. Таким образом, защита правопорядка базируется на противодействии деятельности, нацеленной на нарушение этого правопорядка, территориальной целостности государства, на применение или пропаганду насилия, а также на профилактике реализации сформулированных партией целей захвата государственной власти.

Преобразование «партии-государства» в качественно новую плюралистическую модель партийно-политической системы была одним из наиболее глубоких демократических преобразований политической жизни региона³⁶². Его страны включались в этот процесс поочередно, в соответствии со степенью готовности и согласно «эффекту лавины», но во всех странах его первоочередными задачами и важнейшими элементами были создание демократических правовых основ новой партийно-политической системы, укоренение подлинно парламентской системы власти, складывание многопартийности, выражающей интересы различных общественно-политических сил³⁶³. Парламентская система в свою очередь способствовала более быстрому формированию многопартийной системы как единого целого, осуществлению ее воздействия на политическую жизнь через законодательную и исполнительную власть. Демонтаж прежнего общественно-политического строя изначально осуществлялся и в обоих субрегионах ЦВЮВЕ, и в каждой из стран этой части европейского континента разными темпами и методами. Различны были готовность к включению в процессы политической трансформации политических сил, как и самих народных масс, и, соответственно, масштабы и глубина изменений политиче-

ских структур и институтов, эффективность методов налаживания их функционирования, имевшего своей целью придание новой политической системе определенной стабильности.

При свойственных ряду стран, прежде всего Юго-Восточной Европы, недоразвитости новых институциональных компонентов власти и преобладании личностных факторов в политическом управлении, то есть живучести наследства авторитарного режима «партии-государства», дробность и многоликость компонентов политического поля усиливалась. Нередко соблюдался лишь «процедурный минимум» демократической системы. Общество самоорганизовывалось, будучи раздраемо разнонаправленными процессами и интересами. По мнению первого болгарского президента Ж. Желева, это угрожало окостенением «посткоммунизма» с постепенной заменой слабой демократии «многопартийной, авторитарной всеобщей дракой», заменой честных выборов политическим манипулированием. Смена общественно-политического устройства в странах ЦВЮ-ВЕ в начале 90-х гг. была ознаменована принятием аналогичных основополагающих правовых актов, обеспечивающих становление партийно-политической системы, хотя пути становления многопартийности как определяющего свойства новой политической системы, юридически обеспечивающей согласование ее новых правовых устоев, по ряду важнейших параметров имели существенное своеобразие. Это наложило отпечаток на новое законодательство и на все формирование демократического правового государства. Однако главным было то, что в переходный период, при свойственной ему нестабильности и необязательности соблюдения вводимых правил и норм, в создаваемые институты правового государства часто вкладывалось недемократическое, неправовое содержание. Нередко успешно функционировали неформальные институты (клиентелизм, коррупция, кланы и клики, важные политические решения принимались вне рамок формальных институтов, с несоблюдением и обход закона). А привнесенные с Запада принципы и процедуры не работали сколько-нибудь эффективно.

Со временем наладились непрочная стабильность, одновременное функционирование формальных и неформальных институтов, а соответствующие социальные группы оказались не за-

интересованы в укреплении демократии и верховенства закона. Некоторые неформальные институты превращались из временных в постоянные.

Поскольку процесс системной трансформации шел сверху, без активного участия широких масс населения, без опоры на них, демократические механизмы работали вяло. Нередко результативнее в использовании политики, государственных структур в своих интересах оказывались представители порожденных рынком эгоистичных групповых интересов. Пресекать злоупотребления, отстаивать принципы демократии и верховенства закона возможно лишь в прозрачном государстве, где обеспечен свободный доступ к информации, где существуют независимые и плюралистические СМИ, граждане могут участвовать в принятии решений, а ход их реализации и результаты могут контролироваться, процедуры – соблюдаться. Именно непрозрачные процедуры могут превратить демократию в фикцию. А в регионе исполнительная власть традиционно склонна к концентрации полномочий в своих руках, к контролю за остальными ветвями власти, к вмешательству в их дела. Злоупотребление властью ограничивают разделение властей, наличие сдержек и противовесов. Между тем, в ЦВЮВЕ отсутствовали механизмы и процедуры, принуждающие к демократии и верховенству закона, к соблюдению права; слабо укоренились новое законодательство, независимая судебная система, развитое гражданское общество. У населения недостаточен уровень правовых и гражданских знаний, правовой и политической культуры.

В конце XX – начале XXI в. в странах Центрально-Восточной Европы правовое государство постепенно начинает обеспечивать верховенство закона, реализацию прав и свобод человека и гражданина, формирование для государственных структур режима правового ограничения, ответственность государства перед гражданином и т.д. В странах Западных Балкан значительные препятствия для верховенства закона создают последствия военных конфликтов, а также коррупция, укоренившаяся в государственном аппарате, судебной системе и полиции. Опыт этих государств свидетельствует о том, что слабое государство не является ни демократическим, ни правовым. Оно представляет собой конгломерат кланов, которые борются между собой.

Демократическое правовое государство все еще находится в ЦВЮВЕ в процессе формирования. Членство стран региона в Евросоюзе создает шанс его дальнейшего укрепления и развития. Укоренившиеся в Западной Европе традиции демократии, верховенства закона и гражданственности, сильных институтов гражданского общества самым непосредственным образом стимулирует качественные перемены в институтах стран региона. Процесс становления правового государства и гражданского общества на местах ускоряется с принятием законодательства ЕС, так как возрастает роль и значение как регионального, так и муниципального уровня управления и самоуправления, их влияние на решение собственных проблем.

Приведем по данным американской организации «Фридом хауз» на начало 2008 г. (за период с января по декабрь 2007 г. включительно) индексы уровня демократии в странах ЦВЮВЕ – по ее основным и суммарному показателям (см. табл. 1).

Страны региона выстроились согласно суммарному индексу демократии так: Словения, Чехия, Венгрия, Словакия, Польша, Болгария, Румыния, Хорватия, Сербия, Черногория, Албания, Македония, Босния (и Герцеговина), Косово. Вступившие в ЕС первыми Словения и страны Вышеградской четверки бесспорно лидируют, в регионе Юго-Восточной Европы впереди, с некоторыми колебаниями, Болгария и Румыния, как и Хорватия среди республик бывшей Югославии. По уровню демократизации государственного управления различия невелики, но Болгария и Хорватия опережают Польшу. Очередность по этому показателю такова: Словения, Венгрия, Словакия, Чехия, Болгария, Хорватия, Польша, Румыния, Сербия, Македония, Черногория, Албания, Босния (и Герцеговина), Косово. По показателю демократизации местного управления очередность такова: Чехия, Словения, Венгрия, Словакия, Польша, Албания, Болгария, Румыния, Черногория, Хорватия, Сербия, Македония, Босния (и Герцеговина), Косово. Польша вновь в рядах авангарда – Вышеградской четверки, Албания оказывается на первом месте среди стран Юго-Восточной Европы, а Черногория, оттеснив Хорватию – среди республик бывшей Югославии. Степень демократизации судебной ветви власти характеризуется такой очередностью: Словения, Венгрия, Чехия, Словакия, Польша, Болгария, Румыния,

Таблица 1. Отдельные показатели и суммарный индекс уровня демократии в странах ЦВЮВЕ за 2007 (2008 г.)

Страна	ИП	ГО	НСМИ	ОДУ	МДУ	НСВ	К	СИД
Албания	4.00	3.00	3.75	4.25	2.75	4.00	5.00	3.82
Болгария	1.75	2.50	3.50	3.00	3.00	2.75	3.50	2.86
Босния	3.00	3.50	4.25	5.00	4.75	4.00	4.25	4.11
Венгрия	1.75	1.50	2.50	2.25	2.25	1.75	3.00	2.14
Косово	4.50	4.00	5.50	5.50	5.50	5.75	5.75	5.21
Македония	3.25	3.25	4.25	4.00	3.75	4.00	4.50	3.86
Польша	2.00	1.25	2.25	3.50	2.25	2.50	3.00	2.39
Румыния	2.75	2.25	3.75	3.75	3.00	4.00	4.00	3.36
Сербия	3.25	2.75	3.75	4.00	3.75	4.50	4.50	3.79
Словакия	1.50	1.50	2.50	2.50	2.25	2.50	3.25	2.29
Словения	1.50	2.00	2.25	2.00	1.50	1.50	2.25	1.86
Хорватия	3.25	2.75	3.75	3.25	3.75	4.25	4.50	3.64
Черногория	3.25	2.75	3.75	4.25	3.25	4.00	5.25	3.79
Чехия	1.75	1.25	2.25	2.75	1.75	2.00	3.25	2.14

Оценки по 7-балльной шкале, где высшая планка – 1, а низшая – 7.

Индекс уровня демократии является средней оценок избирательного процесса (ИП); гражданского общества (ГО); независимых средств массовой информации (НСМИ); общенационального демократического управления (ОДУ); местного демократического управления (МДУ); независимости судебной власти (НСВ); коррупции (К). Суммарный индекс демократии (СИД).

Источник: Nations in Transit 2008. – www.freedomhouse.hu. Rating and Democracy Score Summary.

Албания, Черногория, Македония, Босния (и Герцеговина), Хорватия, Сербия, Косово. Вновь Словения и Вышеградская четверка впереди. И Хорватия, и Сербия уступают малым странам бывшей Югославии. Сводный индекс демократии журнала «Economist» ставит на первое место Чехию, далее следуют Сло-

венция, Венгрия, Словакия, Польша, Болгария, Румыния, Хорватия, Сербия (Косово не выделено), Черногория, Македония, Албания, Босния и Герцеговина. Болгария и Румыния также опережают Хорватию, Македония – Албанию.

Следует обратить внимание и на отмеченную известным политологом Б.И. Макаренко близость показателей политической и экономической трансформации в группе успешно продвигающихся по этому пути стран, а также их расхождение в относительно успешных странах с отставанием развития рынка (см. табл. 2, являющуюся выборкой из таблицы по материалам Индекса трансформации Фонда Бертельсмана за 2007 г.³⁶⁴).

Таблица 2. Сопоставление индексов демократизации и развития рыночной экономики постсоциалистических стран в 2007 г.

	Самые успешные (< 8,5 баллов)	Относительно успешные (7-8,5 баллов)	Неуспешные (<5 баллов)
Индексы демократии и рынка сопоставимы (разница 0,5 балла)	Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония	Болгария, Македония, Румыния	Босния и Герцеговина
Индекс демократии выше индекса рынка	Хорватия (0,6)	Албания (0,8), Черногория (1,2) Сербия (1,1)	

Оценки по 10-балльной шкале, где высшая планка – 1, а низшая – 10.

Источник: Bertelsmann Transformation Index 2008.

Перейдем к другим составляющим политических преобразований.

Демократизация партийно-политической системы

При «реальном социализме» важнейшим общественно-политическим действием, проявлением акта их лояльности в отношении власти было участие граждан в выборах. Поэтому власть была заинтересована в том, чтобы в выборах участвовали как можно больше избирателей и подавляющее большинство голосов было отдано кандидатам коммунистической партии. Для этого на граждан оказывалось массированное психологически-пропагандистское давление. Некоторые небольшие послабления были связаны с либеральным смягчением режимов на фоне предотвращения или разрешения кризисов. В Польше с 1957 г. были введены многомандатные округа. В Венгрии в 1966 г. было отменено голосование по заранее заготовленным и утвержденным спискам, с 1967 г. в нескольких округах можно было выдвинуть альтернативные кандидатуры³⁶⁵, что и было сделано в 1971 г. Румыния же ввела аналогичный принцип в законодательство в 1974 г. в отношении одного избирательного округа. В СФРЮ проводилось делегирование представителей низшими органами из своего состава в высшие органы как форма прямых выборов³⁶⁶.

На рубеже 80-90-х гг. спонтанный взрыв общественно-политической активности вывел на площади тысячи сторонников назревших глубоких социальных преобразований, выражавших их все более обстоятельно осознаваемые интересы – общественные, экономические, политические, культурные, профессиональные, национальные и другие, а также идеологические предпочтения. Этот процесс начинали не политические партии, а разной интенсивности низовое движение масс и оппозиционной интеллигенции. В главном направлении трансформационного дискурса эклектически перемешались разнообразные плюралистические (либеральные и консервативные разной окраски, социалистические, популистские, националистические и прочие) установки и требования, – то противоборствовавшие, то находившиеся в состоянии неустойчивого динамического равновесия, нередко противоречивые и конфликтогенные³⁶⁷. Они привели к формированию ряда движений, фронтов, объединений, форумов («Солидарность» в Польше, Венгерский де-

мократический форум, Гражданский форум в Чехии, Движение за демократическую Словакию, Фронт национального спасения в Румынии и др.), в лоне которых проходила фрагментация и постепенно кристаллизовались различные образования и очаги интеграции переходного периода: первые, неопределенные структуры, организации, протопартии, клубы единомышленников, партийно-политические анклавы, но отнюдь еще не стабильные элементы партийно-политические системы. Со сменой парадигмы развития началась эволюция расстановки социально-политических сил, одни из которых стремились к полной или частичной смене существующего строя, другие – к сохранению его прежних устоев, третьи – к возврату довоенных порядков. За этим стояли существенные изменения, нередко прямое разрушение структуры интересов и появление ряда новых. Обнаруживались те интересы, которые были приглушены прежним режимом или функционировали скрытно, а также те ценности, проявление которых было регламентировано или заблокировано.

С разрыванием системной политической трансформации выполнили свою роль и после ликвидации прежнего режима распались, стали трансформироваться или просто исчезать с политической арены так называемые «союзнические партии» – компоненты прежней мнимо-многopартийной структуры, существовавшие в некоторых из стран «социалистического содружества» в качестве «приводных ремней» в политических системах «партии-государства».

Установившиеся политические свободы и первые либеральные законы о политических партиях, согласно которым, например, в Польше для образования партии было достаточно 15 чел., в Болгарии – 50 чел., а в Румынии – 251 чел., и т.д., создали условия для нового, максимально дробного политического структурирования социальной материи. Уже в начале 90-х гг. в Польше и Румынии было зарегистрировано более двухсот движений, партий и других объединений, в Болгарии – более ста, в Словакии – около ста, в Венгрии – более 65, в Чехословакии – более двадцати³⁶⁸. Многие из них быстро превращались в важный фактор демократической политики, поскольку вопросы направления и темпов преобразований оказались в центре политической борьбы.

Важнейшим индикатором демократического обновления общества со всем многообразием интересов меняющихся компонентов социальной и партийно-политической структуры служили парламентские выборы. Они отражали как устойчивые, так и вновь появившиеся противоречия, процессы дифференциации, то есть складывания групповой основы голосования, тем самым создавая социальную опору партий и проблемное поле политики. Начальное оформление многопартийной системы пришлось на период, когда движения и партии ощутили необходимость опереться в ходе первых свободных выборов на массового избирателя. Допуск оппозиции к политическому соперничеству оказал огромное воздействие на него даже при частичной демократизации избирательной системы, ограниченной политическим контрактом «круглых столов», стимулируя складывание многопартийности, радикальные правовые изменения и становление качественно новых избирательных систем. Был диверсифицирован смысл избирательных процедур, служащих уже не столько «ритуальной» легитимизации режима, сколько выявлению ориентации на разные идеологические и политические ценности, а также избранию своих представителей в органы власти. Легитимность этой власти создавалась при помощи демократических свободных выборов. Основополагающей для перестройки прежней политической конструкции, для принципиального демократического преобразования общества и его консолидации изначально оказалась практика адаптации к условиям каждой из стран избирательных систем западного типа³⁶⁹.

При общей тенденции к утверждению демократических принципов выбор модели избирательной системы повсеместно отражал своеобразие изменения политической ситуации. Например, в Чехии ввиду однозначного преобладания правых сил в ходе «бархатной революции» в нижней палате парламента установилась ориентированная на многопартийность пропорциональная избирательная система. Вторая палата, как реликт довоенного времени, закрепленный в Конституции страны, оформилась по мажоритарному принципу. В Польше переговоры в рамках «круглого стола» продиктовали такую же систему как временное прагматическое решение. В Венгрии достигнутый компромисс принес сложное, но оказавшееся прочным решение о

создании смешанной системы: правая оппозиция форсировала принятие пропорциональной системы, а Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП) рассчитывала на массовую поддержку населения сельской местности и малых городов при помощи мажоритарной системы. В этих трех странах оформление политической сцены проходило успешнее всего.

Вместе с тем, процесс формирования многопартийной системы оказался непростым и длительным, требуя активизации участия в политической жизни ранее пассивных слоев населения, выявления и артикуляции интересов различных сил, социальных слоев и групп. В большинстве стран Центрально-Восточной Европы созревание политических отношений и структурирование политической сцены обеспечили более или менее последовательный демократизм избирательных кампаний. Это позволило широкому диапазону политических объединений представить в парламенте широкую гамму сил и конструктивно включиться в работу коалиционных правительств, что было важно для их дальнейшего самоопределения и консолидации. В Болгарии правящая Болгарская коммунистическая партия (БКП) также была заинтересована в установлении мажоритарной системы, рассчитывая на свой массовый сельский и поселковый электорат. Заключенный на «круглом столе» пакт с правым Союзом демократических сил, ориентирующимся на пропорциональную систему и жителей крупных городов, принес компромиссный вариант, не обеспечивший, однако, создания динамичной, гибкой партийной системы и надолго закрепивший идеологическое противостояние политических сил.

Здание современной правовой демократии наиболее быстро и уверенно стали строить в большей мере преуспевшие в деле отхода от авторитарных режимов страны Центрально-Восточной Европы – Польша и Венгрия, вслед за которыми в этот процесс включилась Чехословакия. В Юго-Восточной Европе в том же направлении ввиду относительно большей демократичности политического режима результативно развивалась Словения.

В ряде стран остаточные коммунистические образования, соединившиеся с теневыми элитами и пострадавшими от тягот перемен социальными группами, были в начале 90-х гг. запре-

щены и в основном сошли с политической арены. Их постидеологические эклектичные установки все более становились анахронизмом. Перед «посткоммунистическими» левыми встала задача основательного, диктуемого новыми реалиями общественной жизни переосмысления своего идейно-теоретического багажа, последовательного освобождения от устаревшего, но целыми десятилетиями не верифицировавшегося идеологического балласта, отказа от не критического клиширования набора прежних стереотипов. Первые теоретические обобщения, анализ и уяснение закономерностей современного этапа общественного развития, демократическая политическая практика открывали путь к обновлению левого крыла политического спектра и выработке новых программных документов как самой актуальной задаче для обеспечения достойного будущего для всех, кому угрожает безработность, нетерпимость и потеря партнерской позиции в общественной жизни. Новым требованиям более всего отвечал тип партии с многообразием платформ, единой в вопросах основных левых ценностей и функций, но различавшейся в деле выдвижения разных общественных целей и методов их реализации. Сущностью левой политики в социал-демократической версии становилась поддержка разнообразной социальной активности, борющейся с недостатками общества и обогащающей жизнь не только отдельных лиц, но и целых общностей.

В выступлениях левых прослеживалось стремление к тому, чтобы не столько адаптировать неолиберальные концепции, сколько взять курс на действительную, а не декларируемую социальную рыночную экономику. Правда, далеко не всегда этот курс последовательно реализовался на практике. В Юго-Восточной Европе он был деформирован выдвижением на первый план национальных проблем и приобрел консервативно-националистический характер³⁷⁰.

Когда наступил «взрыв многопартийности», коммунистические и рабочие партии прошли через длинную череду организационных и идейно-политических катаклизмов, раскололись в каждой из стран на реформаторов и догматиков, в разной мере принявших начавшуюся трансформацию общественно-политического устройства. В большинстве стран на базе реформаторских крыльев коммунистических партий возникли «посткомму-

нистические» социал-демократические и социалистические партии. Рядом с ними на левом фланге и в центре кристаллизующихся плюралистических партийно-политических систем обнаружили себя разноликие социал-демократические и социалистические структуры, возрождавшие традиции социалистического движения межвоенного периода «исторические» партии, в конце 40-х гг. сметенные с политической арены авторитарно-тоталитарными режимами и поглощенные коммунистическими партиями. В них, как и в других вновь возникавших партиях и протопартиях, со снятием прежних идейно-политических скреп началась верификация постидеологического сознания, обнаружились и сходные черты, и значительный разброс политических традиций, глубоко укоренившихся форм уходящего века, включая рудименты политических систем межвоенных военно-авторитарных режимов.

Из возродившихся социал-демократических структур только восстановившаяся в 1987 г. Социал-демократическая партия Словении (СДПС) сразу вошла в правившую коалицию, в дальнейшем продолжая увеличивать свой электорат. Владевшая с довоенного времени навыками работы в демократической среде Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП) также оказалась в состоянии довольно быстро нарастить свою массовую базу и прочно занять место в левоцентристской нише.

Не менее эффективным оказался политический маршрут двух оставшихся на политической сцене в качестве основательно реформировавшихся и превратившихся в «новых социал-демократов» наследниц реформаторского крыла коммунистических и рабочих партий периода «реального социализма» – «посткоммунистических» Социал-демократии Республики Польша (СДРП), затем трансформировавшейся в более широкий Союз демократических левых сил (СДЛС)³⁷¹, и Венгерской социалистической партии (ВСП).

«Посткоммунистические» партии Вышеградской четверки, вначале заявляя о себе как о левых сторонниках преобразований умеренного характера и оптимальной социальной политики, в течение более чем 15 лет смещались в направлении левоцентризма или даже центризма и после каждого очередного движения политического маятника влево и прихода к власти как пра-

вило все более последовательно и откровенно реализовали курс строительства капитализма без обещанных «левых» поправок. Со сменой поколений избравшая социал-демократические одежды элита оттеснялась на задний план. Вперед вышли занятые обустройством институтов рынка молодые, хорошо образованные центристско-прагматичные элементы, без выраженных идеологических амбиций, а также социал-либералы, все чаще блокирующиеся с правыми консерваторами. В Венгрии, Польше и особенно в Румынии этому способствуют тесные связи между левоцентристскими партиями и бизнесом («красной буржуазией»). Они вполне приспособились к объективно обусловленному зигзагу общественного развития, увязывая воедино три уровня анализа перемен – на страновом и региональном уровне (исследуя объективную необходимость ликвидации «партии-государства», слома сверхцентрализованной плановой экономики и административно-командной системы управления, перехода к рынку и демократии – решая задачу выработки новой системной внутренней политики); на общеевропейском уровне (изучая процессы трансформации и учась регулировать отношения в Евросоюзе) и, наконец, продумывая существо и стратегию встраивания новой структуры государства, его внутренних и внешних функций в глобализирующийся мир³⁷².

Они сохранили, частично модернизировав, социалистические ценности, хотя курс на социализм исчез из их программ. Это стало результатом того, что значительная часть их проблем связана с тем, что если западная социал-демократия формировалась в оппозиции капитализму, то они оказались вынуждены участвовать в строительстве и укреплении капитализма. Это внесло существенные коррективы в их идейно-программные установки. Во время пребывания у власти они должны были сменить ориентиры и оказались не в состоянии последовательно защищать интересы тех социальных слоев, которые поддерживают левые силы. Вместе с тем, в выступлениях левых прослеживается стремление к тому, чтобы не столько адаптировать неolibеральные концепции, но взять курс на действительную, а не декларируемую социальную рыночную экономику. Правда, далеко не всегда этот курс последовательно реализуется на практике. Неадекватно реагируя на условия глобализации, ле-

вые силы нередко капитулируют перед асоциальными неолиберальными правилами «дичающего» глобального капитализма; отступают от левых обязанностей и требований, когда, будучи социал-демократическими партиями у власти, при выборе социально-либерального варианта занимаются «усечением социалки» ради приспособления к новым требованиям глобального соперничества и сжатия рынка труда. Так, руководитель СДЛС Л. Миллер в сентябре 2003 г. на заседании Всепольского совета партии сформулировал свое видение задач так: необходимо поддерживать и развивать предпринимательство и свободный рынок, ибо только таким образом можно обеспечить средства для реализации левой социальной программы; ныне политика должна носить либеральный характер, так как рынок проявляет свои возможности в условиях экономической свободы. Пока же необходимо избежать «навязывания рынку социальных задач». Многие политики, руководящие левыми партиями, на деле потеряли чувство левой идейности и обязательств в отношении деградировавших слоев общества и стали членами правящего класса, стремящимися к власти и связанным с нею престижным и имущественным благам.

Традиционный левый электорат с преобладанием прежних ожиданий в области социальной политики еще достаточно силен, но весьма разочарован и дезориентирован. Это порождает в обществе крайне противоречивые настроения: например, о верности левым ценностям в Польше заявляет до 30% населения, но рейтинги всех левых и левоцентристов достигают в сумме 10-15%³⁷³. СДЛС, как и левые партии других стран региона, начал раскалываться, в течение последующих пяти лет все меньше контролируя левую сторону политической сцены. Только на IV конгрессе социал-демократов, в июне 2008 г., произошел возврат к поискам путей проведения в жизнь левых установок – в решении «Какой Польши мы хотим» были перечислены солидарное гражданское общество, сильное, эффективное государство, способное удовлетворять социальные нужды: «с разумной социальной политикой», «без нужды и бездомных», поддерживающее образовательные и профессиональные устремления граждан, обеспечивающее бесплатное и равнодоступное здравоохранение, и т.д.³⁷⁴

ВСП в духе времени интенсивно сотрудничает с социал-либералами в деле строительства рыночной экономики и демократизации общества, но ввиду социально-экономических проблем венгерским левым приходится иметь дело с протестами масс и трудными процессами в своей среде (хотя премьер Ф. Дьюрчань получил на съезде летом 2008 г. поддержку большинства)³⁷⁵.

Программа Коммунистической партии Словакии (КПС), принятая в 1994 г. и носящая постидеологический характер, содержит подтверждение курса на социализм как «альтернативное решение» по «управлению глобальными проблемами» и отрицание «принудительного восстановления капитализма». Она ратует за строительство «демократического социализма, плюралистического в политическом и экономическом отношении и самоуправляющегося...», за социальную рыночную экономику, выработку новых идей и накопление опыта, сочетание преимуществ планирования с рыночными механизмами и т.д.³⁷⁶ Еще более значимая эволюция воззрений в сторону социальной рыночной экономики и демократизации политической системы произошла в позиции Коммунистической партии Чехии и Моравии, сближающейся по ряду важных позиций с Чешской социал-демократической партией³⁷⁷.

Интересна эволюция программы образованной в декабре 1999 г. словацкой партии «Смер», ориентирующейся на социальную рыночную экономику и социальное общество как альтернативу концепциям неолибералов и консерваторов. Она тщательно прорабатывала демократические направления политической реформы, правового государства и политической системы, декларируя стремление представлять интересы всего общества и не признавать деления на левых и правых. Партия ориентировалась на «третий путь» английских лейбористов и германских социал-демократов, на интегрирование общества и утверждение новой социальной демократии. Сильную социальную программу «Смер» связывала с процветающей смешанной экономикой, с объединением позитивных ценностей консерватизма, социал-демократизма и либерализма. «Смер – «социал-демократия» (так теперь именуется эта партия после слияния с посткоммунистической Партией левых демократов) уже не считает прежнюю идеологему «третьего пути» универ-

сальной моделью. Она исходит из национальной специфики преобразований, традиций, институтов и т.д., из готовности искать новые оптимальные решения для строительства «правового социального государства эпохи глобализации»³⁷⁸.

На общем фоне преобладания у левых сил Болгарии (как и других структур Юго-Восточной Европы) постидеологических концепций иной вариант сочетания старых и новых идейных установок являет собой эволюция БКП (с апреля 1990 г. – Болгарской социалистической партии, БСП). В «Манифесте демократического социализма» она сформулировала курс на создание правового государства, парламентской демократии и социальной рыночной экономики. В более обстоятельной программе (октябрь 1994 г.) ею была сформулирована установка на разработку новых теоретических обобщений, соответствующих эпохе глобализации, и заявка на стратегию для последующих двух десятилетий – проведение структурных преобразований в направлении строительства демократического социализма, защиты «социальных целей и ценностей», демократии и повышения уровня политической культуры. Не отвергая традиций и достижений социализма, БСП признала важность дальнейших теоретических поисков и оптимизации социальной политики, что позволило бы «оказаться перед перспективой левой альтернативы в управлении и модернизации страны»³⁷⁹.

Вслед за перечисленными и другие посткоммунистические партии занялись поиском путей модернизации своих идейно-теоретических установок и совершенствования стратегии и тактики, хотя делали это далеко не так быстро и не всегда адекватно специфике страны³⁸⁰.

До конца 1995 г. в большинстве стран региона ритмичного движения политического маятника не наблюдалось, кроме наиболее продвинувшихся по пути демократизации Польши и Венгрии. Однако этот процесс, хотя и в разном темпе, прогрессировал повсюду, будучи непосредственно связан с созреванием партийно-политической системы и увеличением меры готовности к смене партий у власти, свойственных демократическому обществу. Вступая на путь публичной политической деятельности, новые партии вначале с неизбежностью были верхушечными образованиями и несли на себе печать традиционно недемо-

кратической политической культуры. Опираясь на узкий круг активистов и исповедуя личную преданность лидеру, который как правило проводил линию жесткой субординации и диктата при определении программы и средств борьбы, а также решении кадровых вопросов, они еще не были четко определившимися представителями тех или иных социальных групп, регуляторами их взаимодействия с другими силами. Им были свойственны жесткое идеологическое противостояние, отношение к политическому противнику как к врагу, стремление к его дискредитации и уничтожению.

В Словакии, Словении и Хорватии политические системы сложились из мелких партий, в Венгрии господствуют средние партии. В Чехии сформировалась как крупная и таковой остается либерально-консервативная, правоцентристская, сплотившаяся вокруг элиты некоммунистических реформаторов Гражданская демократическая партия (ГДП), лидером которой долгое время был В. Клаус.

Декларировавшие вслед за другими реформаторскими силами региона курс на глубокие общественно-политические преобразования, но на деле не готовые к быстрому реформированию своих стран БСП и Партия социальной демократии Румынии (ПСД) растянули программно-стратегическую и организационную перестройку на годы, сохранив в начале 90-х годов в рядах партии по несколько сот тысяч членов. Но затем они стали терять свою членскую массу. На болгарской политической сцене долго сохранялась подкрепляемая традиционным идеологическим противостоянием резкая поляризация левых и правых. Стремление переложить необходимые, но непопулярные меры на противника тормозило преобразования и подрывало авторитет монополю правивших и в результате не свободных от лоббирования и коррупции политических группировок³⁸¹. На базе включившего несколько десятков малых объединений Союза демократических сил (СДС) в 1995-1997 гг. возникла довольно сильная правоцентристская партия. Придя к власти, она, а за ней победившее на парламентских выборах в июне 2001 г. популистское Национальное движение «Симеон Второй» (НДСВ) при вершущей переструктуровке политических сил обеспечили продолжение демократических преобразований.

Развитие кризисных явлений стимулировало поиски выхода из увеличивавшихся трудностей на пути углубления преобразований, что влекло за собой дальнейшую демократическую переустройку партийно-политической системы. В большинстве стран, особенно Центрально-Восточной Европы, определяющим направлением была кристаллизация основных политических сил и достижение определенной консолидации и стабильности на политической сцене, но оно далеко не всегда реализовалось последовательно. В большинстве стран региона возобладала фрагментация и нестабильность политической сцены, на которой размещались акторы традиционных направлений (либеральные и социально-либеральные, социал-демократические и социалистические, коммунистические, крестьянские, христианско-демократические, национально-консервативные)³⁸².

Свободные выборы, при помощи которых по ходу перемен систематически сменяли друг друга у власти партии и коалиции различной ориентации, сыграли огромную роль в формировании партийно-политических систем.

Постепенно установилось ритмичное колебание политического маятника. В Болгарии избиратели по два цикла голосовали преимущественно за левых, а затем за правых, чтобы затем вновь отдать преимущество левым. В Румынии симпатии электората после двукратного голосования за левых сместились вправо и опять влево. В Албании и Чехии они дважды были на стороне правых, а затем сместились влево. Затем в большинстве стран региона маятник периодически колебался вправо и влево от центра, обеспечивая сменяемость партий у власти. Это способствовало регулярной перестановке правящих сил по мере исчерпания ресурса доверия в обществе по ходу более или менее полной реализации программ, обеспечивая дальнейшее продвижение по пути системных преобразований.

Далеко не все первые выборы, особенно в странах Юго-Восточной Европы, при режимах С. Бериши в Албании, Ф. Туджмана в Хорватии и С. Милошевича в Югославии, носили последовательно демократический, свободный от авторитарных манипуляций характер. Силловые структуры этих стран традиционно ограничивали предвыборную активность политической оппозиции, разгоняли ее митинги. Результаты выборов не-

редко фальсифицировались. Во второй половине 90-х гг. в ряде стран были приняты новые законы о выборах или в прежние вносились существенные поправки, ужесточившие порядок создания партий.

Демократизации и росту эффективности партийно-политической системы способствовала финансовая поддержка партий и их избирательных кампаний государством. В ряде стран (Венгрии, Словакии, Польше, Чехии и др.) законодательством предусмотрено выделение партиям средств, в том числе на деятельность кандидатов и их сторонников по распространению предвыборных материалов, агитации и пропаганде. В имевшей наиболее давние и прочные демократические традиции Чехословакии политическим партиям из государственного бюджета, начиная с 1920 г., возвращалась половина расходов на избирательную кампанию. Сейчас в Чехии действует обстоятельно прописанный закон от 1993 г. об объединении в партии и общественных движениях. Согласно ему партиям выплачиваются деньги за каждый полученный парламентский мандат. Финансовой помощи не имеют лишь те из них, которые не смогли получить ни одного мандата или не перешли порога в 3% в масштабах всей страны³⁸³. В Словакии партиям также выделяются средства из государственного бюджета, исходя из результатов выборов.

Венгерский закон о партиях и их хозяйственной деятельности от 1989 г. предусматривает контроль за партийными финансами, прозрачность доходов и государственную помощь партиям по принципу равного распределения четверти выделенной суммы и перераспределения остальных трех четвертей в зависимости от числа голосов, полученных каждой партией в первом туре выборов³⁸⁴.

Польша прошла к государственному финансированию партий более сложный путь. Преодолевая наследие «партии-государства», первый закон о политических партиях 1990 г. жестко прописал их отделение от государства. Поиск других финансовых возможностей привел к серьезным деформациям, к коррумпированию парламентариев миром бизнеса, к образованию многочисленных групп лоббирования и т.п. Только в 1997 г. новая Конституция РП включила положение о государственном

финансировании политической деятельности, а закон о выборах упорядочил расходы на эту цель (60% предназначены на текущую политическую работу партий, а 40% – на избирательные кампании). Государство дотирует партии, получившие на выборах в Сейм более 3% действительных голосов. Затраты на выборы частично возвращаются получившим хотя бы одно место партиям. Суммы определяются пропорционально числу полученных мандатов.

Принято считать, что в демократическом государстве государственное финансирование партий и возврат им части трат на избирательную кампанию не обязательно должны быть премией для победителей, и так имеющих значительные возможности получения денежных средств. Социальная справедливость и определенный уровень политической культуры, в том числе уважение прав меньшинств, требуют, чтобы компенсировались усилия и тех партий, которые имеют заметную общественную поддержку (хотя бы 2-3% голосов).

Демократическое государство призвано обеспечить партиям оптимальные условия деятельности, защищающие финансирование партий от коррупции, а политических деятелей – от компрометации, гарантирующие от опасности взаимопроникновения политики и бизнеса, особенно от получения группами влияния возможностей решающего воздействия на политическую власть. В ходе подготовки к вступлению в Европейский союз в странах региона начали применяться рекомендации Комитета министров Совета Европы относительно 20 ведущих принципов борьбы с коррупцией и выводы III европейской конференции специализированных служб по борьбе с коррупцией. Эти принципы включают обеспечение прозрачности партийных финансов и привлечение независимых органов власти к контролю избирательных расходов, установление их высшей границы, детальное регулирование и даже запрет передачи денег партиям со стороны юридических лиц, запрещение нелегального финансирования и т.д.

Важным законодательным шагом, направленным на преодоление чрезмерной раздробленности политического спектра и укрупнение представительства различных интересов при голосовании на выборах в парламенты по партийным спискам, стало введение определенных процентных барьеров, преодоление ко-

торых партией или блоком партий только и позволяет им пройти в законодательные собрания. Как правило, это 5% голосов, поданных за одну партию. В Чехии для прохождения в палату депутатов партии нужно набрать 5% голосов в масштабе всей страны, коалиции из двух партий – 7%, из трех партий – 9%, из пяти – 11% голосов. В Румынии с 1999 г. барьер для партий повышен с трех до пяти процентов голосов, для коалиционных блоков – на три процента для каждой партии³⁸⁵.

Однако тенденция укрупнения партийно-политических структур при многообразии ситуаций в разных странах данного региона нередко проявляется весьма противоречиво. Так, в 1998 г. в борьбе за укрепление позиций Движения за демократическую Словакию его лидером В. Мечъяром была профорсирована поправка с требованием к каждому участнику предвыборного блока набрать 5% голосов, чтобы не допустить объединения малых партий демократической ориентации, способных вместе стать решающей политической силой в парламенте.

В Чехии, где в 2000 г. парламент принял закон о выборах, ставивший в привилегированное положение крупные партии, президент В. Гавел направил этот резко сужающий политическое поле закон в Конституционный суд, который признал его не соответствующим нормам Основного закона. Согласно законам о выборах Польши и Хорватии переструктурировка сил в парламенте при подсчете голосов происходила в пользу партии, за которую было подано больше голосов. Именно к ней переходили голоса не собравших 5% голосов партий или блоков. В 90-е гг. в Хорватии они были отданы в распоряжение Хорватского демократического содружества во главе с Ф.Туджманом.

В Польше в 1993 г. такие голоса достались Союзу демократических левых сил. Но в 2001 г. в польский закон о выборах был внесен ряд поправок, изменен принцип подсчета голосов. Была модифицирована прежняя формула В. д'Ондта, ставившая в привилегированное положение крупные партии – она была заменена формулой Сен-Лаге, которая при подсчете голосов обеспечивает определенные преимущества для средних партий.

Тем не менее, при всех неоднократных изменениях политической конъюнктуры в результате повсеместно прошедших 3-5 раз парламентских выборов выявилась вполне определенная и

особенно четкая в странах Центрально-Восточной Европы тенденция дальнейшей организации политического поля. Во второй половине 90-х гг. не только в Польше, но и в ряде других стран были приняты новые законы о выборах или в прежние вносились существенные поправки, ужесточившие порядок создания партий. В Румынии в соответствии с новым законом 1996 г. для этого необходимо не менее 10 тысяч подписей, собранных не менее чем в 15 уездах страны, и не менее чем 300 подписей в каждом уезде. В результате количество партий сократилось до 51. Польский избирательный закон 1997 г. предусматривал, что партию могут учредить не менее тысячи человек, а в регистрирующий партии орган необходимо представлять их устав.

Там, где политические силы страны понимают тесную связь формирования структур партийно-политической системы и обеспечения их эффективного функционирования с укреплением парламентской демократии, государственная забота приносит реальные позитивные плоды. В конце 90-х гг. XX в. – начале XXI в. все меньше партий стало получать поддержку избирателей и проходить в парламент. В 1998 г. в Чехии в выборах в палату депутатов приняли участие 13 партий и движений, а прошли в нее только пять, в Словакии соответственно из 17-ти пятипроцентный барьер преодолели шесть. Во время выборов 1997 г. в Польше с участием 22-х избирательных блоков, объединений и партий в сейм прошли четыре, а в Болгарии из 35-ти четырехпроцентный барьер преодолели пять. В выборах в сербский парламент – Народную Скупщину 21 января 2007 г., приняли участие 20 партий и избирательных блоков, прошли – 10. Это были первые выборы после распада союза Сербии с Черногорией. В Польше 21 октября 2007 г. в парламентских выборах вновь приняли участие 22 партии и избирательных блока, а прошли четыре. Если в 2000 г. в Хорватии во время первых понастоящему свободных выборах в нижнюю палату Сабора (парламента) участвовали 55 организаций, то в 2007 г. всего 8 партий и избирательных блока. Кристаллизация политического спектра при помощи целенаправленной государственной политики явно обеспечивает прогресс в этой области.

Поддержкой электората неизменно пользуются партии традиционных для ЦВЮВЕ направлений: посткоммунистические

или социально-либеральные, социально-демократические, социалистические, либеральные, крестьянские и христианско-демократические. В начале XXI в. все большую поддержку избирателей начинают получать национал-консервативные и популистские партии.

Ввиду значительной инерционности социальной структуры и прочности идейно-политических традиций попытки искать признаки складывания в последние годы основ двух-трехпартийной системы оказались безосновательны. Стремление упростить политическую ситуацию в регионе до классической западной модели преждевременно. В большинстве стран региона отсутствуют традиции политического баланса сил, многие другие необходимые предпосылки и условия для оформления и нормального функционирования таких систем. Первоначальная двухполюсная конфигурация политических сил (блоков) в Болгарии и тем более в Албании – явление другого рода. Это результат прежнего жесткого идеологического противостояния общественно-политических сил, но отнюдь не формирования в этих странах двухпартийной системы западного образца. Это симптом недоразвития многопартийности на фоне застойности постидеологического сознания и заторможенности политического самоопределения масс. В последние годы двухполюсная конфигурация партий стала формироваться лишь в Венгрии.

Стремление политических сил различной ориентации как можно быстрее привести правовое поле в соответствие с требованиями приема в ЕС принесло весьма существенные результаты в области совершенствования законодательства, но до последовательного воплощения его в жизнь еще далеко. При наличии либерально-демократического конституционного каркаса и широкообещательных демократических деклараций практика политической жизни нередко демонстрирует существенные отклонения как в области соблюдения правовых норм, так и действий политических институтов.

Политические партии в ЦВЮВЕ в силу специфики социальной структуры многочисленны и разнородны.

Первыми оформились на рубеже 80-90-х гг. укорененные в предшествующие десятилетия на политической сцене партии,

преобразованные из коммунистических партий и некоторых из их союзников, прежде всего крестьянских партий, вслед за ними – созданные оппозиционными силами в период смены строя, прежде всего социал-демократические и социалистические, обозначившие свой облик путем вступления в Социнтерн (из довоенных партий такого профиля смогла эффективно возродиться только чешская социал-демократия).

Затем чередой пошли различные, получившие возможность выразить многообразие интересов различных общественных групп и программных ориентаций новые образования – движения, группировки и протопартии. Тяготы переходного периода способствовали активизации радикальных левых, считающих недостаточными программные установки посткоммунистов, социал-демократов и социалистов. Они ярко заявляют о себе на идеологическом поле, хотя из-за малочисленности не проходят в парламенты. Движения социального протеста образовали свои, консерваторы – свои клубы и протопартии. В виду наличия в странах региона многочисленных нацменьшинств возникли этнические партии. Титульные нации создали свои – националистической окраски. Экологи – свои³⁸⁶.

Появляясь на политической арене и нередко отражая прежде всего политические амбиции лидеров, многие мелкие партии часто носят эфемерный характер и не успевают организационно оформиться. Они, не будучи в состоянии проводить массовую избирательную кампанию, не получают достаточно широкой общественной поддержки, не завоевывают мест в парламентах и исчезают с публичной сцены.

В 90-е гг. XX в. нередко создавались гибридные режимы с сохранением элементов авторитарной системы власти, с деформациями партийно-политической системы. В одних случаях партии ограничивали свою деятельность рамками парламента, в других переносили центр тяжести во внепарламентскую сферу, игнорируя слабые возможности законодательной ветви власти и предпочитая проникать во все органы исполнительной и судебной ее ветвей. «Партиизация» государства, раздел и передел государственно-административных постов между вошедшими в парламент партиями – типичное явление в ряде балканских государств. Правые партии ряда стран за время пребывания у вла-

сти во второй половине 90-х гг. дискредитировали себя в глазах электората и маятник политических сил опять двинулся влево. В Польше в сентябре 2001 г. левый блок СДЛС и Союза труда на парламентских выборах получил более 40% голосов, одержав победу над правившим правым блоком (Избирательная акция «Солидарность» – «Союз свободы»), который не смог провести в нижнюю палату парламента ни одного депутата.

На нынешнем этапе динамика формирования новых партий и переструктурировки политического поля все еще не исчерпала себя. На правом фланге и даже в центре политической сцены продолжается перегруппировка дробных образований, объединявшихся перед выборами, а затем вновь распадавшихся. Есть симптомы того, что ожесточенная борьба и неэффективная политика ряда партий оттолкнули от них основную массу избирателей, что электорат разочарован ими и устал от них. Возникают попытки обновить и демократизировать партийно-политическую систему, образовать новые партии и коалиции, которые заявляют о стремлении сместиться к центру и проводить менее идеологизированную, но более прагматичную политику. Таковы выделившиеся из Избирательной акции «Солидарность» Гражданская платформа (ГП) Д. Туска и партия «Право и справедливость» (ПиС) во главе с Я. Качиньским, словацкие «Ано» и «Смер-социал-демократия».

В условиях прогрессирующей консолидации партийно-политической системы обнаружилось и такое явление, как блокирование с прежними противниками справа или слева. Так, в Чехии после того, как на парламентских выборах 1998 г. ЧСДП (32,2% голосов) обогнала прежнего лидера политической жизни – правоцентристскую ГДП (27,7% голосов), они создали своеобразную компромиссную коалицию: пакт о распределении власти и стабилизации политической ситуации в Чехии. За этим стояло распределение политических функций и влияния на условиях взаимной поддержки и согласования экономических и социальных мер. Позиции левой части политического спектра суммарно расширились за счет роста популярности Коммунистической партии Чехии и Моравии, которая в течение предшествующих лет регулярно теряла свой членский состав и электорат (все еще оставаясь самой массовой чешской политической партией)³⁸⁷.

Как только она стала модернизировать свою политику, последовательнее выступать за создание правового государства и политический плюрализм, ее электорат начал расти. Но до выхода коммунистов из полной изоляции на политической сцене дело не доходило³⁸⁸.

Словацкая политическая сцена после конфликтов внутри право-левой коалиции на очередных парламентских выборах в сентябре 2002 г. опять не добилась значительного укрупнения составляющих элементов (в том числе левых) очень раздробленного политического поля. На парламентских выборах 2006 г., в которых приняли участие 8 партий и 6 прошли в парламент (явка избирателей составила 54,7%), победу одержала левая партия «Смер-социал-демократия», которая получила 29,14% голосов и 50 из 150 мест в новом словацком парламенте. В ходе избирательной компании она обещала перенести упор с либеральных реформ на солидаризм и социальную политику, улучшить положение бедных слоев населения. Ее лидер Р. Фицо вместе со Словацкой национальной партией (СНП, радикальные националисты, лидер – Я. Слота) и Народной партией – движением за демократическую Словакию (лидер В. Мечьяр) сформировал коалиционное правительство. Включение в состав кабинета членов СНП вызвало резкую реакцию объединяющей социалистические и социал-демократические партии государств – членов ЕС Партии европейских социалистов, которая приостановила в ней членство партии «Смер-социал-демократия» до июля 2007 г., а затем его не восстановила.

В Польше на левом фланге политического спектра после дробления проявились отчетливые симптомы объединения. Сбравшая вокруг себя почти три десятка политических и неполитических организаций СДРП после принятия исключавшего такой блок закона трансформировала прежнюю избирательную коалицию через индивидуальное членство в политическую партию под тем же названием (Союз демократических левых сил – СДЛС). Образовав блок с Союзом труда (СТ) – единственной левой партийной организацией, рожденной в недрах Солидарности», она выиграла выборы в парламент, в котором вместе с СТ создала коалицию с «постсоциалистическим» союзником – Польской крестьянской партией (ПКП).

Однако расхождения внутри левых сил во время пребывания их у власти в 2001–2005 гг. привело к распаду левых на несколько партий. Из СДЛС вышла группа деятелей социально-либерального толка во главе с М. Боровским, которая создала новую партию Польская социал-демократия. Однако эта партия не получила на парламентских выборах 2005 г. поддержки пяти процентов избирателей. СДЛС набрал 11,31%. Перед парламентскими выборами, состоявшимися 21 октября 2007 г., все левые партии объединились с либеральной Демократической партией в единый левоцентристский блок «Левые и демократы», который получил 13,15% голосов избирателей.

В выборах приняли участие 22 партии и избирательных блока. Явка на выборах в Сейм и Сенат оказалась для Польши высокой и составила 53,88%. За ГП проголосовали 41,51% избирателей, за ПиС – 32,11%, за ПКП – 8,91% и т.д. Они получили в Сейме из 460 мест соответственно, 209, 166 и 31 место, а блок «Левые и демократы» – 53 места. Чтобы сформировать правительство, ГП создала коалицию с ПКП. В Сенате ГП получила 60 мест из 100, ПиС – 39³⁸⁹.

Венгерские социалисты на рубеже нового века стали реальным противовесом правых сил и на выборах в апреле 2002 г. не только укрепили свои позиции, но при нетипично высокой явке избирателей (71% в первом туре и 73% во втором туре) одержали победу над правоцентристским блоком. Левоцентристская коалиция, образованная ВСП и либеральным Союзом свободных демократов (ССД), сформировала правительство. Ни одна из экстремистских партий в парламент не прошла. Венгрия первой достигла реальной демократической консолидации: демократия получила основательную и широкую поддержку среди элит и в обществе³⁹⁰. В апреле 2006 г. впервые в новейшей истории Венгрии ВСП победила на парламентских выборах второй раз подряд, получив 190 из 386 мест. Она сформировала вместе с ССД коалиционное правительство во главе с Ф. Дюрченем. Оно оказалось в эпицентре очередного кризиса, когда венгерские СМИ обнародовали выступление Дюрчenea 26 мая на партийной конференции парламентариев-социалистов, на которой он признался, что партия, чтобы выиграть выборы, приукрашивала ситуацию в венгерской экономике, практически обманывая избирателей. Взрыв возму-

щения привел к массовым уличным беспорядкам в Будапеште. В сентябре их участники, требующие отставки премьер-министра, вторглись в здание венгерского телевидения и окружили парламент. 23 октября, в день юбилея событий 1956 г., манифестанты были вновь разогнаны полицией.

Протесты продолжались в Будапеште в феврале-апреле и сентябре-ноябре 2007 г. Проведенные летом 2007 г. социологические опросы показали, что 80% венгров высказываются за отставку правительства Ф. Дюрчя и назначение нового правительства. Начиная с 1989 г., ни одна партия не имела такой низкой поддержки в обществе, как ныне правящая ВСП. Но в партии Дюрчень по-прежнему пользуется большой поддержкой. В феврале 2007 г. на съезде он был избран ее лидером, получив 89,15% голосов делегатов³⁹¹.

«Левый поворот» в Румынии в ноябре 2000 г. стал возможен благодаря провалу социально-экономической политики правивших в 1996-2000 гг. правых и использованию левыми фактического раскола их блока. Не получив абсолютного большинства на парламентских выборах, но имея возможность опереться на своего кандидата в президенты И. Илиеску, который вскоре одержал победу на президентских выборах, ПСДР решила создать правительство меньшинства и править с опорой на профсоюзы. Она старалась сочетать элементы социальной и либеральной политики и как-то упорядочить преобразования, постепенно монополизировав политическую сцену своей страны. Однако на парламентских выборах 2004 г. румынские социал-демократы проиграли правым силам, хотя и получили больше всех голосов. Однако кандидат СДП (так стала называться партия) на пост президента А. Нэстасе в ходе второго тура президентских выборов, 12 декабря, неожиданно проиграл оппозиционному кандидату Т. Басэску. Тот поручил формирование нового правительства одному из лидеров оппозиции К. Тэричану.

В Юго-Восточной Европе политическая ситуация долгое время оставалась весьма противоречивой, а политические процессы носили хаотичный характер. Партийно-политическая система Болгарии претерпела существенные изменения, когда вперед энергично вышло объединившее самые широкие слои населения и ускорившее их политизацию альтернативное, популист-

ское «НДСВ», которое на парламентских выборах в июне 2001 г. получило 42,7% голосов избирателей. Оно в известной мере смазало биполярное размежевание политической сцены. Однако на парламентских выборах в июне 2005 г. победу одержал созданный БСП блок «Коалиция за Болгарию», завоевав 31% голосов.

На политической арене большинства республик бывшей Югославии силы были сильно раздроблены с рубежа 90-х гг., когда М. Джилас констатировал, что «места для союза реформаторских сил фактически не оказалось. Утвердились авторитарные режимы. Воспрепятствовать распаду многонационального государства не удалось. Победа национализма с неизбежностью привела к развалу Югославии, а насилие, в которое вылились межнациональные конфликты, существенно замедлило процесс демократизации»³⁹². Это стало реальным препятствием для нормального развития партийно-политическим систем, как правило раскалывая силы сегментов политического спектра еще и по национальному и религиозному признакам.

СРЮ прекратила свое существование, трансформировавшись в новое сообщество Сербия и Черногория (СиЧ), а затем, 3 июня 2006 г., в независимые Сербию и Черногорию. В 2006 г. на выборах в парламент Черногории Скупщину при явке 71,7% победила коалиция «За европейскую Черногорию» из двух партий – Демократической партии социалистов во главе с тогдашним премьер-министром М.Джукановичем и Социал-демократической партии, получившая 48,6% голосов избирателей и завоевавшая 41 место из 81. В выборах приняла участие новая оппозиционная партия «Движение за перемены», получившая 13,1% голосов.

В выборах в сербский парламент Народную Скупщину, которые состоялись 21 января 2007 г., приняли участие 20 партий и избирательных блоков. При явке в 60,56% большинство получила националистическая Сербская радикальная партия В. Шешеля: 28,59% голосов и 81 место. В раздробленный парламент вошли Демократическая партия Б. Тадича – 22,71% (64 места), Демократическая партия Сербии-Новая Сербия В. Коштуницы – 16,55% (47 мест), партия «Г17 Плюс» М. Динкича – 6,82% (19 мест), Социалистическая партия Сербии – 5,64% (16 мест) и др.

В Хорватии в 2007 г. прошли уже третьи после смерти Ф. Туджмана выборы в парламент – Сабор. Между правящей

консервативной партией «Хорватское демократическое содружество» (ХДС) премьер-министра И. Санадара и оппозиционной социал-демократической партией развернулась жесткая борьба. Первая позиционировала себя как партия, избавившаяся от националистических и изоляционистских настроений. Социал-демократы обвинили ХДС в коррупции и геноциде во время кровопролитной войны первой половины 1990-х гг. и проявили готовность сотрудничать с Гаагским трибуналом, в то время как основная часть хорватов не была склонна рассматривать своих «героев» как военных преступников. Явка на выборах составила 62%. Победу одержало ХДС с 33,3% голосов. За социал-демократов было отдано чуть меньше – 31,01%. Это дало первой, как и в 2003 г., 66 мест, второй – 56 (в 2003 г. было 34). Однако для того, чтобы полностью контролировать парламент, необходимо 77 мест. Поэтому ХДС было вынуждено пойти на создание правящей коалиции. В Словении на выборах в парламент в сентябре 2008 г. после коррупционного скандала правоцентристов сменил левоцентристский блок.

Общей проблемой региона остается недостаточная политическая идентификация различных перестраивающихся социальных слоев, их слабая связь с многочисленными движениями и партиями, которые все еще представляют интересы не столько определенных социальных групп, сколько лидеров, активистов и групп давления, которые легко входят в разнообразные коалиции и конфигурации.

Процесс укоренения демократической партийно-политической системы в странах Центрально- и особенно Юго-Восточной Европы еще не исчерпал себя в силу неполной завершенности переходного периода и некоторого замедления консолидации политических сил. Однако симптоматичное повышение уровня политической культуры и с переменным успехом преодолевающий прежние антагонизмы поиск политического консенсуса представляются продуктивными и необратимыми.

Уже упоминавшийся выше Б.И. Макаренко, проведший большую работу по типологизации постсоциалистических стран³⁹³, отнес к числу тех, в которых «транзит успешно завершен», Болгарию, Венгрию, Польшу, Румынию, Словению, Словакию и Чехию, а к тем, где «транзит продолжается», Боснию и

Герцеговину, Сербию и Черногорию. Этот исследователь выделил и такую категорию, как страны, в которых «транзит необратим» (Албания, Македония и Хорватия)³⁹⁴. Такой ход мысли не вполне убедителен, хотя бы потому, что необратимость распространяется и на первую категорию, несмотря на проблемность функционирования новых, демократических структур, и на третью, если учесть однозначную ориентацию этих стран на ЕС.

Американская организация «Фридом хауз» отнесла по итогам 2007 г. к консолидированным демократиям (с индексацией от 1 до 7, по нисходящей) Словению (1.86), Венгрию (2.14), Чехию (также 2.14), Словакию (2.29), Польшу (2.39) и Болгарию (2.89), а к полуконсолидированным демократиям – Румынию (3.36), Хорватию (3.64), Сербию (3.79), Черногорию (также 3.79), Албанию (3.82) Македонию (3.86). Косово зачислено в полуконсолидированные авторитарные режимы (5.21)³⁹⁵. Уместно отметить, что в ЦЮВЮЕ, при специфически низком уровне его политизированности, оказалось отнюдь не достаточно прохождения хантингтоновского «теста двумя передачами власти», чтобы обеспечить «консолидированность демократии».

Трансформация избирательных систем

В Центрально-Восточной Европе при организации выборов, голосовании, подсчете голосов и публикации результатов чаще всего соблюдаются демократические стандарты, правила и процедуры. Обеспечена регулярность проведения выборов. Ограничивается вмешательство официальных должностных лиц в избирательный процесс. Представители политических партий и неправительственных организаций имеют возможность на всех уровнях наблюдать за работой избирательных комиссий. Масштабы фальсификации выборов весьма сужены.

При уточнении выбора модели избирательной системы почти везде возобладала пропорциональная избирательная система с одним общенациональным округом или несколькими многомандатными округами, с использованием различных методов подсчета голосов. Она способствовала становлению многопар-

тийности и мобилизации заключенного в ней потенциала состоятельности партий.

Как уже отмечалось, несмотря на то, что с 1990 г. демократические парламентские выборы как правило проводились уже по несколько раз, с начала нового века в них, особенно на Балканах, принимает участие все еще чрезмерное количество партий и блоков. Необходимость преодоления раздробленности политического поля и многократной перестройки партийной структуры стимулировала поиски методов их укрупнения, дальнейшей расчистки политической палитры. Были введены в жизнь новые законы о выборах или внесены поправки в ранее принятые, – ужесточались требования к партиям и поднимались заградительные избирательные барьеры. Вначале они в большинстве стран составляли для одной партии 5 процентов, а в малых странах ниже: например, в Албании – 2,5 процента для партии и 4 – для блока. Но даже в самой маленькой из стран региона – Словении в 2000 г. планка прохождения в парламент была поднята с 3,2 до 4%, в Румынии в результате внесенных в 1999 г. поправок к закону о выборах 1992 г. она для партий была повышена с 3 до 5%.

В Хорватии порог в 5% был установлен как для партий, так и для их блоков. В Польше барьер для блока составляет 8%, в Румынии для блока двух партий столько же, трех – 9%, четырех и более – 10% голосов. В Словакии блок двух-трех партий должен набрать 7%, а блок четырех и более партий – 10% голосов. В Чехии избирательный порог для прохождения в палату депутатов особенно ужесточен: для коалиции двух партий – 10% (до 2002 г. – 7%), трех партий – 15% (прежде – 9%), четырех и более партий – 20% (до 2002 г. – 11%). В результате выборов и консолидации многопартийной системы количество партий в большинстве стран региона уменьшается. Из зарегистрированных практически активны лишь 5-10, а в парламент проходят 4-5. Однако лишь в Венгрии смешанная система естественным путем расчистила партийно-политическое поле и привела к возникновению по существу двухпартийной системы.

Варианты пропорциональной системы в Центрально-Восточной Европе и Румынии. В Словакии, где функционирует однопалатный парламент (Национальный совет) в составе 150 депутатов, в основу парламентских выборов был положен отно-

сительно простой из более чем сотни известных вариантов пропорциональной системы. Первоначально выборы проводились по четырем многомандатным избирательным округам, а с 1998 года – уже по единому общенациональному избирательному округу. Традиционно депутатские мандаты распределяются между преодолевшими избирательный барьер партиями и блоками, но согласно методике Хагенбаха-Бишофа* пропорционально набранным голосам, не обеспечивая привилегии крупным партиям, с некоторым искажением пропорциональности в пользу менее крупных партий. Кандидаты получают мандаты в той последовательности, в какой они представлены в избирательных списках. Мягкая система применяется в Словении (как и в республиках Балтии). В Румынии, где существует двухпалатный парламент – Великое Национальное собрание, состоящее из 485 депутатов и избираемое по пропорциональной системе, избирательное законодательство менялось для повышения порога с использованием одного из вариантов метода д’Ондта. Попытка ввести в 2003 г. мажоритарную систему для выборов в верхнюю палату (Сенат) не удалась. Следует отметить, что в этой стране разрешается «политическая миграция» – переход из одной партийной фракции в другую.

---

* В пропорциональных избирательных системах депутатские мандаты распределяются по различным математическим методикам подсчета, которые позволяют при делении количества поданных и признанных действительными голосов на число мандатов при помощи различных делителей оприходовать остатки. Метод Э. Хагенбаха-Бишофа, именуемый также методом Х. Друпы, формирует делитель, прибавляя к числу мандатов 1,2,3 и т.д., чтобы делить без остатков. Если они все же образуются, то в расчет принимаются лишь наибольшие из них, что искажает пропорциональность в пользу небольших партий. Метод В. д’Ондта предполагает применение возрастающих рядов делителей (1,2,3,4 и т. д.); его модификации – метод Сен-Лаге – прогрессивно возрастающие их ряды (1,3,5,7 и т.д.), при этом увеличение интервалов между делителями дает преимущество средним партиям. Метод Т. Хэра не учитывает меньшие остатки, несколько искажая принцип пропорциональности. Подробнее см.: Автономов А.С. Правовая онтология политики: К построению системы категорий. 1999. С. 291–294.

В Чехии, где законодательную власть обеспечивает Чешский Национальный совет – парламент, состоящий из двух палат (Палаты депутатов и Сената), выборы в верхнюю палату проводятся по пропорциональной (с 2002 г. используется метод уже не Хагенбаха-Бишофа, а д’Ондта), а в Сенат – по мажоритарной системе. При этом в Чехии есть определенная специфика в обеспечении наиболее полной реализации активного и пассивного избирательного права. Выборы в Палату депутатов проводятся по избирательным спискам партий, движений или коалиций в установленных законом 14 территориальных избирательных округах (до 2002 г., когда существовала другая территориально-административная система, они проводились в 8 округах), а в сенат – в 81 округе. При этом если нижняя палата избирается на четыре года, то в Сенате каждые два года происходит ротация одной трети избираемых на шесть лет сенаторов.

Количество кандидатов по округам тщательно регламентируется: в зависимости от плотности населения закон устанавливает максимальное количество мандатов в избирательных списках, приходящихся на каждый избирательный округ. Чешский избиратель имеет право пометить в списке партии, движения или блока, за которые он голосует, двух кандидатов (до 2002 г. – четырех), которым он отдает предпочтение. Если кандидат получил как минимум 7 процентов от общего числа голосов, отданных в рамках округа за данную партию, движение или коалицию, ему предоставляется мандат.

В Польше фрагментация состава Сейма (нижней палаты парламента – Национального собрания) в 1991 г. была столь велика, что при отсутствии порога и преимуществах для малых партий (применялся метод Хэра – Нимейера), он не мог сформировать устойчивую правящую коалицию. Пришлось трижды менять порядок выборов. На выборах 2001 года создающий определенные привилегии для партийной элиты общенациональный список был отменен. В настоящее время выборы в верхнюю палату – Сенат мажоритарные, а в Сейм пропорциональные (по многомандатным избирательным округам, в каждом из которых выбираются не менее семи депутатов). Избирательное объединение или блок могут выдвинуть один окружной список кандидатов в депутаты. Их число в списке не может быть меньше, чем

число депутатов, избираемых в данном округе, и не должно превышать число депутатов, избираемых в нем, в два раза. В бюллетене кроме номера списка и названия избирательного объединения или блока, обозначены фамилии и имена всех кандидатов. Избиратель помечает не только партийный список, но и одного из кандидатов. Что касается системы подсчета голосов, то закон от 12 апреля 2001 г. в связи с изменившейся политической ситуацией отказался от применения метода д'Ондта, выгодного большим и сильным партиям, в пользу более мягкого метода, при использовании которого в привилегированном положении оказываются средние и мелкие партии.

Смешанная мажоритарно-пропорциональная система в Венгрии, Албании и Македонии. Венгерская избирательная система считается наиболее полно и всесторонне учитывающей волеизъявление избирателей. Она предоставляет значительные возможности кандидатам, более тщательно распределяет места в парламенте. Это не простая «смешанная несвязанная система», при которой одна часть депутатского корпуса избирается по бюллетеням пропорциональной системы, а другая – мажоритарной. Венгерская модель внесла в голосование элемент «смешанной связанной модели» – зависимость результатов голосования по обеим системам и коррекцию их итогов (компенсационная система).

На практике это выглядит так. В однопалатное Государственное собрание Венгрии избирается 386 депутатов: 176 (45%) – по одномандатным округам по мажоритарной системе в два тура, 152 – по 20-ти территориальным округам пропорциональной системы (по методу Хагенбаха-Бишофа), и 58 – через «компенсационное» распределение остаточных голосов по общенациональному избирательному округу. Депутатом по территориальному партийному списку становится кандидат, получивший две трети голосов и при условии, что в выборах участвовало более половины избирателей. В случае признания первого тура недействительным кандидаты всех партий могут участвовать во втором туре, который считается состоявшимся, если в нём участвовало свыше одной четверти избирателей. Остаточные голоса складываются из голосов: а) первого действительного тура, отданных за кандидатов по одномандатным округам, которые не

прошли в парламент по итогам второго тура; б) одного из действительных туров голосования по территориальным спискам, если этих голосов не хватило одному кандидату для получения мандата либо их было избыточное количество у другого кандидата, или действительного первого тура при недействительном втором туре, или приходящихся на тот территориальный округ, где партии выдвигали своих кандидатов. Остаточные голосаходят тем партиям, блокам и объединениям, за чьими кандидатами они числились. Остаточными не считаются голоса, поданные за территориальные списки партий, блоков или объединений, не прошедших заградительный барьер, а также в том туре голосования, который признан недействительным.

В Венгрии полагают, что эта уникальная избирательная система обеспечивает стабильность политической системы, позволяя объединить достоинства мажоритарной и пропорциональной системы, весьма скрупулезно соблюдать интересы всех партий, блоков и кандидатов. Критики считают, что она отдает излишнее предпочтение сильным партиям и искажает волю избирателей³⁹⁶. Такая система излишне сложна и громоздка для большой страны. Как бы то ни было, Венгрия оказалась единственной страной, в которой в итоге утвердилась по существу двухпартийная система.

Попытка соединить плюсы двух основных моделей – мажоритарной и пропорциональной – предпринималась в небольших странах юго-восточного субрегиона с однопалатной структурой парламента – Албании и Македонии (до 2002 г.) – в виде смешанной системы.

В Албании высший представительный и законодательный орган – Народное собрание (Кувенд) – состоит из 140 депутатов, большинство из которых (100) голосуют по мажоритарной системе в одномандатных округах, где выдвигаются и имеют шанс самостоятельно пройти достаточно популярные лидеры политических партий. Остальные 40 мест занимают по партийным спискам на основе пропорционального представительства. Эта система, как и венгерская, носит компенсационный характер. Голоса, отданные за партии и блоки, не преодолевшие барьер в 2,5 и 4% соответственно, распределяются среди партий, прошедших в пропорциональной части. Это вынуждает многие

из небольших политических организаций, не имеющие собственных шансов попасть в парламент, участвовать в блоках на условиях получения ими заранее оговоренной квоты депутатских мест. В случае досрочного освобождения депутатского места оно или замещается другим кандидатом из соответствующего партийного списка, или же проводятся дополнительные выборы в одномандатном округе. Целям укрупнения и консолидации политических сил в албанском парламенте служит и наличие лимита в пять депутатов для образования парламентских групп. Эта норма способствует объединению претендентов на депутатские места еще перед выборами, порождает практику своеобразного донорства крупных политических сил в отношении их «малых» союзников путем делегирования своих депутатов для доукомплектования парламентских групп последних. Аналогичное албанскому сочетание мажоритарной и пропорциональной системы, но двухсегментное, где обе части не связаны друг с другом, имело место в Македония. В однопалатное Собрание Республики Македонии избирались 120 депутатов, две трети из которых проходили по мажоритарным округам (в два тура) и одна треть – по спискам пропорциональной системы в единственном округе. Рыхлость такой структуры, массовый переход депутатов из одних партийных фракций в другие, слабость партийной дисциплины вызывали критику политиков страны, и с 2002 г. была введена единая пропорциональная система с исключением перехода из одной фракции в другую.

Многие политологи региона считают, что смешанная и мягкая пропорциональная системы сочетают принцип представительства всех серьезных политических сил с элиминированием маргинальных групп и в большей мере способствуют укреплению демократического устройства. Вместе с тем, следует признать правоту венгерского ученого Я. Шимона в том, что частая смена избирательной системы в интересах того или иного эшелона элиты влечет за собой негативные последствия³⁹⁷.

Избирательные системы других государств бывшей Югославии. Эти системы складывались и перестраивались по-разному, в зависимости от темпов и методов трудной эволюции авторитарных политических режимов, от соотношения сил в ходе решения политических, экономических, национальных и

военных задач³⁹⁸. Преобладает пропорциональная система по методу д'Ондта, с 5-процентным заградительным барьером.

Хорватия после смерти Ф. Туджмана пошла в 1999 г. по пути трансформации двухпалатного парламента – Сабора, состоявшего из Палаты представителей со смешанной избирательной системой и Палаты жупаний (областей, общин) – в однопалатный с пропорциональной системой по методу д'Ондта. С 2003 г. введены выборы по 10 многомандатным округам, в каждом из которых избирается по 14 депутатов. Сабор состоит, с учетом представителей национальных меньшинств, из 150-155 депутатов.

В Сербии первые многопартийные выборы 1990 г. проводились по мажоритарному принципу, все последующие, начиная с 1992 г., – по пропорциональной системе по методу д'Ондта. Оптимизация касалась только уменьшения количества избирательных округов. Республиканский парламент – это 250 депутатов. Закон о выборах народных депутатов Сербии практически отдал формирование состава парламента на откуп партиям и блокам: они не были обязаны соблюдать заявленную в их избирательных списках очередность кандидатов на получение депутатских мандатов и вольны были сами определять, кто станет депутатом. Установившаяся после свержения в октябре 2000 г. режима С.Милошевича «управляемая демократия», засилье полуавторитарной исполнительной власти привели к политическому кризису и внеочередным парламентским выборам 28 декабря 2003 г. Принятую на референдуме в октябре 2006 г. новую Конституцию Сербии (без косвенных выборов) премьер-министр В. Коштуница назвал «самой демократической за последние 100 лет»³⁹⁹. В Черногории парламентские выборы проводились исключительно по пропорциональной системе. Для уменьшения количества и укрупнения составляющих республиканского политического поля сокращалось число депутатских мандатов и увеличивался с 3-х до 5-ти процентов заградительный барьер.

После разделения Сербии и Черногории избирательное законодательство в них осталось, по оценке «Фридом хауз», на том же уровне «некоторого отступления от демократических стандартов». В докладе Европейской комиссии по Черногории за период с сентября 2005 г. до октября 2006 г. констатирова-

лось, что это страна со слабой инфраструктурой всех ветвей власти⁴⁰⁰. Главная задача нового парламента Черногории – разработать и принять демократическую Конституцию независимого государства – была решена 20 октября 2007 г.

В Крае Косово после более чем десятилетнего перерыва парламентские выборы проводились с 17 ноября 2001 г. по пропорциональной системе в общенациональном избирательном округе на основании утвержденных международной гражданской администрацией "Уставных рамок временного самоуправления в Косове". Из 120 депутатских мест краевого парламента 100 мест выделяется для всех зарегистрированных партий, коалиций и даже независимых кандидатов, а 20 мест зарезервированы для объединений национальных меньшинств, в том числе половина из них – для сербской общины. Последние выборы состоялись в ноябре 2007 г. Косово объявило независимость 18 февраля 2008 г.

Находившаяся под международным протекторатом Республика Босния и Герцеговина (БиГ) согласно утвержденной Дейтонским соглашением от 21 ноября 1995 г. Конституции построила парламентскую избирательную систему на принципах пропорциональности. Структура общефедеральных органов такова: высший представительский и законодательный государственный орган – Скупщина Республики БиГ (Парламентская ассамблея) – делится на верхнюю Палату народов и нижнюю Палату представителей. Палата народов состоит из 15 депутатов: каждая община, представленная в республиканских парламентах, делегирует по пять депутатов. В составе Палаты представителей – 42 депутата, из которых 14 выбираются в Республике Сербской (РС) и 28 – в Мусульманско-хорватской федерации (МХФ). В двух составляющих федерации – МХФ и РС – избираются собственные парламента (двухпалатный в МХФ с фиксированным представительством в Палате народов населяющих эту республику народов и однопалатный – Народная скупщина РС). Избирательное законодательство учитывает многонациональность федерации. Властные структуры строятся строго по национальному признаку, соблюдаются принципы равноправия основных народов – босняков, хорватов и сербов. Федеративный характер БиГ определяется не только признанием равноправия

ее народов, но и учитывающим национальный состав административным делением на кантоны. В связи с решением международного сообщества от июня 2006 г. о прекращении в середине 2007 г. деятельности офиса Верховного представителя 1 октября 2006 г. местные государственные структуры провели выборы в центральный парламент самостоятельно.

Приходится констатировать, что сложившаяся в этом субрегионе политическая система оказывается недостаточной для распутывания клубка накопившихся сложных социально-политических и национальных проблем, хотя ряд из них постепенно находит позитивное решение. Вместе с тем, растянутость и противоречивость процесса демократизации в странах Юго-Восточной Европы, холостые обороты политических механизмов нередко выводят на парламентских выборах на первый план отнюдь не гарантирующие оптимальное развитие национально-консервативные партии.

Системы представительства национальных меньшинств. Вместе с тем, важным вкладом многонациональных в своем большинстве стран в копилку опыта совершенствования избирательных систем является законодательно закрепленное представительство в парламентах меньшинств, с выделением им гарантированной квоты мест. Выше уже была речь о многонациональной Федерации БиГ и защищающем права населяющих ее народов избирательном законодательстве. Аналогичными положениями в отношении прав национальных меньшинств дополняется пропорциональное представительство в Польше, Словении, Хорватии и некоторых других странах. В Польше резервируются для немецкого меньшинства два места (принцип заградительного барьера в 5% на него не распространяется), в Словении – по одному месту для представителей итальянского и венгерского меньшинства, выбираемых в Государственное собрание по мажоритарному принципу. В Хорватии, где до недавнего времени для национальных меньшинств выделялось 5 мест – по одному для сербов, итальянцев, венгров, чехов или словаков, русских или евреев, или немцев, или австрийцев, или французов, согласно поправкам от 2 апреля 2003 г. к закону о выборах в соответствии с утвержденным в 2001 г. Конституционным законом о правах национальных меньшинств, избирается 8 представителей

по единому избирательному округу в масштабах всей страны. Согласно поправкам, уже на парламентских выборах в ноябре 2003 г. трое депутатов избирались этническими сербами, по одному общему – от чехов и словаков, от австрийков, болгар, евреев, немцев, поляков, румын, русских, русинов, турок, и украинцев, и также от албанцев, босняков, македонцев, словенцев и черногорцев. Четыре места гарантируются для хорватской диаспоры.

В Косове из 20 мест, зарезервированных для объединения национальных меньшинств, половина предназначается для сербской общины. В румынской Палате представителей для национальных меньшинств выделены 18 мест.

Практика первых лет XXI века в силу интенсификации политического процесса и активизации партийно-политических структур потребовала дальнейшего совершенствования избирательной системы. Вначале развернулась корректировка ее деталей – размеров многомандатных округов, запретительных барьеров, формулы подсчета голосов и т. д. Затем стали выявляться формальные недостатки наиболее распространенной пропорциональной системы выборов. Пропорциональная система подвергалась критике в Чехии, Болгарии, Польше и др. странах как создающая почву для злоупотребления связями при составлении избирательных списков за кулисами политической сцены в целях влияния на состав парламента и правительства, превращающая внутрипартийную демократию в правление партийной олигархии. Отмечались опасность избрания лоббистов частных интересов, злоупотребления административным ресурсом, того, что избранные по пропорциональной системе депутаты проявляют себя как правило послушными, легко управляемыми и т. д. В результате решение ключевых проблем нередко сосредоточивается в руках партийных бонз, происходит объединение партократии с бюрократией, усиливается преобладание узких партийных интересов над общенациональными. Поспособствовав укоренению многопартийной системы, пропорциональная избирательная система одновременно привела к чрезмерной партизации политической жизни и определенной дискредитации партийной элиты.

Нередко подчеркиваются преимущества смешанной и мажоритарной системы, которые способствуют преодолению ме-

ханического воспроизводства прежней элиты в рамках пропорциональной системы, увеличению влияния избирателей на формирование состава парламента. В ряде стран ставится вопрос о переходе к мажоритарной системе, соответственно к выборам в два тура как пути к двухпартийной системе, но при отсутствии доминирующей или двух ведущих партий, имеющих традиционный электорат, это нереально.

В Центрально-Восточной и в меньшей мере в Юго-Восточной Европе законодательство о выборах и электоральный процесс в большей или меньшей степени способствуют повышению эффективности и непредвзятости избирательных процедур. По показателям избирательного процесса «Фридом хауз» в 2007 г. страны ЦВЮВЕ выстроились в следующем порядке: Словения, Чехия, Польша, Венгрия, Словакия, Болгария, Румыния, Хорватия, Сербия, Македония, Черногория, Косово, Босния (и Герцеговина), Албания. С учетом специфики политической жизни в каждой из стран электоральный процесс продолжает оптимизироваться по мере наполнения буквы закона реальным политическим содержанием. В этом важную роль играет роль независимость СМИ. По этому показателю эти страны размещаются почти классически: Словения, Чехия, Польша, Венгрия, Словакия, Болгария, Румыния, Хорватия, Сербия, Черногория, Албания, Босния (и Герцеговина), Македония, Косово⁴⁰¹.

Установление института президентства и выборы президента

Трансформация политической системы стран ЦВЮВЕ началась с определения того, какие теории и практика, какие нормы «партии-государства» должны быть решительно отвергнуты и больше не будут воспроизводиться. Намного сложнее было претворить в жизнь требования демократии при конструировании новой политической системы. В переходный период возникла естественная потребность в сильной и эффективной власти, обеспечивающей коренные экономические, по-

литические и социальные изменения, скорейший выход из кризиса. Принятые на рубеже 80-х – начала 90-х гг. в силу политической необходимости во всех странах региона демократические конституции были направлены на отделение государства от партийных структур, на формирование сильного парламента, способствующего консолидации правительственной власти, недопущению концентрации власти в руках одного человека – автократа. Утвердилась парламентская система. В большинстве государств парламент приобрел конституционное преимущество перед исполнительной властью.

В срочно подготавливаемых конституциях нашел свое место и новый властный институт – институт президентства⁴⁰². Императив создания этого института отразил как политическую остроту периода системных преобразований, так и стремление к сохранению национальной идентичности и политических традиций. Этот институт был призван исполнять важные политические функции. В условиях плюралистического состава парламента президент должен обеспечивать стабильность власти, единство государства и его персонификацию, являясь олицетворением, или символом этого государства. Ему предстояло исполнять роль координатора действий государственных органов, политического арбитра и медиатора между ними в случае возникновения конфликта, гаранта соблюдения конституции и гражданских прав. Отсюда повсеместное принятие модели опирающегося на конституцию президентства⁴⁰³.

Чаще всего утверждение новых конституций, содержавших положения о президенте, диктовалось необходимостью немедленно решать первоочередные задачи, хотя бы при помощи компиляции из разных систем, включения слабо связанных друг с другом элементов, противоречивых и непоследовательных решений. Введение института президентства мотивировалось обращением к мировым демократическим образцам и стандартам институциональных решений, а также к собственным традициям государств, в которых прежде, в досоциалистический и какое-то время в социалистический период, существовал такой институт (так было, например, в Венгрии и Польше).

Только в Чехословакии, единственной стране, где пост президента не был ликвидирован, новая конституция была в значи-

тельной степени калькой модифицированной в годы социализма довоенной конституции, с сохранением института президента и избрания его обеими палатами парламента⁴⁰⁴. На этот пост 30 декабря 1989 г. и вновь 5 июля 1990 г. был избран известный писатель-диссидент В. Гавел, который после неудачи на выборах 3 июля 1992 г. дважды выиграл президентские выборы – уже в Чехии, после ее «мирного развода» со Словакией. В марте 2003 г. на эту должность вступил и в феврале 2008 г. переизбрался на второй срок видный правый экономист, идеолог и практик экономической трансформации В. Клаус, один из организаторов Гражданского форума и председатель возникшей на его основе Гражданской демократической партии, приобретший богатый опыт на постах министра финансов, премьера и спикера нижней палаты парламента.

Неопределенные положения словацкой Конституции, хотя и ссылавшейся на прежний Основной закон Чехословакии, позволили правительству В. Мечьяра поделить функции президента между руководителями правительства и парламента, что вызвало ряд политических кризисов⁴⁰⁵. Правительство В. Мечьяра сконцентрировало в своих руках огромную власть. В 1995-1997 гг. взаимоотношения между президентом, с одной стороны, и парламентом и правительством, с другой, носили характер «холодной войны». Институт президентства в этой стране приобрел оптимальную форму только после внесения в Конституцию поправок, расширявших полномочия президента в случае конфликта между законодательной и исполнительной ветвями власти⁴⁰⁶, а также основательной конституционной реформы.

Проректор Университета им. Коменского в Братиславе, специалист по уголовному праву И. Гашпарович стал кандидатом в президенты Словакии, имея за плечами опыт генерального прокурора Чешской и Словацкой Федеративной Республики и председателя Народного Совета (парламента) Словацкой Республики. Один из соратников Мечьяра, он перешел в оппозицию, стал лидером партии Движение за демократию и сторонником евроинтеграции, после чего 15 июля 2004 г. занял пост президента Словакии.

Формирование института президентства как правило было непосредственно связано с решением различными политически-

ми силами текущих задач. От политической конъюнктуры, политических торгов и переговоров зависели характер института и позиции президента, объем его компетенций в Венгрии и Польше⁴⁰⁷. В этих странах коммунистические партии вначале выступали за сильное президентство, решая свою стратегическую цель – надеясь при его помощи контролировать происходящие перемены и состояние общества. Полемика была тем ожесточеннее, чем более сильные позиции президента фиксировались в проекте той или иной стороны, обещая изменение расстановки сил на политической арене. В Венгрии политический процесс оказал на становление института президентства особое воздействие. Решение об учреждении этого института было принято «треугольным столом» (по формуле «круглого стола»). Затем была произведена соответствующая доработка Конституции, развернулись дебаты о порядке проведения выборов. В центре продолжительного противостояния оказался вопрос о всеобщих или косвенных, в рамках парламента, выборах президента, об их проведении до или после парламентских выборов, что давало преимущества тем или иным политическим силам и определяло силу или слабость позиции президента. Длительное противоборство, принятие и отмена противоречивших друг другу законодательных актов по этому вопросу и даже проведение референдумов завершились форсированием модели избираемого парламентом, «слабого» президента, зависимого от законодательной ветви власти и поддерживающего равновесие между нею и исполнительной властью, не являясь самостоятельным центром управления⁴⁰⁸. Президентом Венгрии был избран не обладавший значительным политическим весом литератор-оппозиционер А. Генч, которого сменили на этом посту Ф. Мадл, а затем занявшая это место 5 августа 2005 г. более крупная фигура – Л. Шойом. Последний, специалист по конституционному праву, член-корреспондент Венгерской Академии наук и председатель Конституционного суда Венгрии, был одним из строителей Венгерского демократического форума и основ правового государства.

В Польше после «круглого стола» и президентства генерала В. Ярузельского (сознательно урезавшего свои полномочия в пользу парламента) президентом страны на всеобщих выборах был избран лидер «Солидарности» Л. Валенса (1990-1995 гг.).

После Валенсы в течение двух сроков (декабрь 1995 – декабрь 2005 гг.) президентом являлся лидер СДРП А. Квасъневский. Президентские выборы 2005 г. выиграл и в декабре вступил в должность Л. Качиньский – бывший советник «Солидарности», бывший министр юстиции, один из лидеров национал-консервативной партии «Право и справедливость» (он получил 54% голосов избирателей во втором туре).

В Болгарии политическая система претерпевала качественные изменения постепенно и только после длительных переговоров по формуле «круглого стола» в начале 1990 г. и внесения дополнений в Конституцию 1971 г. был создан институт президентства. В установившейся парламентской республике избранный на этот пост парламентом после пяти нерезультативных туров видный ученый Ж. Желев играл роль формального главы и арбитра, стабилизатора политических отношений, не имея возможности распускать парламент. Этот выбор был вновь подтвержден после принятия в июле 1991 г. первой в бывших социалистических странах новой Конституции и перехода к всеобщим прямым выборам⁴⁰⁹. С укреплением левых сил с 22 января 2002 г. и поныне пост президента занимает Г. Пырванов, повторно избранный в 2006 г. бывший председатель Высшего Совета БСП, возглавлявший в парламенте фракцию «Коалиция за Болгарию».

В Румынии институт президентства существовал с марта 1974 г. и уже первый акт новой власти от 22 декабря 1989 г. прокламировал назначение нового, временного президента И. Илиеску⁴¹⁰. После нескольких месяцев борьбы Илиеску был вновь избран на пост президента в мае 1990 г. Его довольно широкие полномочия, прописанные в Конституции от 21 ноября 1991 г., в разделе «Президент Румынии» (статьи 80-100)⁴¹¹, означали создание де-юре полупрезидентской республики. Последние поправки в конституции Румынии и Хорватии, ранее самоопределявшихся как полупрезидентские республики, зафиксировали их статус как парламентских.

Президентская власть устанавливалась и отстраивалась по-разному. Если в России в атмосфере политической борьбы конфликтующих сторон возобладала конфронтационная модель, то в ряде стран региона политические силы с разными ориента-

циями искали и находили компромисс (соглашения «круглого стола» в Польше, «треугольного стола» в Венгрии или переговорный процесс в Болгарии). В Чехии была реализована консенсусная модель с согласованным или единым пониманием задач президента в стране. Принятые во время переговоров политические решения, достигнутое между правительственной стороной и оппозицией соглашение затем трансформировались в правовое решение при помощи парламента (Польша, Венгрия, Болгария). В других случаях институт президентства учреждался решением парламента перед принятием новой Конституции, которое являлось обновлением прежней Конституции (Румыния), или же решение парламента принималось в процессе подготовки и утверждения новой Конституции (Чехия, Словакия). Предметами споров вокруг института президента были либо его форма, конституционно-правовая конструкция, либо касающиеся его отдельные решения (например, порядок и сроки выборов в Венгрии). Участниками споров были правящая сторона и оппозиция (Польша, Венгрия, Болгария), работавшие над проектом Конституции парламентарские партии (Румыния).

Конструкция складывавшейся президентской власти в итоге как правило базировалась на сходных принципах, учитывала реальности каждого государства, исторические традиции народа, юридико-политические условия функционирования системы. Она отвечала не только сложившейся обстановке, но и общественным ожиданиям. Важную роль играли концепции политических партий, проекты конституционного устройства главных политических сил, актуальные политические постулаты и предпочтения, а также личные качества политических лидеров, стиль их поведения и влияние. Наиболее яркие примеры большого персонального влияния – польский президент Л. Валенса, чехословацкий (чешский) президент В. Гавел и болгарский президент Г. Пырванов.

В начале 90-х гг. Л. Валенса в Польше, В. Гавел в Чехии, Ж. Желев в Болгарии, С. Бериша в Албании пытались усилить президентскую власть и тем самым изменить баланс властей в пользу президента. Допущенные к процессу формирования института президентства, они, как правило, стремились расширить свои властные полномочия, но натолкнулись на сопротивление

политических элит и вынуждены были уступить. Лишь президенту С. Милошевичу в условиях войны в Югославии удалось сконцентрировать в своих руках значительную власть и сохранять ее до октября 2000 г., что позволило некоторым политологам считать эту формально парламентскую республику полупрезидентской.

После смерти Ф. Туджмана Хорватия в том же году была превращена, наоборот, из полупрезидентской республики в парламентскую – было решено не допускать концентрации власти вне правительства и парламента. С февраля 2000 г. по настоящее время пост президента занимает переизбранный в январе 2005 г. сподвижник Туджмана С. Месич – юрист, в 1990 г. первый премьер-министр независимой Хорватии, затем председатель президиума СФРЮ, ныне либерал-центрист прозападнического направления. В Македонии движение политического маятника вынесло на премьерский пост в 1992 г. председателя Социал-демократического союза (бывшего Союза коммунистов) республики Б. Чрвенковского. В 1998 г., с поражением левых, он возглавил оппозицию, а затем вновь стал премьером. После гибели президента Б. Трайковского в апреле 2004 г. он вступил в эту должность 12 мая 2004 г.

В настоящее время проблема «сильного» президента практически исчерпала себя во всем регионе. Полупрезидентская система власти считается ослабляющей позицию парламента в отношении правительства; в парламентской системе правительство зависит от парламента. Президент, как правило, не вмешивается в отношения между парламентом и правительством, выступая медиатором в случае возникновения разногласий и конфликтов между политическими структурами. Специфической чертой Центрально-Восточной Европы является центральная роль правительства в исполнительной власти. Его роль особенно подчеркнута в конституциях Чехии и Словакии, в которых записано, что главным (Чехия) или высшим (Словакия) органом исполнительной власти является правительство. Везде предусмотрена парламентская процедура назначения правительства. Премьера формально предлагает президент, а его выбор и состав правительства определяется партийным составом парламента. Реальные политические позиции президента определяются

принципами и способом его избрания, объемом конституционных прав, стилем осуществления власти, политическим авторитетом и т.д. Эти факторы имеют серьезные политико-правовые последствия.

В странах этой части Европы основополагающие правовые акты, обеспечивающие становление политической системы, – как предварительно определившие принципы избрания президента, так принятые уже после выборов с небольшими модификациями, соответствуют ставшим классикой международным стандартам. Конституции ряда стран – например, Венгрии, Польши, Чехии – детально отрегулировали порядок избрания президента, гарантируя от частых изменений под влиянием текущей политической ситуации. Это особенно важно при проведении прямых всеобщих президентских выборов. Другие ограничились определением общих принципов и отослали к детализации процедуры в избирательных законах.

При попытке формализовать критерии оценки политического строя и ввести дифференциацию определяющих себя в конституциях как парламентские республик региона по принципам избрания президента прямым всеобщим голосованием или в парламенте и т. д. появляются такие варианты форм государства как собственно парламентская (Албания, Венгрия, Чехия), премьер-президентская (Болгария, Македония, Румыния, Сербия, Словения, Словакия, Хорватия, Черногория) и президентско-парламентская (Польша) республики⁴¹². Они как правило слабо отражают реальное соотношение властных полномочий между ветвями власти и внутри исполнительной власти, проявляющееся, в частности, при функционировании политических структур.

При всеобщих выборах срок полномочий президента обычно не зависит от продолжительности полномочий парламентов. При косвенных выборах может создаваться ситуация роспуска парламента президентом, и тогда, в период между двумя созывами парламента, стабильность государства гарантируется деятельностью президента. В подавляющем большинстве стран Европы, в том числе и данного региона, президент занимает свой пост четыре или пять лет. Предусмотрена возможность повторного избрания того же лица на следующих выборах. Во всех государствах региона существует ограничение двумя сроками (в

мире есть и другие варианты – например, итальянское законодательство не признает ограничений, а в Колумбии, Мексике или на Филиппинах повторные выборы запрещены).

Сходными являются и условия регистрации кандидатов в президенты. Они должны быть гражданами государств, в которых выставляются, обладать активным и пассивным избирательным правом. Во всех конституциях определена возрастная граница: в Венгрии, Польше и Словакии это 35 лет, в Болгарии и Чехии – 40 лет. Если президент избирается путем всеобщих выборов, он должен проживать на территории страны определенный срок (например, в Болгарии и Словакии – 5 лет). Принято расписывать выборы президента согласно распоряжению парламента или его председателя. Все конституции установили время, когда должны пройти выборы: в последние месяцы срока предыдущего президентства, чтобы избежать ситуации, когда закончился срок полномочий одного президента, а следующий еще не избран. Там, где президент избирается всеобщим голосованием, кандидатов чаще всего выдвигают политические партии и организации, группы избирателей. Иногда и сами заинтересованные занимаются самовыдвижением. Если президента выбирает парламент (в настоящее время в регионе такой порядок существует только в Албании, Венгрии и Чехии), то кандидатов выдвигают группы парламентариев.

При всеобщих выборах в основу положен принцип зависимости регистрации кандидатов на пост президента от собранного ими количества подписей избирателей, поддерживающих данную кандидатуру. Соблюдается определенная пропорция между числом избирателей и требуемым количеством подписей. Скажем, в Румынии при населении в 22 млн. человек надо собрать 100 тыс. подписей, а в Польше такое же количество обязывает при 28 млн. избирателей. Обязывает принцип абсолютного большинства в первом туре и проведения второго тура с участием двоих более успешных кандидатов. Как правило, второй тур сопровождается резким обострением предвыборной борьбы. Но он дает право ссылаться на полученную поддержку большинства народа, противостоять законодательной власти, быть эффективным арбитром и т.д.

В государствах Центрально-Восточной Европы преобладает возникшая во второй половине XX в. процедура всеобщих выборов президента, связанная с распространением демократических норм и стремлением обеспечить гражданам самое широкое участие в этом процессе, способствовать дальнейшей демократизации политической жизни и росту сознания общества. В условиях системной трансформации избранный в ходе всеобщих выборов, то есть получивший широкую общественную поддержку президент воспринимается (и может быть) более последовательным и эффективным проводником политики реформ и выхода из кризиса, а также более убедительным носителем идеи единства общества на этом пути, гарантом преодоления политических коллизий переходного периода. Опыт данного субрегиона свидетельствует, что нет прямой зависимости между способом выбора президента и характером власти, что порядок выборов не является критерием, отличающим президентскую систему от системы парламентской. Он не ведет сам по себе к президентскому или полупрезидентскому правлению. Так же, как косвенные выборы президента, через парламент, не означают установления парламентской республики, парламентской формы власти. Последняя значительно больше зависит от политической культуры общества, конституционных традиций и расстановки политических сил.

В государствах, которые традиционно применяют косвенный метод выборов президента, он выбирается в парламенте абсолютным (Чехия) или квалифицированным (Венгрия) большинством голосов. Применяется процедура нескольких поочередных голосований, в которых президент выбирается обычным большинством голосов. Избранный таким образом, он нередко имеет существенно меньшие политические возможности, чем победитель, прошедший через всеобщие прямые выборы.

В Центрально-Восточной Европе институт президентства и президентские выборы стали обычным делом, прочно и эффективно вписались в политическую систему, в политическую жизнь. Установленный порядок проведения президентских выборов наложил отпечаток на прогрессирующий процесс формирования и функционирования демократического правового государства.

Что касается качественного отличия ситуации в субрегионе Юго-Восточной Европы, то при сохраняющихся в значительной мере в ряде стран разнонаправленности процессов решения политических и национальных проблем, отсутствии базового консенсуса и недоразвитости новых институциональных компонентов власти нередко соблюдается лишь «процедурный минимум» демократической системы. Отсюда существенные трудности со становлением института президентства и его выборами, большой разброс вариантов. Выделим два из них как показательные примеры этого явления.

В Словении значимые традиции суверенной государственности не сложились и в ее Конституции от 23 декабря 1991 г. прослеживаются некоторые следы конституционного правопорядка прежней Югославии. Но президент республики выбирается тайным голосованием на прямых, всеобщих выборах. Он имеет традиционные для этого поста компетенции (статьи 102-104). Однако в отличие от ряда других постсоциалистических стран он не располагает правом законодательной инициативы (как в Польше), правом вето в отношении законов (как в Польше, Венгрии и Болгарии), а также правом объявлять референдум (как в Венгрии и, при согласии верхней палаты парламента, в Польше)⁴¹³.

Для сравнения отметим, что Конституция Хорватии, принятая одной из первых в регионе – на год раньше, 22 декабря 1990 г., ввиду обострения внутреннего противостояния в Югославии (военные действия со всей мощью развернулись летом 1991 г.) содержала как общедемократические принципы прямых выборов президента, так и его более энергично прописанные правомочия (значительную независимость от парламента и широкие права в отношении правительства – назначение премьера, предложение состава правительства, роспуск парламента в случае объявления им вотума недоверия правительству и др.). Но права законодательного вето президент не получил. Зато в условиях возникновения чрезвычайной угрозы для государства права президента несравненно расширились (ст. 98-105)⁴¹⁴. Практика вообще выводила их на конституционные рамки.

Приведем некоторые данные о состоявшихся в последние годы президентских выборах. В ходе процесса политического

самоопределении Черногории премьер-министр Ф. Вуянович в мае 2003 г. стал ее президентом и в период его правления в мае 2006 г. была провозглашена независимость Черногории. Из стран бывшей Югославии в 2006 г. президентские выборы прошли в Крае Косово. После смерти президента Косова И. Руговы 10 февраля парламент избрал новым главой края его ближайшего сподвижника Ф. Сейдиу.

В Болгарии 29 октября 2006 г. во втором туре президентских выборов (результаты первого из-за явки менее 50% избирателей были признаны нелегитимными) подряд на второй срок, впервые в новейшей истории страны, президентом был переизбран, получив 75,8% голосов избирателей, Г. Пырванов. Он одержал победу над кандидатом националистической партии «Атака» В. Сидеровым. При явке 41,2% Пырванов победил легко и с огромным перевесом, поскольку партии правого центра оказались не в состоянии выдвинуть сильного контркандидата.

24 июля 2007 г. парламент Албании избрал президентом страны вице-председателя правящей демократической партии Албании Б. Топи, биолога по образованию и министра сельского хозяйства во второй половине 90-х гг. Его избрание произошло в предпоследнем, четвертом раунде, предусмотренном процедурой выборов. За Топи проголосовали из 140 присутствовавших 85 депутатов (при необходимых 84 голосах), в том числе 7 – от оппозиционной Албанской социалистической партии. Это было следствием давления ЕС и США, которые настаивали на том, что Албания должна избежать затяжного политического кризиса и замедления реформ в стране. После избрания Б. Топи вышел из партии, становясь лидером всего народа.

22 октября и 11 ноября 2007 г. прошли президентские выборы в Словении. Во второй тур вышли первый вице-премьер, депутат Европейского парламента, член правящей христианской народной партии «Новая Словения» А. Петерле и кандидат от оппозиционного левоцентристского блока, руководитель кафедры международного права Люблянского университета, первый представитель Словении в ООН Д. Тюрк (с 1884 г. он работал в структурах этой организации, в том числе помощником генерального секретаря по политическим вопросам). Во втором туре он и победил, набрав 68,03% голосов⁴¹⁵.

9 декабря 2007 г. на досрочных (в связи со смертью президента М. Желича) президентских выборах в Республике Сербской, входящей в состав БиГ, новым президентом был избран Р. Кузманович, кандидат от правящего в республике Союза независимых социал-демократов. При явке 36,93% за Кузмановича отдали голоса 41,33% принявших участие в выборах избирателей⁴¹⁶. Новый президент возглавляет республиканскую Академию наук и искусств, он профессор конституционного права.

В 2008 г. новый цикл президентских выборов в Юго-Восточной Европе открыл Б. Тадич, социальный психолог, начавший политическую карьеру в качестве министра телекоммуникации еще в правительстве СФРЮ, а партийную – как председатель Демократической партии (Сербия). В первый раз он был избран президентом через год после убийства З. Джинджича – 11 июля 2004 г. и теперь повторно. Странник евроинтеграции.

Следует помнить, что в странах региона институт президентства создавался во время трансформации государственного устройства чаще всего как новый орган, формируемый после десятилетий отсутствия такового в системе государственных органов. Создание этого института явилось индикатором хода процесса политической трансформации в ЦВЮВЕ⁴¹⁷. Эти страны воистину стали лабораториями государственного строительства, новых типологизации и решений в рамках различных политических систем, в том числе выдвижения лидеров из числа, что здесь типично, представителей интеллектуальной элиты своих стран.

Динамика электоральной активности

Электоральная активность населения органически связана с ролью, которая ей предписывалась как на предшествовавших отрезках истории – довоенном, с низким уровнем политической активности, трагических лет гитлеровской оккупации, а затем послевоенного периода утверждения модели «выбора без выбора», – так и на современном этапе.

С переходом к парламентской демократии электоральное участие стало проявлением политической свободы граждан и их

личным делом. Избиратели получили возможность реального выбора между различными политическими партиями и кандидатами в депутаты. На первом этапе трансформации сам факт проведения состязательных выборов весьма поспособствовал росту их электоральной активности. Электоральное участие стало проявлением общественно-политической позиции, отношения граждан к формирующейся политической системе, к партиям, к государству и его институтам. Оно связано с той или иной скоростью демократизации политической системы, а с другой стороны – с развитием ситуации в стране.

Электоральное поведение напрямую зависит от организации предвыборной кампании, от того, способны ли политические партии своей программой, лозунгами, рекламной кампанией, митингами, представлением кандидатов, избирательными технологиями привлечь электорат к участию в выборах и, главное, настроить его голосовать за ту или иную партию. Рост эффективности кампании связывается политиками с увеличением разнообразия форм и совершенствованием методов ее ведения. Если в начале 90-х гг. агитационные материалы бывали локальными и однообразными, нередко печатались на пишущей машинке или ротапринтере и даже переписывались от руки, а фото кандидатов размножались с личных документов, то постепенно их форма и содержание существенно видоизменялись. С оформлением многопартийной системы различные движения и партии стали вкладывать все более значительные средства в обеспечение своего прохождения в парламенты, использовать развитие техники и новых технологий, прежде всего Интернета, а также разнообразных форм аудио-, видео- и прочей рекламы. В начале 2000-х гг. информационные материалы прессы и радиопередач отступили в тень, уступив место обстоятельным очеркам и интервью с кандидатами. Появилось множество новых, ранее неизвестных телевизионных форм – клипов и дискуссий, SMS-сообщений и т.п. В теле- и радиопередачах вместо «говорящих голов» все чаще появлялись профессионально отрежиссированные передачи. Партии оценили эффективность этих методов и стали регулярно выкупать телевизионное и эфирное время.

Год от года все разнообразнее становились (исходя из возможностей страны, района и партии) меры, привлекающие из-

бирателя. В Братиславе в газетных киосках, на остановках транспорта не только размещались агитационные материалы о кандидатах в депутаты, но и продавались лотерейные билеты с выигрышем в случае победы на выборах того или иного кандидата. В Варшаве на городских маршрутах курсировали специальные трамвайные вагоны, в которых пассажиры могли побеседовать с кандидатами в депутаты. В Болгарии избиратель во время голосования мог получить лотерейный билет, выигрышем по которому была легковая машина.

Однако уровень явки избирателей к настоящему времени сохраняется высоким только в некоторых странах, при глубокой поляризации избирательного поля (в Венгрии, Албании) или в ситуации, когда избиратели определяют только в день выборов, за какую партию они будут голосовать. В других случаях он падает. Не раз поднимался вопрос о законодательно закреплённом обязательном голосовании, но нигде этого сделано не было.

Организация «Фридом хауз», приняв в качестве критерия меры демократизма режимов избирательные системы, отнесла в 1972-1989 гг. все интересующие нас режимы, согласно предложенным градациям, к тем, которые не переступили планку подлинно демократических, а их показатели электорального участия приближались к ставшими привычными 99,9%. Вместе с тем, эти страны со всей очевидностью отличались друг от друга и достаточно четко делились на подгруппы. К числу стран с более либеральными системами (с более высокими показателями демократизации и электорального участия – более низкими индексами) – первая колонка табл. 3 – были отнесены Венгрия, Польша и республики бывшей Югославии, а к странам с минимальным уровнем демократии (с более жесткими политическими режимами – и с наиболее высокими индексами) – Албания и Болгария.

Однако даже страны первой подгруппы не отличались последовательностью продвижения по пути демократизации, периодически переживая то кризисы, то обострение политического курса, то интенсификацию репрессий. Приводимая табл. 3 иллюстрирует следующую корреляцию: страны с более либеральным политическим режимом, энергичнее порывающие со старым порядком (соответственно с более низкими индексами в первой колонке)

быстрее и основательнее осваивали к 2001-2002 гг. новые правила игры и формировали модели более динамичного электорального поведения, отвергая старые, становившиеся неадекватными навыки «ритуального» голосования и стремясь к выявлению и выражению интересов различных общественно-политических сил.

Отметим, что уровень демократизации – это принятое до 2004 г. ранжирование стран по показателям выборов. Чем более глубокий характер носила в первые 10-12 лет демократическая трансформация (что имело место в странах Центрально-Восточной Европы), тем решительнее менялся набор избирательных процедур и навыков.

И наоборот, застойность политических процессов, замедленные, эволюционные изменения на начальном этапе способствовали сохранению на годы элементов старых представлений, стереотипов и навыков прежнего электорального поведения, а стало быть и воспроизведению устаревших традиций, преемственности прежних идеологических установок и политических форм и навыков, в частности высокой явки (преимущественно в странах Юго-Восточной Европы и переживавших последствия подавления Пражской весны Чехии и Словакии). Уже в 2001-2002 гг. к полностью демократическим были отнесены выборы в Болгарии, Венгрии, Польша, Словакия, Словения и Чехия, а к нарушавшим некоторые стандарты – Албания, Румыния, Сербия, Хорватия и Черногория, к умеренно-недемократическими – Босния и Герцеговина, а также Македония. Но показатели участия в выборах отнюдь не были прямо пропорциональными таковым процесса демократизации (см. табл. 3).

Определяющим для первых нескольких электоральных циклов периода трансформаций для части населения ряда стран оставался прежний, аксеологический (ценностный) образ мысли идеологической постсоциалистической направленности, особенно в Венгрии и Польше. В Болгарии реформаторской оппозиции практически не было, а в Чехии она перестала существовать в результате репрессий после подавления Пражской весны 1968 г. В этих странах на первое место в общественном сознании вышла социально-экономическая проблематика⁴¹⁸.

**Таблица 3. Индексы уровня демократизации
и электорального участия стран Центрально-
и Юго-Восточной Европы**

Страна	Индекс уровня демократии в 1972-1989 гг.	Оценка участия в выборах (явки) в 2000-2001 гг. (в %)
Албания	14.0	89,6
Болгария	14.0	75,5
Босния	11.1	78,0
Венгрия	10.7	63,0
Македония	11.1	81,5
Польша	10.9	47,6
Румыния	13.3	77,0
Сербия	11.1	66,2
Словакия	13.1	84,7
Словения	11.1	76,3
Хорватия	11.1	76,7
Черногория	11.1	71,0
Чехия	11.1	83,0

Источник: Freedom in the World Country Ratings 1972-1973 to 2000-2001. – www.freedomhouse.org.

Вначале одни избиратели принимали участие в выборах как в традиционном выполнении ритуальной обязанности легитимизации режима, другие хотели легитимизировать новый порядок. Однако выполнение функции выявления и артикулирования интересов социальной группы или слоя, выбора их политического представительства воспринимались ими как необязательные, сугубо второстепенные, не связанные со сменой политического режима. Они еще не связывали выборы со своими интересами, не понимали этого. В Польше использованию демократических избирательных процедур мешал приобретенный в 1980-е годы навык открытого, солидарного внепарламентского противостояния властям⁴¹⁹.

На начальном этапе новая социальная структура еще не сформировалась, новые социальные интересы осознавались слабо, не столько через партии, сколько через возникавшие общественные организации. Выражение политических интересов ос-

тавалась поверхностным и недоразвитым, в немалой мере трансформируясь в создание институтов гражданского общества⁴²⁰. Лишь постепенно участие в свободных всеобщих выборах, избирательное соревнование, стало восприниматься как путь к совершенствованию деятельности властей. Избиратели начали обращать больше внимания на проводимую правящей партией или коалицией политику, на ее эффективность, на выполнение предвыборных обещаний, стали учиться более осознанно, через призму собственных интересов использовать свой голос.

Расширение и активизация политического поля сопровождались поляризацией политической жизни, реформированием избирательного права в направлении создания больших возможностей для электорального участия населения. Для этого предпринимались различные институциональные меры – упрощение процедуры регистрации избирателей, голосование на протяжении двух дней, а также при помощи почты, в том числе электронной (в Словении для граждан, находящихся за границей). Подчеркивалась важность стабильности избирательного права, ритма голосования (в начале трансформации выборы в некоторых странах проходили чаще, а с укреплением политической системы реже), обеспечения снижающейся явки, парламентского большинства, возможности указать в бюллетене наряду с партией конкретного депутата (депутатов) из ее списков.

Таблица 4. Индексы демократии в постсоциалистических странах – ныне членах ЕС на период 2001-2006 гг.

Страна	2001	2003	2005	2006 (2007)
Болгария	3.42	3.38	3.18	2.89
Венгрия	2.13	1.96	1.96	2.14
Польша	1.58	1.75	2.00	2.36
Румыния	3.71	3.58	3.39	3.29
Словакия	2.50	2.08	2.00	2.14
Словения	1.88	1.79	1.68	1.82
Чехия	2.25	2.33	2.29	2.25

Оценки по 7-балльной шкале, где высшая планка – 1, а низшая – 7.

Источник: Nations in Transit 2007.-www.freedomhouse.hu.

Динамика электорального участия была непосредственно связана с процессом утверждения демократии, что иллюстрирует табл. 4 (в которую не включены развивающиеся по другому сценарию страны бывшей СФРЮ). Подчеркнем, что если в 2001 и 2003 гг. учитывалась только демократичность выборов, то с 2004 г. использовалась методика подсчета, включающая также уровень развития гражданского общества, независимость СМИ, управляемость, соблюдение прав человека и уровень коррупции (см. 2005, 2006 гг.).

Как в 2001 и 2003 гг., так и в 2005 и 2006 гг. наблюдалось улучшение индексов у Болгарии и Чехии, ухудшение – у Польши и Румынии, а перепады с небольшой тенденцией к ухудшению в 2006 г. – у Венгрии, Словакии и Словении, к улучшению – у Болгарии и Чехии. В среднем показатели демонстрируют – после некоторого повышения – также снижение уровня демократии в ряде стран, где в некоторых областях наблюдался отход от демократических принципов, их нарушение – в частности баланса ветвей власти, независимости судебной системы, свободы печати. Неслучайно, по данным «Фридом хауз», индексы демократии уменьшились в 2007 г. для Венгрии, Польши, Словакии, Словении, а также Албании⁴²¹. Дело в том, что с конца 90-х гг. движение к более зрелой фазе демократии в Вышеградской четверке и Словении замедлилось. Стали проявляться симптомы застоя и даже отката. Усилился фасадный характер политических институтов и права, основные решения принимались вне их рамок, за кулисами, путем обхода закона. Наблюдалась некоторая эрозия демократических норм и процедур. Коррупция приняла массовые масштабы. Все это стало создавать в обществе климат недоверия к властям, политикам, демократии.

В Чехии, например, по мнению президента В. Клауса, в последние годы процесс демократизации затормозился и можно говорить даже о его регрессе⁴²². Согласно опросу, проведенному в этой стране еще в конце 2004 г., одна пятая населения считала, что авторитарный режим правления был бы лучше, чем демократия. Авторитарное правительство неприемлемо для еще одной пятой чехов⁴²³.

Состоявшиеся в 2006 г. парламентские выборы в Венгрии (9 и 23 апреля), Чехии (2-3 июня), Словакии (17 июня), Македонии

(5 июля), Черногории (10 сентября), Боснии и Герцеговине (1 октября) продемонстрировали победившую в регионе тенденцию ритмичного колебания избирательного маятника от центра вправо или влево. Он стал перемещаться с меньшей амплитудой. Вместе с тем, победившие партии практически нигде не смогли получить абсолютного большинства и не оказались в состоянии самостоятельно сформировать правительство. Выборы продолжают порождать фрагментированные парламенты: подавляющее большинство кабинетов формируются как коалиционные. Стабилизация политической жизни и консолидация политического поля прогрессируют медленно.

Как в создавшейся ситуации соотносятся индексы демократии с учетом шести ее критериев и индексы демократичности электорального процесса для постсоциалистических стран ЦВЮВЕ – ныне членов ЕС? Последние опережают средние показатели (см. табл. 5).

Таблица 5. Индексы уровня демократизации в целом и электорального процесса в постсоциалистических странах – ныне членах ЕС в 2006 г.

Страна	Индекс уровня демократии	Оценка электорального процесса
Болгария	2.89	1.75
Венгрия	2.14	1.75
Польша	2.36	2.00
Румыния	3.29	2.75
Словакия	2.14	1.50
Словения	1.82	1.50
Чехия	2.25	1.75

Оценки по 7-балльной шкале, где высшая планка – 1, а низшая – 7.

Источник: Nations in Transit 2007. Ratings and Democracy Score Summary. – www.freedomhouse.hu.

Согласно социологическим опросам, население ставших членами Евросоюза стран региона в начале XXI века по-разному оценивает современное состояние политической системы и в

различной степени участвует в процессе выборов. Так, число респондентов, полностью или в значительной мере удовлетворенных установившимся в своей стране демократическим строем, выше всего, достигая более половины избирателей, в традиционно более продвинутых в этом отношении странах – в Словении (52,2%) и Чехии (45,8%). В других странах этот показатель ниже. Несколько больше трети таковых – в Польше (36,1%), а менее трети – в Словакии (31,6%), Болгарии (28,3%), Венгрии (24%) и Румынии (16,7%). Различными являются и оценки утвердившихся в странах моделей демократии. Лучшей собственную модель считают венгры (75,6%) и румыны (52,5%); далее следуют словенцы (42%), чехи (38,3%), словаки (26,7%), поляки (21,2%) и болгары (19,7%)⁴²⁴. Прямого совпадения между первыми и вторыми оценками, как правило, нет. Позитивные показатели близки у чехов и словенцев, осредненные – у словаков, негативные – у болгар, четче отражая общие настроения населения.

Весьма показательны и соотнесение населением индексов демократичности политического режима с индексами развития рыночной экономики в первые годы нового века (см. табл. 6).

Таблица 6. Индексы демократичности политического режима и рыночной экономики в постсоциалистических странах в 2001-2002 гг.

Страна	Индекс демократичности режима своей страны	Индекс введения рыночной экономики в своей стране
Болгария	3,52	3,32
Венгрия	4,42	4,07
Польша	3,77	4,13
Румыния	3,57	3,17
Словакия	3,83	3,72
Словения	4,41	4,08
Чехия	4,40	4,37

Оценки по 10-балльной шкале, где высшая планка – 1, а низшая – 10.

Источник: Czesnik M. Partycypacja wyborcza w Polsce, s. 201.

Как вытекает из таблицы, выше всего демократизация режима и создание рынка оценивались, при некоторых отклонениях, в максимально продвинувшихся во всех сферах трансформации странах Вышеградской четверки и Словении (Венгрии, Словении, Чехии по первому показателю и Чехии, Польше, Словении и Венгрии – по второму показателю).

Электоральное участие напрямую связано с оценкой процесса демократизации. Так, из числа избирателей, испытывающих удовлетворение состоянием демократизации, в выборах участвовал 81%, довольных в определенной степени – 76%, не очень довольных – 71%, недовольных – 66%⁴²⁵. Следовательно, удовлетворенные процессом демократизации голосуют чаще, не удовлетворенные – менее охотно.

Причина невысокого в целом избирательного участия и даже его снижения в странах со слабо выраженными политическими традициями лежит в консервативности политической культуры, медленно преодолевающей авторитарно-тоталитарное наследие прошлого, в недоразвитии демократических политических отношений, в замедленном формулировании интересов различных социальных групп и слоев, в их недостаточном включении в активную политическую жизнь. Причиной является также вялое внедрение демократических процедур, требующихся для обеспечения реального воздействия граждан на оптимизацию развития всего общества, а не только защиты интересов политической элиты. Но дело нередко не в антитезе «активность – пассивность» избирателей. Отказ от голосования часто проистекает вовсе не от пассивности электората. Он может означать активное неприятие существующего политического режима, недовольство содержанием готовящихся правовых актов, тех или иных шагов во внутренней и внешней политике, ослабление идеологических и политических ориентаций избирателей в связи с их разочарованием установками партий.

В электоральном поведении в период трансформации отражаются распад прежних социально-классовых групп, новая динамика социальной структуры, медленный рост, слабость новых средних слоев, а также снижение влияния социальных факторов на политические предпочтения. Очень важная причина, влияющая на электоральную активность – вполне объяснимая прямая

связь между растущим социальным расслоением, значительным увеличением слоя бедных, и электоральным участием. Снижение его уровня тесно связано с ширящейся и становящейся наследственной безработностью, особенно поражающей женщин (вдобавок к их традиционному неравенству) и молодежь. Недостаточно активно голосующие новые поколения формировались в условиях резкой имущественной дифференциации, перемещения низших слоев в зону хронической нищеты и социальной маргинализации и даже угрозы голода. Происходит их постепенное исключение из основного потока общественной жизни (депривация), их социальная, а затем и цивилизационная деградация.

Крестьяне проявляют себя лишь незначительно пассивнее избирателей высокого профессионального статуса. Они участвуют в выборах активнее, чем рабочие, за исключением работников высокой квалификации. Было принято считать, что на электоральное поведение оказывают воздействие региональные различия, что население пассивнее в регионах с более низким уровнем урбанизации и культурного наследия. На практике оказалось, что здесь (особенно в юго-восточной части Польши, в Хорватии и некоторых других странах, но не в Венгрии) существенную мобилизующую роль играет весьма активная католическая церковь. Сельское население, получающее материальную поддержку ЕС, является более контролируемым властями местного уровня, а также церковной иерархией, поэтому больше всего голосующих оказывается в деревнях, а также в небольших и малых (с менее чем 20 тыс. жителей) городках и поселках. Не голосующие преобладают в крупных городах с числом жителей более 100 тыс. чел.⁴²⁶

Отсутствие занятости лишает существенную часть населения (до 20-ти и более процентов на больших территориях в ряде стран), особенно в местностях с обанкротившимися градообразующими предприятиями, необходимых для проявления политической активности интеллектуальных и материальных ресурсов. Безработные и члены их семей, их среда повсеместно оказываются под давлением новой ситуации. Они недовольны не только своим материальным положением, но и политикой властей, разочарованы отсутствием у политических партий реальных про-

грамм, направленных на решение социально-экономических проблем общества. Под влиянием группового сознания они ощущают отторжение от политики, забывшей об их интересах, не верят в эффективность выборов.

В условиях переходного периода со свойственным ему кризисом общественного сознания в последнем отчетливо отпечатались не воспринимаемые ранее так четко различия в социальном статусе, аксеологические нюансы трактовки разных вариантов социальной справедливости и социального равенства, которые до того не нарушали устоявшуюся систему ценностей и легитимизацию существующего порядка вещей. Так, материальный статус мог в абсолютных показателях повыситься, но при существенном росте социальной дифференциации он воспринимается как отражающий углубление социального неравенства и социально несправедливый. Население, различные категории которого – бедные, богатые и другие слои – раньше в своем большинстве воспринимали разновидности неравенства (отсутствие равенства в сфере доходов, в имущественном положении, шансов, возможности социального продвижения, свобод или прав) как легитимные, социально и традиционно справедливые, в последние годы стало оценивать те или иные из них как несправедливые и не имеющие легитимности.

Осознание на основе эгалитарных принципов социального неравенства как несправедливого в сочетании с осознанием несправедливости экономического неравенства (в заработках, доходах или имущественном положении) сформировало идентификацию представителей бедных слоев и групп с подобными себе, их представления о слишком высокой цене трансформации по сравнению с той выгодой, которую она принесла с собой, о несправедливости своего места на низшей ступеньке общественной лестницы. Теперь речь идет уже не о равенстве условий независимо от индивидуального вклада – то есть об уравниловке, но об изначальном неравенстве шансов, отсутствие которых означает исключение целых социальных категорий из возможности реализовать себя в жизни, на каком-либо трудовом поприще. С распространением безработности стало трудно удовлетворять основные потребности, необходимые для выживания (обеспечение едой, питьем, жильем себя и семью) – то есть на-

ступила абсолютная депривация. Массовым стало и другое новое явление, рождаемое углубляющейся социальной дифференциацией и поляризацией – относительная депривация, то есть субъективное чувство роста недостатка в сравнении не только с отдельными людьми, но и с целыми социальными группами (прежде всего в бюджетной сфере – у учителей, врачей, медсестер, горняков и др.). Это чувство подстегивается осознанием обществом неравенства и нарушения справедливости во всех сферах, что часто попадает на страницы СМИ, на экраны телевидения и т. д. Оно выливается в коллективные протесты и гражданское неповиновение. Для снижения избирательной активности характерны и увеличение воздействия различных краткосрочных социальных факторов, и атомизация общества.

Неравенство в политической сфере остро воспринимается как нарушение гражданского статуса, достоинства личности, как превращение в граждан второй категории, чему способствует появление на политической сцене идентифицирующих социальное неравенство сил, публично указывающих на это явление.

Представления масс о социально-экономической ситуации приобретают во все большей степени левую окраску. Они уповают на расширение помощи со стороны государства, на введение прогрессивной шкалы налогов и расширение других перераспределительных функций государства. Среди этих слоев находят отклик рассчитанные на манипулирование массами популистские лозунги, чрезмерная социальная и национальная риторика при негативном отношении к социально-экономическим переменам. Эти явления имеют место прежде всего на менее продвинутых в цивилизационном отношении территориях Болгарии, Румынии, Словакии и Польши, где сохраняется тенденция роста поддержки со стороны значительной части населения, разочаровавшейся в результатах трансформации и уставших от реформ, популистских, националистических, национал-консервативных и клерикальных партий. В Болгарии это партия «Атака», в Польше – «Право и справедливость», «Самооборона» и «Лига польских семей», в Румынии – «Великая Румыния», в Словакии Национальная партия и др.

В большинстве стран преобладает нестабильность предпочтений избирателей: они часто переходят от одной партии к другой, перемещаются и в рамках одного направления политиче-

ских сил, и со сменой ориентации партий, которые быстро возникают на политической сцене и так же быстро исчезают. Значительная часть избирателей голосует время от времени. В результате партии не могут рассчитывать на постоянство своего электората, а партийные системы остаются непрочными. Последовательная консолидация политического поля, зависящая и от оптимизации электоральных процессов, все еще впереди. Не будем забывать, что между слабостью партий и поведением избирателей существует обратная связь⁴²⁷.

Совершенствование избирательных процедур в последние годы было направлено на увеличение прозрачности выборов, устранение пробелов в избирательном законодательстве, благоприятствующих злоупотреблениям в процессе проведения избирательных компаний и выборов. Оно стимулировало избирательную активность.

В заключение необходимо подчеркнуть, что парламентские выборы и электоральное участие – это важная составляющая процесса демократизации в регионе, необходимый способ легитимизации новой власти, корректировки текущей политики. Уменьшение или увеличение электоральной активности масс – это показатель меры поддержки политического строя, нормального функционирования демократии или сбоев и неполадок в этом процессе, общественного недовольства. В последние годы у значительной части электората проявилось разочарование в выборах и политических партиях. Опасность состоит в том, что все основные партии уже были у власти, и когда эта часть избирателей отказывается им в поддержке (голосование начинает носить все более протестный характер), она переориентируется на крайние партии или вообще игнорирует выборы. К тому же со вступлением части стран региона в ЕС социально-экономическое развитие определяется в первую очередь европейской хозяйственной конъюнктурой и политикой Брюсселя, что ослабляет интерес избирателей к внутренней политической жизни, в том числе и к выборам, тем более, что их немалая часть мигрирует в ЕС.

В регионе результаты выборов определяет не все еще слабый, но довольный жизнью и мало интересующийся политикой средний класс, а численно доминирующие в процессе электо-

рального участия и влияющие на формирование партийно-политической системы менее состоятельные и образованные слои, в избирательной активности, а не в протестных движениях которых заинтересованы власти.

При поисках политическими партиями новой самоидентичности необходима постоянная оптимизация выражения ими интересов своей социальной базы, эффективной помощи от парламентских выборов в прокладывании путей более успешной мобилизации сторонников прогрессивного развития своих стран, чтобы расширять экономические и гражданские свободы, уменьшить тяготы системной трансформации, замедлить углубление социального расслоения и исключение из нормальной жизни целых сегментов общества.

Проблемы и противоречия политической трансформации

Переходный период конца XX– начала XXI вв. с неизбежностью принес с собой множество проблем и противоречий и в этой области. Процессы политической трансформации в регионе оказались чрезвычайно обременены различными объективными противоречиями: генетическими, исторически свойственными данному обществу; неизбежно возникающими в переходный период противоречиями между старым и новым; противоречиями, рожденными новым порядком – между правовым государством и демократическими институтами, с одной стороны, и систематически воспроизводимой традицией автократической власти – с другой. Очевидны противоречия между ожидаемым повышением уровня жизни и недоразвитыми социально-политическими и культурными предпосылками преобразований, в том числе низким уровнем политической культуры, политического самосознания, значительным социальным неравенством и пр. Имеет место и противоречие между ростом гражданских и политических прав и одновременным ущемлением экономических и социальных прав, и т. д.

Эти явления и процессы стимулировали спрос на новые научные подходы в сфере конфликтологии, поскольку трансфор-

мация разворачивается в условиях становления и перестройки всех систем, их неустойчивого равновесия. Она развивается с помощью многообразных способов и методов, кристаллизуется и обретает с разной скоростью множественные новые формы, что часто приводит к совершенно различным результатам, что отражает неоднозначный и противоречивый, альтернативный характер общественно-политического развития и очевидную неопределенность его перспектив.

Насколько последовательно реализуются наметившиеся тенденции и от чего это зависит? Что происходит с прежними политическими институтами, когда и как рождаются новые институциональные структуры?

Политологические подходы к изучению политических систем, институтов и процессов позволяют как выявить их суть и основные черты, так и определить факторы и причины их появления, темпы и методы становления и развития, а также возможные перспективы. В большинстве стран региона на старте новейшей истории, в первые годы послеверсальской демократизации не были заложены прочные демократические традиции: она быстро сменилась утверждением военно-авторитарных режимов. Не внесло в процесс демократизации существенно нового и соседство СССР. При анализе требовавшего принципиального обновления политического облика стран региона следует учитывать влияние обнаруженных в сталинском наследии и ставших общими указаний – его констатации неуправляемости советского государства, намерения вождя отказаться от методов политической мобилизации масс в пользу жесткой бюрократической централизации режима⁴²⁸, который мы ныне назвали бы политарным. Едва установившиеся на исходе второй мировой войны народные демократии в «реально-социалистическом» «содружестве» были трансформированы в авторитарно-тоталитарные, политарные режимы.

В переходный период «транзита» 90-х гг. традиция воспроизведения автократической системы власти на прежней основе – как президентской или полупрезидентской – оказалась весьма живучей. Государства нового типа еще недостаточно выкристаллизовались, поскольку, как правило, заново формировались их правовая форма, демократические политические институты,

реальные политические права и свободы. При наличии складывавшегося либерально-демократического конституционного каркаса и широковещательных демократических деклараций политическая практика на деле демонстрировала существенные отклонения как в области структуры институтов, так и соблюдения принципов их функционирования. И часть прежних элит, и контрэлиты весьма охотно декларировали новые принципы и ценности, но на деле ввиду отсутствия ясности в отношении курса и плана развития, недостаточной компетентности и отсутствия опыта эффективного демократического функционирования продолжали действовать в стиле прежней автократической модели, клана (клики). Новые политические системы и элиты были, как правило, недостаточно управляемы. Они еще не овладели демократическими методами контроля за ситуацией, разрешения противоречий. В результате из-за различных трудностей давние трения нередко воспроизводились и даже усиливались. Происходило обострение этнонациональных противоречий, на которых, что наглядно показал опыт Югославии, часть прежних элит сознательно спекулировала ради укрепления собственных властных позиций.

Авторитет государства в этих условиях не только не рос, но, традиционно низкий, нередко продолжал падать. Значительная часть населения, особенно в бедных балканских странах, безуспешно домогалась привычного, патерналистского учета своих социальных нужд, ставя под угрозу политическую власть элиты и сугубо негативно относясь к ввязыванию представителей государственных структур в сомнительный бизнес и их беспардонному обогащению. Парламенты, важнейшие институты и инструменты демократизации, знаменовавшие политические изменения, на практике работали далеко не так, как это было записано в конституциях. На пути демократического исхода выборов и оформления подлинного парламентаризма нередко вставали трудно преодолимые препятствия. Развитие парламентской демократии тормозилось. Президентское правление имело реальные шансы трансформироваться в разные формы автократии. В некоторых странах президентская власть, которая стремилась компенсировать слабость молодой партийно-парламентской системы, концентрировала в своих руках значительную часть властных пол-

номочий, ущемляя права депутатов и снижая вес парламента. Принципы верховенства закона и аутентичное своему статусу положение ветвей власти еще достаточно не утвердились. Закон и правосудие все еще сохраняли подчиненное положение.

Отдельные субрегионы и страны и ныне сохраняют свою, нередко весьма существенную специфику политических процессов. В Центрально-Восточной Европе самая интенсивная в регионе общественная активность концентрируется на борьбе между парламентскими партиями, а другие субъекты политической системы ущемляются или практически исключаются из политической жизни. В результате, по определению югославского политолога В. Васовича, имеет место «чрезмерная парламентаризация» и «сверхпартизация». В некоторых балканских странах, наоборот, парламентаризация политической жизни резко снижена: парламенты ослаблены, недостаточно авторитетны и весьма мало эффективны. Также и процессы становления и консолидации партийно-политической системы, политическое самоопределение общества остаются довольно слабыми.

При анализе современного этапа всемирного процесса демократизации с более выраженным сочетанием сильного внешнего воздействия глобализирующегося мира с «рядом мощных внутренних детерминант перемен» профессор Открытого университета П. Льюис и другие его коллеги – политологи впервые подметили большую роль становления в ЦВЮВЕ новой партийно-политической системы. Ранее хаотичное и игнорируемое исследователями, а ныне все более интенсивное, хотя и при не полностью консолидированной демократии, оно привлекло внимание как важный компонент демократизации в ходе углубляющегося процесса трансформации⁴²⁹.

Политические партии нового исторического периода системной трансформации были призваны дать ответы на три основных вопроса:

1) обусловлено ли объективно наступление перемен, каких именно и какими темпами они должны происходить (вначале в понимании этих проблем друг другу противостояли силы прежнего режима, «партии-государства», которые быстро сошли с политической сцены, – и антикоммунистическая оппозиция, а также посткоммунистические партии);

2) затем: где и как они должны совершаться – в политической, хозяйственной или аксеологической (ценностной) области, то есть в сфере реальных отношений или в сфере сознания (в силу всеобъемлемости назревших противоречий развития борьба развернулась всеохватно, за электорат вокруг направлений экономического развития – между либералами, консерваторами и социал-демократами, а роль балансира в ряде случаев играет христианская демократия);

3) и, наконец: как следует утверждать новую политическую систему – мирным путем переговоров, в соответствии с концепциями умеренных сил, или по рекомендациям и под флагом экстремистов. В течение двух прошедших декад основные проблемы трансформации находились в центре внимания всех партийных структур региона и более менее оптимально решались.

Ясно, что расхождение между интересами трудящихся и работодателей обозначалось в различиях позиций либеральных и социалистических партий, в оценке реформаторской политики – в различиях между либеральными и социалистическими партиями, с одной стороны, и консерваторами, христианскими демократами и радикальными правыми, с другой. Формирование их электората проходило весьма противоречиво: ситуация переходного периода оставалась запутанной и неоднозначной, в условиях начавшихся системных перемен различия в сфере интересов и ожиданий воспринимались то как весьма существенные, то как маргинальные, что делало их согласование очень трудным.

На первом этапе равномерное движение политического маятника постепенно налаживалось. В разгар процесса трансформации включенность левых сил в социально-экономические преобразования рыночно-капиталистической направленности и их отход от защиты интересов трудящихся, несущих на своих плечах основную тяжесть перемен, нарушили социально-политические ориентиры и маятник стал застревать в правом секторе.

Каково в настоящее время магистральное направление политических предпочтений и переориентаций в регионе, их сущность, интенсивность и глубина? Место догматизированной идеологии «реального социализма» в общественном сознании

начало заполняться иными идеологемами, в том числе как довоенного периода, так и неолиберальными. Среди сторонников свободного рынка стали популярными две основные группы правых партий – консервативные, традиционалистские, тяготеющие к принципу «сильной руки», «права и порядка» (вместе с весьма близкими им христианско-демократическими, что типично для данного региона) – и либерально-модернизационные, признающие свободу во всем, что не запрещено законом.

Вначале победоносное шествие правых сил масштабно обозначилось в Албании, Болгарии, Польше, Словакии, Словении, Хорватии и Чехии на выборах 1991-1992 гг. Оно продолжилось в 1993-1994 гг. Консолидация партийно-политической системы четко проявилась в конце 90-х гг., прежде всего в Центрально-Восточной Европе. Верх брали то консерваторы, то блокировавшиеся с другими реформаторами либералы. За основу была принята неолиберальная модель трансформации с соответствующими институциональными изменениями, которые устанавливали порядок выражения и согласования интересов.

По результатам выборов 1990-2004 гг. на региональном политическом поле весьма существенное место заняли основные группы правых партий, получившие: консерваторы – 29,8%, либералы – 13,6%, что в сумме составляет 43, 4%⁴³⁰. В этом подсчете не учитывается ряд достаточно крупных правых и правоцентристских партий, которые участвовали в выборах в составе коалиций. А по вхождению в правительства выходили на первое место либералы, поскольку они, будучи весьма активными в сфере политики, чаще блокировались с другими партиями. При этом следует учесть, что на выборах 1990 г. результаты партий в Словакии, Словении, Хорватии и Словении не подсчитывались. Часть множественных, в большинстве случаев мелких образований консерваторов и христианских демократов восходила к довоенному периоду, другие возникли в течение первых лет трансформации политической системы. По поддержке избирателями на выборах в 1990-2004 гг. эти партии суммарно (при среднем показателе 29,8%) располагались по странам (по нисходящей) следующим образом: Албания – 46,8%, Венгрия – 41,5%, Чехия – 40,0%, Хорватия – 33,9%, Болгария – 33,1%, Словения – 28,8%, Польша – 26,9%, Словакия – 17,1%, Сербия – 16,1%, Ру-

мыния – 14,5%. В те же годы поддержка либеральных партий со стороны 13,6% избирателей (при учете только самостоятельных действий этих партий) располагалась по странам по нисходящей так: Словения – 27,4% , Польша – 15,5%, Хорватия – 13,7%, Венгрия – 13,4%, Сербия – 13,3% , Румыния – 11,8%, Чехия – 11,7%, Словакия – 8,2%⁴³¹.

Ситуация осложнялась тем, что, как и во всей Европе, в ЦВЮВЕ стали открываться различные «ворота в глобальный мир», появились «смешанные модели». Крупные идеологии взаимно пропитывались концепциями друг друга, что и определяло изменение облика геокультуры⁴³². В ходе запутанного процесса идейно-политического взаимоналожения, констатировал известный политолог Э. Баталов, появились гибридные, симбиотические конструкции, которые возникают путем соединения отдельных блоков старых и новых идеологий. Либеральный консерватизм, консервативный либерализм, либеральный социализм и т.д. – «отнюдь не искусственные кабинетные образования – они порождаются реальной жизнью, которая стирает или делает относительными и зыбкими границы между социальными группами, политическими ориентациями, странами, континентами, ... между конкретными интересами акторов»⁴³³. В целом, либеральное направление в ЦВЮВЕ сложилось из трех компонентов: социально-либерального, признающего значимость социальной политики государства, допускающего сотрудничество с посткоммунистами и противостоящего радикальным националистам и клерикалам; центристского, сосредотачивающегося на утверждении принципов рыночной экономики, сотрудничающего с умеренными правыми группировками и отрицающего возможность блокирования с левыми силами; и либерально-консервативного, делающего акцент на национально-государственные интересы и считающего своими союзниками консерваторов, в том числе национал-консерваторов и христианских демократов⁴³⁴.

На рубеже XXI в. влияние политических сил при уменьшении амплитуды маятника и создании коалиционных правящих или левоцентристских или левоцентристских правительств понемногу выравнивалось, поскольку ввиду слабости парламентской оппозиции реальная альтернатива не всегда оформлялась. Вместе с

тем, для партий региона, в отличие от развитых демократий, все еще характерны частые перемены на политическом поле, постоянное исчезновение одних и появление других партий, преобладание технологий борьбы за власть и тактических шагов над разработкой и популяризацией программ, а отсюда – недоверие к политической жизни и нестабильность электорального поведения. Доверие к партийной системе на уровне развитых демократий Европы с тенденцией роста поддерживается только у населения Словении (16% в 2004 г.), а самое низкое (на уровне чуть выше 10% и продолжающееся снижаться) в странах Вышеградской четверки, то есть у населения Польши, Венгрии, Чехии и Словакии, а также Болгарии⁴³⁵. При стабилизации политического поля электоральная явка как правило падает (это систематически происходит в Албании, Болгарии, Румынии, Словакии, Словении и Чехии), а при увеличении влияния какой-либо партии и усилении борьбы за электорат – растет.

Если размежевание между правыми и посткоммунистами в Венгрии, Чехии, Румынии, Словении и Хорватии в основном потеряло существенное значение и ситуация на политическом поле стабилизировалась, то в ряде стран стали возникать новые (нередко просто сменившие название) радикальные правые партии популистски-националистического толка. Количество гибридных конструкций постоянно множится. Опыт политической жизни стран ЦВЮВЕ начала нового века свидетельствует о том, что в условиях трудных политических и экономических перемен либералы все чаще сближаются и блокируются с включившимися в политический процесс консерваторами. Видный российский специалист в сфере политической социологии А.А. Галкин обращает внимание на это явление, считая его не «консервативно-либеральным консенсусом», а своеобразной конвергенцией – сходством реакций на аналогичные обстоятельства, обусловленным совпадением интересов «представляемых социальных групп»⁴³⁶. Партии смещаются с либеральных на либерально-консервативные (неолиберальные) позиции или наоборот, блокируются с социал-демократами (социал-либералы), или манипулируют во время выборов, как и часть консерваторов, перенятыми у левых социальными требованиями, чтобы затем выбрасывать их на свалку истории и спекулировать на национальных

лозунгах. Все более широкие позиции на правом крыле политической сцены начинают занимать популисты и националисты, которые вносят в политику демагогию, популизм и агрессию.

Преобладают объединенные структуры движений и партий, недостаточно укорененных в социальном и ясно очерченных в идейно-политическом отношении. Они меняют позиции, распадаются, создают различные коалиции. На подобной базе парламенты не в состоянии эффективно работать, принимать и реализовывать на практике свои решения. Наконец, специфически остро стоит проблема формирования важной стороны гражданского общества: его политические элементы возникают, но развиваются медленно, в ряде стран их деятельность недостаточно обеспечена в финансовом отношении.

Анализируя основные тренды системных преобразований в странах региона, крупные политологические школы постепенно составили подтвержденное большим фактическим материалом представление о наличии различных фаз и стадий этих преобразований: за демонтажем системы авторитарного правления следует фаза перехода к демократической политической системе, за конструированием структурных элементов новых форм правления идет стадия налаживания «эффективного функционирования демократического режима»⁴³⁷, «отстраивание оптимальной деятельности демократического политического порядка»⁴³⁸. Эту стадию крупные западные компаративисты Х. Линц и А. Степан определили как «незавершенный демократический переход»⁴³⁹. Развертывание этого процесса идет, как правило, не линейно, а сложными путями, с многочисленными остановками и откатами, поэтому далеко не всегда логически завершается по единой модели – оно разноуровневое и разноскоростное. В поливариантном обществе ЦВЮВЕ, как и каждого иного региона, тем более с множеством альтернативных задач и возможностей, жесткие, линейные и односторонние схемы не работают.

Практика показала, что противостояние авторитарного и демократического начал в формирующихся вариантах строя и режима отнюдь не является единственной плоскостью борьбы. Как подметил Ф. Шмиттер, речь идет не только «о простом выборе между регрессом к авторитарии и прогрессом к демократии», но реализуются по крайней мере еще две альтернативы –

«гибридные режимы», сочетающие элементы автократии и демократии, и «неутвердившиеся демократии»⁴⁴⁰. В ряде стран соблюдался лишь «процедурный минимум» демократической системы. Общество в ходе разнонаправленных процессов самоорганизовалось не лучшим образом. Отсутствовал базовый консенсус, определяющий отношения между партиями, организованными интересами, а также этническими и религиозными группами населения⁴⁴¹. На опасность незавершенности преобразований указывал и С.П. Хантингтон. Ее несли с собой политические лидеры и группы, которые после прихода к власти начинали манипулировать демократическими механизмами, урезая или разрушая демократию. Хантингтон не относил к их числу приход к власти тех «посткоммунистов», которые играют по демократическим правилам, но видел угрозу в возрождении исполнительной власти в форме концентрации полномочий в руках ее главы, подчиняющего и даже распускающего представительные органы. Подобная «авторитарная демократия» свидетельствовала о своеобразной мутации демократии – не только о разнородности процессов ее становления и развития, но и о явной незавершенности подававших большие надежды демократических перемен⁴⁴².

Преодолевая зигзаг общественного развития, связанный с предпринятой в прошлом веке попыткой единым махом переключить его необходимые фазы и построить «реальный социализм», невзирая на отсутствие комплекса необходимых для этого предпосылок, трансформирующиеся в новое качество страны в настоящее время решают не менее сложную, многоплановую, поливариантную и требующую длительного времени задачу мирного, но не исключаящего новых резких скачков развития⁴⁴³. Его теоретическое осмысление, особенно роли государства в сфере политических отношений, требует дальнейших усилий в рамках всего комплекса общественных наук.

Евросоюз к началу XXI в., на современной этапе глобализации и политической интеграции, достиг такой фазы развития, в которой позиции национальных государств, традиционно понимаемая политика, формулы политического голосования перестали быть единственной движущей силой решения макропроблем, или, согласно основам миросистемного анализа И. Вал-

лерстайна, потеряли прежнюю роль в современной капиталистической миросистеме.

Европейский Конвент в значительной степени переосмыслил модели и принципы взаимодействия суверенных национальных государств и зафиксировал в проекте Конституционного договора (2004 г.) происходящую качественную перестройку организационно-политических структур и принципов их функционирования⁴⁴⁴. Новый, модернизированный Лиссабонский Договор о реформах, несмотря на оговорки в пользу роли национальных государств, по-прежнему передвигает акцент в сторону коммунитарного начала.

Как пишет одна из ведущих польских теоретиков, занимающаяся этой проблематикой и пропагандирующая изменение способа теоретизирования в области мышления о современном мире в пользу многоуровневой интерпретации проф. Я. Станишкис: «Миф государства как капсулы, в которой полнее всего выражается надежда на рационализацию жизни общества, исчерпал себя. Это конечно не означает конца самого государства как одной из многих структур, принимающих решение и регулирующих жизнь. Изменению подвергается отношение к государству и роль политики»⁴⁴⁵. В настоящее время роль государств в рамках ЕС сводится прежде всего к администрированию, к приспособлению общества и институтов на его территории к требованиям отдельных сегментов «отраслевых политик» – таким образом, чтобы получить от них максимум возможного. Приведем важный тезис Я. Станишкис: «Однозначная суверенность и однородность права уже не существует. (...) Политический дискурс в демократическом пространстве государства и созданная в этом масштабе единая правовая система уже не являются достаточной гарантией рациональности действий и реализации ценностей. Управляемость теперь является производной качества внутрисистемных связей между институтами, соотношения этих институтов со стадией развития, умения проводить более высокоорганизованные анализ и регулирование, а не результатом властных полномочий, сосредоточенных в каком-то однозначно определенном центре правления. Эта власть без субъектов, саморегулирующаяся власть сегодня представляется более существенной, чем демократически избранная власть политического представительства»⁴⁴⁶.

Глобализация не ликвидировала, но пересмотрела роль государств, превращая их в административные центры управления, меняя характер и структуру власти. Широко внедряется новая модель сетевой системы с управлением как налаживанием отношений между сетями с различной логикой, меняющимися в процессе развития (даже без попыток их унифицировать), с трансформирующейся властью во все более глобализирующемся мире сетевых обществ и экономик. Важные замечания по поводу децентрализации властных отношений и создания новой геометрии власти, рождения новой формы государства – сетевого государства сделал испанский социолог с мировым именем М. Кагель: «Основное изменение связано с кризисом национального государства как суверенной единицы и сопровождающего его кризиса той формы политической демократии, что создавалась в течение последних двух веков»⁴⁴⁷. Интенсификация процесса политической интеграции ЕС чревата дальнейшим ограничением национального суверенитета его членов. Прогноз М. Кагеля гласит: «Выживут нации-государства, но не их суверенитет. Они будут связаны друг с другом в многосторонних сетях с изменчивой геометрией обязательств, ответственности, союзов и субординации»⁴⁴⁸.

В Европейском Сообществе с момента его оформления и появления наднациональных институтов, которым национальные государства делегировали все большую часть их суверенитета, даже у его крупнейших представителей – Франции и Германии – долго сохраняла свою актуальность проблема защиты традиционного суверенитета и его объема⁴⁴⁹. В настоящее время она весьма актуальна для недавно оформивших свою независимость новых членов ЕС – государств ЦВЮВЕ.

Если взглянуть на эту ситуацию с точки зрения ущемления или потери традиционного суверенитета в смысле единовластия на своей территории, автономности принятия тех или иных решений, монополии на сферу права, институтов, понятий и т. д., то окажется, что интеграция создает возможности для увеличения поля решения тех же проблем, расширения контроля за своими действиями и собственной судьбой. Акцент переносится с защиты собственной идентичности на охрану своего положения в сети отношений. Положение в многомерном пространстве

отношений может быть оптимизировано так, чтобы возможность реального контроля была больше меры потерянной формальной суверенности.

Расширение сферы компетенций ЕС и существенное ограничение суверенности решений национальных государств потребовало переосмысления самого понятия «суверенитет». Вступающие в Союз государства оказываются перед необходимостью верифицировать проблему сохранения, ограничения или ликвидации своего суверенитета, используя при этом как правовое понятие суверенитета (он чаще всего рассматривается в двух контекстах – международного права и национального законодательства данного государства), так и политическое понятие независимости, если суверенность государства определяется в категориях политической организации общества.

В европейской общественной мысли наметилась тенденция считать прогрессирующее ограничение суверенитета государств-членов дающим основание полагать их равными с точки зрения наличия определенной «дозы» суверенности. Например, в Оксфорде новые комментаторы Хартии Объединенных Наций одновременно применяют и понятие ограниченного суверенитета, и концепцию суверенного равенства государств⁴⁵⁰. Государства с ограниченным суверенитетом остаются равными с точки зрения одинаковости суверенности. Но и ограничения равной суверенности отдельных государств не обязательно одинаковы. Как было установлено в Ницце, области интегрирования и мера ограничения могут быть различными. Например, вытекающие из Шенгенского договора ограничения не касаются всех в одинаковом объеме; общая валюта введена не во всех государствах-членах ЕС, и т.д.

Существует и другой подход к проблеме, который не придает большого значения нюансам сохранения суверенитета, исходя из положения, что его принципы всегда и везде обязывают всех в равной степени. Просто в единой правовой системе между субъектами происходит распределение функций. По мере расширения правового поля ЕС на новые области и его гармонизации с намерениями государств-членов прежнее понятие правового суверенитета объявляется устаревшим⁴⁵¹. Наконец, формируется концепция, объединяющая два изложенные выше под-

хода. Интеграция рассматривается в контексте передачи части самостоятельности не другому государству, не доминирующей державе, а добровольно объединившейся организации, создающей для достижения общего блага новую общность и правоспособность интегрированного субъекта. Предлагается не рассматривать самоограничение национального государства в качестве ограничения суверенитета, если его действия соответствуют принципу суверенного равенства государств. Смысл такого самоограничения становится очевиден тогда, когда в одиночку не может быть достигнута такая цель, которая достижима только при помощи других государств, координации и интегрирования совместных усилий. Разумеется, такое самоограничение предполагает достижение соглашения для установления соответствующего взаимодействия. Так родилась концепция неделимой суверенности всех государств-членов ЕС, суверенные действия которых предусматривают постоянный анализ и уточнение общих целей, участие в выработке и согласовании компетенций, необходимое самоограничение национально-государственных действий во имя общих интересов и целей Сообщества.

В первые годы нового века, в ходе подготовки очередного расширения Европейского Союза, когда ускорился процесс «отлива» власти из национальных государств в транснациональные мегаструктуры, различные политические центры и наднациональные органы, проблема суверенитета национальных государств и их прав вновь привлекла повышенное внимание, особенно в ЦВЮОВЕ. С ликвидацией «социалистического содружества» вышедшие за его пределы государства воспринимались их народами как особая ценность, в то время как «старые» национальные государства Европы переставали быть таковыми. Присоединившаяся к Евросоюзу новая группа государств должна была принять как данность его модель отношений, жертвуя весьма существенную долю своего суверенитета, в том числе изначально ограничивая в пользу ЕС значительную часть своего права на выработку законов. Не будучи авторами и создателями большинства правил игры, эти государства являются лишь их «ретрансляторами», «передатчиками» и проводниками в жизнь. Хотя Евросоюз обязался уважать национальную идентичность государств-членов, их основные государственные функции, в

том числе обеспечение территориальной целостности, права и порядка, защиты внутренней безопасности, новая ситуация повлекла за собой весьма болезненные реакции в странах региона и Балтии, которые имеют негативный опыт в этой области и опасаются повторной потери возможности защищать свои интересы.

Вместе с тем, страны региона благодаря информационной революции включались в процесс демократической трансформации быстро, в соответствии со скоростью структурных перемен, прокатившихся по региону согласно «эффекту лавины», или «эффекту домино». У каждой страны складывалась своя позиция в той или иной сфере, которая определялась заменой части суверенности на возможности, открываемые участием в интеграции для решения назревших проблем. При этом успех зависел от умения правительств и администрации использовать открывающиеся шансы.

В российской науке креативным откликом на эти проблемы явилась коллективная работа «Модели и концепции суверенитета: конкуренция в пространстве и времени», объединившая рассмотрение понятийного аппарата и системы критериев суверенитета с изучением конкретики старых и новых членов ЕС, а также балканских и других государств, в том числе их исторического развития и региональных особенностей. Особо значимые аспекты проблемы у Л.Е. Гринина – влияние трансформационных процессов на современные трансформации суверенитетов, в том числе на сокращение набора функций, выполняемых суверенным государством, то есть на размывание суверенитета, растущая взаимозависимость государств и увеличение числа интеграционных механизмов. И.М. Бусыгина утверждает, что традиционная концепция суверенитета к современной Европе неприменима, являясь «вчерашним днем». Для балканских государств, не консолидированных в национальном отношении, в свою очередь неприменимы эффективные механизмы «общественной демократии» (А.В. Абрамов)⁴⁵². Эта концепция перекликается с тезисом Д.А. Растоу об обязательности целостности нации для демократического государственного строительства⁴⁵³. Видимо, правильнее было бы рассматривать эту проблему многосторонне, в частности учитывая, что демократизация го-

сударственных структур способствует интеграции нации, сплочению национальных меньшинств и федеративных сегментов.

Анализ новой реальности, качественно иного содержания разноуровневых и противоречивых политических преобразований в регионе ЦВЮВЕ дает обильный материал для сравнительного изучения самых разных процессов политической трансформации в рамках современной глобализации. Он требует обновленных теоретических и методологических построений для тщательного препарирования современных тенденций прогрессивного общественного развития. Оптимальным вариантом не может быть некритическая трактовка глобализации как распространения американских ценностей и образа политической жизни, характерного для США понимания правил демократии на другие страны.

Один из важных аспектов такого рода работы – это изучение и использование того позитивного опыта гражданского общества, которое позволяет ему через свою объединенную активность влиять на политиков и государство. Все более очевидно, что ряд областей общественной жизни не может опираться ни на государство, ни на частный сектор, возможности которого недостаточны для заполнения ниши, возникшей в результате ухода государства из различных сфер активности, тем более, что бизнес пока ориентирован в основном на погоню за прибылью, что в ситуации, когда демократия приобрела элитарно-олигархический характер, а власть бюрократии остается огромной, институты гражданского общества должны во все большей степени воздействовать на деятельность государства. Все больше проблем можно и нужно решать на местном уровне. Непременным условием успешной деятельности НПО в этом направлении является развитие их взаимодействия с государственными структурами и политическими партиями. Укрепление этого взаимодействия может позволить обществу избегать тяжелых конфликтных ситуаций и потрясений, ослабит его отчуждение от государства. Отказ от такого взаимодействия, снижение его активности – это прямой путь к отказу от прогрессирующего развития демократизации. К усилению авторитарных (авторитарных) тенденций.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В последние два десятилетия глобализация и происходящее на глобальном уровне изменение соотношения сил оказывали мощное воздействие на перемены в странах обеих частей региона ЦВЮВЕ – Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. Системная трансформация общественного устройства отдельных стран и региона в целом развивалась как органическая составная часть «движения в Европу», чтобы встроиться в новый миропорядок и реализовать западную модель развития как более эффективную. Особенность состояла в том, что для включения региона в мировое разделение труда и подключения к западной модели потребления пришлось воспользоваться адаптационной моделью. Трансформация в регионе оказалась заимствованной, осуществлявшейся при помощи и под контролем Запада, который был заинтересован, чтобы по крайней мере в Центрально-Восточной Европе она была успешной. Вступление в ЕС дало возможность получить финансовые средства из его бюджета и ускорить темпы развития.

Позитивы сопровождаются негативами. Процесс экономической трансформации отнюдь не однозначно благостен, что вызывает у населения стран сложную реакцию – от поддержки до резкого неприятия, поскольку одновременно с ограничением наднациональными органами демократии и суверенитета возобладала зависимость национальных экономик от глобальных процессов, имеет место существенная утрата этими экономиками своего национального характера. Это не означало ни формирования единого концептуального видения путей дальнейшего прогрессивного развития (не говоря о сколько-нибудь завершенной теории эволюционных преобразований общества, а тем более возникновения иного социального порядка), ни линейности, ни прозрачности огромного многообразия составляющих ее перемен. При этом каждая страна старалась выстраивать свою «оптимальную траекторию развития»⁴⁵⁴. Однако все более возрастает ее неизбежная зависимость от состояния мировой эко-

номики. Кризис глобальной экономики влечет за собой и кризис экономики стран региона.

В прогрессирующем процессе глобального мироустройства в настоящее время четко обнаружилось вариативные «геоэкономические системы», или «страны-системы» (США, Евросоюз, Большой Китай и др.) – как политико-экономические центры силы с тенденцией к глобальному охвату. Идущие в них процессы наполняются различным содержанием. Одни (ЕС) интегрируют широкий круг «переходных государств» при помощи вложения инвестиций, другие «прибирают к рукам» чужие сырьевые ресурсы или отрасли промышленности (Китай), третьи подчиняют другие страны военно-политически (США).

Интеграция стран ЦВЮВЕ в НАТО и ЕС отвечала геоэкономическим планам последних – стать сильнее, побольше по территории и населению, по экономическому потенциалу, чтобы укрепиться в качестве одного из мировых центров силы. Сами эти страны присоединились или хотят присоединиться к тому центру силы – ЕС, с которым они связывают перспективы своего дальнейшего развития. При включении в процесс системной трансформации решающим для постсоциалистических государств было сознательное, по выбору, либо полупринудительное, вместе с соседями, попадание в сферу модернизационного и политического влияния именно этого центра силы. Правда, вначале наиболее важным казался выбор одной из стратегий преобразования – «шоковой терапии» либо градуализма.

Развернувшаяся почти одновременно во всем регионе, системная трансформация во всех ее элементах осуществлялась на практике каждой страной по-своему, разными темпами и методами, как сумма самых различных явлений и частичных процессов, при различной очередности преобразований. В результате она привела к весьма отличающимся результатам, к разнообразным вариантам уровня экономического, политического и социального развития. Но суть была одна – создание демократического правового государства, гражданского общества, рыночной экономики. Без этого они не были бы приняты в ЕС.

Индекс трансформации германского Фонда Бертельсмана с учетом наиболее широкого круга показателей прогресса в процессе трансформации в различных сферах системных преобра-

зований (экономических, правовых, политических и социальных) ранжирует страны региона Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы (ЦВЮВЕ) по итогам 2007 г. в такой очередности: Чехия, Словения, Венгрия, Словакия, Польша, Хорватия, Болгария, Румыния, Македония, Черногория, Сербия (Косово не выделено), Албания, Босния и Герцеговина. Таким образом, впереди находятся страны Центрально-Восточной Европы. Согласно данным американской организации «Фридом хауз», оба субрегиона – Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа – так же бесспорно разделяются, только Чехия и Словения в начале перечня меняются местами, а из стран ЮВЕ в которой далеко не всегда четко выявлена специфика перемен и они аргументировано классифицируются, Хорватия опережает Болгарию и Румынию, Македония и Черногория – Сербию, Македония – Албанию⁴⁵⁵. Хотя оба субрегиона по сравнению с началом 90-х гг. сближаются, существенные различия остаются. В ЦВЕ трансформация по ряду важнейших показателей завершена, хотя институты демократии и рынка не функционируют столь эффективно, как в странах «старой» Европы. Членство этих стран, а также Болгарии и Румынии в Евросоюзе будет способствовать дальнейшему совершенствованию деятельности этих институтов. В других странах ЮВЕ трансформация продолжается, хотя этот процесс также стал необратимым.

Первый общий вывод, касающийся перемен в странах ЦВЮВЕ, гласит: раньше или позже становящаяся всеобъемлющей системная трансформация изначально кристаллизовалась на основе возврата к базовому соотношению экономики и политики на национальном уровне. Он был призван положить конец функционированию политической и экономической системы смешанного типа, подчиняющего их целям авторитарной (политарной) власти, ее всевластию в рамках центрального планирования и управления экономикой, государством и обществом – конверсии, совмещению и перемешиванию внутрисистемных политических и экономических функций. Реконверсия этих функций, начиная с быстрой перестройки политической сферы, становилась непременным условием перехода к рынку, демократии и основам гражданского общества. Была сделана попытка в ускоренном темпе использовать для этого опыт За-

падной Европы. Этому способствовала ментальность обществ этих стран, их ощущение принадлежности к западной цивилизации и стремление быстро вернуться в Европу.

В этом процессе важная роль принадлежала политике.

На первом этапе именно политические, а не экономические мотивы определяли способ и методы преобразования модели хозяйствования. «В точках бифуркации, – как справедливо полагают супруги Л.П. и Р.Н. Евстигнеевы, – приоритет принадлежит политике, а не экономике. Политический выбор является в этом случае преобладающей формой экономического выбора. Как только общество определит (политически) свои ближайшие приоритеты, экономика выйдет на первое место – начнется золотой век для экономики...». По их мнению, веер вариантов развития изначально возникает внутри экономики, затем имеет место «политическое регулирование в точке бифуркации» и свойства нынешнего «политизированного времени» обеспечивают «золотой век для политиков». За этим следует длительная, основательная перестройка экономики⁴⁵⁶.

Исследование стартовых условий трансформации, различий в уровне экономического развития стран накануне преобразований показало, что имевшую место несинхронность изменений определили не только они. Важную роль в сокращении продолжительности и снижении социальных издержек крушения прежней системы сыграли состояние, темпы и методы трансформации политической системы, более или менее продуманная стратегия осуществления преобразований в этой сфере, политика коренным образом перестраиваемого государства.

Увязка анализа политических трансформаций и трансформации экономической системы, а также социальной составляющей системных преобразований при рассмотрении как общих проблем, так и конкретной практики отдельных стран позволила осуществить весьма продуктивную попытку теоретического обобщения опыта данного региона, приобретенного им за первое двадцатилетие трансформационных перемен. Процесс демократизации политической сферы идет как правило быстрее, он носит более далеко идущий характер, чем развитие рыночной экономики, особенно создание полностью развитых структур рынка. Иногда налаживание функционирования демократиче-

ской политической системы на время затрудняет проведение экономической политики, ориентированной на хозяйственный рост. Но в длительной перспективе она поддерживает и облегчает процесс роста, обладая способностью корректировать ошибки в этой области. А поддержка процесса демократизации экономическим ростом, в свою очередь, стимулирует этот рост. Механизм положительной обратной связи в этой сфере стал одним из главных факторов установления и длительного сохранения высоких темпов роста.

Собственно, уже сама подготовка к вступлению в Европейский союз энергично стимулировала преобразование экономики стран региона. Адаптация структур и форм институтов ЕС, правовых основ их функционирования, обязательство применять весь набор нормативно-правовых документов ЕС (*acquis communautaire*) сопровождалась конструированием механизмов их запуска на местах, гармонизацией национальной институциональной системы с общими нормами Евросоюза. В экономической политике усилилась рыночная ориентация, либерализация торговли, рынков капитала и рабочей силы, выработка программ развития, получение значительной финансовой помощи, повышение прозрачности принимаемых решений, сокращение масштабов коррупции и т. д. Быстро стали очевидны преимущества от работы на общем рынке, от получения существенной финансовой помощи и пр. За годы трансформации темпы роста в странах – новых членах ЕС увеличились в среднем в два раза. По данным Евростата, темпы роста производительности труда в промышленности стран Вышеградской четверки только за 2000-2007 гг. превысили на 50-60% среднюю по Евросоюзу. После вступления стран в ЕС объем личного потребления стал расти высокими темпами (инвестиции растут еще быстрее) ввиду увеличения численности занятых, роста реальных зарплат, повышения пенсий, улучшения материального положения фермеров благодаря субсидиям из еврофондов (прежде всего в Польше), увеличения объема денежных переводов (особенно в Польше, Румынии и Болгарии в связи со значительной трудовой миграцией).

Разумеется, о скором достижении этими странами уровня экономически развитых европейских стран говорить прежде-

временно. Решения этой задачи остается делом будущего, поскольку оно связано с преодолением значительного отставания в степени устойчивости экономического и институционального развития, в уровне его эффективности и инновационности. Однако надежда на него сыграла определяющую роль в объединении самых широких кругов общественности региона на проведение как правило весьма болезненных системных преобразований.

В условиях глобализации рыночная экономика не может длительное время эффективно функционировать и бесконфликтно развивать свою международную конкурентоспособность без существования институтов демократического правового государства и гражданского общества. Рынок, в свою очередь, стимулирует политические изменения в сторону демократии. Временами она может мешать реформированию экономики, но в длительной перспективе способствует этому процессу, поскольку она необходима и для того, чтобы цивилизованным способом корректировать крайности свободного рынка и несовершенное действие его механизмов. Демократизация предполагает энергичное включение частного сектора в разрешение кризисных ситуаций и назревших социальных проблем. В постсоциалистических странах она непосредственно связана с процессом экономического роста, хотя нет однозначной, плоской увязки между рынком и демократией, между процессом перехода к рыночной системе и демократизацией. И в демократическом государстве, и в условиях недостатка демократии возможны как постоянный экономический рост, так и длительная депрессия или замедленный рост. И наоборот. Демократизация призвана соблюдать и сохранять амортизирующую роль государства как своеобразной «подушки», смягчать негативные следствия перемен, снимать социальное напряжение, ликвидировать его как угрозу для дальнейших преобразований.

Однако оказывается, что институты ЕС часто модифицируют функционирование национальных политических систем не совсем в том направлении, которое устраивало бы политические элиты региона.

В 2004-2007 гг. влияние членства в Европейском союзе на политическое развитие новых членов, функционирование их

политической системы вопреки ожиданиям явились весьма противоречивым и неоднозначным. Процесс адаптации стран ЦВЕ, Словении, Болгарии и Румынии к требованиям членства в Евросоюзе, а также к функционированию в рамках институтов ЕС проходит медленно и с трудностями.

Трансформации в странах ЦВЮВЕ, тем не менее, оказалось свойственно более или менее успешное решение многоплановой задачи формирования основ демократического устройства практически одновременно с переходом от централизованно планируемой и функционирующей экономики к экономике рыночной, в ряде случаев – оптимальная взаимосвязь между политическими и экономическими изменениями как в отдельных странах, так и на международной арене в условиях происходящих глобальных изменений.

Какой вклад трансформация может внести в дальнейшее развитие глобализирующегося общества? При сложившейся модели глобализации и мирового рынка неолиберального типа, «рационализации без границ» под политическим патронажем США, присутствует традиционная бюджетная экономика стран-сателлитов и «в определенной степени линейный тип глобализации будет повторять модель однополюсного мира: лидер плюс страны-сателлиты». В условиях движения по этому пути мировое сообщество будет монополизировано группой высокоразвитых капиталистических держав.

Спор о путях дальнейшего экономического развития в условиях глобализации ведется, однако, в плоскости не только рационализации хозяйственной деятельности, но и учета широких социально-политических интересов общества в целом, его социального трансформационного потенциала и использования более эффективного механизма участия в глобализации⁴⁵⁷. Считается вероятным и такое направление развития, которое автор, как и коллеги Евстигнеевы, полагает оптимальным: расширяя масштабы и увеличивая системную сложность объектов и субъектов рынка, нелинейная экономическая синергетика внедряется «в общественное сознание и экономическую, политическую и глобальную практику», а «монополизация как система отношений вытесняется и замещается кооперативным взаимодействием государств и/или их союзов»⁴⁵⁸.

Научный анализ многогранного позитивного и негативного опыта решения политических, экономических и социальных проблем в странах региона ЦВЮВЕ, взаимозависимости преобразований в указанных сферах и их влияния на общий ход системной трансформации крайне важен и необходим для оптимизации социальной практики.

Будущее покажет, до какой степени функционирование демократии и рынка в ЦВЮВЕ, в том числе процессы, протекающие в обстановке вступления в Евросоюз все новых стран, ускорят раскрытие новых, гуманных возможностей глобализации, в какой мере стимулируют ее важные структурные и функциональные изменения и, с другой стороны, как проявятся и обогатятся общие закономерности региональных трансформационных процессов, оптимизируются их направления, формы и методы реализации.

Весьма неравномерное, полное противоречий и творческих поисков развитие левых, левоцентристских и социал-либеральных политических структур стран ЦВЮВЕ отражает поиски путей выработки и утверждения социальной модели глобализации, в том числе формирования моделей социального государства, социальной рыночной экономики и т.п.

Пока дальнейшего ускоренного развития процесса демократизации региона в рамках Евросоюза не получается. Не оправдались ожидания, что вступление его стран в ЕС повлечет за собой дальнейшее усиление либерализации и демократизации внутренней политической жизни. Причина этого прежде всего в том, что интеграция постсоциалистических стран с одним из центров силы – Евросоюзом пришлось на период глобализации современного мира под неолиберальным флагом капитализма. По образному выражению известного польского экономиста Г.В. Колодки, в условиях придания абсолютно приоритетного значения стихийным силам рынка и минимализации роли государства и его активной политики их трансформирующиеся экономики «втягиваются в центрифугу глобализации, которая раскручивается при помощи неолиберальных принципов»⁴⁵⁹. Сейчас они в основном преобладают, а на уровне наднациональных экономических отношений достигли подавляющего превосходства. После вступления в ЕС в большинстве стран активизирова-

лись силы, выступающие против углубления политической интеграции и защищающие национальное государство, поэтому нарастают националистические и популистские тенденции. Об этом свидетельствует их весьма критическое, если не сказать негативное, отношение к проекту Конституционного и Лиссабонского договоров ЕС. Эти силы выступают за ослабление связей с Евросоюзом. По сути, их лозунг: быть в ЕС – быть против ЕС. Однако они уже в меньшинстве.

Эпоха проевропейского и прореформаторского консенсуса закончилась. Между тем, глобализация – открытый, незаконченный процесс и она не обязательно должна развиваться в неолиберальном стиле и подчиняться прежде всего интересам американских и других наиболее мощных корпораций и финансовых фирм. В мировом масштабе участие рынка труда в доходах резко сокращается в пользу прибыли капитала, под его транснациональным и глобальным давлением. На национальном уровне, при помощи государства и профсоюзов, этот процесс контролировать все труднее. Об этом и ранее говорили прогнозы ряда крупнейших экспертов. Выход из этого положения возможен тогда, полагает Дж. Стиглиц, когда при помощи ряда важных организационных и институциональных шагов глобализация станет менее спонтанной и хаотичной, будет более рациональной, интегрированной, скоординированной и направляемой⁴⁶⁰. Как прогнозирует Колодко, функционирующая на таких основах, «она должна найти способ подчинить себе частные интересы крупных мировых игроков, в то время как сейчас все происходит совсем наоборот». Человечество все больше осознает, что нельзя полагаться на «невидимую руку рынка», которой на многих пространствах вообще нет, и все будет зависеть от его способности «реорганизоваться и действительно взять свою судьбу в свои руки». Для этого возможно «спастись бегством вперед»: «достаточно только, чтобы соединились определенные явления и тенденции из экономической, культурной и политической области, и ход истории может войти в очередной разворот, оставив позади доминирующий до сих пор мегатренд глобализации»⁴⁶¹.

Дальнейшая координация и интеграция, креативный диалог и построение нового мирового институционального порядка –

это цель, по мнению Колодко, образцом для которой должны стать творческое сотрудничество и координация политики в глобальном масштабе, «подобные тем, какие с тем или иным успехом функционируют в Европейском Союзе»⁴⁶². Этот новый порядок должен, однако, согласно требованиям современной поликультурной цивилизации делегируя полномочия власти наднациональным структурам, региональным интеграционным группировкам и международным организациям, как правительственным, так и неправительственным, «подвергнуться далеко продвинутой демократизации»⁴⁶³.

Решение этих проблем в настоящее время актуально для всего мира и – в особо высокой степени для требующей тщательной расчистки автократических традиций ЦВЮВЕ. Этот регион во все большей степени проявляет готовность не только принять и переварить то позитивное новое, что несет с собой глобализация, но и внести свой творческий вклад в ее масштабное, прогрессивное, демократическое развитие.

Однако на практике нередко эклектически сочетаются черты неолиберальной и левой модели глобализации, сливаются воедино выкладки и той, и другой концепции, когда одновременно действуют факторы внутреннего и внешнего социального, экономического и политического давления, когда тот или другой цивилизационный и избирательный цикл периодически сменяются другим, на смену одной стратегии или текущей политике систематически приходит другая (или ее отдельные элементы), одни групповые интересы заменяются другими. В ходе перемещений политического маятника, постепенно, на новом эмпирическом материале осмысливается опыт долгих поисков в направлении не только политически достижимых и экономически эффективных, но и социально приемлемых решений в этой сфере. В частности, особое значение приобретают новые, современные функции государства, его эффективная, соответствующая требованиям информационного общества и нового качества человеческого потенциала политика в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения, науки и культуры. Соответствие этим требованиям – путь к оптимизации моделей трансформации и глобализации.

П р и м е ч а н и я

Предисловие

¹ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

² Тангян С.А. Неолиберальная глобализация: Кризис капитализма или американизация планеты? М., 2004. С. 29-30.

³ См.: Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. Cambridge, 1979.

⁴ Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М., 2005. С. 117-123.

⁵ Beitz C.R. Political Theory and International Relations. Princenton, 1999. P. 176.

⁶ См.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

⁷ Каллиникос А. Указ соч. С. 140-141.

⁸ См.: Каллиникос А. Указ соч., а также: Альтерглобализм: теория и практика антиглобалистского движения. Ред. А.В. Бузгалин. М., 2003.

⁹ Lewis P.G. The "Third Wave" of Democracy in Eastern Europe: Comparative Perspectives on Party Roles and Political Development // Party Politics, 2001. Vol.7, N 5. P. 544.

¹⁰ См.: Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века. М., 2003; idem. Democracy's Third Wave // Diamond L. and Plattner M.F. (eds.). The Global Resurgence of Democracy. Baltimore, 1993.

¹¹ Potter D., Goldblatt D., Kiloh M. and Lewis P. Democratization. Cambridge, 1997. P.9.

¹² См.: Doorenspleet R. Reassessing three Waves of Democratization // World Politics. 52, April 2000.

¹³ См.: Offe C. Varieties of Transition: the East European and East German Experience. Cambridge, 1996; McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship // World Politics, 2002, 54; Корнаи Я. Великая трансформация: Успех и разочарование // Россия и современный мир, 2006, № 2. С. 12 и др.

¹⁴ См.: Яжборовская И.С. Трансформация общественного устройства в странах Центральной и Восточной Европы // Современная российская политология в контексте глобализации и диалога культур. К XIX Всемирному конгрессу Международной ассоциации политической науки. Дурбан, июнь 2003 г. М., 2003.

-
- ¹⁵ Бальцеревич Л. Социализм, капитализм, трансформация: Очерки на рубеже эпох. М. 1999. С. 153-155; он же. Навстречу ограниченному государству. М., 2007. С. 50.
- ¹⁶ Ср.: Avioustskij V. Les révolutions de velours. Paris, 2006.
- ¹⁷ Gulczyński M. Panorama systemów politycznych świata. Warszawa, 2004. S. 108-109.
- ¹⁸ Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М., 2007. С. 141-142 и др.
- ¹⁹ Kofman J. and Roszkowski. Transformacja i postkomunizm. Warszawa, 1999. S. 173; Życie Gospodarcze. 1994. № 18, 26, 27.
- ²⁰ Колодко Г.В. Проблемы глобализации и перспектив развития пост-социалистических стран // Реформы переходного периода. М., 2005. С. 172, 176.
- ²¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004.
- ²² См.: Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономический рост: либеральная альтернатива. М., 2005.
- ²³ См.: Богомолов О.Т. Мировая экономика в век глобализации. М., 2007 и др.
- ²⁴ Ваганов А. Старт с низкой базы // НГ Наука, 28.03.2007.
- ²⁵ Россия. Модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 28-30.
- ²⁶ См.: Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. М., 1999.
- ²⁷ Ядов В.А. Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып.6. М., 2007. С. 15.
- ²⁸ Фон Бойме К. Теория трансформации – новая междисциплинарная отрасль знания? // Государство и право. 1994. № 7. С. 151.
- ²⁹ См.: Политическая трансформация стран Центральной и Восточной Европы. М., 1997; Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997; Политические элиты в Центральной и Восточной Европе (проблемы переходного периода). М., 1998; Яжборовская И.С. Политологические подходы к проблематике трансформации общественного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие. М., 2001, и др.
- ³⁰ Schmitter Ph. C. Interest Systems and the Consolidation of Democracies // Reexamining Democracy. Newbury Park, 1992; Schmitter Ph. C., Terry Lynn K. The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // Slavic Review. Spring 1994. Vol. 53. №1.

---

³¹ См. подробнее: Вайнштейн Г. Посткоммунистическое развитие глазами западной политологии // *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. № 9. С. 144-149.

³² Brzezinski Zb. *The Great Transformation* // *The National Interest*. Fall, 1993. №33.

³³ См.: Семенов Ю.И. Россия: что в ней случилось в двадцатом веке // *Российский этнограф*. М., 1993. Вып. 20; он же. *Философия истории*. М., 2003; Мейстер В. «Социалистический лагерь»: общество и идеология // http://scepsis.ru/library/print/id_80.html и др.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Изд. 2-е. Т. 28.С. 490-491.

³⁵ Мейстер В. Указ. соч. С.4-5.

³⁶ См.: Ленин В.И. О нашей революции. // *ПСС*. Т. 45. С. 380.

³⁷ Бухарин Н.И. *Теория исторического материализма*. Популярный учебник марксистской социологии. М., Пг., 1924. С.534; он же. *К теории империалистического государства* // *Революция права*. Сб. статей. М., 1925. С. 16-17, 21, 25, 27.

³⁸ Мейстер В. Указ. соч. С.6-7.

³⁹ Семенов Ю. Советское общество – классовое, базирующееся на частной собственности. // http://scepsis.ru/library/print/id_344.html

⁴⁰ Мейстер В. Указ. соч. С.21-23.

⁴¹ Там же. С. 23.

⁴² См.: Бруцкус Б. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // *Экономист*. 1922, № 1, 2, 3; Мизес (Майсес) Л. фон. *Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность*. М., 1993; Шумпетер Й. *Капитализм, социализм и демократия*. М., 1995; Lange O. *O teorii ekonomicznej gospodarki socjalistycznej*. Pisma ekonomiczne i społeczne. 1930 – 1960. Warszawa, 1961; Hayek F.A. *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth*. *Collectivist Economic Planning*. London, 1935 и др. Подробно см.: Бальцерович Л. *Социализм, капитализм, трансформация: Очерки на рубеже эпох*. М., 1999.С. 36-44.

⁴³ Бальцерович Л. *Социализм, капитализм, трансформация*. С. 48-50. 55-60.

⁴⁴ См.: Вайнштейн Г. Посткоммунистическое развитие глазами западной политологии // *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. № 8,9 и др.

⁴⁵ Васович В. Переход к демократии в посткоммунистических странах (парадоксы перехода-демократизации) // *Вестн. Москов. ун-та*. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 2. С. 24.

⁴⁶ См.: Вупсе V. Should Transitologist Be Grounded? // *Slavic Review*. Spring 1995. Vol. 54. №1. Idem. *Comparing East and South* // *Journal of Democracy*.

July 1995. Vol. 6. №3. *Offe Cl. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research. Winter 1991. Vol. 58.*

⁴⁷ См.: Курс переходной экономики, под ред. Л. Абалкина. М.1997; Lavigne M. *The Economics of Transition. From Socialist Economy to Market Economy.* Hampshire and London. 1995; Blanchard O. *The Economics of Transition.* Oxford University Press. 1996; Blanchard O. *The Economics of Post-Communist Transition,* Oxford University Press. New York. 1997; Cornia G.A. *In Search of a Transition Theory // UNU/WIDER Project Meeting „Transition Strategies, Alternatives and Outcomes”.* Helsinki. May 15-17. 1997 и др.

⁴⁸ См.: Haggard St. and Kaufman R.R. *The Political Economy of Democratic Transitions.* Princeton.1995; Ellman M.*The Political Economy of Transformation//Oxford Review of Economic Policy.* 1997. No 13(2); Buchanan J. *Post-Socialist Political Economy.* Cheltenham. 1997; Blanchard O. *The Economics of Transition in Eastern Europe.* Clarendon Press. Oxford.1997; Stiglitz J. E. *Wither Reform? Ten Years of the Transition. . .* и др.

⁴⁹ Васович В. Указ. соч. С. 19. См. также: Шестопал Е.Б. Трансформация российской и восточноевропейской политики // *Вестн. Москов. ун-та.* Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 2. С. 8.

⁵⁰ Бальцерович Л. *Навстречу ограниченному государству.* С. 18, 37.

⁵¹ Там же. С. 27, 34.

⁵² Там же. С. 31.

⁵³ Борьба с коррупцией – первый совместный проект тандема лидеров // *Независимая газета.* 5.03.2008. С.2.

⁵⁴ Przeworski A. *Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America.* Cambridge, 1991. P. 67. См. также: Bova R. *The Political Dynamics of the Post-Communist Transition. A Comparative Perspective // World Politics,* October 1991. Vol. 44. №1; Przeworski A., Limongi F. *Political Regimes and Economic Growth // Journal of Economic Perspectives.* Summer 1993. Vol. 7. №3.

⁵⁵ Gati Ch. *The Mirage of Democracy // Transition.* 1996. 22.03. P.12.

⁵⁶ Васович В. Указ. соч. С. 32-33.

⁵⁷ Gati Ch. *Op. cit.* S.12.

⁵⁸ Гайдар Е.Т. *Экономика переходного периода.*

<http://www.iet.ru/ru/termin-ekonomika-perehdnogo-perioda.html>

⁵⁹ Корнаи Я. Указ. соч. С. 31.

Глава 1

ВЫЗРЕВАНИЕ СИСТЕМНЫХ ПЕРЕМЕН

⁶⁰ Брутенц К.Н. Несбывшееся: равнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 466.

⁶¹ См.: Яжборовская И. 1948 год: Москва. Варшава. Югославский вопрос. М., 1998. С. 48-49.

⁶² Подробно см.: Яжборовская И.С. «Согласовать со Сталиным». Советско-польские отношения и проблемы внутреннего устройства Польши в конце 1943 – начале 1945 г.) // У истоков «социалистического сотрудничества»: СССР и восточно-европейские страны в 1944-1949 гг. М., 1995. С. 57-62, 68-72.

⁶³ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 29,86.

⁶⁴ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. I. Становление «реального социализма». 1945-1965. М., 2000. С.83-85.

⁶⁵ См.: Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы. 1944-1948. Очерки истории. М., 1998.

⁶⁶ Гомулка В. Речь на VIII пленуме ЦК ПОРП 20 октября 1956 г. В-ва, 1956. С. 38-39, 40.

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Т. 20. С. 22. Т. 42, С. 114 и др.

⁶⁸ Бутенко А.П. О скрытых формах изменения социальной природы власти. М., 2004. С. 79-83. См. также: он же. От тоталитаризма к демократии // Россия и Центральная Европа в новых геополитических условиях. М., 1995. С. 110-116 и др.; Система советского типа в Восточной Европе. Осмысление опыта четырех десятилетий. Сб. обзоров и рефератов М., 2001 и др.

⁶⁹ См.: Kołodko G. W. Od szoku do terapii. Ekonomia i polityka transformacji. W-wa, 1999.

⁷⁰ См.: Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006.

⁷¹ См.: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

⁷² См.: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории в двух книгах. Кн. 2. М., 2005.

⁷³ Стыкалин А.С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001. С. 153, 154, 169.

⁷⁴ Бибо И. Конспект. Октябрь 1956 года // Иштван Бибо. О смысле европейского развития и другие работы. М., 2004. С.263-279.

⁷⁵ См.: 1956 год: Российско-болгарские дискуссии. Сб. статей. М., 2008.

-
- ⁷⁶ Райнер Я.М. Имре Надь премьер-министр венгерской революции 1956 года: политическая биография. М., 2006. С. 16.
- ⁷⁷ Между революцией и контрреволюцией (беседа английского политолога Дж. Урбана с бывшим вице-президентом Югославии М. Джи-ласом) // Проблемы Восточной Европы. New Jork. 1989. № 23-24. С.66.
- ⁷⁸ Там же. С. 44.
- ⁷⁹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 538.
- ⁸⁰ Между революцией и контрреволюцией. С. 83.
- ⁸¹ Джилас М. Настоящее и будущее социалистической идеи // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 3. С. 91-93. См. также: Медведев В.А. Распад: Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994. С.245-246.
- ⁸² Куронь Я. Как рухнул «реальный социализм» // Новая Польша. 2004. № 4. С. 7,8.
- ⁸³ Млынарж З. Холодом веет от Кремля. Нью-Йорк. 1998. С. 112.
- ⁸⁴ См.: Friszke A. Polski październik 1956 roku z perspektywy pięćdziesięcioletnia // Polski październik 1956 w polityce światowej. W-wa, 2006.
- ⁸⁵ Мусатов В.Л. Советский Союз и Пражская весна 1948 г. // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2 кн. Кн. 2. М. 2005. С.222
- ⁸⁶ Там же. С. 227, 228.
- ⁸⁷ См.: Ray Larry J. Social Theory and the Crisis of State Socialism: Studies of Communism in Transition. Cheltenham Glos. 1996.
- ⁸⁸ Некипелов А.Д. Очерки по экономике посткоммунизма. М., 1996. С. 73-74.
- ⁸⁹ См.: Кудров В. Рыночная трансформация в странах Центрально-Восточной Европы: к оценке накопленного опыта // Общество и экономика. 2006. № 5. С. 123-125.
- ⁹⁰ И.В. Сталин о Кратком курсе истории ВКП (б) // Исторический архив. М., 1994. № 5. С. 22-26.
- ⁹¹ Брутенц К.Н. Несбывшееся: неравнодушные заметки о перестройке. С. 327.
- ⁹² См.: Popov V., Shmelev N. The Turning Point: Revitalising the Soviet Economy. Doubleday. New York – Moscow. 1990.
- ⁹³ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т.III. Трансформации 90-х годов. Ч.1. М., 2002. С. 19-20.
- ⁹⁴ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М. 2004.
- ⁹⁵ Schaff A. Próba podsumowania. W-wa, 1999. S. 32.
- ⁹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 6.
- ⁹⁷ Социализм: между прошлым и будущим. М., 1989. С. 16.

---

⁹⁸ См.: Бутенко А.П. Неравномерность развития и историческое забегание (Сравнительный анализ развития СССР, России, Китая и Вьетнама). М., 2000. С. 151-155, 215-229.

⁹⁹ Бутенко А.П. Откуда и куда идем. Взгляд философа на историю советского общества. Л., 1990. С. 101-102.

¹⁰⁰ Там же. С. 126-127.

¹⁰¹ Он же. Неравномерность развития. С.121.

¹⁰² Он же. О скрытых формах изменения социальной природы власти. М., 2004. С. 10-11, 39, 52-57.

¹⁰³ Kozarzewski P. Prywatyzacja w krajach postkomunistycznych. W-wa. 2006. S.38.

¹⁰⁴ Ibid. S. 46, 50.

¹⁰⁵ Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М., 1999. С.438.

¹⁰⁶ Koralewicz J, Ziółkowski M. Changing Value System // New Europe. The Impact of the First Decade. Vol.1 Trends and Prospects. W-wa, 2006. S.181-182; Adamski W., Beskid L., Bialecki I. Polacy'81. Postrzeganie kryzysu i konfliktu. W-wa, 1982; Adamski W., Jasiewicz K., Rychard A. Polacy'84. Dynamika społecznego konfliktu i konsensusu. W-wa, 1986. S.722.

¹⁰⁷ Kozarzewski P. Op. cit., S. 36.

¹⁰⁸ Koralewicz J., Ziółkowski M. Op. cit. S. 184-185.

¹⁰⁹ Bauman Z. After the Patronage State: A Model in Search of Class Interests // The new Great Transformation? Change and Continuity in East-Central Europe. L.; N.Y., 1994. P. 16.

¹¹⁰ Ash T.G. Wiosna obywateli. London. 1990. S.42.

¹¹¹ См.: Wnuk-Lipiński E. Social Dimorphism and Its Implications//Crisis and Transition. Polish Society in the 1980s. Oxford-New York-Hamburg, 1987.

¹¹² См.: Внук-Липи́нский Э. «Солидарность», «круглый стол» и общественные процессы в Польше // Мир перемен. 2005. № 3. С. 102-103.

¹¹³ Внук-Липи́нский Э. Указ. соч. С. 99.

¹¹⁴ Monitor Polski, 1987, N 32, poz.245.

¹¹⁵ Kowalik T. Współczesne systemy ekonomiczne, W-wa. 2000. S. 257.

¹¹⁶ J. Mujżel, Przekształcenia własnościowe w Polsce (1990-1992), W-wa. 1993. S. 8.

¹¹⁷ Życie Warszawy. 7.02.1989.

¹¹⁸ См.: Бутенко А.П. О левацких ошибках при переходе к социализму стран с неразвитой экономикой//Проблемы перехода к социализму стран с неразвитой экономикой. М., 1989.

¹¹⁹ См.: Jarosz M. Samorządność pracownicza. Aspiracje i rzeczywistość. W-wa. 1988.

---

¹²⁰ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. III. Ч. I. С. 42.

¹²¹ См.: Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997; Политическая трансформация в странах Центральной и Восточной Европы. М., 1997; Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война: Образование независимых государств. М., 2000; Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М., 2007 и др.

¹²² Виноградов А., Слабынько А. Разные плоды революции: Милован Джилас о судьбах социализма // Новое время. 1990. № 10. С. 17; Джилас М. Югославия: Только на основе сотрудничества // Дружба народов. 1991. № 9. С. 250 и др.

¹²³ См.: Бутенко А.П. О скрытых формах.

¹²⁴ См.: Новопашин Ю.С. Антисоциалистические революции конца XX века // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 93.

¹²⁵ Malewski J., Smuga C. Solidarność dziesięć lat po Sierpniu // Imprekor. Montreui, № 26. S. 9, 30.

¹²⁶ Куронь Я. Указ. соч. С. 9.

¹²⁷ Dryll I. Mentalność po “przejściach” // Nowe Życie Gospodarcze. 2006. № 15. S. 5.

¹²⁸ Бляхер Л.Е. Ключевые метафоры постсоветского политического дискурса («революция») // IV Всероссийский конгресс политологов: Демократия, безопасность, эффективное управление. Тезисы докладов. Москва. 20-22 октября 2006. С. 36-37; Ильин М.В. Соотношение концептов «возвращение порядка» и «установление нового порядка» с терминами «освобождение», «революция», «реформа», «протест», «транзит» и т. п. в политической истории и политической науке // Там же. С. 132-133.

¹²⁹ Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 339-340.

¹³⁰ См.: Некипелов А.Д. Очерки по экономике посткоммунизма. М., 1996; Л.П. Евстигнеев, Р.Н. Евстигнеев. Постсоциалистическая трансформация в контексте современных экономических теорий. М., 1997; Богомолов О.Т.. Моя летопись переходного периода. М., 2000 и др.

¹³¹ См. основные обобщающие коллективные труды ведущих научных коллективов, занимающихся данной проблематикой: Революция 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие. М., 2001; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. III. Трансформации 90-х годов. Ч. I, II. М., 2002; Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX – начале XXI века. Т. I. Преобразования. М., 2005 и др.

¹³² См.: Новопашин Ю.С. Там же.

---

¹³³ Ярузельский В. Уроки истории – не соль на раны: Беседу вел В. Оскоцкий. Рязань. 2000. С. 32.

¹³⁴ См.: Ash T.G. *We the People*. Cambridge, 1990.

¹³⁵ Sztompka P. *Socjologia zmian społecznych*. Kraków. 2005. S. 282-283.

¹³⁶ Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М., 2005. С. 560, 571. Он же. Социология социальных изменений. С. 367.

¹³⁷ Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX – начале XXI века в двух томах. Т. 1. Преобразования. М., 2005. С. 110. См. также: Ehrlich E., Revesz G., Tamasi P. *Kelet-Koper Europa: honnan – hova?* Budapest, 1994; *Transformacé česke společnosti*. 1989 – 1995. Brno, 1996, Kofman J, Roszkowski W. *Transformacja i postkomunizm*. W-wa, 1999; Agh A. *Emerging Democracies in East Central Europe and the Balkans*. Cheltenham, 1999 и др.

¹³⁸ Задорожник Э.Г. История бархатной революции 17 ноября – 29 декабря 1989 г. // Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории. В двух книгах. Кн. 2. М., 2005. С.256-258 и др.

¹³⁹ См.: Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М., 2007.

¹⁴⁰ См.: Хабермас Ю. Догоняющая революция и потребность в пересмотре левых идей. Что такое социализм сегодня? // Хабермас Ю. Политические работы. М.. 2005. С.178.

¹⁴¹ Шульц В.Л. Философия Ю. Хабермаса. М., 2005. С. 48-51. 68, 71 и др.

¹⁴² См.: Habermas J. *Zur Rekonstruktion*. Fr. A. M. 1976. S. 9.

¹⁴³ *Die Zeit*, 29.12.1989.

¹⁴⁴ Хабермас Ю. Указ соч. С. 151-152.

¹⁴⁵ Там же. С. 155-158.

¹⁴⁶ Там же. С. 153, 165-166, 347.

¹⁴⁷ O'Donnell G. *Another Institutionalization: Latin America and Elsewhere*. Notre Dame, 1995. P. 3.

¹⁴⁸ См.: Wnuk-Lipinski E. Is the theory of post-communist transformation possible? // *After Communism*. Warsaw, 1995; Przeworski A. *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge, 1991. P. 67. См. также: Bova R. *The Political Dynamics of the Post-Communist Transition: A Comparative Perspective*//*World Politics*. 1991. Vol. 44, N 1; Przeworski A., Limongi F. *Political Regimes and Economic Growth* // *J. Economic Perspectives*. 1993. Vol. 7, N 3.

¹⁴⁹ Wnuk-Lipiński E. *Socjologia życia publicznego*. Warszawa, 2005. S.43.

¹⁵⁰ *Ibidem*. S. 46-47.

¹⁵¹ См.: Przeworski A. *The Games of Transition* // *Issues in Democratic Consolidation*. Notre Dame – Indiana, 1992; Linz J.J., Stepan A. *Problems*

---

of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore-London, 1996.

¹⁵² Wnuk-Lipiński E. Socjologia życia publicznego. S. 48-51.

¹⁵³ Корнаи Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успех и разочарование // Россия и современный мир. 2006. № 2. С.12, 30.

¹⁵⁴ См.: РАГС. Материалы к презентации монографии Р.А. Белоусова «Экономическая история России: XX век». М., 2006. С. 6.

¹⁵⁵ См.: Кудров В. Указ. соч. С. 167.

¹⁵⁶ См.: Истягин Л. Дихотомия войн и революций в реалиях эпохи глобализации // Альтернативы. 2006. № 2. С.144-145.

¹⁵⁷ Корнаи Я. Указ соч. С. 32.

Глава 2

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

¹⁵⁸ Корнаи Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успех и разочарование // Россия и современный мир. 2006. № 2. С. 31.

¹⁵⁹ Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформация на рубеже веков. М., 2004. С. 28-29.

¹⁶⁰ См.: Корнаи Я. Дефицит. М., 1990; Kornai J. The Socialist System. The Political Economy of Communism. Oxford University Press. 1992.

¹⁶¹ См.: См. Глинкина С.П. Приватизация: концепции, реализация, эффективность. М., 2006. С. 30-38.

¹⁶² Staniszkis J. Postkomunizm: próba opisu. Gdańsk. 2001. S. 31.

¹⁶³ Колодко Г.В. Проблемы глобализации и перспектив развития постсоциалистических стран // Реформы переходного периода. М., 2005. С. 172, 176.

¹⁶⁴ Показатели трансформационной рецессии 1990-2000 гг. см.: Transition. The First Ten Years. Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union. 2002. The World Bank. Washington. D.C. P. 5, показатели роста реального ВВП за тот же период см.: Transition Report Update. May 2002. European Bank for Reconstruction and Development. London. P. 17.

¹⁶⁵ См.: Kornai J. Anty-Depression Cure for ailing Postcommunist Economies // Transition, vol. 4(1), February 1993; idem. Transformational Recession: A General Phenomenon Examined through the Example of Hungary's Development // Economie Applique. 1993, № 46(2).

¹⁶⁶ Falkinger J., Jaski K., Podkaminer L. Polityka fiskalna w warunkach transformacji. W-wa, sierpień 1995. Z. 231. S. 18.

---

¹⁶⁷ Transition Report Update. May 2002. European Bank for Reconstruction and Development. P.18.

¹⁶⁸ См.: Илларионов А. Курс экономического упадка России // Известия, 11.12.1996 г.; он же. Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. 2000. № 1.

¹⁶⁹ Wagener H.-J. Economic Thought in the Communist and Post-Communist Europe. London, 1998. P.26.

¹⁷⁰ Глинкина С.П. Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций. М., 2008. С.5.

¹⁷¹ Brzeziński Z. Bezład. W-wa, 1997. S.144.

¹⁷² См.: Глинкина С.П. Методология многоуровневого анализа. С. 8-10.

¹⁷³ См.: Åslund A., Boone P., Johnson S. How to Stabilize: Lessons from Post-Communist Countries // Brookings Papers on Economic Activity. 1996. № 26(1); Harvej D. Neoliberalizm: Historia katastrofy. W-wa, 2008. S.115-122.

¹⁷⁴ Бузгалин А.В. Частная собственность устарела // <http://www.alternativy.ru/node/21>.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Пивоваров Е.С. Зачем России Академия наук // Россия и современный мир, 1998 № 4, стр. 28.

¹⁷⁷ См.: Privatisation Processes in Eastern Europe. 1993; Megginson W. E., Netter J. M. From State to Market: A Survey of Empirical Studies on Privatisation // Journal of Economic Literature. 2001, № 39(2).

¹⁷⁸ Winston C. Economic Deregulation: Days of Reckoning of Microeconomics // Journal of Economic Literature. September 1993; Noga A. Teoretyczne podstawy przekształceń własnościowych // Przekształcenia własnościowe w Polsce (1990-1992). Dostosowania do struktur własnościowych Unii Europejskiej. W-wa, 1999. S. 32-34 и др.

¹⁷⁹ См.: Balcerowicz L. Rola i miejsce nauki w procesach transformacji. Referat. Konferencja PAN 28 maja 1999 г.

¹⁸⁰ См.: Капелюшников Р. Экономическая теория прав собственности (методология, основные понятия, круг проблем). М., 1990.

¹⁸¹ Pajestka J. Prolegomena globalnej racjonalności człowieka. W-wa, 1983; Szymański W. Czy globalizacja musi być irracjonalna? W-wa, 2007.

¹⁸² Chołaj H. Wstęp do teorii transformacji. W-wa, 2000. S. 23.

¹⁸³ Федоренко П. Н. Вспоминая прошлое, заглядываю в будущее. М.1999. С. 472. См. также: Курс переходной экономики. М.,1997; Попов Г. Будет ли у России второе тысячелетие. М.,1998.

¹⁸⁴ См.: Бутенко А. Неравномерность развития и историческое забегание. М., 2000.

---

¹⁸⁵ Бутенко А.П. О скрытых формах изменения социальной природы власти. М., 2004. С. 76-77.

¹⁸⁶ См.: Lipton D., Sachs J., Summers J. Privatization in Eastern Europe: the Case of Poland. Washington. 1990.

¹⁸⁷ См.: Nuti D.M. Lessons from Stabilization and Reform in Central Eastern Europe // The Working Paper. Council of European Community, Brussels, May 1992.

¹⁸⁸ См.: Williamson J. Democracy and the „Washington Consensus” // World Development. 1993. № 21(8.). P. 1329-1336; idem. The Washington Consensus Revisited // Economic and Social Development into the XXI Century. Inter-American Development Bank, Washington. 1997.

¹⁸⁹ Williamson J. In Search of a Manual for Technopols // The Political Economy of Policy Reform, Institute for International Economics. Washington. 1994. P. 26-28.

¹⁹⁰ См.: Baumol W.J., R.R. Nelson, Wolf E.N. (ed.), Convergence of Productivity, N.Y., 1994.

¹⁹¹ См.: Pezzey J. Economic Analysis of Sustainable Growth and Sustainable Development // Environment Department Working Paper // 1989 No 15, The World Bank, Washington.

¹⁹² См.: Kołodko G.W. Od szoku do terapii. Ekonomia i polityka transformacji. W-wa, 1999; Никитенко П.Г. Модель устойчивого социально-экономического развития Беларуси: проблемы формирования и эволюции. Минск, 2000 и др.

¹⁹³ North D.C. The Contribution of the New Institutional Economics to an Understanding of the Transition Problem // WIDER Annual Lectures. № 1. March 1997. United Nations University. Helsinki. P. 5.

¹⁹⁴ См.: Kołodko G. W. Od szoku do terapii; Poliński R. Prawidłowości transformacji systemów ekonomicznych. W-wa, 2003.

¹⁹⁵ См.: Partnership for Sustainable Global Growth. Interim Committee Declaration, International Monetary Fund, Washington. September 29, 1996.

¹⁹⁶ См.: Smolar A. Dylematy Drugiej Europy // Res Publica. 1991, №1; Bell D. Kulturowe sprzeczności kapitalizmu. W-wa, 1998.

¹⁹⁷ См.: Reich R. The Future of Success. Work and Life in New Economy. Vintage, 2002.

¹⁹⁸ Stiglitz J.E. More Instruments and Broader Goals: Moving Toward the Post-Washington Consensus // WIDER Annual Lectures, № 2, January 1998, Helsinki; Стиглиц Дж. Мир а последнее десятилетие XX века // Транснациональные процессы: XXI век. М., 2004. С.22-23; его же. Ин-формация и смена парадигмы в экономической науке // Политикам об

экономике. Лекции лауреатов нобелевской премии об экономике. М., 2005. С. 415-416; и др.

¹⁹⁹ См.: Koniec ery liberalizmu. Rozmowa z Johnem Gray'em // Znak. Maj 1992. S. 104-109; Oblicza liberalizmu: Berlin I., Gray J., Lakes J. i Raz J. w rozmowie z B. Polanowską-Sygułską. Kraków, 2003.

²⁰⁰ См.: Murrell P. Conservative Political Philosophy and the Strategy of Economic Transition // East European Politics and Societies. 1992. Т. 6, № 1.

²⁰¹ Galbraith J. K. Nie ma klasycznego kapitalizmu // Odra. 1991. №2. S.15-17.

²⁰² См.: Dahrendorf R. Rozważania nad rewolucją w Europie. W-wa, 1991; см. также: Гринберг Р. Уроки рыночных преобразований в постсоциалистических странах // Мир перемен. 2004. № 1; Staniszkis J. Władza globalizacji. W-wa, 2003.

²⁰³ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономический рост: либеральная альтернатива. М., 2005. С.63-66.

²⁰⁴ Блинов А., Волошин О. Глобализация приходит через сериалы // Эксперт Украина», № 25, 23.06.2008.

²⁰⁵ Kowalik T. Współczesne systemy ekonomiczne. W-wa. 2000. S.257.

²⁰⁶ Цит. по: Цит. по: Kowalik T. Intelktualne źródła zmian systemowych w Polsce // Transformacje systemowe w Polsce i krajach postkomunistycznych: Studia i rozprawy. Pułtusk, 2006. S. 45.

²⁰⁷ Ibid., S. 76.

²⁰⁸ См.: Глинкина С.П. Приватизация: концепции, реализация, эффективность. М.: Наука, 2006; Центрально-Восточная Европа на пути в Евросоюз // Новая и новейшая история. 2007. №3.

²⁰⁹ См.: Sachs J. Poland's Jump to the Market Economy. Cambridge.1993; idem. The Transition at Mid Decade // American Economic Review Paper and Proceedings.1996. No. 86 (2).

²¹⁰ См.: Left turn? // The Economist. June 13, 1998.

²¹¹ См.: Soros G. The Capitalist Threat // The Atlantic Monthly. February 1997.

²¹² Цит. по : Каллиникос А. Указ соч. С. 140-141.

²¹³ См.: Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М. 2000; Nove A. The Economics of Feasible Socialism. London, 1983; Blackburn R. «After the Crash». New Left Review. 1991(I) № 185.

²¹⁴ George S. «Clusters of Crisis and a Planetary Contract». Sand in the Wheels, 21.11.2001// www.attac.org.

²¹⁵ Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М., 2005. С. 96-97, 153, 161.

²¹⁶ Там же. С. 161,162.

²¹⁷ См.: Поланья К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. Спб., 2002.

-
- ²¹⁸ Democracy and Economic Planning. Cambridge, 1988. Pp. 109-110, 189, 191, 210, 248; см. также: Adaman F. and Devine P. On the Economic Theory of Socialism // *New Left Review*. 1997(I). №221.
- ²¹⁹ Каллиникос А. Указ соч.С.134-135.
- ²²⁰ Там же. С. 153, 154-155.
- ²²¹ Там же. С. 117–123.
- ²²² Beitz C.R. *Political Theory and International Relations*. Princenton, 1999. P. 176.
- ²²³ Harvej D. Neoliberalizm: Historia katastrofy. S. 276-280.
- ²²⁴ Alesina A., Roubini N., Kohen G. *Political Cycles and the Macroeconomy*, Cambridge. 1997; W. E. Megginson, J. M. Netter, *From State to Market. Op. cit.; Transition. The First Ten Years. Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union*. The World Bank 2002. Washington, P.XXVIII.
- ²²⁵ Сравнительный анализ становления частного сектора в экономике постсоциалистических стран подробно см.: Глинкина С.П. *Приватизация: концепции, реализация, эффективность* М., 2006. Гл. 3.
- ²²⁶ См.: Czekaj J., Włodarczyk W. *Charakterystyka metod i przebieg prywatyzacji w Polsce w latach 1990-1997 // Przekształcenia własnościowe w Polsce (1990-1992). Dostosowania do struktur własnościowych Unii Europejskiej*. W-wa, 1999.
- ²²⁷ См.: Poliński R. *Leasing pracowniczy jako metoda prywatyzacji przedsiębiorstw państwowych // Ekonomika i Organizacja Przedsiębiorstwa*. 1997, №4.
- ²²⁸ См.: Borish M, Noel M. *Privatisation in the Visegrad Countries: A Comparative Assessment // World Economy*. March 1997.
- ²²⁹ Ibidem. S. 58-60; см. также: Dahrendorf R. *Op. cit.*
- ²³⁰ См.: Козаржевский П. *Самоуправление трудовых коллективов в условиях экономической реформы // Польша. Актуальные проблемы общественного развития*. М., 1989; Kozarzewski P. *Elity kierownicze spółek pracowniczych. Własność-zarządzenie-świadomość*. W-wa, 1999.
- ²³¹ Дискуссион. Путь в Европу: Чехия // http://www.liberal.ru/sitan_print.asp?Rel=215.
- ²³² См.: *Slovenia: From Yugoslavia to the European Union*. Washington, 2004.
- ²³³ Подробно см.: Глинкина С.П. *Приватизация: концепции, реализация, эффективность*. С. 30-39, 70-97 и др.
- ²³⁴ *Transition. The First Ten Years*. P. 6.
- ²³⁵ *Transition Report Update*. May 2002. European Bank for Reconstruction and Development. P. 17.

-
- ²³⁶ Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформация на рубеже веков. С. 251.
- ²³⁷ Staniek Z. Teoretyczne aspekty polskiej prywatyzacji w okresie transformacji. 2001, W-wa. S.179-182.
- ²³⁸ См.: Noga A. Mikroekonomiczne rezultaty prywatyzacji // Przekształcenia własnościowe w Polsce.
- ²³⁹ См.: Mitra P. Innovation, Inclusion and Integration.
- ²⁴⁰ См.: Славянов А. Влияние прямых иностранных инвестиций на развитие стран с переходной экономикой // Инвестиции в России. 4.08.2008, Зеркало недели, № 5,10-16.02.2007.
- ²⁴¹ См.: Kozarzewski P. Prywatyzacja w krajach postkomunistycznych. W-wa, 2006.
- ²⁴² См.: Staniszkis J. Władza globalizacji.
- ²⁴³ См.: Staniszkis J. Postkomunistyczne państwo: w poszukiwaniu tożsamości. W-wa, 2000.
- ²⁴⁴ Staniszkis J. O władzy i bezsilności. W-wa, 2006. S. 170.
- ²⁴⁵ eadem. Postkomunizm. S. 250.
- ²⁴⁶ Ibidem. S. 211-213.
- ²⁴⁷ Ibidem. S. 156.
- ²⁴⁸ Staniszkis J. O władzy i bezsilności. S. 220-221.
- ²⁴⁹ eadem.. Kryzys państwa. Wypowiedź na spotkaniu 30. X. 2003 r. // www.prezydent.pl.
- ²⁵⁰ Бальцерович Л. Навстречу ограниченному государству. М., 2007.С.16.
- ²⁵¹ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008. С. 178-181.
- ²⁵² См.: Stiglitz J.E. More Instruments and Broader Goals.
- ²⁵³ См.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
- ²⁵⁴ Бальцерович Л. Навстречу ограниченному государству. С. 27, 34.
- ²⁵⁵ См.: The State in a Changing World, World Development Report 1997, Oxford University Press for the World Bank, Washington.
- ²⁵⁶ Ibid.
- ²⁵⁷ См.: Kornai J. From Socialism to Capitalism: What is meant by the Change of System? // Paper, No 4, June 1998, London.
- ²⁵⁸ См.: Alesina A., Roubini N., Cohen G. Political Cycles and Macroeconomy.
- ²⁵⁹ Tanzi V. Reconsidering the Fiscal Role of Government: The International Perspective // The American Economic Review, No 87 (2), May 1997. P.164-168.
- ²⁶⁰ Шарипов М.А. Допуск зарубежного капитала в банковскую систему в странах с переходной экономикой // Прайм-ТАСС, 4.08.2008.

-
- ²⁶¹ См.: Elster J., Offe C., Preuss U. K. Institutional Design of Postcommunist Societies, Cambridge University Press, NY 1998; Megginson W. E., Netter J.M., From State to Market; Johnson S., Mc Millan J., Woodruff C. Entrepreneurs and the Ordering of Institutional Reform – Poland, Slovakia, Romania, Russia and Ukraine Compared // Economics of Transition. 2000, N 8(1) и др.
- ²⁶² Transition Report 2004. EBRD. Infrastructure. London, 2004. P. 38.
- ²⁶³ Jarosz M. Nie tylko kłopoty z transformacją. Jaka Polska? // Polska. Ale jaka? W-wa, 2005. S. 321.
- ²⁶⁴ Кудров В. «Тигры» старые, тигры «новые» и мы: Инновационность и конкурентоспособность российской экономики в современном мире // Независимая газета. 29.08.2006.
- ²⁶⁵ Harvej D. Neoliberalizm: Historia katastrofy. S. 209.
- ²⁶⁶ См.: Mitra P. Innovation, Inclusion and Integration: From Transition to Convergence in Eastern Europe and the Former Soviet Union. The World Bank. Washington. 2008.
- ²⁶⁷ См.: Глинкина С.П. Методология многоуровневого анализа; Нестеренко А. Переходный период закончился. Что дальше? // Вопросы экономики. 2000. № 6; Капелюшников Р. Где начало того конца? (К вопросу об окончании переходного периода в России // Вопросы экономики. 2001. № 1; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997 и др.
- ²⁶⁸ Паньков В. Постсоциалистические страны – члены ЕС: конец трансформации? // Мир перемен. 2005. № 2. С. 124-125.
- ²⁶⁹ Там же. С. 129, 130.
- ²⁷⁰ Kozarzewski P. Pułapki niedokończonych reform // Polska. Ale jaka? S. 289-291.
- ²⁷¹ См.: Полтерович В. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.
- ²⁷² Kozarzewski P. Pułapki niedokończonych reform. S. 308.
- ²⁷³ Ibid. S. 309-310.
- ²⁷⁴ Kozarzewski P. Prywatyzacja w krajach postkomunistycznych. S. 295.
- ²⁷⁵ См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

²⁷⁶ European Council. (Presidency Conclusions). Press Release SN 100/00. Lisbon.2000. 20 March.

²⁷⁷ См.: Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М., 2007. Гл. 2,5.

²⁷⁸ Григорьева Н.С. Социальные потребности и социальная политика: роль международных организаций в реформе социальной сферы стран с переходной экономикой: Модели системной трансформации и социальная цена реформ. С. 323-327.

²⁷⁹ См.: Wojnicki J. Zróżnicowanie przeobrażeń ustrojowych w Europie Środkowo-Wschodniej //

Transformacje systemowe w Polsce i krajach postkomunistycznych: Studia i rozprawy. Pułtusk. 2006.

²⁸⁰ Domański H. Mechanizmy stratyfikacji i hierarchie społeczne//Wymiary życia społecznego: Polska na przelomie XX i XXI wieku. W-wa, 2007. S. 70.

²⁸¹ Leszkowicz-Baczyński J. Zmiany struktury społecznej w Polsce/ Próba uogólnienia // Transformacje systemowe. S. 378.

²⁸² Marody M. Trzy Polski – instytucjonalny kontekst strategii dostosowawczych // Ibidem. S. 278-279, 283, 286-287.

²⁸³ Вен Х.-И. Старые и новые элиты в молодых демократиях // Мир перемен. 2006. № 4. С. 118.

²⁸⁴ См.: Szelenyi Sz., Szelenyi I., Kovach I. Sfragmentoryzowane elity węgierskie: krążenie w polityce, reprodukcja w gospodarce // Elity w Polsce, w Rosji i na Węgrzech: Wymiana czy reprodukcja? W-wa, 1995. S.90.

²⁸⁵ Ibidem. S.92.

²⁸⁶ Ibidem. S.100.

²⁸⁷ Jasiński K. Elita biznesu w Polsce: drugie narodziny kapitalizmu. W-wa, 2002. S.143, 144.

²⁸⁸ Szelenyi I. Wnioski // Elity w Polsce, w Rosji i na Węgrzech. S. 195-196.

²⁸⁹ Цит. по: Kowalik T. Intelktualne źródła zmian systemowych w Polsce // Transformacje systemowe w Polsce i krajach postkomunistycznych: Studia i rozprawy. Pułtusk, 2006. S. 39.

²⁹⁰ Komunikat CBOS 187/2002.

²⁹¹ Волкер А. Принципы и развитие европейской социальной модели // Мир перемен. 2008, № 1. С. 81.

-
- ²⁹² Глинкина С.П., Чубарова Т.В. Системная трансформация и социальная цена реформ: Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). М., 2006. С. 11.
- ²⁹³ Rzeczpospolita. 24.04.1992.
- ²⁹⁴ Глинкина С.П., Чубарова Т.В. Указ. соч. С. 14.
- ²⁹⁵ Okólski M. Przemiany ludnościowe we współczesnej Polsce w perspektywie minionego stulecia // Wymiary życia społecznego. S.50-51.
- ²⁹⁶ Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформация на рубеже веков. С. 284; МОТ: <http://laborsta.ilo.org/cgi-bin/brokerv8.exe>
- ²⁹⁷ См.: Гульчинский М. Левые силы перед лицом новых социальных вызовов // Мир перемен. 2005. № 5. С. 108-111.
- ²⁹⁸ См.: Wykluczeni: Wymiar społeczny, materialny i etniczny. W-wa, 2008.
- ²⁹⁹ Kabaj M. Bezrobocie w III Rzeczypospolitej // Polska. Ale jaka? W-wa, 2005. S. 240.
- ³⁰⁰ Ibid. S. 239.
- ³⁰¹ Wnuk-Lipiński E. Socjologia życia publicznego. W-wa, 2005. S. 277-278.
- ³⁰² Kowalik T. Nowy ład społeczny: ani konieczny ani pożądany // Polska przed nowymi problemami. W-wa. 2000. S. 22.
- ³⁰³ Central European Economic Review 1989-1999. P. 58.
- ³⁰⁴ Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформация на рубеже веков. С. 283-288.
- ³⁰⁵ См.: Kofman J. and Roszkowski W. Economic Transformation: New Europe. The Impact of the First Decade. Vol. 1. Trends and Prospects. W-wa, 2006. P. 165-166.
- ³⁰⁶ Dutkiewicz P. and Suchan V. The Twins of Post-Communism and Globalization // New Europe... P.217.
- ³⁰⁷ Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. М. Лето 2002. С.67; Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономический рост: либеральная альтернатива. М., 2005. С.175-177.
- ³⁰⁸ См.: Dahrendorf R. Reflections on the Revolution in Europe. London. 1990.
- ³⁰⁹ Wprost. 26.02.1999.
- ³¹⁰ Jarosz M., Nalewajko E. Konkluzje. Elity jakie mamy // Transformacje. Elity. Społeczeństwo. W-wa, 2007. S. 237.
- ³¹¹ Kozarzewski P. Społeczeństwo i elity o transformacji // Transformacje. Elity. Społeczeństwo. S.51-52.
- ³¹² Махонин П. Кристаллизация социального статуса и постсоциалистическая Рансформация // Восточноевропейские исследования. 2005. № 1. С. 78-79.

---

³¹³ Smart Money № 9. 15.05.2006.

³¹⁴ См.: Макаренко Б.И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации // Полития. 2008, №3. С. 123.

³¹⁵ Здесь и далее: Dryll I. Mentalność po “przejsiach” // Nowe Życie Gospodarcze. 2006. № 15. S. 5-8.

³¹⁶ Новая Польша. 2006. № 2. С. 6; Gazeta Wyborcza. 23.12.2005.

³¹⁷ Kołodko G. W. Od szoku do terapii. Ekonomia i polityka transformacji. W-wa. 1999. S. 126.

³¹⁸ См.: Kołodko G.W. Strategia dla Polski. W-wa. 1994.

³¹⁹ См.: Program gospodarczy – główne zadania i kierunki. W-wa. Listopad 1989.

³²⁰ Каргалова М.В. От социальной идеи к социальной интеграции: Становление социальной политики Европейского Союза. М. 1999. С. 271-172.

³²¹ См.: Hemerijck A. The Self-Transformation of the European Social Models // Why We Need a New Welfare State. New York, 2002.

³²² Глинкина С.П., Чубарова Т.В. Указ. соч. С. 16.

³²³ Князев Ю.К. Социальная рыночная экономика – конечная цель рыночных реформ в постсоциалистических странах // Модели системной трансформации. С. 116.

³²⁴ Там же. С. 117.

³²⁵ Там же. С. 121-122.

³²⁶ Там же. С. 124.

³²⁷ Глинкина С.П., Чубарова Т.В. Указ. соч. С. 16.

³²⁸ Цирель С. Ждем 2035 года // Независимая газета, 28.02.2007.

³²⁹ Дегтярь Л.С. Взаимосвязь трансформационных процессов и основных социальных индикаторов (на примере постсоветских государств): Модели системной трансформации. С. 37.

³³⁰ Wnuk-Lipiński E. Op. cit. S.117-119, 121.

³³¹ Linz J.J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post- Communist Europe. NY, 1996. P. 7; Wnuk-Lipiński E. Op. cit. S.121.

³³² Рошко Р. Гражданское общество: попытка историко-социологической рефлексии // Восточно-европейские исследования. 2005. № 1. С. 66.

³³³ Цит. по: Wnuk-Lipiński E. Op. cit. S.125-127.

³³⁴ См.: Globális civil társadalom? A nemzetközi és a külföldi NGO-k szerepe a magyar civil társadalom fejlődésben. “Szerkesztette Szabó Máté. Villanyi úti könyvek, Bp., 2000; Miszlivetz Ferenc: “Közép-Európa a kapuk előtt”. Savaria, Szombathely, 2001; Kozyr-Kowalski S. Socjologia, Społeczeństwo obywatelskie i państwo. Poznań, 2002; Studia z teorii

---

polityki. Tom III. Wrocław, 2000; Демократическое правовое государство и гражданское общество. М., 2005.

³³⁵ Leś E., Nałęcz S. Potencjał ekonomiczny i społeczny sektora non-profit w Polsce: Wybrane wyniki badań międzynarodowych sektora non-profit/Samoorganizacja społeczeństwa polskiego: Trzeci sektor. W-wa, 2002. S. 20-22.

³³⁶ Ibidem. S. 30-31.

³³⁷ Kołodko G.W. Społeczeństwo swego kraju // Przegląd. 2001. № 9. S. 21.

³³⁸ См.: Gliński P., Palska H. Cztery wymiary społecznej aktywności obywatelskiej // Elementy nowego ładu. W-wa, 1997; Kurczewska J., Staszyńska K., Bojar H. Blokady społeczeństwa obywatelskiego: słabe społeczeństwo obywatelskie i słabe państwo//Społeczeństwo w transformacji: Ekspertyzy i studia. W-wa, 1993; Morawski W. Zmiana instytucjonalna. Społeczeństwo. Gospodarka. Polityka. W-wa, 1998.

³³⁹ Miszalska A. Sytuacja demokracji u schyłku wieku – niepokoje globalne, niepokoje polskie // Niepokojąca współczesność. Łódź, 2001. S. 110-111.

³⁴⁰ Bartkowski J. Społeczne determinanty geograficznego rozmieszczenia organizacji pozarządowych w Polsce // Samoorganizacja społeczeństwa. S.35-36.

³⁴¹ Nations in Transit. 2007.

³⁴² Ibidem; Parlagi A.P. Dicționar de administrație publică – București, 2000. P. 107.

³⁴³ Ustawa o działalności pożytku publicznego.

³⁴⁴ Nations in Transit. 2003, 2004.

³⁴⁵ The 2002 NGO Sustainability Index For Central and Eastern Europe and Eurasia // www.usaid.org.

³⁴⁶ Nations in Transit. 2002, 2003; Podstawowe fakty o wolontariacie i filantropii 2000 // badania. ngo.pl S. 3.

³⁴⁷ The NGO. 2000 Substainability Index.

³⁴⁸ См.: Каротерс Т. Помощь Запада становлению гражданского общества в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе // КИВО. 2000. №1.

³⁴⁹ Lessons in Implementations: The NGO Story. Building Civil Society in Central and Eastern Europe and the New Independent States. USAID, October 1999. P. 16.

³⁵⁰ The 2002 NGO Sustainability Index For Central and Eastern Europe and Eurasia.

³⁵¹ См.: Каротерс Т. Указ. соч.

³⁵² The 2000 NGO Sustainability Index; Podstawowe fakty. S. 3,13; www.nonprofit.hu; Samoorganizacja społeczeństwa. S. 66.

³⁵³ Podstawowe fakty o wolontariacie.

---

³⁵⁴ Ibid.

³⁵⁵ Bokajło W. Społeczeństwo obywatelskie: sfera publiczna jako problem teorii demokracji // Społeczeństwo obywatelskie. Wrocław, 2001. S. 59-62.

³⁵⁶ См.: Marciniak P. Ostrożne partnerstwo. Monitoring relacji między samorządem wojewódzkim a organizacjami pozarządowymi (wstępne wyniki badań)//Samoorganizacja społeczeństwa.

³⁵⁷ Marciniak P. Trzeciemu sektorowi potrzebna jest ideologia i dobra legislacja // Ibidem. S. 134-139.

Глава 4. **СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ**

³⁵⁸ См.: Бутенко А.П. От тоталитаризма к демократии // Россия и Центральная Европа в новых политических реальностях. М., 1995. С. 105.

³⁵⁹ Мусихин Г.И. Концептуальные изъяны демократии как проблема глобализации // Полития. 2008. № 2., С.42, 43.

³⁶⁰ См.: Halmaj G. Das Parteienrecht in Ungarn//Parteienrecht in mittel- und osteuropäischen Staaten. Baden Baden, 1993. S.283.

³⁶¹ Konstantinov E. Das Parteienrecht in Bulgaren // Ibid. S. 41.

³⁶² См.: Бутенко А.П. От тоталитаризма к демократии//Россия и Центральная Европа в новых политических реальностях. М., 1995. С. 105.

³⁶³ См.: Становление многопартийности в Восточной Европе в 1990-е годы. М., 1996; Политическая трансформация Центральной и Восточной Европы. М., 1997; Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997 и др.

³⁶⁴ Макаренко Б.И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации // Полития. 2008, № 2. С.116-117.

³⁶⁵ Власть – общество - реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006, с. 184.

³⁶⁶ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века в трех томах. Том второй. От стабилизации к кризису. 1966-1989. М., 2002. С. 66-67.

³⁶⁷ Wnuk-Lipiński E. Socjologia życia publicznego. W-wa, 2005. S. 210.

³⁶⁸ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века в трех томах. Том третий. Трансформация 90-х годов. Ч. 1. М., 2001. С. 83.

³⁶⁹ Linz J.J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore-London. 1996. P. 71-72.

- ³⁷⁰ Кудюкин П.М. О социал-демократии и не только о ней // Европейские левые на рубеже тысячелетий. М., 2005. С. 55.
- ³⁷¹ См.: Яжборовская И. Динамическая стабилизация: Социал-демократическая альтернатива в Польше // Свободная мысль. 1999. №12.
- ³⁷² См.: Польская левая мысль в период подготовки к вступлению в ЕС // Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева. М., 2003.
- ³⁷³ См.: Grabowska M. Podział postkomunistyczny. Społeczne podstawy polityki w Polsce po 1989 roku. W-wa, 2004.
- ³⁷⁴ www.sld.org.pl
- ³⁷⁵ www.gyurcsány.hu
- ³⁷⁶ The Program of the Communist Party of Slovakia // www.kss.sk.
- ³⁷⁷ См.: Задорожнюк Э.Г., Шимов Я.В. Социал-демократия в политической жизни Чехии // Европейские левые на рубеже тысячелетий. М., 2005.
- ³⁷⁸ Slovenský Rozhľad. 2005. С. 8 // www.strana-smer.sk.
- ³⁷⁹ Програма на Българската социалистическа партия // www.bsp.bg.
- ³⁸⁰ Яжборовская И.С. Метаморфозы левых сил в Центральной и Юго-Восточной Европе // Левые в Европе XX века. М., 2001.
- ³⁸¹ См. Митева Л. Квадратура круга реформ в Болгарии // Власть. 1997. № 5.
- ³⁸² См.: Antoszewski A. Partie polityczne Europy Środkowej i Wschodniej. Poznań - Wrocław, 2005.
- ³⁸³ Zakon o sdružování v politických stranách a v politických hnutích // Sbírka zákonů č. 118/1994.
- ³⁸⁴ Ławniczak A. Finansowanie partii politycznych. W-wa, 2001. S. 134.
- ³⁸⁵ Центрально-Восточная Европа... Том третий. Ч. 1. С. 71.
- ³⁸⁶ Wiatr J.J. Europa postkomunistyczna. Przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku. W-wa, 2006. S.171-172, 177-178.
- ³⁸⁷ Fiala P., Holcer J., Mareš M., Pšeja P. Komunismus v České republice: Vývojové, systémové a ideové aspekty působení KSČM a dalších komunistických organizací v české politice. Brno. 1999. S. 103, 115-117.
- ³⁸⁸ См.: Пеге И. Трудная победа Европейского союза на выборах в Чехии // Конституционное право: восточноевропейское обозрение (далее – КПВО). 2002, № 4. С. 62-64.
- ³⁸⁹ www.pkw.gov.pl
- ³⁹⁰ См.: Божоки А. Венгрия: поворот к социал-демократии. С.56-61.
- ³⁹¹ www.gyurcsány.hu
- ³⁹² Виноградов А., Слабынько А. Разные плоды революции. Милован Джилас о судьбах социализма // Новое время. 1990. № 10. С. 17;

Джилас М. Югославия. Только на основе сотрудничества // Дружба народов. 1991. № 9. С. 251 и др.

³⁹³ Макаренко Б.И. Консолидация демократии: детские болезни постсоветских государств // Полития. 2002/2003, № 4.

³⁹⁴ Он же. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации. С. 122.

³⁹⁵ 2008 Rankings by Regime Type // Nations in Transit 2008.-
www.freedomhouse.hu.

³⁹⁶ Brodziński W. System konstytucyjny Węgier. W-wa, 2003. S. 30; Wiatr J.J. Europa postkomunistyczna. Przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku. W-wa, 2006. S. 224.

³⁹⁷ См.: Simon J. Electoral systems and democracy in Central Europe 1990-1994 // International Political Science Review. 1997, № 18. P. 4.

³⁹⁸ См.: Fink Dafner D., Lajh D., Krasovec A. Politika na obmacju nekdanje Jugoslavije. Ljubljana, 2005.

³⁹⁹ К принятию новой Конституции // Пульс планеты. Европа. 9.XI.2006.

⁴⁰⁰ Montenegro 2006. Progress Report, Brussels, Commission of the European Communities. November 8, 2006. P. 11.

⁴⁰¹ Rating and Democracy Score Summary. Nations in Transit 2008 // www.freedomhouse.hu.

⁴⁰² См.: Гл. II. Становление правового государства. От политического плюрализма к консолидированной демократии // Центрально-Восточная Европа...Том третий... Ч. I. М., 2002. С. 70-94; Nowe ordynacje wyborcze Bułgarii, Czechosłowacji, NRD, Rumunii i Węgier: Materiały prawno-porównawcze. W-wa, 1990; Transformacja ustrojowa państw Europy Środkowej i Wschodniej. W-wa, 1996; Dziemidok-Olszewska. Instytucja prezydenta w krajach Europy Środkowej i Wschodniej. Lublin, 2003.

⁴⁰³ См.: Instytucja prezydenta we współczesnym świecie. Materiały na konferencje Warszawa – Senat RP. 22-23 lutego 1993. W-wa, 1993; Konstytucyjne systemy rządów. W-wa, 1997; Postcommunist Presidency. Cambridge. 1997; Buromensky M.V. The Status of the President in the System of Executive Power in the States of Central and Eastern Europe. Lublin, 2001.

⁴⁰⁴ Skotnicki K. Instytucja prezydenta w konstytucjonalizmie czechosłowackim // Instytucja prezydenta we współczesnym świecie... S. 39-45.

⁴⁰⁵ См.: Čič M., Fogaš L. Demokrattyký character ústavy SR z roku 1992 // Ústava Slovenskej Republiky. Bratislava, 1992.

-
- ⁴⁰⁶ См.: Koudelka Z. Prezydent ve slovenské parlamentni demokracii // Aktuální problémy parlamentarismu. Brno, 1996; Horvát P. Funkcia prezidenta v ústavných systémoch. Bratislava, 2000.
- ⁴⁰⁷ Mojak R. Stanowisko konstytucyjne Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej w Malej Konstytucji 1992 r. // Przegląd Sejmowy. 1993, № 2; Ciapala J. Prezydent w systemie ustrojowym Polski (1989-1997). W-wa, 1999.
- ⁴⁰⁸ Bozoki A. Narodziny nowego ładu politycznego na Węgrzech // Wybory i narodziny demokracji. S. 41-13.
- ⁴⁰⁹ См.: Chruściak R. Zarys przemian polityczno-ustrojowych w Bułgarii (1989-1992) // Bułgaria. Konstytucja Republiki Bułgarii uchwalona 12 lipca 1991 r. W-wa, 1993.
- ⁴¹⁰ Roper S.D. Romania. Amsterdam. 2000. S. 65.
- ⁴¹¹ Monitorul Oficial al României. 21.11.1991. № 233.
- ⁴¹² Макаренко Б.И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации. С.122.
- ⁴¹³ Конституция Республики Словения (23 декабря 1991 г.) // Словения. Путь к самостоятельности: документы. М., 2000. С. 272-274.
- ⁴¹⁴ Narodné noviny. 1990. № 3.
- ⁴¹⁵ Poročilo o izidu volitiv Predsednika Republike // www.dvk.gov.si
- ⁴¹⁶ Одлуку // www.izbori.ba
- ⁴¹⁷ См.: Кынев А.В. Институт президентства в странах Центральной и Восточной Европы как индикатор процесса политической трансформации // Полис, 2002, № 2.
- ⁴¹⁸ Kitscheit H., Mansfeldova Z., Markowski R., Tóka G. Post-communist Party Systems: Competition, Representation and Inter-party Cooperation. Cambridge, 1999. P. 288.
- ⁴¹⁹ Sztompka P. Trauma wielkiej zmiany: Społeczne koszty transformacji. W-wa, 2000. S. 93.
- ⁴²⁰ Marodi M. Od społeczeństwa drugiego obiegu do społeczeństwa obywatelskiego // Studia Socjologiczne, 1999, №4. S. 40, 46.
- ⁴²¹ Nations in Transit 2007. Country Summaries // www.freedomhouse.hu.
- ⁴²² Mlada Fronta - Dnes. 26.II.2005.
- ⁴²³ www.radio.cz (26.I.2005.).
- ⁴²⁴ Czesnik M. Partycypacja wyborcza w Polsce. W-wa, 2007. S. 199.
- ⁴²⁵ Ibid. S. 203.
- ⁴²⁶ Ibid. S. 146-147.
- ⁴²⁷ Wiatr J.J. Europa postkomunistyczna. Op. cit. S. 241-242.
- ⁴²⁸ См.: И.В. Сталин о Кратком курсе истории ВКП (б) // Исторический архив. М., 1994. № 5. С. 22-26.

---

⁴²⁹ Lewis P.G. The "Third Wave" of Democracy in Eastern Europe: Comparative Perspectives on Party Roles and Political Development // *Party Politics*, 2001. Vol.7, N 5. P.543-550; Ágh A. From Nomenclatura to Clientura: The Emergence of New Political Elites // Pridham G. and Lewis P.G. (eds) *Stabilising Fragile Democracies: Comparing New Party System*. London, 1996; idem. *Emerging Democracies in East Central Europe and Balkans*. Cheltenham, 1998; Miller W.L., White S., Heywood P. *Values and Political Change in Postcommunist Europe*. London, 1998; Offe C. *Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe* // *Social Research*, 1991, №58; Schmitter P.C. *The Consolidation of Democracy and Representation of Social Groups* // *American Behavioral Scientist*, 1992, №35; Tóka G. *Political Parties in East Central Europe* // Diamond L. and Plattner M.F. (eds.). *Consolidation the Third Wave Democracies: Themes and Perspectives*. Baltimore, 1997 и др.

⁴³⁰ *Systemy polityczne Europy Środkowej i Wschodniej: Perspektywa porównawcza*. Wrocław, 2006. S. 143.

⁴³¹ *Ibidem*. S. 130.

⁴³² Казанцев А.А. Политическая глобалистика: конфликт интерпретаций и пути его преодоления // *Полития*. 2008, № 2. С. 132-136.

⁴³³ Баталов Э. Наши вечные спутники // *НГ-сценарий*. 23.09.2008.

⁴³⁴ О либерально-консервативных тенденциях на «постсоциалистическом» пространстве подробно см.: *Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее*. Ч. II. М., 2008.

⁴³⁵ *Systemy polityczne Europy Środkowej i Wschodniej*. S. 229.

⁴³⁶ Галкин А.А. Прошлое и настоящее партий правого фланга // *Полития*. 2008, № 2. С. 95.

⁴³⁷ См.: O'Donnell G. *Transitions, Continuities and Paradoxes* // *Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective*. Notre Dame, 1992.

⁴³⁸ См.: Shin Chull Don. *On the Third Wave of Democratization. A Synthesis and Evaluation of Recent Theory and Research* // *World Politics*. October 1994. Vol. 47. P. 143.

⁴³⁹ Linz J.J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore, 1996. P.3.

⁴⁴⁰ Schmitter P. C. *Dangers and Dilemmas of Democracy* // *Journal of Democracy*. April 1994. Vol.5. №2. P. 59.

⁴⁴¹ *Ibid*. P. 61.

⁴⁴² См.: Huntington S.P. *Democracy for the Long Haul* // *Journal of Democracy*. April 1996. Vol.7. №2.

---

⁴⁴³ См.: Яжборовская И.С. Политологические подходы к проблематике трансформации общественного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Революция 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие. М., 2001.

⁴⁴⁴ Подробно см.: Яжборовская И.С. Европейский Союз на путях политической интеграции. М., 2004.

⁴⁴⁵ Staniszkis J. Początek i kres metafizyki państwa // Staniszkis J., Kutz K. W rozmowie z J.S Macem: Dialogi...to nie to...nie tak miało być. W-wa, 2004. S. 196.

⁴⁴⁶ Staniszkis J. Początek i kres metafizyki państwa. S.197-198. См.: также: eadem. Władza globalizacji. W-wa, 2003.

⁴⁴⁷ Кастельс М.. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 501, 502.

⁴⁴⁸ Там же. С. 509.

⁴⁴⁹ Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева. М. 2003. С. 73, 77, 313, 314.

⁴⁵⁰ См.: The Charter of the United Nations. A Commentary. Vol. I, Oxford University Press 2002 P. 83-90.

⁴⁵¹ Lasok D., Lasok K.P.E. Law and Institutions of the European Union. Butterworths, 1994 P. 284-285.

⁴⁵² См.: Тимофеев И.Н. Модели и концепции суверенитета: конкуренция в пространстве и времени. Суверенитет. Трансформация понятий и практик // Полития. 2008, № 3. С. 193-194.

⁴⁵³ См.: Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис.1996, № 5.

Послесловие

⁴⁵⁴ См.: Полтерович В.М. К руководству для реформаторов: некоторые выводы из теории экономических реформ // Экономическая наука современной России. 2005. №1(28). С.7-24; он же. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т.42. Вып.1.

⁴⁵⁵ См.: Bertelsmann Transformation Index 2008//www.bertelsmann-transformation-index.de/filea; Criteria and Methodology // www.bertelsmann-transformation-index.de/filea.

⁴⁵⁶ Евтигнеева Л.П., Евтигнеев Р.Н. Экономический рост: либеральная альтернатива. М., 2005. С. 102, 133-134.

---

⁴⁵⁷ См.: Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Там же. С. 63-69, 94-95, 100, 102-107, 159-164 и др.; Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М., 1991. С.60-61.

⁴⁵⁸ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Там же. С.164-166.

⁴⁵⁹ Kołodko G.W. Wędrujący świat. W-wa, 2008. S.116.

⁴⁶⁰ См.: Stiglitz J.E. Making Globalization Work. N.Y.-London, 2007.

⁴⁶¹ Kołodko G.W. Wędrujący świat. С.120-122.

⁴⁶² Ibid. S. 124.

⁴⁶³ Ibid. S. 345.